Б. В. ГРОМОВ

ОГРАНИЧЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ

«ПРОГРЕСС»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал-полковник Б. В. Громов участвовал в афганской войне пять с половиной лет. Под его руководством был спланирован и осуществлен вывод советских войск из Афганистана. На основе совершенно секретных документов Архива Президента, которые впервые публикуются, Громов анализирует причины ввода 40-й армии на территорию Афганистана, рассказывает о боевых действиях, проблемах и неудачах Ограниченного контингента советских войск.

- Борис Всеволодович Громов
  - От автора
  - Задолго до войны
  - Особая папка
    - В тайниках истории
    - Страна гор
    - Обреченные на победу
    - На фронтах гражданской войны
    - «Мы не можем потерять Афганистан»
    - «БМП посылайте самолетами»
    - «Для ввода войск оснований нет»
    - «Нам не пристало втягиваться в эту войну»
    - «Народ вам этого не простит»
    - «Ничего не жалейте для армии…»
    - Хроника конфликта
    - «Подрывные действия, саботаж и сопротивление»
    - Хроника конфликта
    - «Убедите товарища Амина…»
    - Хроника событий
    - «Газовые бомбы отправлены не будут…»
    - Хроника конфликта
    - Время «Ч»
    - «И, сославшись на поручение…»
    - «Сообщите от имени ЦК»
    - «У Вас неуместный тон, господин президент…»
    - «Желательно не афишировать…»
  - Первая командировка
    - Новое назначение
    - Ташкент — Кабул
    - Первые боевые действия
    - Жаркое лето восьмидесятого

- Декабрь
- Луркох
- Герат
- «Где прикроватные коврики?»
- Усовершенствование оружия
- «Чистки» Герата
- Возле черных гор
- Мухаммед Наби

○ Вторая командировка
- Академия генерального штаба
- Неожиданный звонок
- И снова Афганистан
- «Десант высадить в «зеленой зоне»…»
- Авиакатастрофа
- Панджшер
- За гранью возможного
- Управление огнем
- Ахмад Шах Масуд
- Прикрытие границы
- Спецназ
- Саид Ахмад Гилани
- Непримиримая оппозиция
- Сибхатулла Моджаддеди
- Нужно ставить точку
- В штабе 40-й армии
- Охрана Кабула и аэродромов
- Гульбеддин Хекматияр
- «Кармаль выделывает кренделя…»
- «Следует вступить в переговоры…»
- «Военные методы успеха не принесли»
- Наджиб
- В тупике
- «Последние» дни

○ Третья командировка
- Гродно
- 24 часа
- Главная задача — сохранить людей
- Если русские уйдут…
- Разведка
- Военно-воздушные силы
- Удары по территории Пакистана
- «Голубые береты»
- Медиков знали по именам
- На войну — по контракту

- Пленные
- В афганской «мясорубке»
- По пыльным дорогам
- Бурхануддин Раббани
- Политика национального примирения
- «Магистраль»
- Вывод войск
- Накануне поражения
- «…И сохранение режима может быть гарантировано»
- Опасность для режима сохраняется
- Почему нельзя останавливаться?
- «Тайфун»
- Мы уходим
- Победа или поражение?
- Что дальше?
- Афганистан без советских
- Мост

Борис Всеволодович Громов
Ограниченный контингент

От автора

Советским солдатам, погибшим и выжившим в Афганистане, посвящаю

Громов Б. В.

Великая Отечественная война длилась четыре года. Однако для того, чтобы написать ее полную, а главное, подлинную историю, исследователям не хватило и полувека. Наверное, не меньше потребуется времени и для анализа действий 40-й армии на территории Афганистана, которые продолжались более девяти лет.

Впервые мне предложили написать эту книгу 15 февраля 1989 года, сразу после завершения вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Затем последовало еще несколько подобных предложений. Очевидно, что интерес к событиям афганской войны с годами не ослабевает.

Я внимательно слежу за публикациями о 40-й армии и довольно часто ловлю себя на мысли, что подготовлены они людьми в большей степени пристрастными, чем компетентными. Наверное, правду об афганской войне и о мужестве советских солдат никто, кроме воевавших там, так и не расскажет. Именно это и подтолкнуло меня написать о событиях, в которых я принимал непосредственное участие.

Я признателен военному журналисту Сергею Богданову за сотрудничество в работе над этой книгой.

Задолго до войны

И верь, что родная Волга дала
тебе силы надолго.

Родившись на берегу великой русской реки в самый разгар Великой Отечественной, о страшных годах минувшей войны я знаю лишь по книгам и рассказам. Но судьба распорядилась так, что на мою долю выпало участие в другой, не менее жестокой и трагической, афганской войне.

Моя военная жизнь началась в 12-летнем возрасте. В 1955 году я поступил в Саратовское суворовское военное училище. Это же училище в 1953 году окончил и Алексей, мой старший брат. До сих пор помню чувство зависти и восхищения, с которым я смотрел на его красивую форму.

В суворовском военном училище я получил хорошее образование. У нас работали опытнейшие преподаватели, которые стремились не только дать знания по своим предметам, но и воспитать нас настоящими офицерами.

Помимо школьной программы в расписании были уроки бальных танцев, эстетики, музыки, истории искусств. Но больше всего нам нравились, естественно, военные дисциплины — строевая подготовка, стрельба, занятия на стадионе.

Один день в неделю все в училище говорили только на английском языке. От подъема и до отбоя. Это правило касалось всех — и начальника училища, и суворовца-первогодка. Разумеется, то и дело возникали анекдотичные ситуации. Не каждый преподаватель владел языком, поэтому некоторые из них, в основном пожилые люди, пользовались разговорниками. На первых порах мы тоже по-английски говорили с горем пополам, но чувство юмора нас всегда выручало.

Мне до сих пор непонятно, на каком основании в 1960 году было принято решение о расформировании, а по сути дела, о разгоне нескольких училищ, в том числе и Саратовского, в результате чего в стране осталось только шесть СВУ. Нашу роту перевели в Калинин. Последние два года мы учились там.

Я воспитывался в семье, где главой дома был дед, Дмитрий Федорович Лебедев. Он родился в прошлом веке и прожил ровно 80 лет. Закончил юридический факультет Московского университета. В то время занятия еще проходили в старом здании университета, недалеко от Манежа. Получив образование, он вернулся в свой родной город Кузнецк, что в Пензенской области, и начал работать. Дела его шли неплохо, хотя и зажиточным деда

назвать было нельзя. Юридическая практика позволяла сводить концы с концами. Там же он женился на Елизавете Анатольевне, моей бабушке. Она окончила гимназию в Кузнецке. Оба достаточно хорошо знали французский, что по тем временам не было редкостью в России.

До революции у них появилось два сына и дочь, моя мама.

Я не могу сейчас точно сказать о причине, но в конце тридцатых вся семья переехала в Саратов. К этому времени, в 1935 году, родился мой старший брат, Алексей, а в 1940-м, уже в Саратове, средний — Сергей.

Дед был очень недоволен тем положением, в котором оказался после революции. Прежде всего потому, что, за исключением короткого промежутка времени, был вынужден работать не по специальности. А она ему очень нравилась. И даже когда заходила речь о будущем внуков, он всегда настаивал на том, чтобы мы стали юристами. Тем более что в Саратове можно было получить специальное образование. Сам же он работал, сколько я себя помню, старшим бухгалтером на Приволжской железной дороге. После войны, как и все железнодорожники в то время, он получил воинское звание «младший лейтенант» и постоянно ходил в военной форме.

Насколько я могу судить, в молодости он был довольно высоким и почему-то походил на кавказца, хотя к Кавказу в нашем роду никто отношения не имеет. Носил усы и огромную шевелюру.

Они с бабушкой были страстными театралами. Так что свою любовь к театру я все-таки унаследовал от них. Несмотря на то, что Саратов считают провинциальным городом, в нем работало четыре театра — оперы и балета, драматический, ТЮЗ и кукольный. Каждое лето приезжали на гастроли театры из других городов. Я даже запомнил представления, которые давали актеры Свердловского театра оперетты. Кроме того, в Саратове были цирк и филармония.

Появившееся в то время влечение к театру не мешало нам вести бурную дворовую жизнь. Правда, у меня она проходила под недремлющим оком среднего брата, который не отпускал меня от себя ни на шаг.

Сергей, несмотря на то, что старше всего на три года, всегда был самостоятельным и нес за меня вполне взрослую ответственность. Около двух лет я ходил в детский сад, и он ежедневно меня водил туда. Это было чем-то сродни подвигу, потому что родители не отпускали детей одних даже в школу.

Мы выросли на берегу Волги. Каждое лето строили плоты замысловатых конструкций. Учить Сергей меня пытался

постоянно, даже тому, чего и сам-то толком не умел. Например, как держать молоток и забивать гвозди. Сначала себе по пальцу ударит, разозлится, гвоздь все-таки вобьет, а потом скажет: «Вот так надо делать». Больше всего я обижался, когда старался, помогал, подтаскивал какие-то доски, а в «плаванье» уходили без меня. Да еще брат строго-настрого накажет: «С берега — ни шагу».

Когда моего терпения на все запреты брата не хватало, я от него просто сбегал. К тому времени у меня уже появилась своя небольшая компания. У нас было обычное городское детство послевоенных лет. Мы ходили купаться, играли в футбол и делали все, на что только хватало фантазии. Но одно занятие любили больше всего.

Каждую свободную минуту летом мы проводили на берегу реки. Почти ежедневно возле нашей пристани на сутки-другие швартовались баржи. Они были загружены огромными астраханскими и камышинскими арбузами и оседали настолько, что ватерлиния оказывалась под водой. Пацаны слетались на эти арбузы, как воробьи. Мы незаметно подплывали к барже с противоположной берегу стороны и, помогая друг другу, карабкались наверх.

На каждой барже обязательно сидел сторож с ружьем. Уж не знаю, чем оно у него было заряжено, но два раза он все-таки стрелял, правда, в воздух — жуткая картина. Но на следующий день мы все равно лезли на баржу и таскали эти самые арбузы. Из-за детской жадности в Волгу мы их скидывали множество, но вылавливали не все. У самих уже сил не хватало плыть, а тут еще и арбуз толкать нужно. Но по два-три все же добывали. Домой мы их не приносили, потому что сразу же пришлось бы отвечать на вопрос: откуда? У каждого из нас во дворе был собственный шалаш, в который войти постороннему без приглашения считалось большим грехом. Там мы их и трескали до одурения.

Раза три в неделю мы устраивали походы по крышам. На откосе, спускавшемся к Волге, дома стояли совсем близко друг к другу. Мы легко запрыгивали на крышу первого из них. Имея немного храбрости и используя деревья, по крышам можно было пройти целый квартал. Иногда приходилось прыгать со здания на здание, а ближе к реке их высота становилась все больше. Честно говоря, порой было настолько страшно, что сердце замирало. Самым смелым у нас был Володя Гусев, будущий военный летчик, полковник. Он первым перемахивал через эти пропасти-проемы, а мы уж следом за ним. Грохот стоял по ночам неимоверный. Несколько раз нас пытались поймать, однако все заканчивалось благополучно, если не считать порванных штанов. Но вид Волги и

азарт приключений стоили того.

Наша страсть к высоте однажды чуть не закончилась для меня плохо. Мы с Володей Гусевым пытались влезть на новый тесовый забор, у которого еще не были закреплены столбы. Неожиданно он начал валиться прямо на нас. Я не успел отскочить и оказался придавленным этим забором. Когда трое подоспевших мужчин его наконец-то подняли, их удивлению не было предела — у меня не оказалось ни ссадин, ни ушибов. С тех пор брат считает это событие моим вторым рождением. В Афганистане, к слову, подобных случаев было несколько.

В детстве мы были неразлучны с птицами. В нашей семье существовала традиция: осенью бабушка обязательно покупала щегла. Всю зиму мы ухаживали за птицей и кормили ее. А весной, когда открывались окна, выпускали щегла на волю. Но самыми большими нашими друзьями были, конечно же, собаки. Их мы любили бесконечно, особенно дворняжек. Все мы в то время были, так сказать, щенками, поэтому понимали друг друга без слов.

Любовь к собакам сохранилась на всю жизнь. Даже во время последних двух командировок в Афганистан со мной постоянно была любимица нашей семьи — пудель Лелька.

В школе я проучился четыре года, пока не поступил в суворовское училище. Видя, как занимается старший брат, а бабушка с дедушкой проверяют у него уроки, накануне своего первого учебного года я подальше спрятал новенький портфель, чтобы его никто не нашел. Но портфель все-таки в самый последний момент обнаружили, и 1 сентября я с огромным букетом цветов стоял на торжественной линейке. Обрадовался тому, что в своем классе я знал почти всех мальчишек и девчонок. Кстати, именно тогда я впервые и попал в центральную прессу. Дело было так. На открытие новой школы в Саратов приехал писатель Лев Кассиль, работавший тогда в «Огоньке». Нужно было сделать снимок. Фоторепортеры завели меня в класс, и наша учительница Елена Васильевна сказала: «Изобразите с Тамарой, что вы не хотите сидеть друг с другом». Я отвернулся от девочки, она — от меня. Так в журнале рядом с большой статьей и появилась наша фотография с подписью: «Во втором «Б» классе происшествие. Боря Громов, оказавшись за одной партой с Тамарой Гараниной, ворчит: «Не буду я сидеть с девчонкой…»

В школе я начал активно заниматься спортом. У одного из наших друзей, Бори Епифанова, сестра работала тренером по плаванию. Она-то нас и обучила почти всем стилям плавания. Вставали мы очень рано, в шесть утра, и сразу шли в бассейн. После этого — на уроки. В конце третьего класса я записался в

секцию акробатики. Девятиклассники поднимали меня, единственного малыша, на самый верх какой-нибудь фигуры, и я там делал стойку на руках.

Нашим воспитанием занимался дед. Если бы не он, мы с братом выросли бы другими. Главная заслуга деда была в том, что он нам постоянно — хотели мы того или нет — втолковывал правила хорошего тона. Начиная с поведения дома — уважения к нему лично как к главе семьи, с уважения к женщинам — бабушке и маме. Впрочем, ему это не мешало употреблять порой очень резкие выражения по отношению к тем, кого он считал не совсем честными и умными.

Дед никогда не воспитывал нас с помощью ремня. Но мужское воспитание чувствовалось всегда. С одной стороны, я к нему испытывал огромную любовь, а с другой — побаивался.

В Саратове мы снимали квартиру в большом двухэтажном доме на самом берегу Волги. В одной средних размеров и двух крошечных комнатках жили дедушка, бабушка, мама и мы, двое братьев. Ни ванны, ни туалета, естественно, не было — все «удобства» находились на улице. Сами кололи дрова, топили печь и носили воду. Обходились маленьким умывальником, подвешенным на кухне. Там же — два небольших стола, на одном стоял примус, а на другом — посуда. Вскоре у нас появилась газовая плита — счастье по тем временам необыкновенное.

В большой комнате стоял стол, за которым, не особенно стесняя друг друга, могла уместиться вся семья. Мама работала в райсовете, уходила рано и поздно возвращалась. Как правило, все вместе собирались только на ужин. Каждый раз он сопровождался наставлениями деда — как правильно держать вилку или ложку, как нужно есть первое и второе, о чем говорить за столом…

Если, например, мы шли в кино, то после возвращения домой дед обязательно заставлял нас пересказывать фильм. Позже я понял, что это не было стариковским чудачеством, — таким образом он тренировал нашу память и прививал навыки правильной разговорной речи.

Дед был заядлым преферансистом, других карточных игр просто не признавал. Он был поочередно членом двух «команд». В первой играл два, три или четыре дня — когда как получалось. Заканчивалось все тем, что игроки разругивались «в усмерть», и дед переходил в другую. Там играл опять же три-четыре дня — пока все обиды не забывались. Затем все начиналось сначала.

Играли обычно на кухне, потому что по неписаным законам обязательно нужно было курить: преферанс без курева — это не игра. Садились вечером после работы, и, как правило, карточное действо продолжалось до четырех-пяти часов утра. Особенно

много он играл, когда вышел на пенсию. Умение играть в преферанс я тоже перенял у деда, хотя и не довел свое мастерство до такого совершенства, как он.

Унаследовал я от деда и привычку курить. Это был своеобразный ритуал. Он приходил домой на обед, включал радио — довоенную «тарелку» — и сразу же закуривал. После этого клал дымящуюся папиросу на одну из пепельниц, которые стояли во всех комнатах, и шел мыть руки. Затем в другой комнате опять вставлял папиросу в мундштук и снова закуривал. Каждый день в квартире дымилось одновременно несколько папирос деда.

Я всегда с интересом смотрел на табачный дымок, поднимавшийся сначала ровной струйкой и в конце закручивавшийся спиралью.

Бабушка иногда упрекала деда в том, что он курит в присутствии детей, но это было бесполезно. Да и мы привыкли уже. Причем упрекала она его всегда только на французском языке. Наверное, чтобы мы не поняли. Первый раз я затянулся табачным дымом — хочешь не хочешь, а тянуло — в девять лет. В тот день дедушка был в комнате, бабушка на кухне, а я крутился в другой комнате возле обеденного стола. Давно тянуло, и я решился попробовать. Тем более что папироса уже горела — больше ничего и не требовалось. Я посмотрел по сторонам — никого из старших рядом не было. Насколько помню свои ощущения — гадость неописуемая. Закашлялся, подавившись дымом, во рту появился резкий противный привкус, закружилась голова. Несмотря на то, что дед регулярно прочищал мундштуки специальными приспособлениями, можно представить, что они собой представляли. Таким был первый опыт.

Это единственное, что я унаследовал от деда плохого.

Наше уважение к нему на протяжении всей жизни было настолько велико, что брат, до сих пор живущий в Саратове, бережно хранит все его вещи и по сей день. Среди них и кресло, в котором он обычно сидел за столом. После обеда дед брал газету, разворачивал, принимался читать, ну и, как полагается, через пять минут, уже накрытый ею, засыпал.

Бабушка была очень заботливой, но в том, что касалось воспитания внуков, никогда на мягкость не сбивалась. Всегда проверяла у нас уроки, а для пацанов ничего более страшного не существует. Бабушка очень строго следила за нашим распорядком дня и приучала к пунктуальности. Очень много нам читала, особенно в раннем детстве. Благодаря ей мы все освоили грамоту еще до того, как пошли в школу. Бабушка прожила долго — 93 года. Последние восемь лет она уже не поднималась с постели.

Возле нее до последнего дня был средний брат — Сергей.

Мама, Марина Дмитриевна, человек, для меня святой. Счастья на ее долю выпало мало. Рано потеряла мужа — наш отец погиб на фронте в год моего рождения, в 1943-м. Поэтому все заботы о семье — заработок, продукты, одежда — легли на ее плечи. Мама выполняла чисто мужскую работу — зарабатывала. Кроме нее и дедушки, который в то время, как и все, получал копейки (а потом и вовсе вышел на пенсию), обеспечивать семью было некому. Для нее самым главным в жизни были дети и работа.

Сколько я маму помню, она работала всегда, часто и в воскресенье. В детстве испытывал даже чувство ревности: мне казалось, что она больше внимания уделяет совершенно чужим людям.

Я всегда грущу, вспоминая маму. Как много прекрасного дала ей природа и как мало отпустила времени для того, чтобы насладиться жизнью, счастьем и детьми! Мама постоянно живет во мне как воплощение русской женской красоты и души. В послевоенное время всем жилось трудно. И все-таки редкие выходные обходились без того, чтобы мы не побывали в театре. Причем по пути в театр мама рассказывала о предстоящем спектакле. Поэтому к восприятию того, что происходило на сцене, мы были уже подготовлены.

Старший брат, Алексей, для меня всегда был идеалом, чем-то недосягаемым, как будто из другой жизни. Пожить с ним как братья мы так и не успели. Когда мне было три года, он поступил в суворовское училище. Домой приходил лишь в субботу и воскресенье. Я смотрел на него, на его красивую форму, а сам украдкой прятал штанишки с дырками на коленях — нищета кругом была.

Домой он один не приходил никогда — только вместе с друзьями. Нередко у нас в гостях был Юра Власов, будущий чемпион мира по тяжелой атлетике. К их приходу бабушка готовила шикарный по тем временам обед.

Суворовцы влетали в квартиру с шумом и гамом, всегда веселые и жизнерадостные, сразу садились за стол. Иногда и нас с братом с собой сажали. Но чаще слышалось: «Брысь отсюда — не вырос еще». В основном это адресовалось мне — Сережу они посвящали во все свои суворовские дела. Вместе обсуждали последние новости, преподавателей, а может быть, говорили и про девчонок — не знаю.

Потом они уходили гулять. Обычно шли к себе в суворовское училище на танцы. Не часто, но мы с Сережей тоже туда ходили. Училище располагалось в центре города, и со второго этажа, где

находился актовый зал со старинными колоннами, разносились звуки духового оркестра. Сверкала огромная люстра, в окнах были видны нарядно одетые девушки. Конечно, нас с братом постоянно туда тянуло.

После окончания суворовского Алексей получил распределение в Рязанское пехотное училище. Лейтенантом брата направили в Наро-Фоминск, а затем в Венгрию, где недавно закончился, как тогда писали, «контрреволюционный» мятеж. Домой он писал редко, но и по тем письмам, которые присылал, мы понимали, что служит он нормально, В семье за старшего брата были спокойны. Им гордились.

В 1963 году, когда я уже учился в военном училище в Петергофе, Алексея в сопровождении врача неожиданно привезли из Будапешта. Саркома лимфатических желез. Как нам сказали, он отравился. Оказалось, что в Венгрии ему уже сделали две операции, хотя ни в одном письме он и словом не обмолвился об этом. Состояние Алексея было безнадежным. В Саратов его привезли, чтобы он пожил немного в родных стенах.

Первое время Алексей лежал дома, затем его перевезли в госпиталь. Через полгода, во время моего курсантского отпуска, мы попеременно с Сергеем целые дни проводили в палате возле брата.

Мне уже нужно было уезжать. До училища я добирался два дня. Приехал — лежит телеграмма: Алексей умер.

Со средним братом, Сергеем, у меня сложились такие отношения, которых ни с кем нет и, наверное, не будет. Я с ним не только часто советуюсь, но как бы сверяю правильность своих шагов. В жизни ему пришлось значительно труднее, чем мне. Живя в Саратове, он вынес на себе всю тяжесть семейных трагедий. Сначала умер старший брат. Буквально через год не выдержала мама. Затем дедушка, который был Сергею особенно дорог. Через два года слегла бабушка.

Со временем Сергей женился. У него отличный сын Миша, Михаил Сергеевич, военный хирург, уже есть внучка.

Брат никогда не стремился к «большим высотам». Больше тридцати лет он проработал в НИИ газа и нефти. Я несколько раз предлагал ему помочь подыскать какое-нибудь другое место. Он категорически отказывается — прикипел сердцем к институту.

Сергей в моей жизни всегда был опорой и поддержкой. Именно ему я позвонил из Ташкента глубокой ночью в январе 1980 года. Связь, естественно, была отвратительной. Поговорили мы минут пять, не больше. О многом и ни о чем. Понимая один другого. Он старался меня как-то успокоить: мол, не волнуйся, все будет нормально. Я ему тоже говорил, что все будет хорошо,

не беспокойся. Что Ташкент — город хороший. Что здесь много снега. И что завтра я улетаю в Афганистан.

Особая папка

В тайниках истории

Последние подразделения 40-й армии были выведены с территории Афганистана в середине февраля 1989 года. Нескольких прошедших после этого лет хватило, в частности, для того, чтобы сформулировать политическую оценку участия Советского Союза в афганской войне.

Однако до сих пор неизвестны все обстоятельства, которые повлияли на решение о развертывании 40-й армии. Это тем более вызывает недоумение, что направление боевых частей в конце 1979 года в Афганистан явилось одной из крупнейших внешнеполитических акций Советского Союза за всю его послевоенную историю.

Непосредственные участники уже не расскажут о том, как проходили заседания Политбюро ЦК КПСС, в ходе которых обсуждалось положение в Афганистане. Как принималось решение о вводе войск? Чем руководствовались члены Политбюро? По каким критериям оценивалась складывавшаяся в Афганистане обстановка? Кто в конечном итоге виновен в гибели тысяч советских военнослужащих, не по своей воле оказавшихся в чужой стране и принимавших участие в боевых действиях? На чьей совести резкое обострение конфликта в Юго-Восточном регионе Азии и потеря Советским Союзом своих позиций во внешней политике?

Очевидно, что решения, связанные с урегулированием положения в Афганистане, советское политическое руководство принимало, основываясь на информации, регулярно поступавшей по каналам различных ведомств, в первую очередь Министерства иностранных дел. На Старую площадь стекались доклады партийных и военных советников, офицеров КГБ СССР, находившихся в Афганистане. Активно работали не только информационные, но и аналитические службы.

Насколько их справки, выводы и рекомендации соответствовали реальным событиям, происходившим в Афганистане, в НДПА и в вооруженных силах страны? В какой степени профессионально были спрогнозированы последствия тех или иных действий политического руководства СССР, в частности ввода в Афганистан советских войск?

Наша страна имеет свои традиции. Одна из них заключается в том, что истинная цена тому или иному человеку, политическому деятелю становится очевидной лишь после его смерти, да и то не сразу. Люди неохотно расстаются со своими тайнами. Поэтому я могу предположить, что достоверную

историю принятия решения о вводе Ограниченного контингента советских войск в Афганистан мы узнаем нескоро.

Надеюсь, что усилиями исследователей на многие вопросы рано или поздно ответ будет получен. Сейчас, на мой взгляд, важнее другое: нам нужно суметь сделать выводы из уроков прошлого, учесть ошибки и попытаться избежать их повторения в будущем.

Я не думаю, что документы из бывшего архива Политбюро ЦК КПСС, которые в книге публикуются впервые, нуждаются в пространных комментариях. Стенограммы заседаний Политбюро, записи разговоров и другие материалы, которые долгое время находились под строжайшим секретом, сами являются ярчайшей иллюстрацией к событиям недавнего прошлого.

Страна гор

Афганистан занимает значительную территорию на Среднем Востоке. Общая площадь страны составляет более 647 тысяч кв. км. Все граничащие с Афганистаном государства — Китай, Индия, Иран, Пакистан и бывший Советский Союз — оказали определенное влияние на внутриполитическое положение в стране. Показательно, что именно при поддержке России, правительство которой 27 марта 1919 года первой признало суверенитет и независимость Афганистана, в августе 1919 года был подписан мирный англо-афганский договор. В результате этого страна освободилась от диктата колонизаторов и укрепила свои позиции в мире.

Историю Востока в определенном смысле можно рассматривать как нескончаемую череду заговоров, интриг и дворцовых переворотов. Не стали в этом отношении исключением для Афганистана и последние десятилетия. Правление королевской династии, которая существовала несколько столетий и сумела удержаться даже во время трех ожесточенных войн с англичанами, было прервано усилиями пусть и дальних, но все-таки членов семьи монарха. Летом 1973 года наследник Захир Шах отправился с визитом в Париж, где на третий день своего пребывания узнал о том, что он низложен. Главным организатором переворота оказался принц Мухаммед Дауд — двоюродный брат короля и премьер в его правительстве.

Бескровный захват власти, осуществленный при поддержке антимонархически настроенных офицеров, вполне укладывался в рамки назревавших в Афганистане демократических перемен. С начала 1965 года в стране действовала Народно-демократическая партия Афганистана. У истоков ее образования стояли люди, с которыми спустя полтора десятка лет пришлось вплотную столкнуться и нам.

Однако, как говорят на Востоке, «Аллах все видит»: властью, которая добыта путем обмана и насилия, вечно пользоваться нельзя. Правление Дауда характеризовалось ростом оппозиционных настроений, причиной которых в первую очередь стало резкое падение жизненного уровня, упавшего за короткий срок почти в два раза. С интервалом в несколько недель одна за другой провалились три попытки свержения республиканского режима. Лишь в апреле 1978 года лидеры Народно-демократической партии Афганистана, предварительно морально разложив и перетащив на свою сторону несколько армейских подразделений, сумели захватить власть в стране.

Но, добившись цели, НДПА тоже не смогла избежать раскола из-за жестокой внутренней борьбы. Окончательно сформировавшиеся через два года после учредительного съезда партии крылья «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя») находились в изматывающем противостоянии долгие десятилетия. Фракционная борьба была настолько ожесточенной, что ее не смогли прекратить даже советские партийные советники.

Обреченные на победу

Уже 27 апреля 1978 года перспективы афганской революции были ясны. Генеральный секретарь ЦК НДПА Н. М. Тараки и его сторонники могли быть уверены в том, что им непременно будет оказана помощь со стороны Советского Союза. Несмотря на разногласия внутри только что сформированного правительства и партийную междоусобицу, новый кабульский режим не имел права расстаться с властью по нескольким причинам.

Революция ни в одной стране не могла погибнуть до тех пор, пока существовал Советский Союз. Это в первую очередь касалось тех государств, которые имели общую границу с СССР.

Уверенность Н. М. Тараки в том, что отсталый Афганистан сумеет одним прыжком преодолеть пропасть между дремучим феодализмом и социализмом, о чем он неоднократно заявлял, в определенной степени подогревало желание советского руководства оказать нарождающейся демократии максимальную помощь. Развитие событий в Афганистане должно было еще раз продемонстрировать, что вопреки утверждениям Запада коммунистическая идея не исчерпала своего потенциала.

Поддержка кабульского правительства позволяла советскому руководству попутно добиться нескольких целей. Потерпев неудачу в Иране, Соединенные Штаты были озабочены поиском в Азиатском регионе равноценной замены ему. Таким партнером, при удачном стечении обстоятельств, мог стать Афганистан. Некоторые шаги М. Дауда свидетельствуют о том, что попытки США укрепиться на Среднем Востоке были близки к успеху. Однако апрельские события в Кабуле помешали этому, изменив ситуацию в пользу СССР. Традиционно дружественные отношения, которые поддерживались между нашей страной и Афганистаном, после апреля 1978 года можно было расценивать как стратегическую победу Советского Союза в регионе. Существование просоветского режима в Афганистане, кроме того, должно было явиться весомым аргументом, наглядно показывающим, что притязаниям западных держав на влияние в странах «третьего мира» могут быть поставлены жесткие ограничения.

Несмотря на то что по сравнению с США Советский Союз имел в Иране более прочные позиции, падение шахского режима правления в этой стране грозило расширением исламского фундаментализма. Идея панисламизма в перспективе могла найти значительную поддержку в среднеазиатских республиках СССР. Революционный Афганистан в сложившейся ситуации

становился серьезным препятствием для проникновения подобной идеологии.

До 1978 года правительство Советского Союза имело большой опыт поддержки своих партнеров по социалистическому лагерю. Мы оказывали не только колоссальную экономическую помощь этим странам, но и не останавливались перед применением военной силы. Действия советского руководства во время событий в Венгрии и Чехословакии не принесли ему серьезных осложнений, если не принимать во внимание усилившееся диссидентское движение. Кроме Чехословакии и Венгрии были Куба, Вьетнам и некоторые другие государства, которым СССР оказывал непосредственную или косвенную поддержку. Таким образом, советскому руководству предстояло повторить то, что им уже делалось неоднократно. Отличие заключалось лишь в том, что на этот раз объектом внимания оказалась азиатская страна.

На фронтах гражданской войны

Афганские политические лидеры во многом схожи между собой. Большинство из них — дети состоятельных родителей и начинали свою жизнь в аристократической среде в атмосфере комфорта. Многие учились в одних и тех же колледжах, университетах, поэтому знают друг друга, как говорится, с младых ногтей. Развела в разные стороны и сделала их непримиримыми врагами отчаянная борьба за власть. С этой точки зрения апрельские события в 1978 году можно оценивать, кроме прочего, и как победу одной политической группировки над другой.

Оказавшись у власти, сторонники Н. М. Тараки, объединенные во фракцию «Хальк», были вынуждены вести борьбу на два фронта. С одной стороны, нельзя было допустить удара в спину от своих соратников по НДПА, а с другой — падения революционного правительства под натиском уже сформировавшейся оппозиции.

Весной 1979 года стало окончательно ясно, что в Афганистане полным ходом идет гражданская война.

15 марта в провинции Герат начались антиправительственные выступления, в которых самое активное участие приняли выходцы из пуштунских племен. Мятежников поддержали военнослужащие артиллерийского полка и зенитного дивизиона, дислоцированные в Гератском гарнизоне. Одновременно с территории Ирана производилась переброска беженцев, которые должны были усилить волнения. Мятеж удалось подавить лишь 20 марта. На следующий день был раскрыт заговор в Джелалабадском гарнизоне. По обвинению в антиправительственных действиях было арестовано более двухсот тридцати солдат и офицеров. Эти события фактически поставили под угрозу само существование революционного режима в Кабуле. Они стали предметом обсуждения на самом высоком уровне и в Москве.

«Мы не можем потерять Афганистан»

Члены Политбюро ЦК 17 марта приехали на Старую площадь в неурочный час. Вопрос, который предложил обсудить Брежнев, касался резкого обострения обстановки в Афганистане. «Это не терпит отлагательства, — сказал он, разговаривая из своего кабинета на даче по телефону с Кириленко, — Я подъеду завтра».

Совершенно секретно.
Экз. единственный

ГРОМЫКО. Судя по последним сообщениям, которые мы получили из Афганистана как в виде шифротелеграмм, так и в разговоре по телефону с нашим главным военным советником т. Гореловым и временным поверенным в делах т. Алексеевым, обстановка в Афганистане сильно обострилась, центром волнений сейчас стал город Герат.

Там, как известно из предыдущих телеграмм, расположена 17 дивизия афганской армии, которая наводила порядок, но сейчас мы получили сведения о том, что эта дивизия по существу распалась. Артиллерийский полк и один пехотный полк, входящие в состав этой дивизии, перешли на сторону восставших. Банды диверсантов и террористов, просочившиеся с территории Пакистана, которые обучены и вооружены не без участия не только пакистанских властей, но и Китая, а также Соединенных Штатов Америки и Ирана, бесчинствуют в Герате. К мятежникам, которые проникли из Пакистана и Ирана на территорию провинции Герат, примкнула внутренняя контрреволюция. Особенно много ее из числа религиозников. Главари реакционных масс тоже главным образом относятся к религиозным деятелям.

Каково количество восставших, сказать трудно, но наши товарищи говорят, что их тысячи, именно тысячи.

Характерно отметить, что у меня был разговор в 11 часов утра с Амином — министром иностранных дел и заместителем Тараки, и он не высказал каких-либо тревожных мыслей относительно положения в Афганистане, а с олимпийским спокойствием говорил о том, что положение не такое уж сложное, что армия все контролирует и т. д. Одним словом, он выразился так, что положение у них надежное.

КИРИЛЕНКО. Одним словом, судя по докладу Амина, никакой нервозности руководство Афганистана в связи с этими событиями не испытывает.

ГРОМЫКО. Именно так. Амин даже сказал, что обстановка в Афганистане нормальная. Он говорит, что не зарегистрировано ни одного случая неповиновения губернаторов, то есть, что все губернаторы на стороне законного правительства. А в действительности, как докладывают наши товарищи, положение в Герате и в ряде других мест тревожное, там орудуют мятежники.

Что касается Кабула, то положение там, в основном, спокойное. Граница Афганистана с Пакистаном и с Ираном закрыта или, можно точнее сказать, — полузакрыта. Большое количество афганцев, ранее работавших в Иране, сейчас выдворено из Ирана и, конечно, они испытывают большое недовольство, многие из них тоже примкнули к мятежникам.

Какие меры мы наметили для помощи Афганистану, видно из тех предложений, которые имеются у вас на руках. Хочу сказать, что мы выделили дополнительно Афганистану 10 млн. рублей в валюте для охраны границы.

Поскольку Пакистан по существу является основным местом, откуда проникают на территорию Афганистана террористы, то казалось бы, что следовало афганскому руководству направить Пакистану ноту протеста или сделать заявление, одним словом, выступить с каким-то документом. Но афганское руководство этого не сделало. Конечно, это выглядит очень странно.

Я спросил Амина, какие действия вы считали бы необходимыми принять с нашей стороны? Я ему сказал, какую примерно помощь мы можем оказать. Других просьб он не высказал, только ответил, что он очень оптимально оценивает обстановку в Афганистане, что ваша помощь сослужит большую службу, что все провинции находятся под контролем законных властей. Я спросил, не ждете ли вы каких-то неприятностей со стороны соседних государств или внутренней контрреволюции, религиозников и т. д.? Амин ответил твердо, что нет, угрозы для режима не имеется. В конце он передал привет членам Политбюро, лично Л. И. Брежневу. Вот такой был у меня разговор сегодня с Амином.

Через некоторое время, примерно через два-три часа,

мы получили от наших товарищей известие о том, что в Герате начались беспорядки. Один полк, как я уже сказал, артиллерийский, ударил по своим, часть второго полка присоединилась к мятежникам. Следовательно, за правительством осталась примерно часть 17-й дивизии, которая охраняет Герат. Наши товарищи также говорят, что завтра, послезавтра на территорию Афганистана могут вторгнуться новые массы мятежников, подготовленные на территории Пакистана и Ирана.

Примерно через полчаса от наших товарищей вновь мы получили сообщение о том, что главного военного советника т. Горелова и поверенного в делах т. Алексеева пригласил к себе т. Тараки. О чем шла беседа с Тараки? Прежде всего он обратился за помощью к Советскому Союзу военной техникой, боеприпасами, продовольствием, что у нас предусмотрено уже в тех документах, которые мы представили на рассмотрение Политбюро. Что касается военной помощи, то Тараки сказал как-то мимоходом, что, может быть, потребуется помощь по земле ж по воздуху. Это надо понимать так, что потребуется ввод наших войск как сухопутных, так и воздушных.

Я считаю, что нам нужно будет прежде всего исходить из главного при оказании помощи Афганистану, а именно: мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан. Вот уже 60 лет мы живем с ним в мире и добрососедстве. И если сейчас Афганистан мы потеряем, он отойдет от Советского Союза, то это нанесет сильный удар по нашей политике. Конечно, одно дело применить крайнюю меру, если афганская армия на стороне народа, и совершенно другое дело, если армия не будет участвовать в поддержке законного правительства. И, наконец, третье, если армия будет против правительства, а следовательно, и наших войск, тогда дело будет очень сложным. Как сообщили т.т. Горелов и Алексеев, настроение у руководства, в том числе у т. Тараки, не особенно из приятных.

УСТИНОВ. Вместе с т. Алексеевым — нашим поверенным в делах в Афганистане — у Тараки был также и т. Горелов — наш главный военный советник. С т. Гореловым я только что говорил по телефону, и он сказал, что руководство Афганистана обеспокоено создавшейся обстановкой, особенно плохо дело обстоит

в провинции Герат, а также в провинции Пакти. Плохо то, что дивизия, которая охраняет Герат, оказалась неустойчивой, командир дивизии в настоящее время находится на аэродроме, точнее, укрывшись там, и, конечно, никакими действиями оставшимися верными правительству полков не руководит. Имеется в виду, что завтра утром (18 марта) в Герат будут направлены оперативные группы.

Мы посоветовали т. Тараки, чтобы некоторые части были переброшены в районы возникновения мятежа. Он в свою очередь ответил, что на это пойти трудно, так как и в других местах тоже неспокойно. Одним словом, они ожидают большого выступления со стороны СССР как наземных, так и воздушных сил.

АНДРОПОВ. Они надеются, что мы ударим по мятежникам.

КИРИЛЕНКО. Возникает вопрос, с кем же будут воевать наши войска, если мы их туда пошлем, С мятежниками, а к мятежникам присоединилось большое количество религиозников, это мусульмане и среди них большое количество простого народа. Таким образом, нам придется воевать в значительной степени с народом. КОСЫГИН. Какая армия в Афганистане, сколько там дивизий?

УСТИНОВ. В афганской армии 10 дивизий, насчитывающих более 100 тысяч человек.

АНДРОПОВ. По оперативным данным нам известно, что из Пакистана направляется в Афганистан около трех тысяч мятежников. Это, главным образом, религиозные фанатики из числа народа.

КИРИЛЕНКО. Если народ восстанет, то, кроме лиц, прибывших из Пакистана и Ирана, которые в значительной степени относятся к числу террористов и мятежников, среди масс, с которыми придется иметь дело нашим войскам, будут простые люди Афганистана. Правда, это поклонники религии, поклонники ислама.

ГРОМЫКО. Пока что очень неясно соотношение между сторонниками правительства и мятежниками. В Герате события развернулись, судя по всему, довольно бурно, потому что убито свыше тысячи человек. Но и там положение не достаточно ясное.

АНДРОПОВ. Конечно, мятежники, проникшие на территорию Афганистана, займутся прежде всего тем, что будут бунтовать и привлекать афганский народ на

свою сторону.

КОСЫГИН. Я считаю, что проект постановления, который представлен, надо серьезно исправить. Прежде всего не нужно нам растягивать поставку вооружений до апреля, надо дать все сейчас немедленно, в марте. Это первое.

Второе, надо как-то поддержать морально руководство Афганистана, и я бы предложил провести такие меры: сообщить Тараки, что мы поднимаем цену на газ с 15 до 25 рублей за тысячу кубометров. Это даст возможность за счет повышения цен покрыть издержки, которые у них имеются в связи с приобретением оружия и других материалов. Нужно, по-моему, дать Афганистану бесплатно это оружие и никаких 25 процентов не называть.

ВСЕ. Правильно.

КОСЫГИН. И третье, мы намечаем дать им 75 тысяч тонн хлеба. Я думаю, что надо пересмотреть это и поставить Афганистану 100 тысяч тонн. Вот эти меры, мне кажется, следовало бы внести в проект постановления и, таким образом, мы поддержали бы афганское руководство морально. За Афганистан нам нужно бороться, все-таки 60 лет мы живем душа в душу. Конечно, хотя сильна борьба с иранцами, пакистанцами, китайцами, но Иран окажет Афганистану помощь, у него есть на это средства, тем более, они единомышленники в религии. Это нужно иметь в виду. Пакистан тоже пойдет на такую меру. О китайцах говорить нечего. Поэтому я считаю, что нам нужно принять товарищеское постановление и серьезно помочь афганскому руководству. Об оплате, я уже сказал, говорить сейчас не следует, тем более, как здесь написано, — в свободно конвертируемой валюте. Какая у них свободно конвертируемая валюта, мы с них все равно ничего не получим.

УСТИНОВ. Все, что записано в проекте постановления в смысле поставки вооружения Афганистану, все это делается, уже производится отгрузка и отправка этих машин. К сожалению, я не знаю, сможем ли мы до апреля все поставить, будет очень трудно. Я бы просил принять постановление, касающееся поставки вооружений, которое намечено здесь. Что касается оплаты за это вооружение, то это снять.

КОСЫГИН. Все же отгружать надо немедленно, буквально с завтрашнего дня.

УСТИНОВ. Хорошо, мы это делаем и еще проконтролируем, чтобы уже завтра все эти материалы отгружались.

КИРИЛЕНКО. Давайте поручим т. Косыгину внести поправки в проект распоряжения Совета Министров СССР, который представлен нам, с учетом тех моментов, о которых здесь говорили. Завтра он представит нам этот документ в готовом виде.

КОСЫГИН. Обязательно, я приеду утром и все сделаю.

КИРИЛЕНКО. Нам нужно принять меры, чтобы все военные материалы отгрузить в марте.

КОСЫГИН. Но если, как говорит т. Устинов, невозможно отгрузить в марте все полностью, то, может быть, что-то второстепенное оставить на апрель, но пусть это будет незначительная малость.

Я хочу еще поднять такой вопрос: все-таки, что ни говорите, как Тараки, так и Амин, скрывают от нас истинное положение вещей. Мы до сих пор не знаем подробно, что делается в Афганистане. Как они оценивают положение? Ведь они до сих пор рисуют картину в радужном свете, а на самом деле мы видим — вот какие там делаются дела. Люди они, видимо, хорошие, но все-таки многое они от нас утаивают. В чем причина, понять трудно. Я считаю, что нам нужно будет решить вопрос с послом, Андрей Андреевич, скорее. Фактически этот посол не является авторитетным, и он не делает того, что полагается.

Кроме того, я бы считал необходимым направить дополнительное количество квалифицированных военных специалистов, пусть они там подробно узнают, что делается в армии.

Далее, я бы считал необходимым принять более развернутое политическое решение. Может быть, проект такого политического решения подготовят товарищи из МИД, Министерства обороны, КГБ, Международного отдела. Ясно, что Иран, Китай, Пакистан будут выступать против Афганистана, всеми мерами и способами мешать законному правительству и дискредитировать все его действия. Вот здесь-то и потребуется как раз наша политическая поддержка Тараки и его правительству. Конечно, и Картер будет тоже выступать против

руководства Афганистана.

С кем нам придется воевать в случае необходимости введения войск, кто выступит против нынешнего руководства Афганистана? Они же все магометане, люди одной веры, а вера у них настолько сильна, религиозный фанатизм настолько бушует, что они могут сплотиться на этой основе. Мне кажется, что надо нам и Тараки, и Амину прямо сказать о тех ошибках, которые они допустили за это время. В самом деле, ведь до сих пор у них продолжаются расстрелы несогласных с ними людей, почти всех руководителей не только высшего, но даже и среднего звена из партии «Парчам» они уничтожили. Конечно, сейчас трудно нам сформулировать политический документ, для этого надо будет поработать товарищам, как я уже сказал, дать срок три дня.

УСТИНОВ. Все это правильно, что говорит Алексей Николаевич, делать это надо быстрее.

ГРОМЫКО. Надо готовить документы быстрее.

КОСЫГИН. Я считаю, что не следует афганское правительство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск. Пусть они у себя создают специальные части, которые могли бы быть переброшены на более острые участки для подавления мятежников.

УСТИНОВ. Я считаю, что нам ни в коем случае нельзя смешивать наши части, в случае, если мы их туда введем, с афганскими.

КОСЫГИН. Нам надо сформировать свои воинские части, разработать положение о них и послать по особой команде.

УСТИНОВ. У нас разработаны два варианта относительно военной акции. Первый состоит в том, что мы в течение одних суток направляем в Афганистан 105 воздушную дивизию и перебросим пехотно-моторизованный полк в Кабул, а к границе будет подтянута 68 моторизованная дивизия, а 5-я мотострелковая дивизия находится у границы. Таким образом, за трое суток мы будем готовы к направлению войск. Но политическое решение, о чем здесь говорили, нам нужно будет принять.

КИРИЛЕНКО. Тов. Устинов правильно ставит вопрос, нам нужно выступить против мятежников. В политическом документе об этом тоже надо ясно и четко

сказать. Вместе с тем нужно нам повлиять и на Тараки, если уж дело коснется ввода наших войск, то решать этот вопрос требуется обстоятельно. Мы не можем вводить войска без обращения со стороны правительства Афганистана, пусть об этом знает и т. Тараки. И в разговоре т. Косыгина с Тараки об этом нужно как-то прямо сказать. Вместе с тем необходимо сказать Тараки, чтобы они изменили тактику. Нельзя применять в массовом масштабе расстрелы, пытки и т. д. Особое значение для них приобретает религиозный вопрос, отношение к религиозным общинам, религии вообще и религиозным деятелям. Это вопрос большой политики. И тут нужно будет Тараки со всей решимостью сказать, чтобы они не допускали никаких недозволенных приемов.

Документы нужно подготовить буквально завтра же. Завтра мы посоветуемся с Леонидом Ильичом, как нам лучше это сделать.

УСТИНОВ. У нас имеется и второй вариант, он тоже проработан. Речь идет о вводе двух дивизий в Афганистан.

АНДРОПОВ. Нам нужно принять проект постановления, который мы сегодня рассматриваем, с учетом тех изменений и поправок, о которых говорили товарищи. Что касается политического решения, его нужно также срочно готовить, потому что банды наседают из Пакистана и Ирана.

ПОНОМАРЕВ. Мы должны будем направить около 500 человек в Афганистан в качестве советников и специалистов. Нужно, чтобы эти товарищи все знали, что им делать.

АНДРОПОВ. Под Гератом было 20 тысяч гражданских лиц, которые приняли участие в бунте. Что касается переговоров с Тараки, то нам надо будет это сделать. Но, мне кажется, что лучше, чтобы поговорил с Тараки т. Косыгин.

ВСЕ. Правильно. Лучше, если поговорит т. Косыгин.

АНДРОПОВ. Политическое решение нам нужно разработать и иметь в виду, что на нас, наверняка, повесят ярлык агрессора, но, несмотря на это, нам ни в коем случае нельзя терять Афганистан.

ПОНОМАРЕВ. К сожалению, мы многого не знаем об Афганистане. Мне кажется, что в разговоре с Тараки надо поставить все вопросы и, в частности, пусть он

скажет, каково положение в армии и в стране в целом. У них ведь стотысячная армия и при помощи наших советников эта армия могла бы сделать очень многое. А то какие-то 20 тысяч мятежников одерживают победу. Прежде всего надо сделать все необходимое силами афганской армии, а потом уже, когда действительно возникнет необходимость, вводить наши войска.

КОСЫГИН. Я считаю, что оружие нам посылать нужно, но если мы будем убеждены в том, что оно не попадет в руки мятежников. Если их армия развалится, то, следовательно, это оружие заберут мятежники. Затем возникает вопрос о том, как мы будем выступать перед мировым общественным мнением. Все это надо обосновать, то есть, если уж мы будем вводить войска, то надо подобрать соответствующие аргументы, все подробно объяснить. Может быть, кому-то из ответственных товарищей поехать в Афганистан для выяснения более подробно обстановки на месте. Возможно, т. Устинову или т. Огаркову.

УСТИНОВ. Дело в Афганистане осложняется. Надо говорить сейчас, мне кажется, о политических акциях, которые мы еще все не использовали. И, с другой стороны, нужно полностью использовать афганскую армию. Я думаю, вряд ли мне надо ехать в Афганистан, я в этом сомневаюсь. Может быть, кому-то из членов правительства выехать.

КОСЫГИН. Все же нужно вам, Дмитрий Федорович, поехать туда. Дело в том, что мы посылаем в Афганистан большое количество оружия и надо, чтобы оно осталось у революционных масс. У нас в Афганистане около 550 советников, они должны знать состояние дел в войсках.

УСТИНОВ. Даже если кто-то из нас и поедет в Афганистан, то за несколько дней, конечно, положение не узнаешь.

ГРОМЫКО. Я думаю, что переговорить с Тараки надо или А. Н. Косыгину, или Д. Ф. Устинову, скорее, все-таки т. Косыгину.

КОСЫГИН. Прежде чем с Тараки говорить, мне надо согласовать этот вопрос с Леонидом Ильичом. Я завтра поговорю с Леонидом Ильичом и затем поговорю с Тараки.

АНДРОПОВ. Нужно и по существу сегодняшних наших решений подробно проинформировать Леонида Ильича.

ГРОМЫКО. Нам надо поговорить о том, как быть, если будет худшее положение. Сегодня ситуация в Афганистане пока что не ясна для многих из нас. Ясно только одно — мы не можем отдать Афганистан врагу. Как этого добиться, надо подумать. Может быть, нам и не придется вводить войска.

КОСЫГИН. У всех нас единое мнение — Афганистан отдавать нельзя. Отсюда — нужно разработать прежде всего политический документ, использовать все политические средства для того, чтобы помочь афганскому руководству укрепиться, оказать помощь, которую мы сейчас уже наметили, и как крайнюю меру оставить за собой применение военной акции.

ГРОМЫКО. Я хочу еще подчеркнуть, что главное, о чем мы должны обстоятельно подумать, это дать ответ, как мы будем реагировать в случае критической обстановки. Тараки уже говорит о тревоге, а Амин пока что высказывает оптимистические настроения. Одним словом, как вы видите, афганское руководство, по-моему, неправильно оценивает положение дел в армии и в стране в целом.

ПОНОМАРЕВ. Афганская армия совершила революционный переворот, и я думаю, что при умелом руководстве со стороны правительства она твердо могла стоять и стоит на позициях защиты страны.

КИРИЛЕНКО. Дело в том, что многих командиров в армии посадили и расстреляли, что оказало большое негативное влияние на армию.

ГРОМЫКО. Одной из важных задач является укрепление армии, это основное звено. Именно всю ориентировку надо держать на политическое руководство страны и армию. И все же надо сказать, что афганское руководство многое от нас скрывает. Оно как-то не хочет быть откровенным с нами. Это очень печально.

АНДРОПОВ. Мне кажется, что нам надо проинформировать об этих мероприятиях социалистические страны.

КИРИЛЕНКО. Мы много уже говорили, товарищи, мнения у нас ясны, давайте подведем итог.

1. Надо будет поручить т. Косыгину уточнить документ, который представлен, записать туда поставки 100 тысяч тонн хлеба, увеличение цены на газ с 15 до 25 рублей, снять вопрос о процентах, о твердой валюте и

т. д.

2. Нужно будет поручить т. Косыгину переговорить с т. Тараки, как они оценивают положение в Афганистане и что от нас требуется. При разговоре с Тараки т. Косыгину руководствоваться состоявшимся на Политбюро обменом мнениями.

3. Третий вопрос, о котором здесь говорили, заключается в том, чтобы поручить т.т. Громыко, Андропову, Устинову и Пономареву разработать политический документ с учетом обмена мнениями о нашей линии в отношении Афганистана.

4. Надо обратиться к Пакистану по линии МИД с тем, чтобы пакистанское правительство не допускало вмешательства во внутренние дела Афганистана.

5. Я думаю, что мы должны согласиться с предложением т. Устинова относительно помощи афганскксой армии в преодолении трудностей, с которыми она встретилась, силами наших воинских подразделений.

6. Послать в Афганистан хороших военных специалистов как по линии Министерства обороны, так и по линии КГБ для подробного выяснения обстановки, сложившейся в афганской армии и вообще в Афганистане.

7. В нашем проекте постановления должен присутствовать пункт о подготовке материалов, разоблачающих вмешательство во внутренние дела Афганистана со стороны Пакистана, Ирана, США, Китая, и этот материал публиковать через третьи страны.

8. Поручить т.т. Пономареву и Замятину подготовить материалы относительно вмешательства Пакистана, США, Ирана, Китая и других стран против Афганистана и направлять этот материал для печати по мере его готовности.

9. Нужно продумать внимательно, как мы будем отвечать на те обвинения, которые могут выдвинуть другие страны против СССР, когда нас будут обвинять в агрессии и т. д.

10. Надо будет разрешить Министерству обороны развернуть две дивизии на границе между СССР и Афганистаном. И, наконец, как здесь предлагали, нужно будет нам проинформировать социалистические страны о тех мероприятиях, которые мы наметили.

Есть ли другие предложения у товарищей?

ВСЕ. Здесь все учтено.

КИРИЛЕНКО. Хорошо. Я сейчас постараюсь связаться с т. Черненко и передать ему наши предложения.

ВСЕ. Правильно.

КИРИЛЕНКО. Я сейчас переговорил с т. Черненко, он считает, что предложения намечены правильные и постарается проинформировать об этом Леонида Ильича. Давайте на этом заседание сегодня закончим.

«БМП посылайте самолетами»

Характерной чертой всех революций является жестокость, с которой проводятся общественные преобразования и насаждаются новые порядки. Апрельская революция в Афганистане не стала исключением из этого правила. Парадоксально, но идея решительного применения насильственных методов культивировалась в первую очередь гуманитариями, представителями афганской интеллигенции. Профессиональный литератор, «основоположник афганского реализма» Нур Мухаммед Тараки в телефонном разговоре с А. Н. Косыгиным, который публикуется без сокращений, считает, что возникшие проблемы можно и нужно решать только советским оружием.

Совершенно секретно.

Особая папка

КОСЫГИН. Скажите т. Тараки, что я хочу передать ему большой привет от Леонида Ильича и от всех членов Политбюро.

ТАРАКИ. Большое спасибо.

КОСЫГИН. Как здоровье т. Тараки, не очень он устает?

ТАРАКИ. Не устаю. Сегодня было заседание Революционного совета.

КОСЫГИН. Это хорошо, я очень рад. Попросите Тараки (разговор велся через переводчика. — Б. Г.), может быть, он охарактеризует обстановку в Афганистане.

ТАРАКИ. Обстановка нехорошая, ухудшается. В течение полутора последних месяцев с иранской стороны было заброшено около 4 тысяч военнослужащих в гражданской одежде, которые проникли в город Герат и в воинские части. Сейчас вся 17-я пехотная дивизия находится в их руках, включая артиллерийский полк и зенитный дивизион, который ведет огонь по нашим самолетам. В городе продолжаются бои.

КОСЫГИН. Сколько в дивизии людей?

ТАРАКИ. До 5 тыс. человек. Все боеприпасы и склады в их руках. Из Кандагара самолетами возим продукты питания и боеприпасы нашим товарищам, которые сейчас ведут с ними бои.

КОСЫГИН. А сколько там людей осталось у вас?

ТАРАКИ. 500 человек. Они находятся на гератском

аэродроме во главе с командиром дивизии. В подкрепление им мы послали туда из Кабула на самолетах оперативную группу. Она находится с утра на аэродроме Герата.

КОСЫГИН. А офицерский состав дивизии тоже изменил или часть находится с командиром дивизии на аэродроме?

ТАРАКИ. Небольшая часть на нашей стороне, остальные находятся у противника.

КОСЫГИН. Среди рабочих, среди городских мещан и служащих в Герате вы имеете поддержку? Есть еще на вашей стороне кто-то?

ТАРАКИ. Активной поддержки со стороны населения нет. Оно почти целиком находится под влиянием шиитских лозунгов. «Не верьте безбожникам, а идите за нами» — пропаганда на этом построена.

КОСЫГИН. Сколько населения в Герате?

ТАРАКИ. 200–250 тыс. человек. Они ведут себя в зависимости от обстановки. Куда их поведут, туда они и пойдут. Сейчас они на стороне противника.

КОСЫГИН. А рабочих там много?

ТАРАКИ. Мало очень, — всего 1–2 тыс. человек.

КОСЫГИН. Какие перспективы, по Вашему мнению, в Герате?

ТАРАКИ. Мы считаем, что сегодня вечером или завтра утром Герат падет и будет полностью в руках противника.

КОСЫГИН. Какие же дальнейшие перспективы?

ТАРАКИ. Мы уверены, что противник будет формировать новые части и пойдет дальше в наступление.

КОСЫГИН. У вас нет сил нанести им поражение?

ТАРАКИ. Если бы были…

КОСЫГИН. Какие же ваши предложения по этому вопросу?

ТАРАКИ. Мы просим, чтобы вы оказали практическую и техническую помощь людьми и вооружением.

КОСЫГИН. Это вопрос очень сложный.

ТАРАКИ. В противном случае мятежники пойдут в сторону Кандагара и дальше в сторону Кабула. Они приведут половину Ирана в Афганистан под флагом гератской дивизии.

Вернутся афганцы, которые убежали в Пакистан.

Иран и Пакистан работают по одному плану против нас. И поэтому, если вы нанесете сейчас по-настоящему удар по Герату, то можно будет спасти революцию.

КОСЫГИН. Об этом сразу узнает весь мир. У мятежников есть рации, они сразу же сообщат.

ТАРАКИ. Я прошу, чтобы вы оказали помощь.

КОСЫГИН. Мы должны по этому вопросу посоветоваться.

ТАРАКИ. Пока будете советоваться, Герат падет, и будут еще большие трудности и для Советского Союза, и для Афганистана.

КОСЫГИН. Теперь, может быть, вы мне скажете, какие вы прогнозы даете по Пакистану и потом отдельно по Ирану?

У вас нет связей с передовыми людьми Ирана? Вы не можете им сказать, что у вас главный враг сейчас — Соединенные Штаты. Иранцы очень озлоблены против Соединенных Штатов и в пропагандистском плане это, очевидно, можно использовать.

ТАРАКИ. Мы сегодня сделали заявление иранскому правительству, передали его по радио, указав, что Иран вмешивается во внутренние дела в районе Герата.

КОСЫГИН. А Пакистану вы не считаете нужным сделать какое-либо заявление?

ТАРАКИ. Завтра или послезавтра сделаем такое заявление по Пакистану.

КОСЫГИН. Вы надеетесь на свою армию? Какова ее надежность? Вы не можете собрать войска, чтобы ударить по Герату?

ТАРАКИ. Мы считаем, что армия надежна. Но снять войска из других городов, чтобы направить их в Герат, мы не можем, так как это ослабит наши позиции в других городах.

КОСЫГИН. А если мы быстро дадим дополнительно самолеты и оружие, вы не сможете сформировать новые части?

ТАРАКИ. Это потребует много времени, и Герат падет.

КОСЫГИН. Вы считаете, что если Герат падет, то Пакистан предпримет такие же действия со своей границы?

ТАРАКИ. Вероятность этого очень велика. Моральный дух пакистанцев после этого поднимется. Американцы оказывают им соответствующую помощь.

После падения Герата пакистанцы также направят в гражданской одежде солдат, которые начнут захватывать города, и иранцы будут активно вмешиваться.

Успех в Герате — это ключ ко всем остальным вопросам, связанным с борьбой.

КОСЫГИН. Какие бы вы хотели иметь с нашей стороны внешнеполитические акции, заявления? У вас есть какие-либо соображения по этому вопросу в пропагандистском плане?

ТАРАКИ. Надо сочетать и пропагандистскую и практическую помощь. Я предлагаю, чтобы вы на своих танках и самолетах поставили афганские знаки, и никто ничего не узнает. Ваши войска могли бы идти со стороны Кушки и со стороны Кабула.

КОСЫГИН. До Кабула надо еще дойти.

ТАРАКИ. От Кушки очень близко до Герата. А в Кабул можно доставить войска на самолетах.

Если вы пришлете войска в Кабул, и они пойдут из Кабула на Герат, то никто ничего не узнает, по нашему мнению. Будут думать, что это правительственные войска.

КОСЫГИН. Я не хочу Вас огорчать, но скрыть это не удастся. Это будет известно всему миру через 2 часа. Все начнут кричать, что началась интервенция в Афганистане со стороны Советского Союза.

Скажите, т. Тараки, если мы на самолетах поставим вам оружие в Кабул, включая танки, то вы найдете танкистов или не найдете?

ТАРАКИ. Очень небольшое количество.

КОСЫГИН. А сколько?

ТАРАКИ. Точных данных не имею.

КОСЫГИН. А если на самолетах быстро прислать вам танки, необходимые боеприпасы, дать минометы, то вы найдете специалистов, которые могут использовать это оружие?

ТАРАКИ. На этот вопрос ответа я не могу дать. На него могут ответить советские советники.

КОСЫГИН. Значит, можно понять так, что в Афганистане хорошо подготовленных военных кадров нет или их очень мало. В Советском Союзе прошли подготовку сотни афганских офицеров. Куда же они все делись?

ТАРАКИ. Большая часть их — мусульмане-реакционеры, ахванисты, или, как они еще называются,

братья-мусульмане. На них положиться не можем, не уверены в них.

КОСЫГИН. В Кабуле сейчас сколько населения?

ТАРАКИ. Около 1 млн. человек.

КОСЫГИН. Вы не можете еще 50 тыс. солдат набрать, если дать вам оружие быстро по воздуху? Сколько вы можете набрать людей?

ТАРАКИ. Мы можем набрать некоторое количество людей, прежде всего из молодежи, но потребуется большое время, чтобы их обучить.

КОСЫГИН. А студентов нельзя набрать?

ТАРАКИ. Можно говорить о студентах и учащихся 11–12 классов лицеев.

КОСЫГИН. А из рабочего класса нельзя набрать?

ТАРАКИ. Рабочего класса в Афганистане очень мало.

КОСЫГИН. А беднейшее крестьянство?

ТАРАКИ. База может быть только из лицеистов старших классов, студентов и немного из рабочих. Но научить их — это долгая история, Но когда нужно будет, пойдем на любые меры.

КОСЫГИН. Мы приняли решение срочно поставить вам военное имущество, принять в ремонт вертолеты и самолеты — все это бесплатно. Приняли также решение поставить вам 100 тыс. тонн зерна, повысить цену на газ с 21 доллара за 1 тыс. куб. метров до 37,82 долл.

ТАРАКИ. Это хорошо, но давайте поговорим о Герате.

КОСЫГИН. Давайте. Не можете ли вы сейчас сформировать несколько дивизий из передовых людей, на которых Вы можете положиться, и не только в Кабуле, но и в других местах? Мы бы дали соответствующее вооружение.

ТАРАКИ. Нет офицерских кадров. Иран посылает в Афганистан военных в гражданской одежде. Пакистан посылает также в афганской одежде своих людей и офицеров. Почему Советский Союз не может послать узбеков, таджиков, туркменов в гражданской одежде? Никто их не узнает.

КОСЫГИН. Что вы еще можете сказать по Герату?

ТАРАКИ. Хотим, чтобы к нам послали таджиков, узбеков, туркменов для того, чтобы они могли водить танки, так как все эти народности имеются в Афганистане. Пусть оденут афганскую одежду, афганские значки и никто их не узнает. Это очень легкая

работа, по нашему мнению. По опыту Ирана и Пакистана видно, что эту работу легко делать. Они дают образец.

КОСЫГИН. Конечно, вы упрощаете вопрос. Это сложный политический, международный вопрос. Но независимо от этого, мы еще раз посоветуемся и дадим вам ответ. Мне кажется, что вам нужно было бы попытаться создавать новые части. Ведь нельзя рассчитывать только на силу людей, которые придут со стороны. Вы видите по опыту иранской революции, как народ выбросил всех американцев оттуда и всех других, которые пытались изображать из себя защитников Ирана.

Условимся с Вами так: мы посоветуемся и дадим Вам ответ. А Вы, со своей стороны, посоветуйтесь со своими военными, с нашими советниками. Есть же силы в Афганистане, которые будут вас поддерживать с риском для жизни и будут бороться за вас. Эти силы сейчас надо вооружить.

ТАРАКИ. Посылайте боевые машины пехоты самолетами.

КОСЫГИН. А у вас есть кому водить эти машины?

ТАРАКИ. На 30–35 машин есть водители.

КОСЫГИН. Они надежны? Не уйдут к противнику вместе с машинами? Ведь наши водители языка не знают.

ТАРАКИ. А вы пришлите машины вместе с водителями, которые знают наш язык — таджиками, узбеками.

КОСЫГИН. Я и ожидал такого ответа от вас. Мы товарищи с вами и ведем совместную борьбу, поэтому стесняться друг друга нечего. Этому надо все и подчинить.

Мы вам еще позвоним, скажем наше мнение.

ТАРАКИ. Передайте наше уважение и наилучшие пожелания товарищу Брежневу, членам Политбюро.

КОСЫГИН. Спасибо. Передайте привет всем своим товарищам. А вам желаю твердости в решении вопросов, уверенности и благополучия. До свидания.

«Для ввода войск оснований нет»

В воскресенье А. Н. Косыгин проинформировал членов Политбюро о состоявшемся с Н. М. Тараки телефонном разговоре и о последних телеграммах, полученных утром из Кабула. Обсуждение продолжилось.

Совершенно секретно.
Экз. единственный

КИРИЛЕНКО. В Герате 17 дивизия насчитывает 9 тысяч человек. Неужели они все бездействуют и перешли на сторону противников правительства?

КОСЫГИН. Перешли пока что, по нашим данным, артиллерийский и один пехотный полк и то неполностью, а остальные поддерживают правительство.

УСТИНОВ. Что касается таджиков, то у нас нет отдельных таких формирований. Даже сейчас трудно сказать, сколько их служит в танковых частях нашей армии.

КОСЫГИН, Зенитный батальон, который находится в Герате, тоже перешел на сторону противников.

УСТИНОВ. Амин, когда я с ним говорил, тоже просил ввести войска в Герат и разбить противника.

КОСЫГИН, Тов. Тараки говорит, что дивизия, находящаяся в Герате, наполовину перешла на сторону противника. Остальная часть, считай, что тоже не будет поддерживать правительство.

УСТИНОВ. Афганская революция встретила на своем пути большие трудности, говорит Амин в разговоре со мной, и спасение ее зависит только от Советского Союза, В чем дело, почему так получается? Дело в том, что руководство Афганистана недооценило роль исламской религии. Именно под знамена ислама переходят солдаты, а абсолютное большинство, может быть, за редким исключением, верующие. Вот почему они просят от нас помощи отбить атаки мятежников в Герате. Амин сказал, правда, очень неуверенно, что у них опора на армию есть. И опять так же, как и т. Тараки, обратился с просьбой о помощи.

КИРИЛЕНКО. Следовательно, у них нет гарантий относительно своей армии. Они надеются только на одно решение, а именно: на наши танки и бронемашины.

КОСЫГИН. Нам, конечно, принимая такое решение

относительно помощи, надо серьезно продумать все вытекающие отсюда последствия. Дело это очень серьезное.

АНДРОПОВ. Я, товарищи, внимательно подумал над всем этим вопросом и пришел к такому выводу, что нам нужно очень и очень серьезно продумать вопрос о том, во имя чего мы будем вводить войска в Афганистан. Для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т. д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск.

КОСЫГИН. Может быть, нам следует дать указание нашему послу т. Виноградову, чтобы он пошел к премьер-министру Ирана Базаргану и сказал ему о недопустимости вмешательства во внутренние дела Афганистана.

ГРОМЫКО. Я полностью поддерживаю предложение т. Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего и в него надо будет стрелять. Правильно отметил т. Андропов, что именно обстановка в Афганистане для революции не созрела, и все, что мы сделали за последние годы с таким трудом в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад. Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Одним словом, серьезные последствия ожидаются от такой акции. Отпадет вопрос о встрече Леонида Ильича с Картером, и приезд Жискар д Эстэна в конце марта встанет под вопрос. Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с его нынешним правительством, с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, надо иметь в

виду, что и юридически нам не оправдать ввода войск. Согласно Уставу ООН, страна может обратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска в случае, если бы они подверглись агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, революционная междуусобица, бои одной группы населения с другой. К тому же надо сказать, что афганцы официально не обращаются к нам относительно ввода войск.

Одним словом, мы здесь имеем дело с таким случаем, когда руководство страны в результате допущенных серьезных ошибок оказалось не на высоте, не пользуется должной поддержкой народа.

КИРИЛЕНКО. Вчера в Афганистане была одна обстановка, и мы склонялись к тому, что, может быть, нам пойти на то, чтобы ввести какое-то количество воинских частей. Сегодня обстановка другая, и разговор у нас вполне справедливо идет уже несколько в ином русле, а именно: все мы придерживаемся того, что вводить войска нет никаких оснований.

АНДРОПОВ. Вчера, когда мы обсуждали этот вопрос, афганцы не говорили о вводе войск; сегодня положение там другое. В Герате уже не один полк перешел на сторону противника, а вся дивизия. Как мы видим из сегодняшнего разговора с Амином, народ не поддерживает правительство Тараки. Могут ли тут помочь им наши войска? В этом случае танки и бронемашины не могут выручить. Я думаю, что мы должны прямо сказать об этом Тараки, что мы поддерживаем все их акции, будем оказывать помощь, о которой сегодня и вчера договорились, и ни в коем случае не можем пойти на введение войск в Афганистан.

КОСЫГИН. Может, его пригласить к нам и сказать, что мы помощь вам увеличиваем, но войска вводить не можем, потому что они будут воевать не против армии, которая, по существу, перешла на сторону противника или отсиживается по углам, а против народа. Минусы у нас будут огромные. Целый букет стран немедленно выступит против нас. А плюсов никаких тут для нас нет.

АНДРОПОВ. Надо сказать прямо т. Тараки, что мы вас будем поддерживать всеми мерами и способами, кроме ввода войск.

КОСЫГИН. Надо пригласить его к нам и сказать, что мы будем поддерживать вас всеми способами и мерами,

а войска вводить не будем.

КИРИЛЕНКО. Само руководство Афганистана ничего не сделало, чтобы обезопасить положение. У них же 100-тысячная армия. Что оно сделало? Какую работу провело? По существу, никакой. А мы ведь, товарищи, поддержали Афганистан очень и очень хорошо.

ВСЕ. Правильно.

КИРИЛЕНКО. Мы ему дали все. А что из этого? Ничего не пошло на пользу. Это ведь они учинили расстрелы ни в чем не повинных людей и даже говорят нам в свое оправдание, что якобы мы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись.

Со вчерашнего дня дело изменилось. Вчера мы, как я уже говорил, были едины в оказании военной помощи, но обсуждали внимательно, прикидывали разные варианты, искали пути другие, кроме введения войск. Я думаю, что нам нужно будет доложить Леониду Ильичу об этой нашей точке зрения, пригласить в Москву т. Тараки и сказать ему обо всем, о чем мы договорились.

Может быть, нам действительно следует послать в Пакистан и Иран Хомейни и Базаргану специальные письма?

ЧЕРНЕНКО. Если мы введем войска и побьем афганский народ, то будем обязательно обвинены в агрессии. Тут никуда не уйдешь.

АНДРОПОВ. Надо пригласить т. Тараки.

КОСЫГИН. Я думаю, что надо посоветоваться с Леонидом Ильичом сейчас и сегодня же послать самолет в Кабул.

КИРИЛЕНКО. Надо провести беседу т. Косыгина с т. Тараки. Если он пожелает приехать в Москву, а не остановится в Ташкенте, то тогда нам надо посоветоваться, может быть, его примет Леонид Ильич.

ГРОМЫКО, Я думаю, что подготовку политического документа нам лучше начать после бесед с т. Тараки.

АНДРОПОВ, Надо сейчас уже выступить со статьей по Пакистану о его поддержке мятежников.

УСТИНОВ. Меры помощи, я так полагаю, мы будем проводить так, как договорились вчера.

ВСЕ. Правильно.

УСТИНОВ. Только исключить надо относительно ввода войск.

КОСЫГИН. Одним словом, мы ничего не меняем о

помощи Афганистану, кроме ввода войск. Они будут сами более ответственно относиться к решению вопросов руководства делами государства. А если мы все за них сделаем, защитим революцию, то что же для них останется? Ничего. В Герате у нас имеется 2 4 советника. Их надо будет вывезти.

ЗАМЯТИН. Что касается пропагандистского обеспечения этого мероприятия, то у нас подготовлена статья об Афганистане. Затем подготовлена статья относительно Пакистана и помощи афганским мятежникам со стороны Китая, Статьи надо будет сегодня же отправить в печать.

ВСЕ. Правильно.

ЧЕРНЕНКО. Надо условиться, товарищи, кто пригласит т. Тараки.

КИРИЛЕНКО. Это надо будет сделать т. Косыгину А. Н. Пусть он позвонит ему и пригласит прибыть в Москву или в Ташкент, как он пожелает«.

«Нам не пристало втягиваться в эту войну»

В понедельник, 19 марта, на Старую площадь из своей загородной резиденции приехал Брежнев. За два дня, которые прошли в размышлениях и нелегких переговорах с Кабулом, мнение членов Политбюро относительно возможной реакции на происходящие в Афганистане события менялось дважды, причем одна позиция была диаметрально противоположна другой. Итоги подвел Генсек.

Совершенно секретно.
Экз. единственный

БРЕЖНЕВ. Товарищи, я с самого начала событий, которые развернулись в Афганистане, был осведомлен о них. Я проинформирован о беседах т. Громыко А. А. с Амином, т. Устинова Д. Ф. с тем же Амином, о последних событиях, которые развертывались там в течение вчерашнего дня, и в связи с этим — о беседе т. Косыгина А. Н. с т. Тараки.

Я подписал документы об осуществлении дополнительных поставок специмущества, в том числе и военного имущества, и вооружений, а также вопрос о некоторых мероприятиях политического и организационного характера, в том числе было дано поручение т. Косыгину А. Н. переговорить с т. Тараки, ориентировать нашу печать и другие средства информации в связи с событиями в Афганистане. Словом, все те мероприятия, которые были предусмотрены проектом решения ЦК КПСС, внесенным в субботу, все эти меры, которые принимались в течение субботы и воскресенья, на мой взгляд, совершенно правильны.

Был поставлен вопрос о непосредственном участии наших войск в конфликте, возникшем в Афганистане. Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну.

Надо объяснить т. Тараки и другим афганским товарищам, что мы можем помочь им всем, что необходимо для ведения всех действий в стране. Участие же наших войск в Афганистане может нанести вред не только нам, но и прежде всего им. Поэтому, видимо, следует нам сейчас прослушать информацию т.т.

Громыко А. А., Устинова Д. Ф., Андропова Ю. В. и Косыгина А. Н. и на этом закончить этот этап по принятию мер, которые нужно было осуществить в связи с конфликтом в Афганистане.

ГРОМЫКО. Мы должны обсудить сегодня очень острый вопрос о положении в Афганистане. Мы внимательно следили за развертыванием событий в этой стране, давали указания нашим посольским работникам, советникам и т. д. Мы систематически, я бы сказал, очень регулярно, в течение дня получали от наших представителей в Афганистане всестороннюю информацию.

Что мы имеем на сегодняшний день? В ряде провинций Афганистана, и прежде всего в Герате, поднялись мятежники. Откуда они взялись? Они были засланы с территории Ирана и Пакистана. Это все враждебные по отношению к правительству т. Тараки элементы. Для того чтобы скрыть их переброску в Афганистан, их переодели в афганскую форму, и они в количестве нескольких десятков тысяч появились в Герате, затеяли этот бунт, и мы неожиданно начали получать сведения о событиях в Герате. Там находится одна правительственная дивизия, которая должна была охранять общественный порядок. Но в связи с тем, что часть правительственных войск перешла на сторону мятежников, началась перестрелка и было много жертв, убито свыше тысячи человек.

Я говорил по всем делам о положении в Афганистане с заместителем премьера и министром иностранных дел Амином. Но надо прямо сказать, что он сделал довольно-таки успокоительное заявление. Мы были под впечатлением этого заявления Амина, а затем и настроение Амина изменилось в худшую сторону, и он сам стал говорить о том, что вся дивизия, находящаяся в Герате, перешла на сторону мятежников. В разгар событий в Герате с Амином говорил Дмитрий Федорович. Ему он уже прямо высказал мысль о том, что СССР должен ввести войска в Герат. Прямо-таки получается как в детективном романе, настолько несерьезно ставят афганские руководители такие сложные вопросы.

После этого т. Косыгин А. Н. разговаривал с т. Тараки, который ему сказал, что положение в Афганистане плохое, и он тоже просит направить войска

в Герат. Граница у Афганистана как с Ираном, так и с Пакистаном открыта. В свое время наши советники высказывали ряд предложений, но они к этому не прислушивались.

Сегодня получено сообщение о том, что положение в Герате не так уж плохое: два полка все же находятся на стороне правительства. Где правда, я не знаю, но вот такие сообщения получены.

Можно предполагать с полным основанием, что всеми этими событиями как в Афганистане, так и в соседних с ним государствах, в том числе и в Китае, дирижирует рука США. Китай, Пакистан, Иран играют туг далеко не последнюю роль.

Есть некоторые ободряющие нотки, заключающиеся в том, что в Кабуле вчера прошла массовая демонстрация в поддержку правительства. Но все же правительство положение в Афганистане как следует не контролирует.

Нам, конечно, не представится уйти от решения вопросов, связанных с положением в Афганистане. Но я думаю, что мы должны будем придерживаться своей линии, своей политики, идти своей дорогой с учетом всех особенностей. Если мы, например, пойдем на такой риск, как ввод войск, то, конечно, получим плюсок куда меньше, чем минусов.

Мы до сих пор не знаем, как поведет себя афганская армия. А если она не поддержит наши мероприятия или останется нейтральной, тогда получится, что мы своими войсками оккупируем Афганистан. Этим самым мы создадим для себя невероятно тяжелую обстановку во внешнеполитическом плане. Мы бы намного назад отбросили все то, что восстанавливали с таким трудом, и прежде всего разрядку, полетели бы и переговоры по СОЛТ-2, не было бы подписания договора (а как-никак это для нас сейчас самая крупная политическая акция), не было бы встречи Леонида Ильича с Картером и очень сомнительно, приехал бы к нам Жискар д Эстэн. С западными странами, и в частности с ФРГ, у нас отношения были бы испорчены. Таким образом, несмотря на тяжелое положение в Афганистане, мы не можем пойти на такую акцию, как ввод войск. Кстати, совершенно непонятно для нас, почему Афганистан щадит Пакистан, который явно замешан в интервенции против Афганистана. Вчера было опубликовано заявление руководства Афганистана, но недостаточно

острое.

Мы оказываем очень большую помощь Афганистану. Как поведет себя дальше афганское правительство, сказать трудно; исправить положение там тоже трудно. Но сказать, что там все погибло, совершенно нет никаких оснований. Я думаю, что если афганское руководство найдет в себе силы, правильно скоординирует действия, то дело может оказаться в выигрыше.

КОСЫГИН. Мне вчера пришлось два раза разговаривать с т. Тараки. Он говорит, что все разваливается и что надо вводить войска, каково будет положение в Герате, таково и в Афганистане. Если, говорит он, мы Герат потеряем, то все тогда пропадет. Пакистан, по его мнению, подбрасывает в Афганистан большое количество людей, переодетых в афганскую форму. По их данным, таких лиц заброшено 4 тыс. человек. В Герате сейчас находится на аэродроме 500 человек.

Я спрашиваю, а кто же все-таки на вашей стороне в Герате? Тов. Тараки отвечает, что по существу все население находится под влиянием религиозников. Он сказал, что там имеется 200–250 человек, которые руководят всем этим делом. Я спрашиваю, есть ли там рабочие? Он говорит, что всего примерно 2 тыс. человек рабочих. Какие, по-вашему, спрашиваю я, перспективы в Герате? Он мне прямо отвечает, что Герат падет завтра, но пока что он держится.

Они имеют в виду сформировать новые части и направить их в Герат. По мнению тов. Тараки, все сбежавшие из числа недовольных новым режимом потом соединятся и пойдут на Кабул, тогда конец его правительству. Вот он и просит помочь войсками. Я сказал, что сейчас ответить не могу. Мы внимательно рассмотрим этот вопрос, подумаем и потом ответим.

Как вы видите, разговор с т. Тараки не дал каких-либо конструктивных результатов, Он говорил о падении Герата и просил о вводе наших войск. Я его спросил, что нужно сделать с нашей стороны, чтобы сочетать политические меры с мерами военного характера? Тараки отвечает тогда мне, что вы поставьте афганские знаки на свои самолеты и танки, и пусть они движутся на Герат через границу. Я сказал тогда, что это будет прямая агрессия со стороны СССР в отношении Афганистана.

Я спросил, можете ли вы набрать солдат и особенно водителей танков и машин из числа афганцев? Он говорит, что это можно сделать, но очень немного.

Я сказал ему о нашем решении оказывать всемерную помощь Афганистану, послать дополнительное количество советников, специалистов.

Конечно, нам нужно сохранить Афганистан как союзное государство. Вместе с тем нужно обратиться, видимо, к Пакистану и серьезно предупредить его о недопустимости интервенции против Афганистана. Такая же мера должна быть предпринята и в отношении Ирана. Обращение должно быть направлено как к Хомейни, так и к Базаргану. Нам нужно будет также выступить с таким документом и по Ирану.

Если была бы закрыта граница с Пакистаном и Ираном, то это было бы хорошо.

Мне кажется, что имеет смысл нам предпринять и такую меру, как направить в Афганистан хорошего посла. Из разговора с т. Тараки выясняется, что он даже не знает, на кого опираться правительству. Там необходима большая политическая работа, и только в том случае мы сможем сохранить Афганистан в качестве нашего союзника.

БРЕЖНЕВ. Письма Пакистану и Ирану надо направить сегодня.

УСТИНОВ. Вчера утром со мной говорил Амин. Посоветовавшись предварительно с Леонидом Ильичом, я сказал ему о той большой помощи, которую мы оказываем и дальше будем оказывать. Амин говорит, что Советский Союз — это наш лучший, первый друг. Далее он стал жаловаться на то, что Пакистан и Иран засылают огромное количество диверсантов, которые готовятся на территории Пакистана китайскими советниками, снабжаются китайским оружием, а затем переправляются через границу в Афганистан.

В Афганистане очень сильная оппозиция со стороны феодалов.

Далее он завел речь о Герате, так же, как и Тараки, просил направить танки. Я сказал ему о той помощи, которую мы наметили оказать Афганистану поставкой оружия. Он ответил, что эта помощь хорошая, но главное — это направить войска.

БРЕЖНЕВ. У них распадается армия, а мы здесь должны будем вести за нее войну.

УСТИНОВ. У нас имеется в афганской армии большое количество советников, там есть и переводчики. Я сказал Амину, что мы можем дополнительно направить некоторое количество переводчиков.

Если говорить о существе дела, то в Афганистане нет по существу никакой информации, нет связи Кабула с Гератом. Там действует одна маломощная электростанция, и поэтому восставшие части, изменившие правительству, уходят в горы.

Сегодня положение в Герате несколько лучше. В городе спокойно. Технику мы должны будем, конечно, посылать. Посылаем ее много. Мы формируем две дивизии по Туркестанскому военному округу, одну дивизию — по Среднеазиатскому военному округу. Три полка могут быть буквально через три часа в Афганистане. Но я, конечно, это говорю лишь только потому, чтобы подчеркнуть нашу готовность. Я также, как и другие товарищи, не поддерживаю идею ввода войск в Афганистан. Я бы просил разрешения провести нам на границе с Афганистаном тактические учения, развернуть полки и дивизии.

Нужно сказать, что афганское руководство плохо решает очень многие вопросы и работать нашим советникам в таких условиях там очень трудно.

АНДРОПОВ. Первый вопрос, который нужно поставить, — это о трудностях обстановки. Вместе с тем обстановка все же не безнадежная. В чем суть дела сейчас в Афганистане? Дело в руководстве. Руководство не знает сил, которые поддерживают его и на которые можно было бы опереться. Сегодня, например, прошла довольно солидная демонстрация в Кабуле и Герате, но руководители не использовали в должной мере этих массовых мероприятий. Разъяснительная работа поставлена плохо не только в армии, но и среди населения вообще. Своих политических противников они расстреливают. Радио не прослушивается, потому что передатчики очень слабые. Нам нужно будет помочь им передвижными радиостанциями.

Амин держал в своих руках по существу всю власть, и только вчера они утвердили нового начальника госбезопасности, начальника штаба. Таким образом, несколько расширяется политическая база в руководстве.

С нашей стороны там имеются советники во главе с главным советником по партийной линии т. Веселовым.

По-моему, это недостаточно сильный работник, он слабо справляется с положением. Может быть, нам послать туда какого-то товарища из аппарата ЦК. Там советников много. Есть советники по линии КГБ, которых также много.

Я думаю, что относительно ввода войск нам решения принимать не следует. Ввести свои войска — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, и мы не можем допустить этого.

ПОНОМАРЕВ. У нас в Советском Союзе имеется 460 афганских военнослужащих. Это почти готовые офицерские кадры, их можно было бы направить в Афганистан.

ОГАРКОВ. Афганцы обратились с просьбой ускорить подготовку 160 офицеров.

УСТИНОВ. Надо с т. Тараки поговорить о том, чтобы этих людей мы могли туда направить и использовать их там в качестве офицеров.

КАПИТОНОВ, Что касается нашего главного советника по партийным делам т. Веселова, то это хороший работник. Он был у нас инспектором ЦК, в последнее время работал вторым секретарем Башкирского обкома партии. Это молодой, энергичный товарищ.

ПОНОМАРЕВ. Тов. Тараки, Амин допустили серьезные ошибки в обращении с членами партии «Парчам». Многих товарищей из этой партии просто расстреляли.

УСТИНОВ. Наши партийные советники не обладают достаточными качествами и там их очень мало, всего, по-моему, 5 человек, а работу проводить надо очень большую.

КАПИТОНОВ. Да, там действительно всего находится у нас 5 человек во главе с т. Веселовым. Но мы сейчас подберем еще дополнительно несколько товарищей и направим туда.

БРЕЖНЕВ. Я думаю, что нам следует одобрить мероприятия, которые были выработаны в течение этих дней.

ВСЕ. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Следует поручить соответствующим товарищам осуществлять их энергично и если возникнут новые вопросы в связи с событиями в Афганистане, то

вносить их в Политбюро.

ВСЕ. Правильно.

БРЕЖНЕВ. Таким образом, мы принимаем решение: принять в СССР т. Тараки завтра, 20 марта. Переговоры будут вести Косыгин, Громыко и Устинов, а затем я приму его.

ВСЕ. Это очень хорошо.

«Народ вам этого не простит»

20 марта Тараки прилетел в Москву, пытаясь именно здесь отыскать выход из критического положения, которое создалось в Афганистане. Обещания советской стороны срочно отправить в страну гражданские грузы он выслушивал, конечно же, внимательно и с благодарностью. Но сейчас ему нужны были военная техника, вооружение, боеприпасы и — самое главное — советские солдаты. Именно это, по его мнению, могло спасти афганскую революцию, которая находилась в полушаге от пропасти.

Первыми советскими руководителями, с которыми встретился в этот день Тараки, были А. Н. Косыгин, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и Б. Н. Пономарев.

Совершенно секретно.
Особая папка

КОСЫГИН. Политбюро поручило нам обсудить с Вами все вопросы, по которым Вы считаете нужным обменяться мнениями. Как я уже говорил Вам, на 18–18.30 запланирована Ваша встреча с Л. И. Брежневым.

Мы вначале предполагали предоставить Вам первому слово, но поскольку с Вашей стороны уже ставился один важный вопрос, то я бы хотел сначала изложить наше мнение, а затем мы со всем вниманием выслушаем Вас.

Прежде всего мне хотелось бы подчеркнуть, что дружба между Советским Союзом и Демократической Республикой Афганистан не является конъюнктурной, продиктованной какими-то временными соображениями, а рассчитана на века. Мы оказывали и будем оказывать вам помощь в борьбе со всеми врагами, которые выступают против вас в настоящее время, и против тех врагов, с которыми вам, возможно, придется столкнуться в будущем.

Мы внимательно обсуждали положение дел, создавшееся в вашей стране, искали такие пути оказания вам помощи, которые в наилучшей степени отвечали бы интересам нашей дружбы и вашим отношениям с другими странами. Пути решения возникших у вас проблем могут быть разными, но наилучшим из них является путь, который сохранил бы авторитет вашего правительства в народе, не испортил бы отношения

Афганистана с соседними государствами, не нанес бы ущерба международному престижу вашей страны. Нельзя допускать того, чтобы дело выглядело таким образом, будто бы вы не смогли сами справиться со своими собственными проблемами и пригласили на помощь иностранные войска. Хотел бы привести пример Вьетнама. Вьетнамский народ выдержал тяжелую войну с США и сейчас борется с китайской агрессией, но никто не может обвинить вьетнамцев в том, что они использовали иностранные войска. Вьетнамцы сами мужественно защищают свою родину от агрессивных посягательств.

Мы считаем, что у вас в стране есть достаточно сил, чтобы противостоять вылазкам контрреволюции. Их надо только по-настоящему объединить, создать новые воинские формирования. По телефону мы говорили с Вами о том, что к созданию новых воинских частей нужно приступить уже сейчас с учетом того, что какое-то время потребуется на их обучение и подготовку. Но и в данный момент вы располагаете достаточными силами для того, чтобы справиться с создавшейся ситуацией. Нужно только вести дело правильно. Взять хотя бы пример с Гератом. Казалось, что все рушится, что противник прочно обосновался там, что город превращен в центр контрреволюции. Но когда вы за это дело взялись по-настоящему, вы сумели овладеть положением. Только что мы получили сообщение о том, что сегодня, в 11 часов утра военный городок в Герате, где дислоцируется мятежная часть 17-й пехотной дивизии, после авиационных бомбовых ударов захвачен батальоном десантников, поддержанных танками, прибывшими из Кандагара. Верные правительству войска закрепляют и развивают успех.

Свои же задачи на нынешнем этапе мы видим в том, чтобы охранять вас от всяких возможных международных осложнений. Мы будем оказывать вам помощь всеми возможными средствами — поставлять вооружение, боеприпасы, направлять людей, которые могут быть вам полезными в обеспечении руководства военными и хозяйственными делами страны, специалистов для обучения вашего военного персонала обращению с самыми современными видами оружия и боевой техники, которые мы вам направляем. Ввод же наших войск на территорию Афганистана сразу же возбудит

международную общественность, повлечет за собой резко отрицательные многоплановые последствия. Это по существу будет конфликт не только с империалистическими странами, но и конфликт с собственным народом. Наши общие враги только и ждут того момента, чтобы на территории Афганистана появились советские войска. Это им даст предлог для ввода на афганскую территорию враждебных вам вооруженных формирований. Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится. Нельзя не видеть, что нашим войскам пришлось бы бороться не только с внешним агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает. Кроме того, как только наши войска пересекут границу, Китай и все другие агрессоры получат реабилитацию.

Мы пришли к выводу, что на данном этапе наилучшими с точки зрения оказания вам наиболее эффективной поддержки будут методы нашего политического воздействия на соседние страны и предоставление большой и разносторонней помощи. Таким путем мы достигнем гораздо большего, чем вводом наших войск. Мы глубоко убеждены, что политическими средствами, которые предпринимаются и с нашей, и с вашей стороны, мы можем одолеть врага. Мы уже беседовали с Вами о том, что Афганистану следовало бы наладить хорошие отношения с Ираном, Пакистаном и Индией с тем, чтобы лишить их любых предлогов для вмешательства в ваши дела. Что касается нас, то сегодня мы направляем два документа руководителям Ирана и Пакистана, в которых со всей серьезностью говорим, чтобы они не вмешивались в дела Афганистана. Мы этот шаг предпринимаем сами, не втягиваем вас в это дело. Вот, в основном, соображения, крторые мы хотели откровенно, по-товарищески изложить Вам.

Н. М. ТАРАКИ. Очень признателен Вам за обстоятельное изложение позиции советского руководства по вопросу, который я хотел обсудить. Я тоже говорю прямо, откровенно, как ваш друг. Мы, в Афганистане, также считаем, что возникающие

проблемы должны в первую очередь решаться политическими средствами и что военные акции должны носить вспомогательный характер. В политическом плане мы предприняли ряд мер и убедились, что большинство народа остается на нашей стороне. После моего выступления по радио с разъяснением характера гератских событий, в ряде городов страны в течение только одного дня состоялось 102 демонстрации, участники которых несли лозунги с осуждением Хомейни и его приспешников. Это убедило нас в том, что наши внутренние противники не столь уж многочисленны. Обрадовали нас и сообщения о том, что часть войск, принимавших участие в мятеже, сложила оружие.

Со своей стороны также хочу подчеркнуть, что отношения между нашими странами — это не просто обычные межгосударственные отношения. Они базируются на классовой основе, на общности идеологии и политики. В нашей стране, как и у вас, власть принадлежит рабочему классу и крестьянству, которые вырвали ее из рук аристократии и феодалов. Наша революция вызвала злобную реакцию со стороны наших классовых врагов. Проводимые нами революционные преобразования — освобождение крестьян от долговой зависимости от помещиков и феодалов, наделение землей безземельных крестьян и другие мероприятия — укрепили авторитет нашего правительства среди афганского народа, нашли положительный отклик среди народов Пакистана и Ирана. Это напугало реакционные силы этих стран, которые активизировали свои подрывные действия против нашей страны, усилили клеветническую пропаганду, стали засылать на нашу территорию террористические банды. Свою пропаганду против нас они начали с того, что объявили нас отступниками от ислама. Затем стали обвинять нас во всех других смертных грехах. Пакистанская пропаганда извращала принятые нами меры по социальному освобождению женщин, которым мы обеспечили достойное положение в обществе. Когда же мы приступили к земельной реформе, правящие круги Пакистана, увидев, что она оказывает революционизирующее влияние на пакистанский народ, перешли к политике саботажа и подрывных действий против нас. Правителей Пакистана очень напугало, что

по всей стране у них прокатились демонстрации, выступавшие под лозунгами «Да здравствует Демократическая Республика Афганистан!», «Да здравствует Тараки!».

На нашу территорию стали засылаться не только «братья-мусульмане», бежавшие из Афганистана после революции, но и целые воинские подразделения, переодетые в афганскую военную форму, которые занимаются диверсиями и саботажем. После моего визита в Советский Союз и подписания очень важного договора между нашими странами американские империалисты и другие реакционеры сильно озлобились на Демократическую Республику Афганистан. Они поняли, что Афганистан окончательно потерян для Запада. Средства массовой информации США, Пакистана и Ирана распространяли всякого рода клеветнические материалы, в которых поносили нас. В тесной дружбе Афганистана с Советским Союзом кроется главная причина антиафганской деятельности империалистов и реакционеров.

Мы сегодня говорили с Вами о том, что Афганистану следовало бы поддерживать хорошие отношения с Пакистаном, Ираном и Индией. Этого будет трудно достичь, т. к. ни Иран, ни особенно Пакистан не хотят дружбы с нами.

КОСЫГИН. Вот только что получено заявление Зия-уль-Хака, в котором он говорит о том, что события в Афганистане являются внутренним делом этой страны и что Пакистан не будет в них вмешиваться. В этом заявлении говорится также, что пакистанское правительство будет предоставлять лишь гуманную помощь 35 тыс. беженцев из Афганистана, но до тех пор, пока их деятельность не станет наносить ущерба отношениям Пакистана с Афганистаном.

ТАРАКИ. Они только говорят о гуманизме, а сами создают лагеря для подготовки диверсантов против нас.

КОСЫГИН. Не думайте, конечно, что мы настолько наивны, чтобы полностью принимать на веру слова Зия-уль-Хака, но как бы там ни было, заявление сделано, и оно обязывает.

ПОНОМАРЕВ. По-видимому, это заявление Зия-уль-Хака является реакцией Пакистана на статью в газете «Правда».

КОСЫГИН. Понятно, что пакистанцы

забеспокоились. Они почувствовали, что не только вы, но и мы оказываем на них нажим.

ТАРАКИ. «Правда» очень своевременно опубликовала статью с осуждением происков против ДРА. Эта статья произвела глубокое впечатление на наших соседей. Я, конечно, согласен с Вами в том, что необходимо принимать меры политического воздействия и что война — очень рискованная вещь. Было бы излишним подробно останавливаться на вопросе о том, почему пакистанцы, иранцы, американцы и китайцы ведут против нас подрывную деятельность, Я хочу лишь подчеркнуть, что мы были и останемся вашими друзьями, что мы никогда не будем ни с кем так близки, как с вами. Мы учились и учимся у Ленина. Мы хорошо знаем ленинские указания о том, как строить свои отношения с соседними государствами.

Мы стремимся к хорошим отношениям с соседями, но нам мешают американцы, которые занимаются нагнетанием напряженности, подрывной деятельностью против прогрессивных государств. Они проводили такую политику против молодой Советской республики в прошлом, ведут ее сейчас против Кубы, Эфиопии, Мозамбика, Южного Йемена. Мы противостоим этим происка м, делаем все, чтобы править страной не силой оружия, а завоевывать авторитет в народе революционно-демократическими преобразованиями в интересах трудового народа. На эти цели мы уже израсходовали 200 млрд. афгани. Народ это чувствует и понимает, кто его друг, а кто — враг. Увидев, что пропаганда против нашего правительства не находит в афганском народе широкого отклика, духовники изменили тактику и стали кричать о том, что Афганистан стал просоветским, прокоммунистическим, что в стране находятся 10 тыс. советских людей, которые, мол, всем заправляют в Афганистане.

Резюмируя изложенное, хотел бы сказать, что нас беспокоит возможность засылки инфильтрантов из Ирана и Пакистана, хотя, конечно, ваше обращение к руководителям Пакистана и Ирана будет очень полезным, окажет на них отрезвляющее действие.

КОСЫГИН. Вот еще есть новости. Иранское правительство отдало распоряжение о том, чтобы все иностранные рабочие покинули страну к 21 апреля, а иностранные специалисты выехали из Ирана к 21 июня.

Что касается специалистов, которые, как отмечается в заявлении, представляют особую ценность для иранской экономики, то вопрос об их отъезде будет решаться индивидуально, в каждом конкретном случае.

ТАРАКИ. Эта оговорка, скорее всего, сделана для американцев. У нас есть сведения, что иранское правительство уже вернуло в страну американских специалистов, занимавшихся там сборкой вертолетов.

КОСЫГИН. Да, мы тоже слышали об этом, но наших специалистов в Иране возможно больше, чем американских. Если встанет вопрос об отъезде наших специалистов, то у иранцев не сможет функционировать крупный металлургический завод, остановятся другие важные предприятия. А сколько афганцев находятся на заработках в Иране?

ТАРАКИ. Их не менее 200 тыс. Они выехали в Иран 5-6 лет тому назад, еще при режиме Дауда и даже раньше. Если их будут высылать, то под видом афганских рабочих к нам будут засылаться диверсанты, так как очень трудно определить по внешнему виду, кто является иранцем, а кто афганцем. Мне хотелось бы затронуть вопрос о нуждах афганской армии. Мы бы хотели получить бронированные вертолеты, дополнительное количество бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а также современные средства связи. Если будет изыскана возможность направления персонала для их обслуживания, то это было бы очень большой помощью нам.

УСТИНОВ. Речь, видимо, идет о вертолетах МИ-24, которые имеют пуленепробиваемую броню. Таких вертолетов вам будет поставлено 6 штук в течение июня-июля и еще 6 штук в четвертом квартале этого года. Может быть, нам удастся приблизить сроки поставок.

ТАРАКИ. Мы очень нуждаемся в таких вертолетах, и было бы хорошо, если бы они поступили вместе с пилотами.

КОСЫГИН. Мы, конечно, можем направить специалистов, которые обслуживали бы эти вертолеты на аэродроме, но, конечно, не боевые экипажи. Мы уже говорили с Вами по этому вопросу.

УСТИНОВ. Вам нужно готовить своих пилотов. У нас обучаются ваши офицеры, и мы можем ускорить их выпуск.

ТАРАКИ. А может быть, нам взять вертолетчиков из

Ханоя или из какой-либо другой страны, например, Кубы?

КОСЫГИН. Как я уже говорил ранее, мы много помогали и помогаем Вьетнаму, но вьетнамцы никогда не ставили вопроса о направлении им наших вертолетчиков. Они сами говорили нам, что им нужны только технические специалисты, а боевые экипажи они сформируют из своих людей. У нас учится 400 чел. афганских офицеров, их список у Вас имеется. Отберите нужных вам людей, и мы можем ускорить их подготовку, выпустить их досрочно.

ТАРАКИ. Мы бы очень хотели, чтобы поставка вертолетов была ускорена. В них есть очень большая нужда.

КОСЫГИН. Мы дополнительно рассмотрим вашу просьбу, и если удастся, мы ускорим поставку вертолетов.

УСТИНОВ. Но вы должны одновременно позаботиться и о пилотах для этих вертолетов.

ТАРАКИ. Конечно, мы сделаем это. Если мы не найдем их у себя, то поищем в других странах. Мир большой. Если вы не согласитесь на это, то мы будем искать пилотов среди афганцев, обучающихся у вас, но нам нужны преданные люди, а среди афганских офицеров, которые направлены на учебу в Советский Союз раньше, есть много «братьев-мусульман» и прокитайцев.

КОСЫГИН. Конечно, вам нужно разобраться с людьми, которые обучаются у нас. Братьев-мусульман мы можем вообще отправить обратно, а из числа тех людей, которым вы доверяете, мы можем сделать досрочные выпуски.

УСТИНОВ, В этом году заканчивают учебу 190 афганских офицеров, среди которых 16 чел. летчиков и 13 чел. вертолетчиков. Через главного военного советника в Афганистане генерала Горелова мы передадим вам список выпускников по специальностям. Вы сами сможете произвести отбор нужных вам людей.

ТАРАКИ. Хорошо. Мы сделаем это. Однако трудность заключается в том, что мы не знаем людей, принадлежащих к контрреволюционным группировкам, поименно. Нам лишь известно, что при Дауде в Советский Союз засылались члены организации «Братья-мусульмане» и прокитайской группировки «Шоалее

Джавид». Мы постараемся разобраться.

КОСЫГИН. Вы, видимо, ставите вопросы о поставках военной техники с учетом того решения, о котором мы сообщили в Кабуле вчера вечером? В этом решении речь идет о крупных военных поставках, о поставках 100 тыс. т пшеницы, о повышении цены на афганский природный газ с 24 до 37 долл. за 1000 м^3. Успели ли Вы ознакомиться с этим документом?

ТАРАКИ. Нет. Мне, видимо, не успели о нем доложить.

КОСЫГИН. Скорее всего, этот документ поступил в Кабул перед Вашим вылетом в Москву. Вот о каких решениях в этом документе говорится. В марте с. г. вам будет дополнительно и безвозмездно поставлены 33 шт. БМП-1, 5 шт. МИ-25, 8 шт. МИ-8Т, а также 50 шт. БТР-6 Опб, 25 шт. бронированных разведавтомобилей, 50 шт. противосамолетных установок на подвижных средствах, зенитная установка «Стрела». 18 марта к вам уже направлено 4 вертолета МИ-8, 21 марта поступит еще 4 вертолета. Все это предоставляется вам безвозмездно.

ТАРАКИ. Благодарю за такую большую помощь. В Кабуле я более подробно ознакомлюсь с этим документом. Сейчас мне хотелось бы сказать, что 100 тыс. т пшеницы нам недостаточно. Этой осенью мы не сможем собрать полного урожая, т. к. помещики, у которых отбирается земля, не засеяли ее, а в ряде мест посевы уничтожены.

КОСЫГИН. 100 тыс. т пшеницы вам будут поставляться по мере того, как вы сможете ее принимать на границе и завозить в страну. У вас, очевидно, будут трудности с транспортировкой пшеницы исходя из того, что, как нам говорили специалисты-транспортники, ваши перевалочные пункты смогут обработать только 15 тыс. т пшеницы в месяц. Пока эти 100 тыс. т будут перерабатываться, мы будем думать, что можно будет сделать в дальнейшем.

ТАРАКИ. Раньше Пакистан обещал продать нам 200 тыс. т, но потом отказался от своего обещания. Отказалась также и Турция от поставки 70 тыс. тонн. Нам, по крайней мере, нужно сейчас еще 300 тыс. т пшеницы.

КОСЫГИН. Если вы были готовы платить за пакистанскую пшеницу, то, очевидно, у вас есть деньги? Мы можем купить для вас пшеницу у американцев и

осуществить ее поставку в Афганистан. Например, 200 тыс. т пшеницы обойдутся в 25 млн. руб. (40 млн. долларов).

ТАРАКИ. Нам будет трудно найти такую сумму.

КОСЫГИН. Найдите столько, сколько сможете, и мы на эту сумму закупим для вас пшеницу.

ТАРАКИ. Если нам не удастся изыскать средства, то мы будем просить вас помочь нам с пшеницей. Мы хотели бы также получить отсрочку платежей по вашим кредитам и процентам на них. Наш военный бюджет спланирован с надеждой на то, что такая отсрочка будет предоставлена.

КОСЫГИН. Безвозмездной поставкой военной техники мы уже оказали существенную помощь вашему военному бюджету. Мы дополнительно подумаем о том, чтобы предоставить вам некоторую отсрочку платежей по кредитам. Мы рассмотрим вопрос и сообщим, что можно будет сделать в этом направлении.

ТАРАКИ. Мы нуждаемся также в мощной радиостанции, которая позволила бы нам вести пропаганду на весь мир. Наша радиостанция маломощная. В то время как любое клеветническое заявление какого-нибудь религиозника разносится по всему миру западными органами массовой пропаганды, голос нашей радиостанции почти не слышен.

ПОНОМАРЕВ. Со своей стороны мы принимаем энергичные меры по пропаганде успехов ДРА и даем решительный отпор вашим врагам. О статье в «Правде» уже говорилось. В сегодняшнем ее номере опубликовано Ваше выступление. Оно будет передано по радио на Иран, Пакистан и другие страны. Таким образом мы помогаем компенсировать недостаточную мощность вашей радиостанции.

ТАРАКИ. Ваша пропагандистская поддержка для нас очень ценна, но мы хотели бы, чтобы весь мир слышал наш собственный голос. И поэтому просим вас оказать нам помощь в строительстве радиостанции мощностью в 1000 кВт.

КОСЫГИН. Мы изучим этот вопрос, посоветуемся со специалистами, но, насколько мне известно, строительство радиостанции требует значительного времени.

ПОНОМАРЕВ. Мы направляем в группу ваших партийных советников специалиста по пропаганде. Вы

можете высказать ему свои соображения о том, как обеспечить через соцстраны большую пропагандистскую поддержку.

УСТИНОВ. В связи с дополнительными поставками военной техники, видимо, возникнет необходимость в дополнительном направлении в Афганистан военных специалистов и советников.

ТАРАКИ. Если вы считаете, что такая потребность существует, то мы, конечно, примем их. А не разрешите ли вы все-таки использовать нам пилотов и танкистов из других социалистических стран?

КОСЫГИН. Когда мы говорим о наших военных специалистах, мы имеем в виду техников, которые обслуживают военную технику. Я не могу понять, почему возникает вопрос о пилотах и танкистах. Этот вопрос для нас совершенно неожиданный. И я думаю, что соцстраны вряд ли пойдут на это. Вопрос о направлении людей, которые сели бы в ваши танки и стреляли в ваших людей — это очень острый политический вопрос.

ТАРАКИ. Мы посмотрим, как мы можем использовать тех афганских военных, которые были направлены к вам на учебу раньше, Может быть, мы попросим вас принять на обучение людей, которых мы подберем сами.

УСТИНОВ. Мы, конечно, примем их на обучение.

КОСЫГИН. Подводя итоги состоявшейся беседы, можно констатировать, что за нами остается вопрос об оказании вам помощи в строительстве мощной радиостанции. Стоит также вопрос об ускорении поставки военной техники. Вы, как мы понимаем, будете подбирать пилотов для вертолетов из числа офицеров, получивших подготовку у нас. Если у вас возникнут какие-либо другие просьбы и пожелания, то вы можете сообщить о них через совпосла и главного военного советника. Мы будем их внимательно рассматривать и соответствующим образом реагировать.

Мы также договорились о проведении политических мер в защиту ДРА от империалистов и происков реакционеров. Мы будем продолжать оказывать политическое воздействие на них. Наша печать также будет оказывать постоянную поддержку ДРА.

Нам представляется важным, чтобы у себя в стране вы работали над расширением социальной опоры режима, привлекали на свою сторону народ, не

допускали того, чтобы между правительством и народом возникало отчуждение. И, наконец, последнее. Не для обсуждения, а в порядке пожелания мне бы хотелось высказать соображение о необходимости очень осторожного и бережного подхода к своим кадрам. Кадры нужно беречь, иметь к ним индивидуальный подход. Всесторонне и хорошо разобраться с каждым человеком, прежде чем вешать на них какой-либо ярлык.

ТАРАКИ. Идет ли речь об офицерах и генералах?

КОСЫГИН. И об офицерах, и о генералах, и о политических деятелях. Но повторяю, я говорю это не для дискуссии, а лишь выражаю наше пожелание.

ТАРАКИ. В целом мы стараемся бережно относиться к нашим кадрам. Однако гератские события показали нам, что в нашу среду проникли «братья-мусульмане», а на тех, кто действительно с нами, мы ярлыков не вешаем.

КОСЫГИН. Мы не предъявляем к вам никаких претензий. Мы просто говорим о том, что ошибки в кадровой политике очень дорого обходятся. Мы это испытали на себе. При Сталине, Вы знаете, многие наши офицеры сидели в тюрьмах. А когда разразилась война, Сталин вынужден был их направить на фронт. Эти люди показали себя подлинными героями. Многие из них выросли в крупных военачальников. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, но мы хотим высказать наше мнение насчет необходимости бережного отношения к кадрам.

ТАРАКИ. Насколько я понял из состоявшейся беседы, вы предоставляете и будете предоставлять нам помощь, но вы не гарантируете нас против агрессии.

КОСЫГИН. В такой плоскости мы с Вами вопроса не обсуждали. Мы говорили о данном этапе, о том, что сейчас наиболее эффективными являются средства политической защиты вашей страны. Вы не должны понимать нас так, как будто бы мы оставляем вас на произвол судьбы.

ТАРАКИ. Существует три вида поддержки — политическая, экономическая и военная. Два вида помощи вы нам уже оказываете, а как вы поступите, если на нашу территорию будет совершено нападение извне?

КОСЫГИН. Если будет иметь место вооруженное вторжение на вашу территорию, то это будет совершенно иная ситуация. А сейчас мы делаем все для того, чтобы

такого вторжения не было. И я думаю, что это нам удастся достичь.

ТАРАКИ. Я ставлю этот вопрос потому, что Китай настойчиво подталкивает пакистанцев против нас.

КОСЫГИН. Когда имеет место агрессия, то возникает совершенно иная ситуация, Китайцы убедились в этом на примере Вьетнама и теперь, образно говоря, кусают себе локти. Что касается Афганистана, то мы приняли ряд мер для того, чтобы оградить его от агрессии. Я уже говорил, что мы направили соответствующее послание президенту Пакистана, Хомейни и премьер-министру Ирана.

ТАРАКИ. Члены нашего Политбюро знают о моей поездке в Москву. По возвращении в Кабул я должен буду доложить им о результатах наших бесед. Должен ли я сказать им, что Советский Союз будет оказывать ДРА только политическую поддержку и другую помощь?

КОСЫГИН. Да, и политическую поддержку, и большую помощь по линии военных и других поставок. Это решение нашего Политбюро. Об этом Вам скажет Л. И. Брежнев на встрече с Вами, которая начнется через 10 минут. Я думаю, что Вы возвратитесь в Афганистан уверенным в нашей поддержке, уверенным в своих действиях.

ТАРАКИ. Выражает большое удовлетворение состоявшейся беседой, благодарит за большую помощь, которая оказывается Афганистану в переживаемый им критический момент.

«Ничего не жалейте для армии…»

Вечером 20 марта Брежнев встретился с Тараки. Кроме них в роскошном кабинете Генерального секретаря на Старой площади присутствовали А. Н. Косыгин, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и Б. Н. Пономарев.

Без долгих предисловий Брежнев сразу же перешел к главному. Правительству Афганистана, сказал он, нужно приложить максимальные усилия для того, чтобы исправить положение, которое сложилось в результате событий в Герате. Но и этого недостаточно. Конкретные шаги должны быть направлены не только на устранение угрозы, нависшей над новым правительством страны, но они должны содействовать и укреплению завоеваний революции.

В очередной раз говоря о расширении социальной базы, на которую могло бы опереться правительство, Брежнев отметил, что чрезвычайно важно сохранить единство правящей партии и не скатываться к междоусобице.

Продолжая свой монолог, Брежнев откровенно посетовал на слабую пропагандистскую работу афганского правительства.

Опережая возможный вопрос, Генсек поставил точку в обсуждении возможности ввода советских подразделений на территорию Афганистана. Ни вводить войска, ни заявлять публично о том, что они не будут введены, не следует.

После обсуждения работы военных советников и специалистов Брежнев поднял проблему прикрытия государственной границы Афганистана. Дескать, из Ирана и Пакистана в страну направляются тысячи вооруженных бандитов, перебрасываются оружие и боеприпасы, а граница как была, так и остается открытой. «Мы в Советском Союзе такого позволить себе не можем, — сказал он. — И, конечно же, надо сделать все для того, чтобы армия твердо стояла на стороне революционной власти, ничего не пожалеть для этого. Как поступить в сложившихся условиях, вам виднее. Хотел бы сказать только об одном. Важно, чтобы у командного состава было чувство уверенности в прочности своего положения. Нельзя многого ожидать от армии, если часто сменяются командные кадры. Это тем более справедливо, если смена кадров сопровождается арестами. Ведь многие командиры, видя, как их коллеги арестовываются и исчезают, сами начинают чувствовать неуверенность в своем будущем. Все это не означает, конечно, что не должны применяться репрессивные меры в отношении тех, против кого действительно есть серьезные улики в неверности

революционной власти. Но оружие это острое и применять его следует весьма и весьма осмотрительно».

Этим разговором Брежнева с Тараки в определенной степени была подведена черта под мартовскими волнениями в Герате, которые в буквальном смысле повергли в ужас революционное правительство Афганистана. За вспыхнувшим 15 марта антиправительственным мятежом пристально следили и в Москве. На этот раз Тараки и его окружение удалось успокоить и заставить взять ситуацию под свой контроль, не прибегая к помощи советских войск, о вводе которых он настоятельно просил, особенно в эти мартовские дни.

Вместе с тем гератские события заставили советское руководство предпринять некоторые решительные действия. В определенной мере этому способствовало то, что в первый же день восстания в Герате погибли военный советник и два наших специалиста, работавших в городе. Через два дня министр обороны Маршал СССР Д. Устинов приказал привести в готовность к десантированию посадочным способом в Афганистане воздушно-десантную дивизию, развернуть до полных штатов два мотострелковых полка в районе Кушки и перебросить одну мотострелковую дивизию с территории Среднеазиатского военного округа под Термез. 18 марта по указанию маршала Устинова были развернуты еще две мотострелковые дивизии Туркестанского военного округа. В апреле с ними были проведены учения, после завершения которых приписной состав был направлен к своим военкоматам. Эти организационные мероприятия, видимо, должны были продемонстрировать, что Советский Союз внимательно следит за развитием обстановки в соседнем Афганистане и готов выполнить заключенный ранее договор.

Хроника конфликта

23 марта в результате ожесточенных боев вооруженным отрядам оппозиции удалось захватить населенные пункты Калайи-Нау и Гормач, которые были освобождены лишь через несколько дней.

Резко активизировалась боевая деятельность мятежников в горных районах рядом с Джелалабадом, 25 марта правительственные войска были вынуждены оставить город Баламургаб. Ожесточенные бои велись в пригородах Асадабада. В этот же день вооруженные формирования оппозиции предприняли попытку захватить город Джаджи в приграничной с Пакистаном провинции Пактия.

30 марта мятежники резко активизировали свою деятельность в районе Кайсар, что пятьюдесятью километрами юго-западнее Меймене, бандформирования феодалов совершили несколько нападений на гарнизоны правительственных войск в районах Асмар и Маногай, которые расположены в двадцати пяти километрах северо-западнее Асадабада.

«Подрывные действия, саботаж и сопротивление»

Оперативная информация, поступавшая из Афганистана по линии советского посольства, разведки и наших советников, внимательно изучалась аналитиками. На основе их выводов министрами иностранных дел, обороны, председателем КГБ и заведующим Международным отделом ЦК КПСС составлялись «Записки ЦК КПСС», которые были предназначены для очень узкого круга лиц и рассылались только членам Политбюро. Такие «Записки» содержали не только анализ причин возникшей ситуации, в частности в Афганистане, но и конкретные рекомендации советскому политическому руководству. Одна из них была представлена А. Громыко, Ю. Андроповым, Д. Устиновым и Б. Пономаревым членам Политбюро 1 апреля 1979 года. Через одиннадцать дней Политбюро согласилось с изложенными соображениями и, в значительной степени исходя из них, определило свою дальнейшую линию в связи с положением в Афганистане.

Совершенно секретно.
Особая папка
ЦК КПСС

В соответствии с поручением от 18 марта с. г. (№П147/П) докладываем анализ причин возникшего в последнее время обострения обстановки в Демократической Республике Афганистан и соображения о наших возможных дальнейших шагах по оказанию помощи руководству ДРА в деле укрепления его позиций и стабилизации положения в стране.

Свершившаяся в апреле прошлого года в Афганистане революция произошла в экономически отсталой феодальной стране с крайне примитивными формами хозяйства и ограниченными внутренними ресурсами. Прежний режим оставил после себя целый ряд острых социально-экономических и политических проблем.

В условиях развернувшейся острой классовой войны на одном полюсе оказалась Народно-демократическая партия Афганистана, выражающая интересы трудового народа, а на другом — силы, представляющие интересы помещичье-феодальных кругов, компрадорской

буржуазии, наиболее реакционной части духовенства.

Силы афганской реакции умело используют практически сплошную неграмотность населения, сложные межнациональные и племенные противоречия, религиозный фанатизм и крайний национализм.

Подрывные действия, саботаж и сопротивление со стороны свергнутых эксплуататорских классов усугубляют экономические трудности, ведут к сокращению промышленного и сельскохозяйственного производства, падению деловой активности, росту цен, уменьшению поступлений в госбюджет.

Действия реакционных сил, которые на данном этапе возглавляются мусульманскими лидерами, опирающимися на организацию «Братьев-мусульман», смыкаются на базе общего враждебного отношения к новому строю с активной контрреволюционной деятельностью сепаратистских и националистических группировок, а также промаоистской организации «Шоалее Джавид», Преодолев растерянность, связанную с быстрой и довольно неожиданной для них победой апрельской революции, реакционные силы в последнее время в значительной мере консолидировались. Они начали менять и сами формы борьбы — переходить от скрытых подрывных к открытым вооруженным действиям, сумели не только перегруппироваться внутри страны, но и наладить широкие связи с внешними империалистическими и клерикальными кругами, от которых получают активную пропагандистскую поддержку, а также помощь оружием и деньгами. Тактика врагов революции состоит в том, чтобы расширить фронт борьбы, заставить правительство распылить свои ударные силы, рассредоточить их по разным районам страны.

Реакция выступает под лозунгами крайнего антикоммунизма и антисоветизма, ставит своей политической целью свержение революционно-демократического строя, создание в Афганистане «свободной исламской республики».

Программа Народно-демократической партии Афганистана предусматривает осуществление широких политических и социально-экономических преобразований в интересах трудящихся масс, но эта программа еще только начинает проводиться в жизнь, и основная масса населения не ощутила преимуществ

нового строя, не оценила его прогрессивного характера. Преодоление вековой отсталости страны, устранение трудностей и решение проблем, с которыми с самого начала столкнулась новая власть, требуют времени, поэтапного планомерного и хорошо продуманного подхода. Руководителям демократического Афганистана приходится по существу заново создавать государственный аппарат, реорганизовывать и укреплять вооруженные силы страны, накапливать практический опыт партийного и государственного строительства.

Слабой стороной народной власти является то, что она не создала еще для себя настоящей опоры в лице провинциальных, городских и сельских административно-политических органов, через которые в управление делами государства как в центре, так и особенно на местах, вовлекались бы трудящиеся.

Серьезные трудности для новой власти представляют собой проблемы ее взаимоотношений с духовенством и вождями оппозиционных племен — двумя влиятельнейшими в условиях Афганистана силами. Решения данных проблем, требующих осмотрительного, взвешенного подхода, пока не найдено, и обе эти силы продолжают оставаться опасными противниками нынешнего режима. Именно они играют наиболее активную роль в контрреволюционных выступлениях. Толчком к активизации антиправительственных выступлений духовенства в Афганистане послужили и события в Иране, сопровождавшиеся вспышкой религиозного фанатизма на всем мусульманском Востоке.

Трудности, испытываемые руководством ДРА, осложняются тем, что НДПА еще не превратилась в массовую политическую организацию. Передовые рабочие и беднейшие крестьяне в ее состав вовлекаются очень медленно. Партии пока не удалось охватить своим влиянием те круги афганского общества, которые можно было бы привлечь на сторону революции: интеллигенцию, служащих, мелкую буржуазию, низшие слои духовенства.

Сама партия после апрельской революции претерпела раскол, что существенно ослабило ее позиции, влияние и авторитет. НДПА продолжает оставаться не только малочисленной, но и серьезно ослабленной в результате внутрипартийной борьбы

между группировками «Хальк» и «Парчам». Наиболее видные руководители группировки «Парчам» были либо уничтожены физически, либо отстранены от партийной работы, изгнаны из армии и госаппарата, а некоторые из них оказались за границей в положении политэмигрантов. Создавшееся положение отрицательно действует и на ту часть парчамовцев, которая все еще остается в партии. Эти люди проявляют боязнь, подозрительность и недоверие к руководству НДПА. Дело усугубляется и частой сменой руководителей важных административных единиц как в центре, так и на периферии, постоянным перемещением офицерских кадров.

Враги революции действуют как внутри страны, так и извне, прежде всего с территории Пакистана и Ирана, куда бежало немало противников нового строя в Афганистане. По имеющимся данным, к организации антиправительственных выступлений в стране причастны также западные спецслужбы, в первую очередь американские, и китайская агентура. Они пользуются, в частности, тем, что границы Афганистана с Пакистаном и Ираном практически остаются открытыми. Через эти границы осуществляется засылка не только диверсионных и террористических групп, но и крупных вооруженных банд.

Внутренняя и внешняя контрреволюция стремится использовать не только объективные трудности нового строя, но также просчеты и существенные ошибки афганского руководства. Известно, что после победы апрельской революции при решении как внутрипартийных, так и государственных вопросов часто допускались перегибы, неоправданные репрессии, имело место сведение личных счетов, в ходе расследований дел арестованных допускалось насилие.

Недовольство необоснованными репрессиями затронуло и армию, которая была и остается главной опорой режима, и это также в значительной мере облегчило задачи контрреволюции по дискредитации нового строя не только внутри страны, но и за границей. Многие командиры, видя, что их коллеги арестовываются и исчезают, испытывают чувство неуверенности, опасаются арестов. Это подтвердили и события в Герате, где не только значительная часть населения, но и отдельные армейские подразделения по

инициативе их командиров оказались на стороне мятежников.

События в Герате показали также слабость политико-массовой, агитационно-пропагандистской работы НДПА среди народа. Подрывная работа, проводимая всякого рода врагами нового строя, в том числе реакционным духовенством, гораздо активнее и масштабнее той политической работы, которая велась представителями партии на местах.

Советское руководство неоднократно давало руководителям ДРА, в том числе и на самом высоком уровне, соответствующие рекомендации и советы, обращало внимание на их ошибки и перегибы. Однако афганские руководители, проявляя недостаточную политическую гибкость и отсутствие опыта, далеко не всегда и не во всем учитывали эти советы.

Недостаточный политический опыт руководителей ДРА проявился и в разгар событий в Герате, когда выявилось непонимание ими тех возможных далеко идущих политических последствий, с которыми был бы сопряжен ввод в страну советских войск, если бы Советская Сторона пошла на удовлетворение соответствующей просьбы афганского руководства.

Между тем ясно, что ввиду преимущественно внутреннего характера антиправительственных выступлений в Афганистане участие советских войск в их подавлении, с одной стороны, нанесло бы серьезный ущерб международному авторитету СССР и отбросило бы далеко назад процесс разрядки, а с другой — обнаружило бы слабость позиций правительства Тараки и могло бы еще больше поощрить контрреволюционные силы внутри и вне Афганистана к расширению масштабов антиправительственных выступлений. Тот же факт, что афганское правительство сумело подавить мятеж в Герате своими силами, должен оказать сдерживающее влияние на контрреволюцию, продемонстрировав относительную прочность нового строя.

Таким образом, наше решение воздержаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений в Афганистане, исключать возможность которых не

приходится.

При этом, разумеется, с нашей стороны должно и впредь делаться все от нас зависящее для того, чтобы помочь правительству Демократической Республики. Афганистан дать отпор контрреволюционным силам, стабилизировать положение в стране, укрепить свое влияние и повести за собой народные массы по пути социалистических преобразований.

С первых дней победы апрельской революции в Афганистане Советский Союз оказывает новой власти активную политическую поддержку в международном плане, осуществляет широкую помощь в экономической области, в укреплении вооруженных сил страны, в подготовке квалифицированных кадров. По просьбам правительства ДРА в Афганистан направлено по многим линиям большое число советников и специалистов, которые оказывают существенную помощь в решении проблем, стоящих перед руководством ДРА.

В порядке продолжения этой работы с учетом принятых за последнее время дополнительных решений по Афганистану представляется необходимым:

1. Продолжать оказывать содействие руководству ДРА в повышении боеспособности и политико-морального состояния афганской армии, в обеспечении верности и преданности ее народной революционной власти, в укреплении и повышении эффективности органов безопасности, включая пограничную службу.

Имея в виду, что в связи с последними событиями в Афганистан уже поставлены и подлежат поставке в ближайшее время значительные дополнительные количества вооружений и военной техники, расширена подготовка военных специалистов для вооруженных сил ДРА как в самом Афганистане, так и в военных учебных заведениях Советского Союза, следует особый акцент делать на необходимость своевременного и эффективного освоения поставляемого оружия и техники. Это же относится и к помощи, оказываемой по линии органов безопасности.

2. Оперативно рассматривать и решать в пределах наших возможностей вопросы оказания экономической помощи Афганистану, особенно такой, которая бы содействовала быстрейшему укреплению политических позиций революционно-демократического режима в стране. Нацеливать афганских руководителей на

развитие в первую очередь тех отраслей экономики, которые укрепляли бы производительные силы страны, содействовали бы решению социальных проблем, обеспечению занятости населения.

3. При контактах с руководством ДРА по всем линиям постоянно подчеркивать особую важность задачи расширения политической базы, на которую опираются партия и правительство.

В частности, следует внушать руководителям ДРА мысль о важности последовательного осуществления намеченных социально-экономических преобразований, в том числе земельной реформы, действуя здесь продуманно, без забеганий вперед и перегибов, и уделяя необходимое внимание политико-идеологической стороне осуществляемых реформ. До сознания крестьян, например, должно быть доведено, что они получают землю именно благодаря апрельской революции и что они ее потеряют, если не защитят народно-революционную власть. Такая же разъяснительная работа должна проводиться и в связи с другими социально-экономическими реформами.

В интересах расширения политической базы НДПА следует подводить афганское руководство к мысли о необходимости постепенного перехода к созданию выборных органов при безусловном, конечно, сохранении и укреплении руководящей роли партии в государственной и политической структуре страны, а также к мысли о целесообразности разработки и последующего принятия конституции, закрепляющей демократические права народа и регламентирующей действия государственных органов.

4. В контактах с афганскими руководителями продолжать разъяснять им, насколько исключительно важным является обеспечение единства руководства и сплоченности рядов партии наряду с ее численным ростом. Напоминать им также о целесообразности коллегиального принятия важнейших решений по партийной и государственной линиям. Осуществлять практическую помощь Народно-демократической партии Афганистана и руководству ДРА в постановке организационно-партийной, массово-разъяснительной работы и подготовке партийных и государственных кадров.

5. Продолжать обращать внимание афганского

руководства на необходимость проведения надлежащей работы среди мусульманского духовенства страны, добиваясь его расслоения и подрыва влияния реакционных мусульманских лидеров в массах. Достичь этого можно показом на конкретных фактах свободы религии в стране и того, что новая власть не преследует духовенство как таковое, а карает только тех, кто на деле действует против революционного строя.

6. Следует продолжать убеждать руководителей ДРА в необходимости введения и строгого соблюдения определенного правопорядка, основанного на революционной законности, в необходимости более взвешенного подхода к применению репрессивных мер. Это не означает, конечно, что не должны применяться репрессии в отношении тех, против кого действительно есть серьезные улики в неверности и тем более в, активном противодействии революции. Речь идет о том, что нельзя решать судьбу людей, в том числе партийных и военных кадров, на основе каких-то случайных и непроверенных сведений, причем решать по приговору «двоек» и «троек», без настоящего следствия и суда.

7. Имея в виду важность личного общения в плане доведения до сведения руководства ДРА наших взглядов и соображений по соответствующим вопросам, по мере нормализации обстановки в Афганистане следует практиковать на более регулярной основе обмен визитами на различных уровнях.

8. По дипломатическим, а также по специальным каналам продолжать принимать меры против вмешательства других стран, в частности соседних с Афганистаном, в его внутренние дела.

9. Оказывать афганским друзьям практическую помощь в налаживании политико-массовой работы, в том числе радиопропаганды, которая в условиях Афганистана, учитывая высокий процент неграмотности, имеет особенно важное значение.

В нашей пропаганде, рассчитанной на Афганистан, акцентировать внимание на традиции добрососедства и широкого взаимовыгодного сотрудничества, прочно утвердившихся в отношениях между нашими странами и получающих сейчас свое дальнейшее и существенное развитие; широко и в доходчивых формах рассказывать о достижениях в социально-экономическом развитии среднеазиатских республик за годы советской власти;

показывать на примере этих и других советских республик безосновательность измышлений насчет подавления свободы вероисповедания, в том числе мусульманского.

10. Периодически информировать братские соцстраны о предпринимаемых нами шагах по оказанию помощи руководству ДРА в деле стабилизации положения в стране, имея в виду ориентировать и их на оказание соответствующей политической поддержки и материальной помощи Афганистану.

Конкретные предложения по всем перечисленным, а также по возможным другим направлениям будут вноситься по мере необходимости. Просим рассмотреть.

А. Громыко, Ю. Андропов, Д. Устинов, Б. Пономарев.

Хроника конфликта

2 апреля отдельные столкновения с отрядами мятежников происходили в провинциях Бадгис, Пактия, Кунар и Тахар.

6 апреля армейскими подразделениями был отбит налет бандгруппы из трехсот моджахедов на Анджристан.

13 апреля активизация деятельности сил контрреволюции отмечена в пригородах Гардеза и Джелалабада. На следующий день обстрелу террористов были подвергнуты пять пограничных постов в округе Хост.

15 апреля правительственными войсками в провинции Урузган была разгромлена банда мятежников. В ходе боя более тридцати моджахедов были убиты и двое оказались в плену. В Гардезском и Хостинском гарнизонах службой безопасности арестовано сорок пять офицеров, которые являлись членами экстремистской организации «Братья-мусульмане» и готовили вооруженное выступление против правительства Афганистана.

17 и 18 апреля продолжались активные выступления контрреволюционных сил в провинциях Бадгис, Бадах-шан, Кунар и Пактия. В провинции Бадгис мятежникам удалось захватить город Кушки-Кохна, который был освобожден лишь через четыре дня. В провинции Кунар интенсивному обстрелу подверглись армейские подразделения правительства ДРА. В провинции Пактика было совершено вооруженное нападение на Ургунский гарнизон.

20 апреля подразделения правительственных войск совместно со службой безопасности ликвидировали попытку мятежа в Джелалабадском гарнизоне. В этом антиправительственном выступлении принимали участие военнослужащие разведывательного батальона, артиллерийского полка и комендантской роты.

«Убедите товарища Амина…»

Москва. Срочно. Секретно

«…Был приглашен к тов. Амину, который по поручению Н. М. Тараки высказал просьбу о направлении в Кабул 15–20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами для использования их в случае обострения обстановки в приграничных и центральных районах страны против банд мятежников и террористов, засылаемых из Пакистана.

При этом было заверено, что прибытие в Кабул и использование советских экипажей будет сохранено в тайне…

Л. Горелов.

14 апреля 1979 года».

Резолюция:

«Этого делать не следует.

Н. В. Огарков».

21 апреля 1979 года Политбюро ЦК приняло решение о нецелесообразности участия советских экипажей боевых вертолетов в подавлении контрреволюционных выступлений на территории Афганистана. Главному военному советнику в ДРА были даны следующие указания.

Совершенно секретно.

Особая папка

Кабул. Главному военному советнику

«Сообщите Премьер-Министру Демократической Республики Афганистан Х. Амину, что просьба о направлении 15–20 боевых вертолетов с советскими экипажами доложена Советскому правительству.

Скажите, что афганскому руководству уже давались разъяснения о нецелесообразности непосредственного участия советских воинских подразделений в мероприятиях по подавлению контрреволюционных выступлений в ДРА, так как подобные акции будут использованы врагами афганской революции и внешними враждебными силами в целях фальсификации

советской интернациональной помощи Афганистану и проведения антиправительственной и антисоветской пропаганды среди афганского населения.

Подчеркните, что в течение марта-апреля с. г. ДРА уже поставлены 25 боевых вертолетов, которые обеспечены 5–10 комплектами боеприпасов.

Убедите Х. Амина, что имеющиеся боевые вертолеты с афганскими экипажами способны совместно с подразделениями сухопутных войск и боевой авиацией решать задачи по подавлению контрреволюционных выступлений.

Разработайте для афганского командования необходимые рекомендации по этому вопросу».

Хроника событий

22 апреля вооруженные отряды мятежников полностью заблокировали автомобильную дорогу Гардез — Хост в районе Ваза.

24 и 25 апреля продолжались упорные бои с банд-группами в провинции Нангархар. В районе Чинар, который находится в шестидесяти километрах юго-восточнее Джелалабада, зафиксирован переход через афгано-пакистанскую границу пятидесяти мятежников. В провинции Балх были обстреляны отряды самообороны, охранявшие угольные шахты в районе Дарайе-Суф. Мятежниками захвачен Аккупрук в семидесяти километрах юго-западнее Мазари-Шарифа.

2 мая резко активизировалась боевая деятельность вооруженных отрядов кочевых племен на востоке и северо-востоке страны. Несколько населенных пунктов в окрестностях Гардеза и Хоста подверглись нападениям террористов. Ими захвачен и разграблен населенный пункт Дарайе-Суф. Правительственными войсками разгромлен отряд мятежников в провинции Заболь.

7 мая в провинции Кунар обнаружены и уничтожены три банды моджахедов, которые были заброшены из Пакистана в районы Вазир, Гошт и южнее Асмара.

9 мая оппозицией планировалось проведение массовых антиправительственных выступлений по всей стране. Такие акции удалось провести в провинциях Пактика, Газни, Пактия, Нангархар, Кунар, Балх, Саманган и в пригородах Кабула. Наиболее крупное вооруженное выступление мятежников началось в столичном пригороде Тарахель. Более трехсот моджахедов пытались прорваться в Кабул, но силами правительственных войск мятежники были рассеяны и частично уничтожены, В южных пригородах Газни вооруженным отрядам оппозиции удалось захватить несколько населенных пунктов. К исходу дня мятежники были уничтожены, более двухсот пятидесяти моджахедов были захвачены в плен. Такие же выступления прокатились и в районах Пули-Хумри и Пули-Алам. В результате решительных действий правительственных подразделений более трехсот мятежников оказались в плену.

10 мая раскрыт заговор в Кандагарском авиагарнизоне. Службой безопасности арестовано шестнадцать сотрудников технического персонала. На следующий день началась операция правительственных войск по деблокированию магистрали Гардез — Хост.

13 мая силами Царандоя и правительственных войск окружена крупная банда в уезде Сангарак. Подразделениями службы безопасности в Пули-Хумри арестовано более пятисот сторонников оппозиции. Активные боевые действия велись в районе Дечнаи-Горинаи-Гори. В районе Монджана, южнее Бадахшана, окружена и уничтожена группа мятежников из восьмисот человек. Вооруженные формирования оппозиции подвергли обстрелу из минометов и стрелкового оружия города Асадабад и Асмар. Скопление мятежников зафиксированы: в горном районе юго-западнее Баглана — более тысячи человек, в районе Зирака — до двух тысяч человек и в двенадцати километрах западнее Газни — до четырехсот человек.

14 мая резко активизировалась деятельность мятежников в районе Дарайе-Суф, в провинции Лагман и в шестидесяти километрах южнее Баглана. Для захвата Доши и Хыджана здесь были сконцентрированы значительные силы оппозиции. По-прежнему под контролем бандформирований находился уезд Бихсуд. Активные боевые действия продолжались в районе Ваза и Гумаль, а также в непосредственной близости от пограничных застав, на афгано-пакистанской границе, в округе Хост. Сдался мятежникам батальон пограничных войск в Вазихва.

17 мая повысилась боевая активность в районе Джаузджан и в провинции Лагман, где отмечено сосредоточение отрядов мятежников. Вооруженными отрядами оппозиции захвачен Малисман, южнее Газни. Этот район был полностью блокирован мятежниками. Между Газни и Катавазом в боях с бандформированиями уничтожено более двухсот моджахедов, остатки мятежников отошли юго-западнее Катаваза.

Через три дня службой безопасности в Кандагарском авиагарнизоне арестовано еще двадцать человек, которым предъявлено обвинение в контрреволюционном заговоре. Мятежниками под контроль взят участок дороги на северо-западе Джелалабада. Деятельность оппозиции активизировалась в провинциях Заболь, Урузган, Бамиан и Гор.

23 мая правительственные войска провели крупномасштабную операцию в тридцати километрах юго-западнее Герата, где было сосредоточено более двух тысяч мятежников. В ходе боев уничтожено шестьдесят человек, в плен захвачено сто тридцать душманов. На следующий день активные боевые действия велись в провинциях Газни и Пактика. Уничтожено шестьдесят и взято в плен тридцать девять мятежников. Операции по подавлению очагов контрреволюции были проведены также в юго-западных пригородах Герата и в районах Ваза и Бамиан. Убито более ста и захвачено в плен

восемьдесят моджахедов.

«Газовые бомбы отправлены не будут…»

В Москве по-прежнему внимательно следили за происходящими в Афганистане событиями. На заседании Политбюро 24 мая рассматривался вопрос о дополнительной военной помощи правительству ДРА. В частности, Госплану СССР и Министерству внешней торговли было поручено в двухнедельный срок рассмотреть просьбу о поставке Демократической Республике Афганистан 1500 автомобилей. Через несколько часов из Москвы в Кабул была отправлена шифротелеграмма.

Совершенно секретно.
Особая папка
Кабул, советскому послу

«Посетите Н. М. Тараки и, сославшись на поручение, сообщите ему, что просьбы афганского руководства об оказании дополнительной военной помощи Демократической Республике Афганистан внимательно рассмотрены.

Скажите, что в Москве разделяют озабоченность афганского руководства в связи с активизацией контрреволюционной деятельности реакционных сил в Афганистане. Советское правительство, руководствуясь стремлением оказать дальнейшую интернациональную помощь в деле стабилизации положения в Демократической Республике Афганистан, приняло решение поставить Афганистану в 1979–98 гг. безвозмездно специмущество на сумму 53 млн. рублей, в том числе 140 орудий и минометов, 90 бронетранспортеров (из них 50 в порядке ускорения), 48 тысяч единиц стрелкового оружия, около 1000 гранатометов, 680 авиационных бомб, а также направить в порядке ускорения в июне-июле 1979 г. медикаменты и медицинское оборудование на сумму 50 тыс. рублей. В порядке первоочередной помощи в мае с. г. поставляются 100 зажигательных баков и 160 разовых бомбовых кассет. Поставить газовые бомбы с нетоксичным отравляющим веществом не представляется возможным.

Что касается просьбы Афганской Стороны о направлении в ДРА вертолетов и транспортных самолетов с советскими экипажами и возможной

высадки нашего воздушного десанта в Кабул, то вопрос об использовании советских воинских подразделений был детально обсужден со всех точек зрения во время посещения Москвы Н. М. Тараки в марте с. г. Такие акции, как мы глубоко убеждены, сопряжены с большими осложнениями не только во внутриполитическом, но и в международном плане, что будет несомненно использовано враждебными силами прежде всего в ущерб интересам ДРА и укрепления завоеваний Апрельской революции. Исполнение телеграфируйте».

Хроника конфликта

28 мая продолжались ожесточенные бои с мятежниками в провинции Кандагар. В Пактике и Газни велись успешные боевые действия шести отрядов Газнийского гарнизона по освобождению мелких населенных пунктов. Мятежники по-прежнему удерживают под своим контролем дорогу Гардез — Хост. Хостинский гарнизон ведет с вооруженными отрядами оппозиции тяжелые бои.

29 мая группа мятежников уничтожена в уезде Шаваликот. Ожесточенные бои продолжались в окрестностях Хоста — Леже, Ландаре, Майдан-Хуле и в Саид-Хеле. В районе угольных шахт оппозиция по-прежнему удерживала Дарайе-Суф и ближайшие населенные пункты.

30 мая продолжались бои в провинциях Кандагар и Урузган. Мятежниками совершено нападение на Асмарский гарнизон. В двадцати километрах западнее Хоста был обстрелян и потерпел катастрофу вертолет Ми-24.

2 июня подразделениями правительственных войск была проведена «чистка» горных районов и населенных пунктов в провинциях Пактика и Газни. Ударами с вертолетов было рассеяно скопление мятежников в районе Гардандеваль, провинция Логар. В провинции Нангархар вооруженные отряды оппозиции попытались захватить населенный пункт Хадахель. Нападение было отбито.

5 июня отряды мятежников в провинции Бамиан начали отходить на запад. Юго-западнее Гардеза 59-й пехотный полк правительственных войск подвергся внезапному нападению моджахедов. До двух батальонов полка было рассеяно. Скопление сил оппозиции зафиксировано в провинциях Герат и Нимроз.

6 июня напряженное положение продолжает сохраняться в Пактии, где отмечена концентрация и активизация действий отрядов мятежных племен джадран и мангал.

Время «Ч»

На основании устных указаний министра обороны Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова в декабре было отдано более тридцати различных директив, в соответствии с которыми на территории Среднеазиатского и Туркестанского военных округов было развернуто и доукомплектовано около ста соединений, частей и учреждений. Были развернуты управление 40-й армии, три мотострелковые дивизии, десантно-штурмовая бригада, отдельный мотострелковый полк, артиллерийская и зенитно-ракетная бригады, а также несколько частей различных родов войск и службы тыла. Для доукомплектования развертываемых войск было призвано из запаса более пятидесяти тысяч офицеров, сержантов и солдат. Предприятиями народного хозяйства для нужд армии было подано около восьми тысяч автомобилей.

Для обоих военных округов это было самое крупное мобилизационное развертывание за последние полвека. В войсках и военных комиссариатах были уверены в том, что идет обычная инспекторская проверка. Лишь 24 декабря на совещании руководящего состава Министерства обороны СССР было объявлено о принятии советским руководством решения о вводе войск в Афганистан.

К этому сроку основные силы развернутой 40-й армии уже были готовы к выполнению задач. На совещании были определены соединения и части, которым на следующий день предстояло пересечь государственную границу. Директивой министра обороны войскам были поставлены задачи на совершение марша и размещение на территории Афганистана. Было определено и точное время перехода границы — 15:00 25 декабря 1979 года.

Советский посол в Кабуле заранее поставил Х. Амина в известность о том, что советское руководство приняло решение оказать помощь дружественному Афганистану. На основании этого сообщения Х. Амин дал указания генеральному штабу вооруженных сил Афганистана всячески содействовать советским войскам. Утром 25 декабря командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов провел две рабочие встречи в Кундузе — с начальником оперативного управления генштаба вооруженных сил Афганистана генерал-майором Бабаджаном и Абдуллой Амином, старшим братом Генсека НДПА. В это же время рядом с мостом «Дружба», через который впоследствии советские войска и выходили из Афганистана, понтонно-мостовые части начали возводить наплавной шестидесятитонный мост.

Общий замысел ввода войск заключался в том, чтобы по двум направлениям пересечь государственную границу, войти на территорию Афганистана и, совершив марш по маршрутам Термез — Кабул — Газни и Кушка — Герат — Кандагар, опоясать кольцом наиболее важные административные центры страны. Войска планировалось разместить по этому кольцу погарнизонно и тем самым создать условия для обеспечения нормальной жизнедеятельности Афганистана.

Однако уже перед самым началом ввода были внесены некоторые коррективы. Командир мотострелковой дивизии, которая должна была первой пересечь границу в районе Термеза, получил приказ передислоцироваться в Кундуз. Ввод другой мотострелковой дивизии, в районе Кушки, было приказано осуществить чуть позже.

25 декабря в 15:00 советско-афганскую границу перешел отдельный разведывательный батальон 108-й мотострелковой дивизии. Одновременно с разведчиками границу пересекли самолеты военно-транспортной авиации с личным составом и боевой техникой 103-й воздушно-десантной дивизии. Дивизия десантировалась посадочным способом на Кабульском аэродроме.

К началу ввода на командный пункт 40-й армии прибыли первый заместитель министра обороны Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и командующий войсками ТуркВО генерал-полковник Ю. П. Максимов. Пропуск личного состава через границу осуществлялся пограничниками без таможенного досмотра по спискам, которые были утверждены командирами частей и вручались нарядам пограничных войск перед выходом подразделений на понтонный мост. Списки десантников передавались пограничным органам на аэродромах последней дозаправки самолетов военно-транспортной авиации.

Первые погибшие, как вспоминает командарм Ю. В. Тухаринов, появились примерно через два часа. В связи со сменой часовых поясов марш совершался в ночное время суток. Уступая дорогу афганской машине, одна из БМП не удержалась на насыпи и перевернулась. Погибло восемь человек. Трагедия произошла и при переброске 103-й воздушно-десантной дивизии. В 19:33 по московскому времени (в Афганистане уже была глубокая ночь) в окрестностях Кабула при столкновении с горной высотой разбился военно-транспортный самолет Ил-76 с личным составом и техникой. Погибло сорок четыре десантника.

Утром 26 декабря командарм Ю. В. Тухаринов вместе с маршалом С. Л. Соколовым совершили облет выдвигающихся колонн. К середине следующего дня в Баграм и Кабул завершилась переброска основных сил воздушно-десантной

дивизии и отдельного парашютно-десантного полка по воздуху. К этому же времени к столице подошли и передовые части 108-й мотострелковой дивизии, которые совершали марш в составе автомобильных колонн.

Ввод советских войск был воспринят мирными жителями вполне доброжелательно. Как выяснялось во время привалов, они уже знали о стоящих перед нашими частями и соединениями задачах и относились к этому положительно. Однако не обошлось и без эксцессов — некоторые из отставших от колонн машины подвергались обстрелам. Особенно неблагоприятные условия сложились при выдвижении отдельного мотострелкового полка из района Хорог в Файзабад, провинция Бадахшан. Очевидно, это было вызвано тем, что на территории северо-восточных районов Афганистана проживало большое количество бывших басмачей и их потомков.

В ночь с 27 на 28 декабря в Афганистан на гератском направлении вошла 5-я мотострелковая дивизия, развернутая в Кушке и Тахта-Базаре. Части этой дивизии впоследствии были дислоцированы южнее Герата и в районе Шинданда. В последующем зона ее ответственности была расширена до Кандагара.

К утру 28 декабря 108-я мотострелковая дивизия полностью сосредоточилась северо-восточнее Кабула и установила взаимодействие с частями 103-й воздушно-десантной дивизии. Переход мотострелковой дивизии в зимних условиях через такой сложный горный перевал, как Саланг, был осуществлен впервые за последние десятилетия. Горные дороги обледенели, техника буксовала на подъеме, а на спуске шла юзом. При движении танков и боевых машин пехоты через тоннель длиною 2700 метров, вентиляция которого была рассчитана на прохождение транспорта с карбюраторными двигателями, загазованность оказалась на критическом уровне. Колонны пришлось вести в противогазах. Только так удалось избежать потерь.

После высадки подразделения воздушно-десантной дивизии вышли по согласованию с афганской стороной к наиболее важным административным объектам — зданиям ЦК НДПА, МО, МВД, МГБ и министерства связи — и взяли их под свой контроль. Под охраной советских войск оказались основные автомобильные трассы Кушка — Герат — Шинданд — Гиришк — Кандагар, Термез — Кабул, Кабул — Джелалабад, Пули — Хумри — Кундуз — Файзабад, а также многие объекты советско-афганского сотрудничества, на которых работали советские гражданские советники и специалисты. К ним относились газопромыслы на севере страны Джаркудук и Шибарган, электростанции Сароби,

Наглу, Пули-Хумри и Кабул, завод азотных удобрений в Мазари-Шариф и т. д.

К середине января 1980 года ввод главных сил 40-й армии в основном был завершен. На территории Афганистана полностью сосредоточились 5-я и 108-я мотострелковые дивизии, 103-я воздушно-десантная дивизия, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада, 860-й отдельный мотострелковый полк и 345-й отдельный парашютно-десантный полк. В течение первой половины года эта группировка была усилена 201-й мотострелковой дивизией и двумя отдельными полками. В последующем боевой состав советских войск в Афганистане уточнялся в зависимости от развития военно-политической обстановки в стране.

В январе встал вопрос о том, как называть советские войска в Афганистане. Они продолжали находиться в составе войск Туркестанского военного округа, но называть их просто 40-й армией было не совсем правомерно, поскольку кроме самой армии в Афганистан были введены части и соединения видов и родов войск центрального подчинения. По предложению министра обороны Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова было утверждено наименование «Ограниченный контингент советских войск в Афганистане» (ОКСВ).

«И, сославшись на поручение…»

Совершенно секретно.
Особая папка
Всем послам
(кроме Берлина, Варшавы, Будапешта, Праги, Софии, Гаваны, Улан-Батора, Ханоя)

Немедленно посетите главу правительства (или министра иностранных дел, или лицо, его замещающее) и, сославшись на поручение Советского правительства, заявите следующее.

Как хорошо известно повсюду в мире, в том числе и правительству… в течение длительного времени имеет место вмешательство извне во внутренние афганские дела, в том числе и с прямым использованием вооруженной силы. Совершенно очевидно, что целью этого вмешательства является ниспровержение демократического строя, установленного в результате победы Апрельской революции в 1978 году. Афганский народ, его вооруженные силы активно отражают эти агрессивные акты, дают отпор покушениям на демократические завоевания, суверенитет и национальное достоинство нового Афганистана. Однако акты внешней агрессии продолжаются, причем во все более широких масштабах; из-за рубежа и по сей день засылаются вооруженные формирования, оружие.

В этих условиях руководство государства Афганистан обратилось к Советскому Союзу за помощью и содействием в борьбе против внешней агрессии. Советский Союз, исходя из общности интересов Афганистана и нашей страны в вопросах безопасности, что зафиксировано также в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 1978 года, интересов сохранения мира в этом районе, откликнулся положительно на эту просьбу руководства Афганистана и принял решение направить в Афганистан ограниченные воинские контингенты для выполнения задач, о которых просит руководство Афганистана. При этом Советский Союз исходит из соответствующих положений Устава ООН, в частности статьи 51, предусматривающей право государств на индивидуальную и коллективную самооборону в целях отражения агрессии и восстановления мира.

Советское правительство, информируя обо всем этом правительство… считает необходимым также заявить, что после отпадения причин, вызвавших эту акцию Советского Союза, он намерен вывести свои воинские контингенты с территории Афганистана.

Советский Союз вновь подчеркивает, что, как и прежде, его единственным желанием является видеть Афганистан в качестве независимого, суверенного государства, проводящего политику добрососедства и мира, твердо уважающего и выполняющего свои международные обязательства, в том числе и по Уставу ООН.

Текст этого заявления можете оставить собеседнику.

Исполнение телеграфируйте

Совершенно секретно.
Особая папка
Нью-Йорк, совпредставителю

«В случае попыток постановки кем-либо в Совете Безопасности вопроса о нашей акции в отношении Афганистана твердо добивайтесь того, чтобы не допустить включения этого вопроса в повестку дня Совета Безопасности ООН. Подчеркивайте, что это — вопрос двусторонних отношений между Советским Союзом и Афганистаном, которые сами их регулируют, и что в соответствии со статьей 51 Устава ООН Демократическая Республика Афганистан имеет международное признанное право обратиться к Советскому Союзу с просьбой об оказании помощи и содействия в отражении агрессии, а Советский Союз — оказать такую помощь и содействие.

Если же этот вопрос все же будет включен в повестку дня Совета Безопасности, то при его обсуждении сделайте следующее заявление:

«Как хорошо известно повсюду в мире, в том числе и правительствам государств — членов Совета Безопасности ООН, в течение длительного времени имеет место вмешательство извне во внутренние дела Демократической Республики Афганистан, в том числе и с прямым использованием вооруженной силы. Совершенно очевидно, что целью этого вмешательства является ниспровержение демократического строя, установленного в результате победы Апрельской революции в 1978 году. Афганский народ, его

вооруженные силы активно отражают эти агрессивные акты, дают отпор покушениям на демократические завоевания, суверенитет и национальное достоинство нового Афганистана.

Однако акты внешней агрессии продолжаются, причем во все более широких масштабах; из-за рубежа и по сей день засылаются вооруженные формирования, оружие.

В этих условиях руководство государства Афганистан обратилось к Советскому Союзу за помощью и содействием в борьбе против внешней агрессии. Исходя из общих интересов обеих стран в вопросах безопасности, что зафиксировано также в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года, интересов сохранения мира в этом районе, Советский Союз откликнулся положительно на эту просьбу правительства Афганистана и принял решение направить в Афганистан ограниченные воинские контингенты для выполнения задач, о которых просит правительство Афганистана. Эти задачи состоят исключительно в том, чтобы оказать содействие Афганистану в отражении внешней агрессии.

В этой связи необходимо также подчеркнуть, что Советский Союз и Афганистан используют принадлежащее им право на индивидуальную или коллективную самооборону, что предусматривается статьей 51 Устава ООН. Как известно, в интересах поддержания или восстановления международного мира и безопасности многие государства, в том числе постоянные члены Совета Безопасности ООН, не раз прибегали к осуществлению этого неотъемлемого права.

Советское правительство считает также необходимым заявить, что после отпадения причин, вызвавших эту просьбу Афганистана к Советскому Союзу и соответствующую советскую акцию, Советский Союз намерен полностью вывести свои воинские контингенты с территории Афганистана.

Советский Союз вновь подчеркивает, что, как и прежде, его единственным желанием в отношении Афганистана является видеть это государство независимым и суверенным, проводящим политику добрососедства и мира, твердо уважающим и выполняющим свои международные обязательства, в том числе и по Уставу ООН».

При необходимости давайте твердый и аргументированный отпор выступлениям, в которых предпринимались бы попытки бросить тень на нашу политику, на предпринятую нами акцию и на советско-афганские дружбу и сотрудничество.

При обсуждении руководствуйтесь приведенным выше заявлением и другими документами, которые могут быть опубликованы как нами, так и новым афганским руководством».

«Сообщите от имени ЦК»

Совершенно секретно.
Особая папка. Вне очереди
Совпосол

«Встретьтесь с представителями руководства друзей и сообщите им от имени ЦК КПСС следующее:

Дорогие товарищи!

Следуя традиции, сложившейся в отношениях между нашими партиями, Центральный Комитет КПСС хотел бы поделиться с руководством вашей партии нашими взглядами и оценкой последних событий в Афганистане.

Как вам известно, в результате апрельской революции 1978 года в Афганистане создан новый национально-прогрессивный строй. В стране была проведена большая работа по устранению деспотического королевского режима, по привлечению широких народных масс на сторону революции, осуществлена земельная реформа и большое количество земли передано трудовому крестьянству, отменена выплата калыма (выкупа) за невесту и проведены другие преобразования в интересах народа.

Однако революционные события в Афганистане встретили ожесточенное сопротивление внешних враждебных, реакционных сил. Со стороны Пакистана, Ирана, Китая была развернута непрерывная подрывная деятельность. В свою очередь реакционные остатки старого режима, помещики, лишенные земли, бывшие клевреты королевского режима и часть мусульманского духовенства развернули борьбу против революционного строя.

К этому присоединились ошибочные, прямо надо сказать, диктаторские, деспотические действия Х. Амина, нарушение им элементарных норм законности, широкие репрессии в отношении всех лиц, несогласных с ним, в том числе тех, кто в течение многих лет боролся против королевского режима и активно участвовал в апрельской революции.

В последнее время Х. Амин, устранивший бывшего генерального секретаря Народно-демократической партии и президента республики Н. М. Тараки, лицемерно говорил о гуманности, законности, выступал с ультра-революционными речами и т. п., но на деле

осуществлял массовые репрессии и подрывал устои революционного режима.

Таким образом, интервенция извне и террор против честных, преданных делу революции и интересам народа кадров создали угрозу ликвидации того, что принесла Афганистану апрельская революция.

В результате вредных и недопустимых действий Х. Амина и его ближайшего окружения в стране нарастало огромное недовольство и протесты против всей политики Х. Амина, а вместе с тем оживилась подрывная деятельность реакции, усилились выступления вооруженных формирований, засылаемых извне.

Всем этим воспользовались внешние реакционные силы. Они усилили переброску значительных вооруженных групп (главным образом с территории Пакистана), снабжали оружием и деньгами различные военные формирования и т. п., словом, вели дело к установлению прежнего реакционного режима и к подчинению Афганистана империализму. В качестве главной силы, осуществлявшей такую политику, выступали американский империализм и ЦРУ, а также пекинское руководство.

Однако в Афганистане нашлись силы, которые решительно поднялись против режима Х. Амина, устранили его от власти и создали новые органы руководства партией и страной. В них вошли те, кто много лет боролся против королевского режима и осуществлял вместе с Тараки апрельскую революцию. Во главе партии и правительства встал Кармаль Бабрак. Его выступления, обращения к народу Афганистана направлены на обеспечение национальной независимости Афганистана, сплочение народа, проведение прогрессивной, демократической политики, соблюдение законности и установление прочного правопорядка, на гуманное отношение к людям. Новое руководство ставит своей задачей обеспечить гражданский мир в стране. Все это дает основание сказать, что такое руководство будет способствовать укреплению Народно-демократической партии и прогрессивного республиканского режима Афганистана.

Новое государственное и партийное руководство обратилось к СССР с просьбой об оказании политической, материальной помощи, включая военную

поддержку. Советский Союз решил оказать такую поддержку. При этом советское и афганское правительства опирались на межгосударственный договор, заключенный между СССР и Афганистаном 5 декабря 1978 года. Глава 4 этого договора гласит: «Высокие договаривающиеся Стороны, действуя в духе традиций дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих Сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран. В интересах укрепления обороноспособности Высоких договаривающихся Сторон они будут продолжать сотрудничество в военной области».

Советский Союз дал согласие афганскому правительству на ввод на некоторое время небольшого воинского контингента. Само присутствие его в Афганистане будет служить гарантией (заслоном) от вооруженных наскоков внешних враждебных сил (главным образом со стороны Пакистана) и от выступлений внутренних контрреволюционных сил.

Советское вооруженное формирование будет выведено из Афганистана, как только положение там стабилизируется и отпадут причины, вызвавшие эту акцию.

Принимая данное решение, ЦК КПСС учитывал возможную негативную реакцию империалистических государств и их средств массовой информации. Но наскоки классовых и идеологических противников не должны побудить КПСС и Советский Союз к тому, чтобы отказать в удовлетворении просьбы афганского руководства. ЦК КПСС выражает уверенность в том, что ваша партия хорошо поймет мотивы, продиктовавшие необходимость оказания такого рода помощи демократическому Афганистану, и поддержит эти мероприятия.

С коммунистическим приветом

Центральный комитет

Коммунистической партии

Советского союза

Список коммунистических и рабочих партий несоциалистических стран, которым направляется письмо ЦК КПСС:

Коммунистическая партия Австрии

Партия социалистического авангарда Алжира
Коммунистическая партия Аргентины
Коммунистическая партия Бангладеш
Коммунистическая партия Бельгии
Коммунистическая партия Боливии
Бразильская коммунистическая партия
Коммунистическая партия Венесуэлы
Коммунистическая партия Великобритании
Германская коммунистическая партия
Коммунистическая партия Греции
Коммунистическая партия Дании
Коммунистическая партия Израиля
Коммунистическая партия Индии
Иракская коммунистическая партия
Народная партия Ирана
Коммунистическая партия Ирландии
Коммунистическая партия Испании
Итальянская коммунистическая партия
Коммунистическая партия Канады
Прогрессивная партия трудового народа Кипра — АКЭЛ
Коммунистическая партия Колумбии
Ливанская коммунистическая партия
Коммунистическая партия Люксембурга
Коммунистическая партия Мальты
Мексиканская коммунистическая партия
Коммунистическая партия Нидерландов
Коммунистическая партия Норвегии
Перуанская коммунистическая партия
Португальская коммунистическая партия
Реюньонская коммунистическая партия
Санмаринская коммунистическая партия
Сирийская коммунистическая партия
Коммунистическая партия США
Коммунистическая партия Турции
Коммунистическая партия Уругвая
Коммунистическая партия Филиппин
Коммунистическая партия Финляндии
Французская коммунистическая партия
Коммунистическая партия Чили
Швейцарская партия труда
Рабочая партия — коммунисты Швеции
Левая партия — коммунисты Швеции
Коммунистическая партия Шри Ланка

Коммунистическая партия Эквадора
Коммунистическая партия Японии».

«У Вас неуместный тон, господин президент…»

Одним из первых на ввод советских войск в Афганистан отреагировал президент Соединенных Штатов. Обращение Дж. Картера по линии прямой связи в Москву поступило уже 29 декабря. В тот же день в Вашингтон был передан и ответ Л. И. Брежнева.

Совершенно секретно

«Уважаемый господин Президент!

В ответ на Ваше послание от 29 декабря считаю необходимым сообщить следующее.

Никак нельзя согласиться с Вашей оценкой того, что сейчас происходит в Демократической Республике Афганистан. Через Вашего посла в Москве мы в доверительном порядке уже дали американской стороне и лично Вам основывающиеся на фактах разъяснения действительно происходящего там, а также причин, побудивших нас положительно откликнуться на просьбу правительства Афганистана о вводе ограниченных советских воинских контингентов.

Странно выглядит предпринятая в Вашем послании попытка поставить под сомнение сам факт просьбы правительства Афганистана о посылке наших войск в эту страну. Вынужден заметить, что отнюдь не чье-то восприятие или невосприятие этого факта, согласие или несогласие с ним определяет действительное положение дел. А оно состоит в следующем.

Правительство Афганистана на протяжении почти двух лет неоднократно обращалось к нам с такой просьбой. Кстати сказать, одна из таких просьб была направлена нам 26 декабря с. г. Это знаем мы, Советский Союз, об этом в равной мере знает афганская сторона, которая направляла нам такие просьбы.

Хочу еще раз подчеркнуть, что направление ограниченных советских контингентов в Афганистан служит одной цели — оказание помощи и содействия в отражении актов внешней агрессии, которые имеют место длительное время и сейчас приняли еще более широкие масштабы.

Совершенно неприемлемым и не отвечающим

действительности является и содержащееся в Вашем послании утверждение, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Должен со всей определенностью подчеркнуть, что изменения в афганском руководстве произведены самими афганцами, и только ими. Спросите об этом у афганского правительства.

Не соответствует действительности и то, что говорится в Вашем послании насчет судьбы семей бывших афганских руководящих деятелей. Имеющиеся в нашем распоряжении данные опровергают сведения, которые Вы получили.

Должен далее ясно заявить Вам, что советские воинские контингенты не предпринимали никаких военных действий против афганской стороны, и мы, разумеется, не намерены предпринимать их.

Вы делаете нам упрек в своем послании, что мы не проконсультировались с правительством США по афганским делам, прежде чем вводить наши воинские контингенты в Афганистан. А позволительно спросить Вас — Вы с нами консультировались прежде чем начать массивную концентрацию военно-морских сил в водах, прилегающих к Ирану, и в районе Персидского залива, да и во многих других случаях, о которых Вам следовало бы, как минимум, поставить нас в известность?

В связи с содержанием и духом Вашего послания считаю необходимым еще раз разъяснить, что просьба правительства Афганистана и удовлетворение этой просьбы Советским Союзом — это исключительно дело СССР и Афганистана, которые сами по своему согласию регулируют свои взаимоотношения и, разумеется, не могут допустить какого-либо вмешательства извне в эти взаимоотношения. Им, как и любому государству — члену ООН, принадлежит право не только на индивидуальную, но и коллективную самооборону, что предусматривается статьей 51 Устава ООН, которую СССР и США сами формулировали. И это было одобрено всеми государствами — членами ООН.

Разумеется, нет никаких оснований для Вашего утверждения о том, будто наши действия в Афганистане представляют угрозу миру.

В свете всего этого бросается в глаза неумеренность тона некоторых формулировок Вашего послания. К чему это? Не лучше ли было бы поспокойнее оценивать

обстановку, имея в виду высшие интересы мира и не в последнюю очередь взаимоотношения наших двух держав.

Что касается Вашего «совета», мы уже сообщали Вам, и тут я повторяю снова, что, как только отпадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу, мы намерены полностью вывести советские воинские контингенты с территории Афганистана.

А вот наш Вам совет: американская сторона могла бы внести свой вклад в прекращение вооруженных вторжений извне на территорию Афганистана.

Я не считаю, что работа по созданию более стабильных и продуктивных отношений между СССР и США может оказаться напрасной, если, конечно, этого не хочет сама американская сторона. Мы этого не хотим. Думаю, что это было бы не на пользу и самим Соединенным Штатам Америки. По нашему убеждению, то, как складываются отношения между СССР и США, — это дело взаимное. Мы считаем, что они не должны подвергаться колебаниям под воздействием каких-то привходящих факторов или событий.

Несмотря на расхождения в ряде вопросов мировой и европейской политики, в чем мы все отдаем ясный отчет, Советский Союз — сторонник того, чтобы вести дела в духе тех договоренностей и документов, которые были приняты нашими странами в интересах мира, равноправного сотрудничества и международной безопасности.«

Л. Брежнев, 29 декабря 1979 г.

«Желательно не афишировать…»

В первых числах января нового, 1980 года в Москве ожидали приезда министра иностранных дел Афганистана Ш. М. Доста. Однако в назначенный срок он не прилетел — 3 января Бабрак Кармаль устроил первую пресс-конференцию в новом для себя качестве Генерального секретаря ЦК НДПА и главы государства, в которой принял участие и министр иностранных дел ДРА.

Дипломатические сотрудники министерства иностранных дел Афганистана, которые находились за границей, получили указание немедленно выдавать въездные визы для западных журналистов, которые пожелают посетить страну. Сделано это было по рекомендации советской стороны. Политика «открытых дверей» длилась всего несколько недель. Прекратили ее также по предложению Москвы.

С момента победы Апрельской революции и до последних дней существования кабульского режима деятельность НДПА и афганского правительства постоянно находились под жестким контролем советских. Показательным в этом отношении является беседа А. А. Громыко с Ш. М. Достом в Москве накануне открытия заседания Совета Безопасности ООН, во время работы которого ожидалась резкая критика действий советского руководства в отношении Афганистана со стороны ведущих стран мира.

Совершенно секретно

Запись основного содержания беседы А. А. Громыко с министром иностранных дел ДРА Ш. М. Достом

«ГРОМЫКО …Нам приятно слышать, что нынешнее руководство ДРА с пониманием относится к советам и добрым пожеланиям советской стороны. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что окончательное принятие решения по тому или иному вопросу остается за афганской стороной, за вами и только за вами.

Хотелось бы поделиться, товарищ министр, некоторыми мыслями относительно обстановки, складывающейся сейчас в Совете Безопасности, а также о характере Ваших выступлений на предстоящем заседании.

Разумеется, эти мысли не есть нечто окончательное, но они отражают точку зрения нашей страны, советского

руководства на события, происходящие в Афганистане и вокруг него.

Первое. Западные державы, прежде всего США, развернули широкую враждебную пропаганду против Советского Союза, против революционного Афганистана, твердо ставшего на путь построения нового общества. Империализм решил «выпустить пар из котла».

В этой злобной пропаганде нет ничего удивительного. Было бы удивительным, если бы империализм занял доброжелательную позицию в отношении революционных преобразований, проводимых в Афганистане. Тогда нам с вами пришлось бы задуматься над тем, что же мы сделали плохого, за что нас хвалят империалисты. Следовательно, в пропагандистской шумихе, поднятой Западом вокруг событий в Афганистане, нет ничего неожиданного.

Второе. Относительно тональности выступления главы афганской делегации на заседании Совета Безопасности.

У Вас, товарищ министр, есть все основания выступать не как обвиняемому, а как обвинителю. Думается, для этого имеется достаточно фактов. Таким образом, весьма важно не защищаться, а решительно атаковать, решительно разоблачать империалистические происки.

Третье. Необходимо особо подчеркнуть, что введение в Афганистан ограниченного военного контингента было осуществлено Советским Союзом в ответ на неоднократные обращения правительства ДРА к руководству СССР. Эти просьбы высказывались ранее и со стороны Н. М. Тараки, когда он бывал в Москве, и со стороны Х. Амина.

Картер хочет создать впечатление, что Советский Союз получил просьбу о вводе в Афганистан наших воинских контингентов только от нового афганского руководства. Однако следовало бы решительно опровергнуть этот вымысел и, возможно, со ссылкой на даты доказать, что в связи с непрекращающимся вмешательством со стороны внешних сил во внутренние дела Афганистана он был вынужден неоднократно обращаться к Советскому Союзу за помощью, в том числе и военной.

В этой части выступления было бы уместно напомнить участникам заседания Совета Безопасности

51 статью Устава ООН, а также положения действующего между СССР и ДРА Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

Четвертое. Следует четко подчеркнуть, что ограниченный советский воинский контингент был введен в Афганистан только для оказания ему помощи в отражении непрекращающихся агрессивных действий внешних сил, в частности с территории Пакистана, где лагеря беженцев усилиями США, других западных стран и Китая были превращены в центр подготовки и засылки в Афганистан многочисленных вооруженных групп.

Пятое. Смена в руководстве ДРА является чисто внутренней проблемой Афганистана, делом самих афганцев. Ни у кого нет права указывать афганскому народу, что ему следует делать и как поступать.

Представители западных стран, в частности Тэтчер, стремятся провести параллель между сменой афганского руководства и вводом в Афганистан советского воинского контингента, говорят о якобы имеющейся связи этих двух событий. Однако, и это следует особо отметить, никакой причинной связи тут нет. Это — чисто временное совпадение.

Желательно обратить внимание и на то, что официальные представители США и других западных стран еще при Н. М. Тараки и Х. Амине кричали на весь мир о введении в Афганистан наших двух военных батальонов. Значит, они сами приходят в противоречие со своими же «достоверными данными», что ввод советского воинского контингента начался еще до событий 27 декабря 1979 года, приведших к смене афганского руководства.

Шестое. Можно вновь заявить, что ограниченный советский воинский контингент будет полностью выведен из ДРА сразу после того, как отпадет надобность в его пребывании в Афганистане, как только будут прекращены вооруженные вторжения и агрессивные провокации извне и, следовательно, будет обеспечена безопасность Афганистана.

Седьмое. На Западе раздаются голоса о продолжающихся массовых репрессиях в Афганистане в отношении видных мусульман, о том, что в этой стране попирается исламская религия. Причем эти «сожаления» высказываются не в связи с действиями Амина, жертвами его репрессий и произвола, а по поводу отстранения от

власти этого палача афганского народа.

С учетом этого в выступлении главы афганской делегации следовало бы твердо и решительно заявить о позитивном курсе, проводимом новым правительством ДРА во главе с Бабраком Кармалем в отношении ислама и верующих мусульман.

Восьмое. Видимо, следует раскрыть сущность Х. Амина как диктатора, одержимого идеей проведения репрессий, массового террора против вообще населения страны. Привести примеры, факты. Их много.

Девятое. Полезно и важно сказать о том, что новое руководство ДРА заявило о твердом намерении установить нормальные, добрососедские отношения со своими соседями — Ираном и Пакистаном. Причем это заявление правительство ДРА делает тогда, когда со стороны Пакистана не прекращается вмешательство во внутренние дела афганского народа, когда продолжает иметь место засылка из Пакистана в Афганистан вооруженных групп, то есть имеет место агрессия.

Десятое. В связи с решением США расширить объем поставок оружия в Пакистан необходимо высказать мнение о том, что некоторые внешние силы, в частности США, заинтересованы не в установлении спокойствия, а, наоборот, в нагнетании обстановки, в разжигании конфликтной ситуации в этом районе. Следует твердо заявить, что оснащение «до зубов» Пакистана американским вооружением не может оставить безучастным к этому правительство ДРА, поскольку таким образом будет создаваться постоянная угроза военного вторжения в Афганистан со стороны Пакистана. ДРА вынуждена будет позаботиться о своей безопасности и в этих условиях.

Одиннадцатое. Известно, что имеют место попытки противопоставить Афганистан другим мусульманским странам. В связи с этим следует заявить, что Афганистан протягивает руку дружбы всем мусульманским странам, даже тем, кто поставил свои подписи под письмом, требующим созыва Совета Безопасности. Необходимо подчеркнуть, что новое руководство ДРА на деле готово проявлять уважение к исламской религии, постоянную солидарность с движением неприсоединения. Целесообразно сказать, что ни один духовник не будет наказан, если он не будет с оружием в руках выступать против законного правительства Афганистана.

Могу, товарищ министр, доверительно информировать Вас о том, что у нас имеются данные о намерениях Саудовской Аравии подговорить шесть граничащих с ней исламских стран разорвать с ДРА дипломатические отношения.

Двенадцатое. Важно подчеркнуть, что правительства стран, чьи подписи стоят под письмом председателю Совета Безопасности, стали на путь враждебных действий против афганского народа. Афганистан твердо идет по пути революционных преобразований, и нет такой силы, которая заставила бы его свернуть с этого пути. Одновременно нужно заявить, что новое правительство ДРА искренне желает сотрудничать со всеми странами, даже с теми, кто поставил свои подписи под письмом. Правительство ДРА будет и впредь активно участвовать в движении неприсоединения.

ДОСТ. Мне остается сердечно поблагодарить Вас, товарищ министр, за очень полезные и ценные для меня советы по поводу характера выступления в Совете Безопасности.

Я не только внимательно их выслушал, но и подробно записал. Все высказанные Вами пожелания будут стержнем моего выступления в Совете Безопасности. Еще раз большое спасибо за откровенную товарищескую беседу.

ГРОМЫКО. С моей стороны были выражены мысли, которые, на наш взгляд, могут быть полезны для Вас при подготовке выступления. Разумеется, из-за ограниченного времени сделано это конспективно, в сжатой форме. Однако высказанные товарищеские советы и пожелания дают ясное представление о советской точке зрения по затронутым вопросам.

По Вашей просьбе нами подготовлен для Вас ряд материалов, в частности об американских военных базах. Эти материалы направляются в Нью-Йорк с В. С. Сафрончуком, который выезжает туда специально для оказания Вам консультативной помощи в соответствии с ранее высказанным Вами пожеланием.

Когда на Вас будут обрушены нападки о вводе в Афганистан советского воинского контингента, то, давая отпор, можно было бы использовать и такой веский аргумент, разоблачающий агрессивную политику США. Так, на Кубе США, вопреки постоянным требованиям кубинского правительства и народа этой страны,

продолжают сохранять в Гуантанамо свою военную базу. Это — факт открытого и грубого вмешательства США во внутренние дела суверенного государства.

В товарищеском плане хотел бы пожелать Вам и членам вашей делегации бодрости духа, уверенности и твердости в отстаивании своих позиций. Чаще встречайтесь с представителями участвующих в заседании государств, смело разъясняйте им существо происходящих в Афганистане событий. Ведь правда на Вашей и на нашей стороне.

Что касается контактов с В. С. Сафрончуком и ваших разговоров с ним, то желательно проявлять осмотрительность и известную осторожность при разговорах в Нью-Йорке, особенно в помещениях. Встречи и обмен мнениями можно было бы поочередно осуществлять в помещениях советского представительства при ООН или же в здании советского генконсульства. Желательно не афишировать, что В. С. Сафрончук прибыл в Нью-Йорк для оказания вам помощи. Официально он направляется в качестве члена советской делегации на сессию ГА ООН, которая, как известно, пока еще продолжает свою работу.»

4.1.1980 г.

Первая командировка

Новое назначение

В 1979 году я был начальником штаба дивизии на Северном Кавказе. Афганистан занимал в моей жизни такое же место, как и в жизни других людей. Телерепортажи оттуда для меня стояли в ряду многих передаваемых из-за рубежа сообщений о том, что делается в мире, и особого внимания на происходящие там события я не обращал.

Фамилии Тараки, Амина и других политических деятелей Афганистана ровным счетом мне ничего не говорили, хотя звучали все чаще. Уверен, что старшие офицеры и генералы, служившие тогда в приграничных с Афганистаном районах, наблюдали за тем, что происходит на противоположном берегу Амударьи, с профессиональной точки зрения более пристально. Я же, видя на экране телевизора смуглые лица и беззаботных афганских ребятишек, завидовал обилию солнца и, чертыхаясь, вспоминал, что у нас-то на дворе декабрьская слякоть и дождь со снегом.

Мне хватало забот начальника штаба дивизии. Службе я отдавал едва ли не весь день. Короче, тогда мне было не до Афганистана. В то время я еще не знал, что стремительно развивающаяся ситуация в Афганистане не только определит в какой-то мере мою судьбу, но и незаживающей рваной раной останется в памяти сотен тысяч наших соотечественников.

28 декабря я вместе с несколькими офицерами и генералами возвращался из штаба округа после традиционного подведения итогов за год. Пока летели из Ростова-на-Дону, обменивались новостями, которые удалось узнать. Кто-то сказал, что минувшей ночью наши войска пересекли границу и ступили на территорию Афганистана. Видимо, образована еще одна группа наших войск за границей. Как всегда в таких случаях, причины ввода войск обозначались расплывчато: оказание помощи народу дружественной страны в отражении нападения извне и защита собственных южных рубежей. Новость эта ни меня, ни других офицеров не удивила. Вполне вероятно, что для ввода войск есть все основания. Впрочем, кто из летевших тогда в нашем самолете об этом знал? Не могу сказать почему, но какое-то шестое чувство подсказывало, что уж кому-кому, а мне не миновать службы в этом самом Ограниченном контингенте.

Наступил 1980 год. Печать, радио, телевидение регулярно рассказывали об изменениях, происходивших после ввода советских войск. Тогда я задавался вопросом: надолго ли все это? Ответа не знал никто. Не каждый командующий войсками округа

имел представление о составе и задачах ОКСВ в Афганистане, не говоря уже об офицерах дивизионного звена, и о более подробной и, самое главное, правдивой информации. В такой ситуации приходилось довольствоваться лишь обрывками фраз радиоголосов «из-за бугра» и слухами. До Майкопа, где я в то время служил, начали доходить сведения о первых погибших в Афганистане и о зверствах бандформирований по отношению к нашим солдатам. Для меня это стало неожиданностью — ведь афганцы, как постоянно говорилось, дружественный нам народ…

16 января я готовился к проведению двухдневных учений, которые должны были начаться ранним утром следующего дня. Около 5 часов вечера мне позвонил командир корпуса. Он сухо сказал, что министр обороны подписал приказ, согласно которому я назначен начальником штаба дивизии, находящейся сейчас в Кабуле. Через четыре дня мне надлежит быть в штабе Туркестанского военного округа и затем из Ташкента улететь в Афганистан. «Действуй. Успеха», — добавил он и положил трубку.

Короткий разговор с командиром корпуса был для меня настолько неожиданным, что я даже не поинтересовался, чем вызвано мое новое назначение. Обычно офицер, которого планировали куда-либо перевести, заранее узнавал об этом по различным каналам. Мне казалось, я тоже знал свою ближайшую перспективу.

Моя офицерская служба проходила нормально. Безусловно, были и взлеты, и неудачи. Тем не менее за восемь лет после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе мне удалось пройти путь от командира батальона до начальника штаба дивизии. Может быть, потому, что путь этот большой, а срок короткий, и услышал я однажды байку о том, что являюсь не простым офицером, а племянником одного из заместителей министра обороны. Так или иначе, но я был готов к тому, что меня пригласят на беседу по поводу назначения на должность командира дивизии. Решение это, как мне уже передали, было принято. Оставалось лишь дождаться официального приказа. Я недоумевал: назначение на равноценную должность, да еще и Бог знает где, — за что? Состояние, честно говоря, было удручающее.

Вечером, вернувшись домой, сказал жене о своей командировке. Я не знал, когда вернусь обратно — через месяц или через полгода. Ехать нужно было без семьи, а это все жены военных воспринимают, наверное, одинаково. Об Афганистане с самого начала охотнее говорили, чем ехали туда служить. Начались сборы. Через три дня все было готово — получился один чемодан. Даже не успев толком попрощаться с друзьями, как

это принято, я улетел.

В Ташкенте была настоящая зима. Через три часа после приземления в аэропорту я уже находился в кабинете командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-полковника Юрия Павловича Максимова. Он спокойно и неторопливо начал мне рассказывать о предстоящей службе в Афганистане. Судя по разговору, он обладал твердостью, интеллигентностью и ясным умом. Пожалуй, я впервые почувствовал в начальнике такого уровня уважение к офицерам, заботу о них и даже теплоту. По-моему, это очень важно для человека, уезжающего в неизвестность.

За день, проведенный в штабе округа, я попытался побольше узнать о своей новой дивизии и о положении в ДРА. Так ничего и не выяснив, понял только одно: в Афганистане трудно, служба там совсем не такая, как в Союзе. В кабинетах и коридорах штаба округа со мной разговаривали так, как будто видели в последний раз. Хотя никто об этом напрямую не говорил, чувствовалось, что очень скоро ожидаются потери людей и боевой техники. Значит, придется воевать.

Все, что касалось Афганистана, я невольно воспринимал как что-то среднее между двумя понятиями — жизни и смерти. Ночью, перед вылетом в Кабул, решил прогуляться по городу. Ходил по улицам, смотрел на дома, встречался с поздними прохожими. Вспомнил о страшном землетрясении, которое произошло здесь несколько лет назад. Тогда первыми начали разгребать завалы военные. Попытался представить, как действовал бы в подобной ситуации, и не смог — мыслями я уже был в Афганистане.

Ташкент — Кабул

Следующим утром я вылетел в Кабул. Первый полет на войну незабываем. Военный аэродром, который впоследствии принял на себя основную нагрузку по созданию воздушного моста между воюющим Афганистаном и нашей страной, находится недалеко от Ташкента. Наша автомашина вырулила прямо на летное поле, где возле заправленного и готового к полету самолета стояло около двадцати офицеров. Почти все были вооружены пистолетами и автоматами. Лишь некоторые, в том числе и я, летели к новому месту службы и поэтому были без оружия. На полевой форме ни у кого не было видно знаков различия. Я же вышел из машины в шинели с полковничьими погонами и в папахе. Сразу поняв нелепость своего вида, я скрытно, насколько это было возможно, надел вместо папахи шапку. Знали бы эти люди, что в моем большом чемодане лежит еще и парадная форма…

Загранпаспортов и виз ни у кого не было, в Афганистан улетали по спискам. В неразберихе, которая неизбежна на первых порах, это было очень удобно. Во-первых, в самолет не сядет никто посторонний, во-вторых, если в воздухе произойдет катастрофа, то по спискам, один экземпляр которых всегда остается на земле, быстро можно установить фамилии погибших. Кстати, такой порядок и сегодня строго соблюдается в войсках при переброске их внутри страны по воздуху. Посписочная практика отправки в Афганистан существовала примерно до апреля. Позже военнослужащие пересекали Государственную границу СССР, соблюдая все действующие международные правила.

Я впервые летел на специальном санитарном самолете Ил-18, где вместо привычных сидений и кресел были лишь медицинские носилки. Почти все молчали, редкие фразы заглушал шум двигателей. Некоторые дремали. Через полтора часа наш самолет приземлился в Баграме. Здесь, в шестидесяти километрах севернее Кабула, располагалась, как я узнал позднее, самая крупная авиационная база ВВС ДРА. Позже этот аэродром в качестве основного использовался и летчиками 40-й армии.

В Баграме наш самолет должен был стоять не больше часа. Война нас встретила сразу возле трапа — еще не выйдя из самолета, мы услышали интенсивную автоматную и пулеметную стрельбу, которая велась совсем рядом с аэродромом. Узнать о причине перестрелки было не у кого. Я начал осматриваться вокруг в надежде найти хоть какое-нибудь укрытие на случай нападения — ближайшее здание находилось примерно в

километре от нас. Стрельба тем временем то утихала, то набирала силу вновь. Послышались разрывы ручных гранат. Меня мучили неопределенность и сознание полной беззащитности: на несколько человек, которым предстояло лететь дальше, осталось четыре пистолета и один автомат.

Вскоре вернулись летчики, ходившие за разрешением на продолжение полета. Они сказали, что «добро» на Кабул нашему самолету сегодня не дали и ночевать придется здесь. «Этой ночью неподалеку отсюда, — добавил штурман, — душманы вырезали весь экипаж радиостанции». С наступлением сумерек, чтобы отделаться от первых впечатлений, я решил побродить по аэродрому. Не получилось: отойдя от самолета метров на триста, увидел табличку, предупреждающую о том, что дальше установлены мины. Вернувшись, спросил у командира экипажа, где можно переночевать. Добираться до какой-нибудь из наших частей, которые должны быть расположены неподалеку, не хотелось, да и где их найдешь. Кроме того, нам в любой момент завтра могли разрешить вылет. Симпатичный высокий офицер кивнул головой в сторону носилок:

— Лучше всего в самолете. Но заранее предупреждаю — от холода и шинель не спасет.

Самолет действительно очень быстро остыл. У летчиков нашлись подушка и одеяло. Не раздеваясь, прямо в шинели, сапогах и шапке я лег и попытался уснуть. Из головы не выходили мысли о том, что будет завтра.

Часа через два я задремал и сразу же услышал, как кто-то настойчиво, поднимая то одного, то другого, называет мою фамилию. Оказалось, что командир дивизии, узнав о задержке самолета, прислал за мной из Кабула бронетранспортер.

Я мельком глянул на часы и едва не выругался: БТР без сопровождения ночью в горах — цель, о которой можно только мечтать. Приказал доложить комдиву, что прилечу утром.

После этого сон сняло как рукой, к тому же стрельба на окраине аэродрома после небольшого затишья возобновилась. Я прекрасно понимал, что, не поехав вместе с присланным за мной капитаном, дал повод для разговоров если не о своей трусости, то, во всяком случае, о нерешительности. Все-таки, мне кажется, я поступил правильно — рисковать было незачем. За все последующие пять с половиной лет пребывания в Афганистане я старался не делать опрометчивых шагов и не принимать сиюминутных решений, которые представляли бы риск для жизни моих подчиненных, да и для меня самого.

В первую ночь в Афганистане я так и не уснул. Постоянно донимал холод, стрельба была слышна то на одной окраине

аэродрома, то на другой. Время до рассвета показалось вечностью. Вечером я не заметил гор, которые со всех сторон окружали Баграмский аэродром. Утром, выйдя из самолета, я был поражен их великолепием. Освещенные восходящим солнцем, они выглядели потрясающе. Это одно из самых сильных моих афганских впечатлений — вековые, все в снегу, горы, непривычно чистый воздух, спокойствие и утренняя тишина. Сами собой забылись тревоги и бессонная ночь. Хотелось дышать и, несмотря ни на что, радоваться жизни.

Позже я часто был в Баграме, но никогда не испытывал ничего подобного. Видимо, первые впечатления надолго остались в памяти потому, что в тот час я полностью покорился природе. Месяцы спустя я изучал те же горы скорее как потребитель — они мне были нужны для того, чтобы спрятать людей и технику, незаметно, насколько это было возможно, занять рубеж, исключить обстрел душманами.

…Вернулся командир экипажа и сказал, что нам наконец разрешили взлет. Долго прогревали двигатели, но сдвинуться с места так и не смогли — за ночь шасси намертво примерзли к бетону. Подшучивая над собой, мы опять оказались на летном поле и всем, что попалось под руку, начали помогать летчикам очищать резину ото льда. Минут через сорок все-таки взлетели.

Вскоре мы увидели под собой Кабул. Разорванный на несколько частей, он был буквально зажат горами. Экипажу потребовалось немалое мастерство, чтобы посадить самолет на аэродром, расположенный в черте города.

Меня встретил командир комендантской роты. Сразу же поехали в штаб 40-й армии. По дороге с интересом всматривался в незнакомый город. Вдоль улиц в основном стояли невзрачные одноэтажные дома, изредка попадались роскошные виллы и особняки. Бойкая торговля шла повсюду. Многие разложили свой товар прямо на земле и на восточный манер зазывали прохожих.

Бросились в глаза дети, многие из которых были обуты в калоши прямо на босу ногу. Они словно и не замечали, что ходят по снегу. На первый взгляд казалось, что в городе вообще не действуют правила дорожного движения. Дважды мы чуть не попали в аварию — сначала едва не столкнулись с «тойотой», в кузове которой сидело человек шесть, затем с самосвалом, где, почти вплотную прижавшись друг к другу, ехало не меньше полусотни крестьян.

Поколесив по Кабулу, мы оказались возле дворца Амина. Во время декабрьских боев роскошное трехэтажное здание значительно пострадало. Пока наши солдаты восстанавливали сам дворец и небольшой двухэтажный особнячок, где позже

разместился узел связи, штаб армии расположился в нескольких командно-штабных машинах и палатках у подножия искусственного холма, на котором высилась правительственная резиденция. Если не считать дискомфорта почти полевой жизни, это было очень удобно: министерство обороны Афганистана находилось здесь же, в Даруламане, в пяти минутах езды на машине.

Система охраны командования Ограниченного контингента постоянно совершенствовалась. Сначала она состояла из нескольких постов на бронетехнике. Однако уже во время первых нападений душманов на штаб 40-й армии, которые произошли в марте, выяснилось, что командование и средства связи практически не защищены. Многое пришлось пересмотреть. По очень большому периметру установили управляемые минные поля и разместили небольшие, но хорошо укрепленные гарнизоны. Была продумана система наблюдательных пунктов. Вся охрана состояла из нескольких колец — внешнего, целиком опоясывавшего территорию штаба ОКСВ, и нескольких внутренних, расположенных непосредственно возле каждого здания и объекта.

При въезде на территорию штаба ОКСВ у нас внимательно проверили документы. Перед тем как оказаться возле штабного вагончика командующего 40-й армией генерал-лейтенанта Юрия Владимировича Тухаринова, я попросил сопровождавшего меня офицера показать, где можно побриться.

Разговор с командармом занял не больше пятнадцати минут и не выходил за рамки того, о чем обычно говорят с только что прибывшим офицером. Он то и дело отвлекался, отвечая на телефонные звонки и выслушивая доклады. Сразу же отдавал короткие распоряжения. Кабинет Тухаринова был буквально завален картами — они висели на стенах и лежали на столах. Воспаленные глаза выдавали командующего, чувствовалось, что спит он урывками, от случая к случаю.

Генерал Тухаринов — человек запоминающийся. Высокий и стройный в молодости, к пятидесяти годам он несколько ссутулился. В то время когда я с ним познакомился, он был худощав и внешне чем-то напоминал Дон Кихота.

Первый разговор с командармом закончился неожиданно. Он вдруг начал меня отчитывать за то, что командир комендантской роты, встретивший меня в аэропорту, слишком увлекается спиртным. Я, признаться, несколько опешил и хотел было возразить — ведь в дивизии я не провел еще ни одной минуты. Но подумал, что командующий по-своему прав. Позже я несколько раз вспоминал этот разговор и мысленно благодарил генерала

Тухаринова за то, что он сразу же «приземлил» меня.

Возвращаясь к машине, посмотрел на своего сопровождающего. Капитан даже не подозревал, что я уже знаю о его недостатках. Через неделю я отправил этого командира роты обратно в Союз.

До ввода советских войск в Афганистан генерал Тухаринов был первым заместителем командующего войсками Туркестанского военного округа. В мирное время 40-я армия существовала лишь на бумаге, в мобилизационных планах оперативного управления. В случае ее развертывания он назначался командармом. Аппарат управления армии также укомплектовывался офицерами штаба округа.

Генерал Тухаринов возглавлял 40-ю армию в очень сложный период ее становления, когда офицеры еще только привыкали к тому, что действовать придется в реальной боевой обстановке. Ему необходимо было практически на голом месте создать и заставить четко работать сложнейший механизм управления войсками.

Тухаринов пробыл в Афганистане до июня. К тому времени мы уже вели активные боевые действия, и мне не раз приходилось с ним сталкиваться. На свои первые «боевые» в марте я ушел именно по его приказу. Много хлопот нам доставляли бандформирования в Майданшахре, это примерно в семи километрах к западу от Кабула. Оттуда постоянно велся обстрел штаба 40-й армии и всей юго-западной окраины города. Тухаринов же как командующий одновременно руководил сразу несколькими операциями и очень жестко контролировал действия каждого командира. Порой он вникал в такие детали, которые командующему были абсолютно не нужны. Скажем, только вошли в Майданшахр, и в самый разгар организаторской работы: «Вас к аппарату. Командующий». Обычными докладами он никогда не был удовлетворен.

— Ну-ка, давай по карте: где огневые позиции артиллерии? Где будет первая рота, вторая?

Приходилось передавать все координаты. Сначала мы немного возмущались такой опекой, но позже, когда офицеры уже привыкли, стали заранее готовить для него подробные доклады.

Действуя таким образом, генерал Тухаринов поступал совершенно правильно: в противном случае наши потери с самого начала увеличились бы многократно.

Штаб 108-й дивизии, куда я был назначен, находился на противоположной от штаба армии окраине Кабула. За время службы в Союзе я привык к тому, что любой штаб, а уж дивизии тем более, должен, как говорится, блестеть. Здесь же, кроме

нескольких старых палаток и машин, разбросанных в очень неудобном месте, на склоне горы, ничего не было.

Командир дивизии с несколькими заместителями жили в кунгах, которые обычно крепятся на грузовых машинах. Они были оборудованы специальной связью. Остальные офицеры — в палатках. В одной из них поселился и я. Кстати, когда спросил, какая из кроватей не занята, мне, видимо как только что прибывшему, показали на второй ярус. Одно слово — дедовщина. Пришлось наводить порядок: на свободную кровать перебрался подполковник. Дров не было, поэтому буржуйки топили соляркой. По утрам страшно было на себя смотреть в зеркало, сразу же начинали отмываться от ночной копоти.

Первые три-четыре месяца ели в основном консервы. Если колонне удавалось привезти, скажем, мясо из Термеза, а шла она долго, недели полторы, это становилось настоящим праздником. В нескольких палатках были поставлены столы для старших офицеров, младших и солдат. Питались из одного котла, варили всем одинаково.

Дивизией командовал полковник Валерий Иванович Миронов. Мы с ним вместе учились еще в суворовском училище. Друг друга знали давно и всегда понимали с полуслова. Когда встретились в Кабуле, наши объятия были более чем крепкие.

Он-то и рассказал мне в общих чертах о том, как проходил ввод наших войск в Афганистан. Оказалось, что готовились к нему долго, почти год. Несколько раз проводилось отмобилизование войск Туркестанского округа, а 5-я дивизия в Кушке и 108-я в Термезе приводились в состояние повышенной боевой готовности. По планам военного времени действовали и части обеспечения, непосредственно подчиненные штабу округа, — артиллеристы, саперы, связисты, разведчики. В действие приходил огромный механизм одного из крупнейших военных округов. Каждый раз из запаса призывали несколько тысяч человек. Причем людей в частях держали значительно дольше положенного времени, что нередко вызывало возмущение с их стороны. Затем их распускали. Внезапно операция повторялась. И так — несколько раз.

В ноябре произошло очередное отмобилизование. В боевой готовности части находились дольше обычного. В ночь с 25 на 26 декабря поступил приказ на переход государственной границы. За несколько дней до ввода войск с несколькими офицерами под строжайшим секретом были проведены специальные занятия. Для ознакомления с местностью командиры дивизий ночью на машинах и вертолетах пересекали границу, углублялись на территорию Афганистана и смотрели дороги, по которым пойдут

части. Сама операция была проведена стремительно — 108-я и 5-я мотострелковые дивизии вышли в направлениях от Термеза и Кушки, 103-я десантная — по воздуху.

В конце декабря 1979 года в Афганистан вошли военнослужащие, в основном призванные из запаса. Такое парадоксальное решение было принято, на мой взгляд, по нескольким причинам. Для создания Ограниченного контингента требовалось огромное количество солдат срочной службы, прапорщиков и офицеров, которых в Туркестанском военном округе и так не хватало. Министерство обороны СССР получило отсрочку, для того чтобы окончательно определить продолжительность нашего пребывания в Афганистане. Если бы туда с самого начала были направлены кадровые военные, они незамедлительно бы подняли вопросы, касающиеся порядка прохождения службы, льгот и выслуги, что, как я понимаю, не было на руку руководству.

Призванные из запаса солдаты и офицеры показали себя в Афганистане с самой лучшей стороны. Все они были зрелого возраста, многие уже имели семьи, детей. Запасники были опытнее молодых солдат и прекрасно понимали, что попали не на учения, а оказались в очень серьезной обстановке. Мы были уверены, что никто из них, скажем, не уснет на посту и не уйдет из своей части.

Первые удары по 40-й армии были отодвинуты по времени, и оппозиция нанесла их лишь ранней весной восьмидесятого. Афганцы очень тепло встречали наши первые колонны. Общение советских таджиков и узбеков с местным населением завязывалось повсюду. Как могли, они объясняли, что пришли в Афганистан не для того, чтобы воевать. И им верили. Когда стало ясно, что мы пришли надолго, отношение к нам резко ухудшилось.

Последние из запасников застали начавшиеся нападения на машины, засады и перестрелки. В начале февраля душманы в упор расстреляли одну из патрульных машин, которая контролировала небольшой участок дороги в окрестностях Кабула. Десять солдат в кузове, водитель и офицер — все они были призваны из запаса на несколько недель — погибли.

Возвращались домой запасники с радостью. Самые последние из них провели в Афганистане не больше двух месяцев. Это был самый спокойный период за все время нашего там пребывания.

Первые боевые действия

Январь 1980 года прошел для 40-й армии относительно спокойно. С начала года под контролем Ограниченного контингента советских войск находились все крупные города Афганистана, где расположились наши гарнизоны, и основные дороги страны: Термез — перевал Саланг — Кабул, Джелалабад — Гардез на восточном направлении и Кушка — Герат — Шинданд — Кандагар на западном.

Однако уже в конце месяца тучи начали сгущаться. Одной из причин этого стала активная антисоветская пропаганда, которая умело велась среди всего населения Афганистана. В каждом кишлаке и маленьком городе людей настраивали против нас. Кабул тоже не был для оппозиции закрытой территорией, несмотря на то, что здесь находилось революционное правительство. Больше того, именно в столице с антисоветскими настроениями приходилось сталкиваться особенно часто.

Пропаганда против «неверных» оказалась весьма эффективной: в двадцатых числах января советские войска подверглись первым, правда нерегулярным и не очень интенсивным, обстрелам. Эйфория, в которой пребывало афганское руководство, и надежда на то, что революция будет поддержана народом, а с вводом советских войск станет необратимой, оказались недолгими.

В конце 1979 года мы оказались в совершенно неизвестной для большинства из нас стране. Потребовалось немало времени, чтобы разобраться, например, в национальных хитросплетениях. Принято считать, что Афганистан населен прежде всего пуштунскими племенами, которые кочуют по всей территории страны, за исключением северных и западных районов. Пуштуны являются основной частью населения Афганистана, которое, по различным оценкам, колеблется от 17 19 миллионов человек. Более точными цифрами, по-моему, сегодня вряд ли кто-нибудь располагает — последняя перепись здесь проводилась лет сто назад, а сегодня сделать это практически невозможно.

Пуштунские племена, живущие южнее хребта Гиндукуш, который разделил страну пополам, всегда оказывали заметное влияние на положение в Афганистане. Именно пуштуны со временем возглавили оппозицию и ее вооруженные формирования. По нашим оценкам, каждый третий моджахед, воевавший против 40-й армии, был пуштуном. Прежде всего в силу подвижного образа жизни, позволявшего многое видеть, слышать и знать, они оказались более подготовленными к

неожиданному развитию событий в стране по сравнению, скажем, с жившими там же узбеками или туркменами.

Вооруженные столкновения началась в последних числах января и с каждой неделей становились все более ожесточенными. Нас поддерживали только правительство Афганистана и местные администрации, то есть люди, назначенные Бабраком Кармалем.

Давление оппозиции привело к тому, что 20 февраля в Кабуле вспыхнуло восстание. Внезапно все гарнизоны, находившиеся в столице и вокруг города, были полностью заблокированы местным населением. Особенно тяжело приходилось по ночам, Пик событий пришелся на 23 февраля. Отряды оппозиции несколько раз обстреливали наши городки и заставы вокруг Кабула. В окрестностях города были перекрыты все дороги, в том числе и основная — по направлению к Салангу, прекращена поставка продовольствия. В самой столице переворачивались и поджигались машины, строились баррикады. Беспорядки создавали эффект крайнего недовольства населения присутствием советских войск.

Положение осложнялось тем, что командование армии, имея в дивизиях 80 % военнослужащих, призванных из запаса, не могло идти на активные меры. В конце января началась их замена на кадровых военных. Одновременно по всему Союзу и в группах войск за границей отбирались специалисты, которых сразу же переводили в Афганистан. Не заработали еще в полную силу службы 40-й армии, временно укомплектованные офицерами штаба ТуркВО, в том числе и разведка. Агентурная сеть только создавалась, поэтому вместо исчерпывающих данных приходилось довольствоваться лишь туманными ориентировками правительства Афганистана.

События 20–23 февраля в Кабуле не только стали для нас полной неожиданностью, но и заставили сделать определенные выводы. Прежде всего, они показали, что Ограниченный контингент находится вовсе не в «дружественном окружении», а скорее наоборот. Гибель наших солдат в январе и феврале вынудила командование 40-й армии вплотную заняться обеспечением безопасности подразделений так, как это должно быть на войне.

В первую очередь это касалось тех, кто находился не в военных городках, а охранял основные дороги Афганистана. Вдоль этих трасс было направлено несколько рекогносцировочных групп, которые по всем правилам военной науки определяли наиболее удобные места для размещения наших застав. Специально для этого из Москвы прилетели

ведущие офицеры и генералы Военной академии имени Куйбышева, военные инженеры рчень высокой квалификации. Достаточно сказать, что несколько полковников имели профессорские звания. Вместе с нами работали и офицеры частей, в зоне ответственности которых находились те или иные отрезки дороги. Одну из групп возглавил я. Мы прошли от Кабула до перевала Саланг, далее на север, в сторону Советского Союза, еще километров сто. Для восточного направления этот участок дороги являлся основным.

Начиная от окраины Кабула, мы изучали местность со всех точек зрения, так как на этом изгибе трассы колонны несколько раз уже подвергались интенсивным обстрелам. Нужно оборудовать заставу. Офицер связи возражает: рации работать не будут — выступающая скала перекрывает эфир. Артиллерист подсказывает, что место находится в ущелье, поэтому огонь придется вести вслепую. За неделю мы облазили все склоны и высоты на своем участке и с учетом мнений специалистов определили наиболее удобные места, на которых должны были стоять заставы или сборно-пулеметные сооружения.

Командующий армией генерал Тухаринов внимательно прочитал наш доклад и утвердил его. Через месяц создание системы охраны было закончено. Из камня были построены достаточно мощные сооружения. Небольшие казармы для солдат мы строили так, чтобы даже при прямом попадании мины никто не погиб, а сооружению был бы нанесен минимальный ущерб. Кое-где удавалось поставить свои небольшие баньки. Если не было возможности организовать полевую кухню, еду привозили.

Очень трудно было «зарываться» в скалы. Все-таки находили довольно оригинальные решения, позволявшие охранять участок, доверенный взводу или роте, вообще не выходя с заставы. Мы буквально вгрызались в горы, делая траншеи в полный рост. Пробежав по этим проходам и переходам из казармы, солдат оказывался на своей огневой позиции, ни разу не показавшись противнику. Основной артиллерией на «дороге жизни» от Термеза до Кабула были очень удобные 82-мм минометы типа «Поднос» — их можно переносить вручную. В тех местах, где «врезаться» в скалы было невозможно, огневые позиции для них обкладывали камнями и прятали таким образом, чтобы через верхнее отверстие можно было вести обстрел в любом направлении. Во время нападения солдаты оказывались возле минометов, наблюдатели-корректировщики выдавали им точные координаты, тем более что практически вся местность уже была пристреляна заранее, и минуты через две уже открывался огонь. На дальних подступах дорогу прикрывала ствольная артиллерия.

Война, естественно, позже внесла свои поправки. В течение следующего года мы поняли, что где-то допустили ошибки — всего предусмотреть нельзя. У душманов был свой, нестандартный подход — они, как правило, нападали там, где их меньше всего ждали. Со временем мы были вынуждены либо усиливать заставы несколькими бронетранспортерами и боевыми машинами пехоты, либо вообще убирать их с того места, где они не могли обеспечить защиту своих людей. Тем не менее основная система охраны дороги, несмотря на некоторые изменения, надежно действовала все девять лет.

Ситуация становилась все более сложной. В конце января в Кабул прилетел главнокомандующий сухопутными войсками генерал армии Павловский. С июля до декабря 1979 года он постоянно находился в Афганистане и, вернувшись в Москву, высказывался против ввода войск. Кстати, Павловский и сопровождавшие его офицеры прилетели в гражданской одежде, такая традиция сохранилась до конца нашего пребывания в Афганистане. Именно от генерала Павловского мы впервые услышали о том, что 40-й армии предстоит вести боевые действия. Тогда же началась подготовка к ним: заменялись призванные из запаса люди и старые виды вооружения. Дивизиям, которые вошли в Афганистан, вместо танков Т-55 поставлялись Т-62 и Т-64, а также новые в то время виды стрелкового оружия, в том числе и гранатомет АГС-17, который позже активно применялся в районах межнациональных конфликтов на территории Советского Союза. Тогда мы еще не знали и не представляли, где предстоит вести эти бои. Но чувствовали, что начнутся они скоро.

В конце февраля, через месяц после приезда Павловского, в штаб дивизии пришло официальное распоряжение быть готовыми к ведению плановых боевых действий в зоне ответственности дивизии.

Оппозиция за очень короткое время сумела провести поистине колоссальную работу. Почти все население Афганистана было настроено против не только режима Бабрака Кармаля, но и советских войск, оказавшихся в стране. Созданная в начале 1980 года мощнейшая агентурная разведывательная сеть из афганцев, вплотную работавших вместе с нашими представителями, практически не давала сбоя несколько лет. Оппозиция на протяжении всей войны непрерывно черпала необходимую информацию и была достаточно осведомлена о наших планах, потому что ни одного крупного решения мы не принимали без непосредственного участия самих афганцев. Безусловно, мы понимали, что любой документ, оказавшийся в их

руках, очень скоро попадет к душманам, но были вынуждены мириться с этим, ограничиваясь лишь мерами, сводящими утечку информации к минимуму. По-другому действовать было невозможно: в противном случае ответственность за все происходившее в Афганистане лежала бы только на нас.

Основную опасность для режима Бабрака Кармаля и наших войск представляли специальные банды, засылавшиеся с территории Пакистана. Защищая свою землю, они несли в Афганистан кровь, беспощадно уничтожая своих земляков, которые подозревались в поддержке — даже взглядом — революционнного правительства и советских. Поэтому, кроме охраны гарнизонов, находившихся в крупных городах, основных дорог Афганистана, авиабаз в Баграме и Шинданде, мы встали перед необходимостью каким-то образом перекрыть афгано-пакистанскую границу. Сделать это было непросто: границы между этими странами как таковой не было и нет. Ее заменяет условная «линия Дюранда», проходящая по вершинам горных хребтов и разделяющая земли, по которым издавна без особых препятствий кочевали пуштуны. Нередко получалось так, что люди одного племени жили в разных странах. Несмотря на то, что Пакистан как бы огибает территорию Афганистана с востока, юга и немного с юго-запада, в момент ввода советских войск от Джелалабада действовала фактически лишь одна дорога в сторону границы — через Тархан.

В начале марта, то есть через месяц после приезда генерала Павловского, мы получили первую директиву командующего 40-й армией о подготовке и проведении боевых действий в приграничной провинции Кунар, восточнее Джелалабада. Замысел операции заключался в том, что мы усиленным мотострелковым полком должны были пройти северо-восточнее Джелалабада вдоль афгано-пакистанской границы по единственной дороге к небольшому городку Асадабад, где находился правительственный гарнизон, снять блокаду дороги и города, а также провести активные боевые действия против вооруженных формирований оппозиции.

В районе проведения операции находился лишь один Джелалабадский аэродром, который мог принимать только небольшие самолеты, такие, как Ан-26. Огромное количество горючего, боеприпасов и многое другое нам пришлось брать с собой. Их регулярная доставка из центра исключалась — потребовалось бы слишком много сил для перевозки и охраны колонн.

Подготовка к предстоящим боям проходила достаточно серьезно и основывалась на том, чему нас научили в военных

училищах и академиях. Хорошо постаралась разведка. У нас к тому времени уже появились свои агенты среди афганцев, правда, говорить о широкой сети осведомителей было рановато. Огромную помощь оказала воздушная разведка: на аэрофотоснимках были отчетливо видны все завалы, устроенные на дорогах, по которым мы должны были идти. Но уже через несколько дней, когда операция шла полным ходом, выяснилось, что все выработанное советской военной наукой и записанное в боевых уставах, в том числе и в разделе «Ведение боевых действий в горах», годится только для западного направления и европейского театра военных действий. Здесь же, в Афганистане, мы были вынуждены многое постигать на ходу, медленно продвигаясь вперед путем проб и ошибок.

Например, в походном построении есть такой элемент — отряд обеспечения движения. Как правило, это саперное подразделение, которое под охраной танкистов или мотострелков с помощью специальной техники расчищает завалы на дорогах и уничтожает небольшие группы противника. Основные силы обычно идут следом за саперами. Не зная специфики Афганистана и используемой душманами тактики, мы поставили в начале колонны огромный небронированный БАТ. Все было сделано по науке, кроме одного: мы не учли, что душманы специально устраивают завалы на узких участках дороги. Когда мы дошли до первого из них, БАТ был в упор расстрелян и выведен из строя. Мы оказались запертыми своей же подбитой техникой — огромная махина загородила путь и обойти ее было невозможно. Пришлось скинуть в пропасть.

Не знали мы и того, что моджахеды могут просто снести взрывом, например, пятидесятиметровую полку горной дороги таким образом, что получалось продолжение скалы. Прохода как такового не было. Естественно, колонна останавливалась. В это время душманы вели интенсивный обстрел сверху — начиналась паника, неразбериха, гибли люди. Практически никто из нас не знал на первых порах, что нужно делать в таких ситуациях. Позже, наученные горьким опытом, мы всегда возили с собой кумулятивные заряды, чтобы с их помощью вгрызаться в скалу и заново проделывать участок дороги.

Анализируя первую операцию, мы пришли к выводу, что движение по любой дороге в горах, а все они, как правило, находятся в низинах, обязательно должно прикрываться сверху — справа и слева. Командиры выделяли специально подготовленные взводы и даже роты, которые должны были идти по хребтам с небольшим уступом вперед. Кроме того, колонну прикрывали вертолеты и штурмовики — они постоянно висели над головой.

Но все это было потом.

Пока же, во время первых боевых действий, авиацию мы вызывали только по радио. В основном это были вертолеты, реже — истребители-бомбардировщики. Авиация — мощная сила, но ею необходимо управлять. В каждой колонне находились авиационные наводчики, но они ничего не видели и не знали, откуда ведется огонь. Поэтому вначале нам приходилось наносить авиационные удары примерно по площадям. Или отдавать все на откуп летчику — если он видел противника, то наносил по нему бомбово-штурмовой удар. Иногда под огонь авиации попадали и свои войска — из-за того, что с большой высоты очень трудно было разобрать, где находятся душманы, а где наши солдаты. Два таких случая произошли при мне, правда, обошлось без больших людских потерь — получалось, что в основном уничтожали только технику, а то били и мимо.

Весенние бои принесли Ограниченному контингенту колоссальный опыт. Мы пересмотрели многое — начиная от подготовки и построения войск для движения и заканчивая отработкой взаимодействия с авиацией, артиллерией и управления ими. Если удавалось развернуть на дороге восемнадцать орудий дивизиона, то мы сразу сталкивались с тем, что офицеры не видят цели. Засечь же их можно было только с высоты. Поэтому в Афганистане срочно начали готовить артиллерийских корректировщиков. Для нас они и авиационные наводчики были, как говорится, на вес золота, поэтому всегда действовали только с группой прикрытия — этих людей охраняли лучше, чем любого командира.

Примерно в то же время Тухаринов приказал мне провести боевые действия недалеко от Кабула. Из района Хайрабада постоянно совершались обстрелы, и, по данным разведки, предполагались крупные нападения на штаб армии.

Тухаринов вызвал меня к себе в штаб и сам показал на карте этот район. От Кабула напрямую через горы он находился примерно в семи километрах, если же двигаться по дорогам, то чуть больше двадцати.

Для проведения операции мне было выделено два мотострелковых батальона и соответствующее прикрытие — артиллерия, авиация, которую в случае необходимости я мог вызвать. Это означало, что летчики находились на аэродроме, а когда нужна была их помощь, появлялись, как правило, слишком поздно.

В то время стал очень распространенным термин «рейдовые действия вдоль дорог». Один или два батальона действовали вдоль нескольких трасс, расчищая вокруг них территорию,

уничтожая и захватывая склады оппозиции. Потом возвращались. Такая же задача была поставлена и нам. О противнике мы практически ничего не знали, потому что разведка предоставила минимальную информацию. Было лишь известно, что в Хайрабаде «кто-то» есть и что этот район необходимо «почистить». Другими словами, если мы случайно нарвемся на моджахедов, то должны их уничтожить.

Эти боевые действия я проводил в должности начальника штаба дивизии, в них участвовал и Руслан Аушев. Именно тогда я впервые ощутил неприятное чувство растерянности. Мы подошли к одному из небольших хребтов, за которым находился кишлак, где, по нашим предположениям, осели душманы. Не доезжая километров трех до перевала, остановили колонну, выслали вперед разведку и прикрытие. На радийной машине, взяв с собой небольшую охрану, поехал и я. Нужно было на месте принять решение — как брать этот кишлак. При подходе к перевалу по нашим машинам внезапно открыли огонь. Практически все, с кем позже разговаривал, испытывали в такие минуты примерно одно и то же. Первый обстрел деморализует человека полностью. Хотя ты внутренне готов и знаешь, что огонь может быть открыт в любую минуту. Больше того, ты сам идешь на риск. При первых же выстрелах начинается паника внутри человека, в его сознании.

Я прекрасно понимал, что у меня есть связь и рядом находятся подразделения. Артиллерия уже развернулась на огневых позициях, а заранее вызванные вертолеты были уже на подходе. Тем не менее минут десять я был в состоянии, похожем на оцепенение, когда не отдавал никаких распоряжений и никаких команд. Я не знал, что делать. А тут еще пули клацают по броне бэтээра, и после каждого стука думаешь, что следующая уж обязательно пробьет броню, и начинаешь проклинать конструкторов, которые не могли сделать ее потолще. И которые придумали отвратительную радиостанцию — когда я начал вызывать оставшихся командиров рот и батальонов, никто, как бывает в таких ситуациях, не отвечал.

Внезапно обстрел прекратился, я даже не сразу понял почему. Оказалось, и позже это подтвердилось, что душманы начали отходить. Огонь вела лишь небольшая группа прикрытия. Основные силы, естественно, уже давным-давно ушли, поскольку заметили нас еще при выезде из Кабула. Я немного пришел в себя и вылез из бронетранспортера. Как-то само собой почувствовалось, что душманы ушли. Действительно, перейдя через перевальчик и спустившись в кишлак, мы никого там не нашли. Он был пуст.

В ходе боевых действий, которые я проводил

непосредственно, мы уже пытались обезопасить движение колонн, блокируя дороги и выставляя заставы на прилегающих хребтах. Однако почти на каждом шагу приходилось сталкиваться с тем, что многие офицеры, не говоря уже о солдатах срочной службы, не имели достаточного опыта ведения войны в горах. На одном из участков дорога проходила на высоте двух тысяч метров. Километром выше мы посадили шесть разведчиков, которым были видны все подступы к трассе. Поднимались они на высоту долго, часов шесть. Все склоны горы мы предварительно обработали артиллерией и прикрывали группу до тех пор, пока она не поднимется, — вокруг разведчиков, наблюдая за восхождением, постоянно кружили вертолеты.

Добрались они благополучно, но на вершине смогли провести только полтора дня. Сказался недостаток опыта. Когда их предупредили, что ночью на вершине будет очень холодно, они взяли с собой зимние бушлаты. Подниматься же со всем необходимым было тяжело; пройдя по склону горы под палящим дневным солнцем минут пятьдесят и изрядно попотев, разведчики очень многое припрятали среди камней, в том числе и теплые вещи. Когда поднялись наверх, там было прохладно, но, как они докладывали, терпимо. Неожиданно в горах ночью пошел дождь, у подножия его не было. А что такое дождь на высоте три тысячи метров? Это моментальное обледенение. Утром пришлось принимать экстренные меры для того, чтобы эту группу не загубить и не заморозить. Ночью им пришлось очень трудно. Днем выглянуло солнышко, стало немного теплее, и они несколько воспряли духом.

Вскоре у солдат закончились сухой паек и вода, приходилось топить снег. Вертолет ни сесть, ни зависнуть над вершиной из-за большой высоты не мог. Все, что им скидывалось, скатывалось вправо-влево от заставы и разведчикам не попадало. Мучились мы долго, в конце концов они сами запросили разрешение на спуск. Одному стало плохо — перепад высот и нехватка кислорода сказались на сердце. У двоих началась простуда, потом врачи установили воспаление легких. Короче, мы их сняли. Точнее, они сами спустились. Навстречу послали людей, но, как бывает в напряженных ситуациях, передовая группа с ними разошлась.

Полторы недели, отведенные для боевых действий, прошли не совсем удачно. Нам удалось обнаружить и захватить лишь небольшое количество оружия и боеприпасов. Докладывать же нужно, как это было принято, о весомом результате. Поскольку операция проводилась недалеко от Кабула, я ежедневно связывался с Тухариновым по радиостанции. На протяжении всех

десяти дней и позже, во время итогового доклада, чувствовалось большое недовольство командарма результатами проведенных боевых действий. Нас упрекали в том, что сожжено много топлива и истрачена уйма боеприпасов. Это действительно было так: на первых порах, если удавалось заметить, откуда нас обстреливали, в ответ на один выстрел душмана направлялся шквал огня из всех видов оружия. Результата же как такового не было. Мы не могли найти больших складов с оружием, на существовании которых настаивала разведка, — их просто не было.

Единственным положительным результатом стало то, что душманы вынуждены были уйти из Хайрабада и обстрелы штаба армии временно прекратились. Но нам удалось только вытеснить бандформирования из пригородов Кабула, не более. Через месяц после завершения боевых действий, в результате которых мы потеряли трех человек — лейтенант погиб во время обстрела и двое солдат подорвались на минах, — нападения на столицу возобновились. Незакрепление итогов операций в первые годы приводило к тому, что в одни и те же районы мы вынуждены были возвращаться по нескольку раз. Местное афганское руководство, несмотря на просоветские настроения, не было заинтересовано в том, чтобы боевые действия проводились нами с максимальной эффективностью. Лишь немногие из них в «очищенных» уездах пытались закрепить свою власть и руководить. Очевидно, они понимали, что рано или поздно война закончится и, кроме них, ответ держать будет некому.

Жаркое лето восьмидесятого

Первое лето в Афганистане стало для 108-й мотострелковой дивизии настолько трудным, что сорокаградусная жара, обычная для этих мест, сама собой отходила на последнее место. Если в первые месяцы мы строили лишь предположения относительно того, как долго нам предстоит пробыть в Афганистане, то в мае многое прояснилось. В последних числах месяца командующий 40-й армией получил приказ министра обороны СССР, в котором подробно говорилось об условиях прохождения офицерами службы в составе Ограниченного контингента. В одном из пунктов указывалось, что замена офицеров будет производиться через два года. Стало понятно, что нас ввели не на год-полтора, тем более не на месяц — 40-й армии предстоит провести в Афганистане достаточно долгий срок. Так и получилось.

Помимо ведения плановых боевых действий, мы вплотную начали заниматься обустройством армии — в первую очередь строить военные городки для частей. Многие из офицеров по-прежнему жили в палатках и кунгах, там, где обосновались еще зимой. Активно приспосабливались для нужд ОКСВ уже имевшиеся у министерства обороны Афганистана объекты. Советские военные специалисты почти не выходили, например, с территории Баграмского и Шиндандского аэродромов, чтобы как можно раньше в качестве своих баз их начали использовать летчики 40-й армии.

Летом восьмидесятого в крупных городах, прежде всего в столице, оппозиция решила нанести решающий, по ее мнению, удар по войскам, чтобы вынудить нас уйти из Афганистана. В Кабуле в тот период находились основные силы дивизии — артиллерийский и три мотострелковых полка, а также разведывательный батальон. Все части располагались на окраине города, поэтому солдатам и офицерам приходилось нелегко. В таком же положении оказались и десантники. Позже батальоны 103-й воздушно-десантной дивизии стали направлять в провинции. Как правило, это были труднодоступные районы, где для поддержания «крепкой народной власти» требовались советские солдаты. И чем больше — тем лучше.

Почти каждый день наши посты и заставы подвергались ожесточенным обстрелам или нападениям. Весенние боевые действия в Кунаре в какой-то мере обезопасили части 40-й армии лишь на полтора месяца. После этого диверсии возобновились. Одна из них имела страшные последствия. В конце мая был обстрелян 181-й полк, который располагался, как и вся дивизия,

на северо-западной окраине Кабула. Солдатские палатки стояли практически в чистом поле и с любого пригорка были видны как на ладони. Кроме того, рядом находились полигон, который постоянно использовали афганцы, и их танковая бригада. Как и во всех правительственных войсках, симпатизировавших советским там было немного. Кто из них был причастен к нападению, остается лишь предполагать. Сейчас даже трудно сказать, из каких видов оружия по нам вели огонь, потому что в то время крупных сил, прежде всего артиллерии, у душманов не было. Чаще всего они применяли минометы. Обстрел полка был произведен грамотно. Огонь открыли днем, при ярком солнце, когда очень трудно определить место, откуда ведется стрельба.

Если ночью виден полет снаряда или трассирующей пули и можно засечь момент выстрела, то днем это сделать практически невозможно. В результате обстрела взлетели на воздух почти все склады с запасами продовольствия и боеприпасов, полк едва не лишился боевого знамени. Один офицер и пятеро солдат погибли — запрыгнув в танки, они пытались хоть как-то бороться с бушевавшим пожаром. Не удалось.

Поскольку восемьдесят процентов дивизии стояли на охране основной дороги от Кабула через Саланг до Доши, а это больше двухсот километров, у нас просто не было свободных частей, которыми мы могли бы маневрировать. Приходилось ограничиваться лишь тем, что гасили очаги опасности.

Небольшие боевые действия, которые велись дивизией на протяжении всего лета, проходили в основном в пригородах Кабула и в районах, прилегающих к столице. Например, мы прикрывали выдвижение 66-й отдельной мотострелковой бригады в Джелалабад во время ее марша от Саланга через Кабул и дальше до Кунара, к месту своей постоянной дислокации.

Маршрут был тяжелым, практически ежедневно происходили небольшие перестрелки, а иногда и бои с душманами. Тем не менее свою задачу мы выполнили — бригада добралась благополучно и взяла под контроль дорогу, которая шла от Кабула в сторону Пакистана, охраняла ее и вела там боевые действия. Кстати, в самом Джелалабаде, очень красивом и зеленом по афганским меркам городе, многое до войны было сделано советскими специалистами — на реках стояли две крупные ГЭС, Сароби и Наглу, и действовала уникальная ирригационная система.

Большое количество сил в Кабуле было выделено для охраны. 108-я мотострелковая дивизия поделила эти заботы пополам с десантниками. Обеспечение безопасности всех советских учреждений, а их в Кабуле насчитывалось более тридцати, в том

числе сотрудников советского посольства и торгового представительства, было поручено нашей дивизии. Афганские государственные и правительственные учреждения, ЦК НДПА и резиденцию Бабрака Кармаля, а они находились практически в одном месте, охраняли десантники. Несмотря на то что внешнее кольцо охраны выставлялось афганцами, основная надежда в критической ситуации возлагалась, конечно же, на советских. В том числе и на офицеров КГБ — телохранителей сначала Кармаля, а затем Наджибуллы. Во дворце Амина все девять лет нашего пребывания в Афганистане находился парашютно-десантный полк, который не только нес службу по охране правительства, но и жил там.

Долгое время мы охраняли столичный радиотелецентр и двенадцать основных мостов на реке Кабул, которая течет в центре города и делит его пополам. Мы не могли допустить того, чтобы мосты были уничтожены, поэтому для охраны каждого из них выделялся взвод, а во время обострения обстановки — рота. Один батальон был выделен для прикрытия штаба армии. Кроме того, войска должны были охранять сами себя. Уже весной 1980 года, когда Ограниченный контингент имел достаточный опыт действий в условиях Афганистана, было решено окончательно определиться с составом как 40-й армии в целом, так и непосредственно дивизий, полков и бригад. В частности, мы пришли к выводу, что танковые полки нам в Афганистане не нужны, их целесообразно было заменить мотострелковыми. В горах танкисты не могли полностью, с максимальным эффектом использовать боевые возможности своих машин. В «зеленке» же танки буквально вязли на рисовых полях. Как правило, они применялись только для охраны объектов и во время действий на небольших равнинах, где машины могли развернуться. Для выполнения боевых задач было достаточно танковых батальонов, которые находились в штатах мотострелковых частей. Содержать же в Афганистане целые полки по девяносто танков в каждом было бессмысленно и дорого.

В июле Кабул покинула первая группа наших войск. Обратно в Союз были отправлены танковые полки двух дивизий, отдельная артиллерийская бригада и ракетные дивизионы, имевшие на вооружении комплексы типа «Луна» с дальностью действия до шестидесяти километров. Присутствие в составе Ограниченного контингента тактических ракетных установок в таком большом количестве является еще одним подтверждением того, что решение о нашем военном присутствии в Афганистане принималось без достаточной подготовки.

Трагедией сопровождался вывод зенитно-ракетной бригады.

Она не подвергалась нападению душманов, тем не менее из-за безалаберной подготовки к совершению марша, по-настоящему преступного отношения к своим обязанностям командования этой бригады и офицеров, которые штабами ТуркВО и 40-й армии были специально направлены в бригаду для оказания помощи, произошло непоправимое.

Зенитно-ракетная бригада переходила через Саланг ночью. Находящийся там тоннель считается одним из самых длинных в мире. Для того чтобы избежать каких бы то ни было инцидентов, в результате которых тоннель мог быть вообще уничтожен, мы с первых же дней взяли его под усиленную охрану и установили жесткие правила пользования им. В частности, правительственным войскам Афганистана не разрешалось входить туда вместе с советскими — только по очереди. Несмотря на категорический запрет, колонна зенитно-ракетной бригады втянулась в тоннель вслед за афганскими машинами. Те остановились, что, кстати, также строго запрещено, — и наши встали. Решив какие-то свои дела, афганцы поехали дальше, а водитель первой машины нашей колонны от усталости уснул — отдохнуть перед перевалом солдатам не дали. Не едет первая машина — стоит вся колонна. Двигатели, естественно, никто не глушил. Когда опомнились и бросились на помощь, было уже поздно. Из тоннеля вытащили всех солдат, однако шестнадцать человек спасти не удалось — они отравились выхлопными газами и скончались сразу. Еще двадцать человек находились в тяжелом состоянии, но они выжили.

В начале лета было принято решение о передислокации штаба 108-й мотострелковой дивизии в Баграм. По замыслу командования армии, силы нашей дивизии должны были прикрывать прежде всего одну из крупнейших в Афганистане авиабаз. Находясь в Багграме, очень удобно влиять на развитие событий в районах, расположенных севернее Кабула, в Чарикаре и окружавшей его «зеленой зоне». Обилие воды в этих местах и близость основной дороги притягивали к себе душманов и тех, кто стремился чем-нибудь поживиться. Кроме того, рядом находились теперь уже известное ущелье Панджшер и основная база одного из самых энергичных и сильных полевых командиров Ахмад Шаха Масуда. Этот чрезвычайно сложный район было решено передать под контроль 108-й дивизии.

К сожалению, абсолютно правильный замысел так и не был реализован так, как это предполагалось. Закончив в конце сентября строительство сборно-щитовых казарм и переехав на новое место, мы ощутили в какой-то степени дискомфорт. В Багграме находились лишь штаб и несколько батальонов

обеспечения, основные же силы дивизии по-прежнему оставались в Кабуле. Для того, чтобы контролировать этот район и вести боевые действия, нам нужно было там иметь как минимум два боевых полка, у нас же не было ни одного. Единственная танковая часть, находившаяся в Баграме в первые месяцы, была выведена, а на замену ей так никого и не прислали. Такое нелепое положение сохранялось все время, пока мы были в Афганистане.

К началу Олимпийских игр, которые в 1980 году проводились в Москве, во всех крупных гарнизонах 40-й армии, в тех местах, где стояли дивизии и отдельные полки, и в первую очередь в Кабуле, появились переносные телевизионные вещательные станции. Они принимали сигнал со спутника, а затем ретранслировали его на ближайшую округу. Сначала они находились у нас на машинах и сигнал можно было принимать в радиусе трех километров. Как правило, на гарнизон этого хватало. Позже появились модернизированные приемники, мощность которых была увеличена до десяти километров. Летом, насколько мне известно, в Союзе запустили специальный спутник, который должен был обслуживать 40-ю армию, где к этому времени уже находилось около ста тысяч человек. Техника позволяла нам принимать цветное изображение. Впрочем, телевизор мы там смотрели редко.

Декабрь

В начале осени активность душманов резко возросла. Они понимали, что пройдет еще немного времени, и перевалы будут закрыты — придется ограничиваться лишь локальными нападениями на заставы и обстрелами военных городков советских войск. Зимой, как правило, душманы не проводили крупных операций — они были лишены возможности маневрировать. Так повторялось каждый год. Сама природа позволяла, хотели мы того или нет, сделать короткую передышку в войне. Ограниченный контингент и оппозиция использовали это время для того, чтобы разобраться в том, что уже сделано, восстановиться и восполнить материальные запасы, истраченные в летние месяцы, когда интенсивность боевых действий была особенно большой.

Осенью я был назначен командиром 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, которая до ввода в Афганистан находилась в Кушке. После войны она вернулась на свое прежнее место, стоит в Кушке и сейчас. Почти вся дивизия осенью 1980 года находилась в Шинданде. Лишь один полк действовал в отрыве от основных сил — он был расположен в Герате, очень красивом, с тысячелетней историей городе. Этот район был для нас важен прежде всего потому, что там находилась вторая по величине авиабаза на всем западе Афганистана.

В то время, к счастью, вопросы, связанные с продвижением по службе, решались при личной встрече, а не по телефону, как это произошло во время моего назначения на должность первого заместителя министра внутренних дел. Командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Юрий Павлович Максимов очень часто прилетал в Афганистан и каждый раз отправлялся непосредственно в дивизии 40-й армии. Многих офицеров он знал лично и при необходимости шел навстречу, помогая решить ту или иную проблему. Однажды с просьбой об отпуске, а по тем временам это было из ряда вон выходящее событие, обратился к нему и я. Причина, на мой взгляд, была более чем уважительная — в Саратове у меня родился второй сын, Андрей. Мне сказали об этом накануне отлета в Ташкент, где я и еще один офицер должны были представить для утверждения оперативные планы. Подписывать их должен был в том числе и командующий. Перед тем, как идти к нему, я поинтересовался у знающих людей — отпустит или нет? Все отрицательно качали головой. Все же я набрался храбрости и в конце разговора с командующим, когда он подписал все бумаги,

которые мы привезли, попросил разрешения слетать в Саратов — все-таки сыновья рождаются не каждый день. Он согласился и дал мне на все пять дней. Прямо из штаба округа я поехал на аэродром, улетел в Саратов, посмотрел на сына и вернулся обратно в Афганистан.

Не проходило месяца, чтобы генерал Максимов не побывал в 40-й армии. На третьем этаже дворца Амина он имел свой кабинет, который был специально оборудован всеми современными средствами связи, позволявшими из Кабула руководить не только частями Ограниченного контингента, но и всем округом.

Во время одного из таких прилетов в конце октября командующий пригласил меня к себе. Он сказал, что военный совет ТуркВО принял решение рассмотреть мою кандидатуру на должность командира дивизии. Как я понял из разговора, Максимов предварительно созвонился с офицерами в Майкопе и навел справки о моей предыдущей службе. Я не был готов к такому повороту событий, новость о предстоящем назначении стала для меня в одинаковой степени неожиданной и приятной. Я поблагодарил командующего за доверие и, вернувшись в Баграм, доложил о состоявшемся разговоре своему комдиву. Через два дня документы были готовы и отправлены в Москву.

Прошло больше месяца после этого разговора, и он уже стал забываться, но в начале декабря позвонил генерал Максимов и тепло поздравил с тем, что министр обороны подписал приказ о моем назначении. Через несколько минут меня уже поздравлял новый командующий армией, генерал-лейтенант Борис Ткач, Тухаринов к этому времени уже вернулся к своей прежней должности в Ташкенте. Ткач приказал мне завтра же вместе с начальником штаба армии генералом Валентином Панкратовым вылететь в Шинданд и принять новую должность.

Полет в Шинданд занял у нас больше полутора часов. Там уже знали о том, что летит новый командир. Свободные от службы в тот день подразделения уже ожидали меня. На небольшом плацу, если так можно назвать место между двумя рядами деревянных казарм, стояли также артиллерийский полк и десантный батальон 103-й дивизии.

Я сменил на должности командира дивизии генерала Юрия Васильевича Шаталина, который позже стал командующим внутренними войсками. 5-й мотострелковой дивизией он командовал долго, еще до того, как она была введена в Афганистан. За четыре дня мы вместе с ним облетели районы, где несли службу подразделения дивизии, побывали почти на всех заставах и в Герате.

Он познакомил меня с офицерами и афганским руководством авиабазы. Интересна такая деталь. К себе домой в Кушку генерал Шаталин улетал рано утром. От штаба дивизии до аэродрома было не больше пяти минут езды на машине. Когда мы туда приехали, нас уже ждал оркестр, заместители комдива и командиры частей. После того как мы попрощались и были сказаны все теплые слова, оркестр заиграл «Прощание славянки». Двигатели вертолета уже работали, Шаталину оставалось только сесть и закрыть люки. В этот момент у вертолета неожиданно лопнуло одно колесо. Все немного растерялись. Во-первых, такое происходит не каждый день, а во-вторых, Шаталину предстояло больше часа лететь над районами, где постреливали. Прежде всего это была огромная «зеленая зона» вокруг Герата. Пришлось, чтобы, не дай Бог, не случилось самого плохого, дополнительно выделить два вертолета огневой поддержки.

5-я дивизия в бытовом отношении была обустроена лучше других. Штаб стоял примерно в километре от частей, так что туда мы ходили пешком. Все управление дивизии разместилось в шести одноэтажных домиках, в каждом из которых было четыре комнаты, печное отопление, туалет и умывальник. Городок впоследствии разросся — появились офицерская столовая и еще несколько домиков. Там же размещались батальон связи и фельдъегерская служба.

Луркох

Приняв должность, я хотел еще раз побывать во всех подразделениях, но сделать это мне не удалось. Дивизия в это время вела боевые действия недалеко от Фараха, в горном массиве Луркох. Руководил ими генерал Ю. В. Шаталин, но за неделю до моего приезда в Шинданд он оттуда уехал, оставив вместо себя первого заместителя.

Возле Луркоха дивизия находилась больше четырех недель, для нас это был очень большой срок: мы несли там потери. На третий день после вступления в должность я прилетел в окрестности Фараха. Необходимо было на месте разобраться и определиться в дальнейших действиях.

Массив этот представлял собой интересное и необычное место. На абсолютно голой равнине в радиусе шести километров высились каменные глыбы. Самая большая вершина находилась на высоте более трех километров над уровнем моря.

По данным нашей и афганской разведок, в центре массива находилась большая база с оружием, боеприпасами и продовольствием. Душманами там был оборудован неприступный лагерь, откуда они совершали набеги на дорогу, по которой непрерывно шли в Кандагар наши и афганские колонны, а также на расположение 70-й отдельной мотострелковой бригады. Все подступы и радиальные ущелья, ведущие в центр горного массива, были заминированы.

Командный пункт дивизии размещался в нескольких кунгах, которые были зарыты в землю и тщательно закрыты маскировочными сетками. Там уже находились все заместители командира дивизии, отвечающие за работу артиллерии, связи, авиации и разведки. Эти боевые действия мы проводили совместно с афганской пехотной бригадой, численность которой не превышала 115 человек. Фарах был для них местом постоянной дислокации. Иногда, когда отрабатывалось взаимодействие, мы приглашали в наши кунги и афганских военных.

В течение двух дней я выслушивал мнения тех офицеров, которые долгое время находились возле Луркоха и досконально знали ситуацию. Обсуждение проходило тяжело. Мы колебались. Наши офицеры однозначно говорили о том, что продолжать боевые действия и идти внутрь горного массива бессмысленно. Предлагали самим заминировать все входы и выходы, оставив душманов как бы в мешке, и постоянно держать их под воздействием артиллерии и авиации — каждый день

подбрасывать им туда «подарки».

Афганцы придерживались другого мнения. Их командир предлагал сделать мощный прорыв вглубь и уничтожить эту базу. Свое решение к тому моменту у меня уже было готово, но я все-таки поинтересовался: «Кто пойдет первым?» Оказалось, что первыми должны идти советские. У афганцев, как сказал заместитель их командира по политической части, сил пока маловато, но они сделают все для того, чтобы поддержать и помочь нам.

Безусловно, базу в Луркохе необходимо было ликвидировать. Однако во время каждой нашей попытки хоть на несколько метров продвинуться в глубь горного массива мы наталкивались на упорное, прямо-таки отчаянное сопротивление душманов, которому никто из нас не мог найти объяснение. По-видимому, на самой базе находилось нечто такое, что необходимо было хорошо оборонять. Сам лагерь, скорее всего, был подготовлен давно и с перспективой: огромные запасы боеприпасов и продовольствия позволяли душманам продержаться там несколько месяцев.

Для проведения захвата Луркоха, перед тем как идти самим, нам предстояло разминировать все отлично простреливаемые душманами ущелья. Сделать это без потерь с нашей стороны было невозможно. Двигаться по горным хребтам, для того чтобы занять господствующие высоты, десантники не могли — они нарывались на стену шквального встречного огня.

Высадить десант в Луркохе мы тоже не могли — у нас для этого не было достаточных сил. Не хватало артиллерии для того, чтобы предварительно перед высадкой обработать все склоны и тем самым исключить возможность открытия огня по десантникам. В тот период мы не располагали необходимым для десантирования количеством вертолетов и фронтовой авиацией для прикрытия этих вертолетов. Самая же большая проблема состояла в том, что мы не могли управлять десантом, если бы он ушел в горы, а тем более спустился в ущелье. Потеря связи с десантом для солдат равнозначна их гибели. У нас не было авиационных комплексов с радиоретрансляторами, которые позже висели в воздухе во время каждых боевых действий. Операция, если бы она состоялась в то время, принесла бы нам только жертвы.

Исходя из этого, я принял решение не проводить операцию внутри Луркоха, а ограничиться лишь теми мерами, которые предлагали офицеры управления дивизии. Мы тщательно заминировали подступы к горному массиву и еще раз хорошенько обработали его артиллерией. Между скалами Луркоха и дорогой

выставили усиленные заслоны, которые перехватывали душманов. На все это у нас ушло пять дней, после чего подразделения дивизии вернулись в казармы. Цели проведенные нами боевые действия не достигли, потому что мы решили не идти на потери. Мы отдавали себе отчет, что через какое-то время нам придется сюда вернуться. Так и получилось.

Спустя несколько месяцев база в Луркохе опять стала о себе напоминать. Душманы в этом районе возобновили нападения на автомобильную трассу и систематически увеличивали подчиненную себе территорию. Мы сделали все, для того, чтобы не только запереть душманов в ущельях, но и вынудить их уйти оттуда. Они должны были понять, что Луркох для них «засвечен», он постоянно находится под нашим прицелом и спокойно жить и действовать им там уже не придется. Горный массив практически ежедневно подвергался авиационным бомбардировкам и обстрелам дальнобойной артиллерии, а минирование основных ущелий и подступов к ним постоянно «освежалось». Тем не менее нам стало известно, что Луркох все равно используется оппозицией как своего рода объединенный командный пункт — на хорошо укрепленной базе в центре гор периодически продолжали собираться руководители бандформирований. Самое же главное заключалось в том, что во время непрекращающихся нападений душманов на наши заставы, сторожевые посты, а также военные гарнизоны части 40-й армии и правительственных войск продолжали нести потери. Командование 5-й дивизии встало перед необходимостью предпринять решительные меры и каким-то образом нейтрализовать находившиеся в ущельях силы моджахедов. Другими словами, нам нужно было уничтожить их и сделать все для того, чтобы в последующем вообще не вспоминать о Луркохе.

Во время боев за этот горный массив нам, к сожалению, не удалось избежать людских потерь. Самые большие жертвы были в 21-й пехотной бригаде правительственных войск, которая дислоцировалась в Фарахе, примерно в сорока километрах от горного массива, и вместе с нами принимала участие в боевых действиях в районе Луркоха. Мы тоже теряли людей, хотя всячески пытались ограничить свое участие в боях — Луркох нужен был прежде всего самим афганцам, а не 40-й армии. Погибшие и раненые у нас были в основном среди саперов, мотострелков и десантников, которые пытались занять господствующие высоты, приближаясь к центру горного массива. Возле Луркоха мы теряли не только солдат и офицеров 5-й дивизии, но и военных советников. Трагическая гибель одного из них, военного летчика генерал-майора В. Хахалова, заставила нас

не только активизировать боевые действия, но и пойти на крайние меры.

Генерал Хахалов прилетел в Афганистан, получив приказ главкома ВВС маршала авиации П. С. Кугахова проверить эффективность применения штурмовиков Су-25 в этом горном массиве. Вначале шла нешуточная борьба за невыполнение этого приказа, поскольку, по замыслу Кутахова, после каждого бомбово-штурмового удара с воздуха мотострелковые подразделения должны были идти в центр Луркоха для того, чтобы убедиться — да, авиация своей цели достигла. Командование 5-й дивизии, да и в целом 40-й армии, это ни в коем случае не устраивало — мы знали, к чему приведет такая «проверка», и уже имели горький опыт потерь. Я до сих пор уверен, что этим нужно заниматься на полигонах. Если же возникла необходимость провести инспектирование в реальной боевой обстановке, как решил Кутахов, то делать это нужно не в горных массивах, а на открытой местности, куда можно подлететь на вертолете или десантироваться под прикрытием той же авиации или артиллерии. В Луркохе весь замысел Кутахова брал не только недальновиден, но и заранее обречен. К сожалению, он не понял этого сам, а никто из его помощников не набрался смелости вовремя подсказать.

Несколько дней генерал Хахалов находился возле Луркоха. Как я сказал, мы всячески препятствовали его полету в центр горного массива. Все-таки он выбрал момент, когда я уехал, а руководство боевыми действиями продолжил мой заместитель и, несмотря на настойчивые советы не делать этого, на двух вертолетах на свой страх и риск отправился по горным ущельям в глубь Луркоха. Оттуда Хахалов уже не вернулся. Вертолет, в котором он находился, был подбит душманами и упал недалеко от их базы. После того, как это произошло, мы были просто вынуждены с ожесточенными боями пробиваться по горам и хребтам, по дну двух ущелий в центр горного массива. Очень быстро подготовленная операция проводилась главным образом, конечно же, для того, чтобы забрать хотя бы тела генерала и членов экипажа, погибших вместе с ним, и не оставить их на поругание. Когда мы дошли до центра Луркоха и окончательно овладели этим укрепрайоном, недалеко от базы нашли обломки подбитого вертолета и останки офицеров. На них было страшно смотреть. Над телами генерала, а он был в форме, и вертолетчиков душманы жестоко глумились — им выкололи глаза, отрезали уши…

На операцию нам потребовалась почти неделя. В ходе боев погибло восемь человек. База, которая не давала нам покоя

больше полутора лет, была сделана, как говорится, по последнему слову инженерной техники. Среди скал были оборудованы огромные хранилища, бетонные сооружения и укрытия. Там можно было спрятать десятки тысяч тонн горючего, продовольствия и боеприпасов. Все, что доставалось душманам в результате налетов на дороги — а нападениям подвергались не только советские колонны, но и простые афганцы, — переправлялось туда. Душманы не отличались особой разборчивостью в выборе добычи — мы нашли там и посуду из французского стекла, и контейнеры с химическими удобрениями, и многое другое. Всю базу мы, естественно, разгромили, особо прочные сооружения взорвали, еще раз заминировали весь этот район и ушли оттуда. На этом операция завершилась.

Справедливости ради должен сказать, что значительно позже Луркох опять попал в поле нашего зрения. Бандформирования, действовавшие там, напомнили о себе в конце 1985 года. В ответ на вылазки душманов пришлось нанести серию массированных бомбово-штурмовых авиационных ударов, после которых Луркох уже не доставлял нам особого беспокойства.

Герат

Командование 5-й мотострелковой дивизии было крайне обеспокоено складывавшейся ситуацией в западных провинциях Афганистана. Душманы проявляли большую активность, пытаясь взять под контроль дорогу, ведущую в Кандагар. Мы же в свою очередь не позволяли им этого сделать.

Вместе с тем на характер боевой деятельности 5-й мотострелковой дивизии в значительной степени повлияло то, что в зоне ответственности соединения находился третий по величине город Афганистана — Герат.

Ситуация в Герате в чем-то была похожа на то, что происходило в Кабуле. Разница заключалась лишь в том, что события в столице определяли положение в стране, а происходившее в Герате характеризовало обстановку в нескольких провинциях.

В Герате действовали обычные группировки моджахедов, привычно воевавшие друг с другом. Характерно, что именно в Герате совместная работа командования дивизии и военных советников привела к тому, что мы первые смогли выйти на две бандгруппы, главари которых согласились сотрудничать с государственной властью. Фактически они дали согласие перейти на сторону революционного правительства.

Я не скажу, что это были большие по численности бандформирования. Но главное заключалось в том, что полевые командиры оппозиции впервые согласились сотрудничать не только с советским военным командованием, но и с афганской государственной властью.

Эти первые контакты устанавливались очень долго и трудно. В обязанности каждого командира, в том числе и командира взвода, если подразделение стояло в отрыве от основных сил, входило детальное знание обстановки в зоне его ответственности. Офицеры знали количество действующих рядом банд, их партийную принадлежность и имена полевых командиров.

Особенно нас интересовало отношение той или иной банды к государственной власти Афганистана и к советским войскам. Различия в их ориентации играли порой решающую роль. Кто-то из полевых командиров был готов идти на контакт только с советскими, но однозначно отказывался от контактов с представителями правительства Афганистана. Видимо, душманы считали, что, имея дело с русскими, они получат больше выгоды.

Кроме того, постоянное сотрудничество с командованием советских войск давало определенные гарантии, что ту или иную

группировку в ближайшее время не уничтожат. Контакты с командованием дивизии служили надежным источником получения медикаментов и продовольствия. В некоторых случаях мы действительно помогали одному или нескольким полевым командирам, чего нельзя сказать о государственной власти.

Мы внимательно отслеживали действия каждой банды. Люди, работавшие на нас по линии разведывательного центра 40-й армии, находились практически в каждом формировании душманов. Хотя офицеры разведотдела не входили в состав дивизии, но работали они прежде всего в интересах старшего воинского начальника.

Командованию 5-й мотострелковой дивизии было известно достаточно много о группировке моджахедов в своей зоне ответственности. С одной из банд, которая держала под контролем восточную часть Герата, где пролегала основная дорога, использовавшаяся советскими войсками, нам хотелось установить максимально тесные отношения. Однако главарь банды от контактов с советскими категорически отказывался.

Когда ситуация в «зеленой зоне» вокруг Герата стала для нас угрожающей, мы решили привлечь на свою сторону главаря любой из банд в этом районе. Затем, действуя непосредственно через завербованного полевого командира, выйти на остальных лидеров оппозиции.

По линии агентуры мы предложили ему встретиться сначала с офицером разведывательного центра, который работал в нашем районе. Зная о том, что душманы колеблются, командование дивизии, не дожидаясь ответа, начало передавать им в небольших количествах продукты и лекарства. Естественно, ни в то время, ни позже, несмотря на настойчивые просьбы, а порой и ультиматумы главарей бандформирований выделить им оружие, ни одного патрона, ни одного ствола они от советского военного командования не получили.

После долгих переговоров, которые велись на протяжении полутора месяцев, этот полевой командир дал согласие на встречу. Она состоялась на окраине Герата.

Мы договорились, что душманы подойдут к одной из наших сторожевых застав, где находился отдельный взвод, который имел возможности держать район под своим контролем.

Уровень встреч рос в зависимости от того, как главари бандформирований выполняли поставленные нами условия. Если душманы нас не обманывали, уровень встреч поднимался. От недели к неделе он возрастал. На одну из встреч с представителями бандформирований вскоре поехал начальник разведотдела. Это был самый высокий уровень, на котором

командование дивизии считало целесообразным поддерживать отношения с моджахедами.

Подключение остальных бандглаварей, чего мы и добивались с самого начала и для чего была затеяна вся эта игра, происходило достаточно сложно. Проблема заключалась в том, что переговоры оказались слишком затянуты по времени. Каждый компромисс достигался ценой неимоверных усилий.

Например, в 1985 году, когда я прилетел в Афганистан во второй раз, мы только подходили к самым влиятельным полевым командирам, которые действовали на западе страны и вокруг Герата. Такая агентурная работа велась нашими офицерами на всей территории Афганистана, в том числе и в окрестностях Кабула. Нередко она приносила значительные результаты.

Командование 5-й дивизии обращало особое внимание на деятельность бандформирований вокруг Герата по нескольким причинам. Одна из них заключалась в том, что через центр города проходила важная для нас дорога. Разбить колонну в прилегающей «зеленой зоне», да и в центре Герата, среди стоявших в беспорядке дувалов, не представляло особой сложности. Такие случаи, к сожалению, были.

Не менее важным было то, что Герат являлся узлом нескольких основных дорог. Одна из них — «север-юг» — использовалась советским командованием для передвижения автомобильных колонн. Другая действующая дорога вела в Иран, до которого было не больше шестидесяти километров. Правда, вскоре после ввода наших войск душманы заминировали эту трассу, опасаясь, видимо, что мы пойдем и по ней. Третья дорога, тянувшаяся на восток, в сторону Намарана, связывала центр страны с отдаленными горными районами. Прикрываемая с южной стороны горным массивом Гиндукуш, а с севера советско-афганской границей, она использовалась гератской группировкой мятежников для переброски подкрепления. Кроме того, Герат является большим культурным и религиозным центром Афганистана, родиной многих известных в стране людей.

Даже если бы мы захотели, то не смогли бы обойти этот город — рядом просто не существовало других дорог.

В зоне ответственности дивизии находилась и Шиндандская авиабаза. Она являлась заветной целью всех бандформирований, которые перебрасывались в Афганистан из Ирана. Ни один другой объект они не стремились уничтожить так, как эту базу ВВС 40-й армии.

За охрану авиабазы несли ответственность правительственные войска. В определенной степени привлекались и подразделения 5-й мотострелковой дивизии.

Дважды, когда, видимо, и бдительность притупилась, и меньше стали уделять внимания охране аэродрома, душманы своей цели все-таки достигали. За то время, когда я находился в Афганистане во время своей второй и третьей командировок, на территории авиабазы были совершены две очень крупные диверсии. Нападению подвергались почему-то только стоянки, где находились самолеты правительственных войск Афганистана. Все закончилось тем, что афганской авиации в небе над западными районами Афганистана не стало — ее разгромили на земле.

Первая диверсия произошла в начале 1985 года. Она была проведена очень профессионально. Ночью одновременно на нескольких стоянках было взорвано одиннадцать самолетов Ил-28. Это очень старые машины, одни из первых советских бомбардировщиков. Несмотря на свой возраст, эти самолеты отличались высоким качеством. От них пожар перекинулся дальше — практически весь авиационный полк, который состоял из Ил-28, сгорел дотла.

Как мы установили, эта диверсия явилась делом рук не столько душманов, сколько руководителей авиабазы.

Огромное количество сил у нас отнимала борьба с караванами. Это были бандгруппы, которые шли прежде всего из Ирана. Мы, кстати, знали не только количество лагерей для подготовки душманов, расположенных на территории Ирана, но и места их расположения. Их было не слишком много. Советское командование в Афганистане всегда знало, где, из какого лагеря выходит банда, какая у нее задача и сколько человек находится в пути.

К сожалению, сведения к нам поступали значительно позже, чем это было необходимо. Как правило, дня через четыре после выхода группы моджахедов нам становилось об этом известно. Но это слишком большой срок, информация устаревала — за три-четыре дня банда могла не только повоевать, но и вернуться обратно после выполнения задачи.

«Где прикроватные коврики?»

Летом 1981 года руководством Министерства обороны СССР было принято решение о том, чтобы направить в Афганистан на несколько дней командующих войсками некоторых округов. Это касалось в первую очередь военных округов, дислоцировавшихся в горной местности. Помимо Туркестанского, командующий которым практически не покидал 40-ю армию, в Афганистан приезжали командующие Среднеазиатским военным округом генерал армии Д. Т. Язов, Прикарпатским военным округом генерал-полковник В. А. Беликов и Закавказским военным округом генерал-полковник О. Ф. Кулишов. Не совсем понятно почему, но прилетал также и командующий Московским военным округом генерал армии П. Г. Аушев.

Вместе с командующими прибывала основная часть управления округов — разведчики, артиллеристы, авиаторы. В Кабуле они изучали обстановку в масштабе армии, а затем отправлялись по гарнизонам. Каждого интересовало свое: характерная горно-пустынная местность на западе страны, на юго-востоке — горная местность со специфическим климатом, невыносимая жара и влажность. Но никто из них не миновал Шинданд.

Я не хочу отдельно останавливаться на пребывании в Афганистане тех, кто к нам прилетал. Решение о том, чтобы начальники, пусть даже не очень высокого уровня, перенимали опыт ведения боевых действий в Афганистане, на мой взгляд, было совершенно правильным. К сожалению, имевшимся у нас боевым опытом не многие интересовались и тогда, а после завершения войны в Афганистане — тем более.

К нашему сожалению, накопленный опыт оказался никому не нужным. При всей правильности и своевременности решения выполнялось оно не совсем так, как задумывалось. Многие из прилетавших в Афганистан военачальников, за редким исключением, интересовались лишь размещением частей, питанием солдат и тому подобными вопросами. Безусловно, это очень важно и на войне не должно находиться на втором плане. Но для нас-то главными были подготовка к боевым действиям и их ведение, независимо от того, участвует в операции батальон, полк или дивизия.

Прилетавшие в 40-ю армию офицеры и генералы не скрывали своего отношения к ситуации в Афганистане. Война здесь носила локальный характер, происходившие события являлись весьма специфичными, и, собственно говоря, афганский опыт вряд ли

пригодится, например, войскам Прикарпатского военного округа.

Если рассуждать с оперативно-стратегической точки зрения, то это, безусловно, правильно. Вероятность использования внутренними округами афганского опыта минимальна. Размах действий 40-й армии, не говоря о дивизиях и отдельных подразделениях, несоизмерим с масштабами округов, которые в военное время становятся фронтами. Но ведь всякая операция, в том числе и крупномасштабная, состоит из нескольких составляющих, в том числе и тактических действий. Именно с этим и нужно было внимательно знакомиться офицерам и генералам, которых на несколько дней отправляли в Афганистан.

Некоторые из наших военачальников основательно подзабыли, что такое боевые действия, а кое-кто и вообще никогда не принимал участия в реальном бою. Из командующих войсками округов на тот период лишь Язов, Беликов и Аушев прошли Великую Отечественную, да и то их боевой опыт весьма устарел. А их заместители и подчиненные вообще войны не знали, и для них поездки в Афганистан были бы полезны.

Тем не менее вся неделя пребывания в Афганистане нередко посвящалась тому, что некоторые из них внимательно рассматривали, как заправлены солдатские кровати и стоят ли рядом с тумбочками тапочки. Если же они появлялись в районе боевых действий, да и то лишь на несколько часов, то интересовались, например, тем, почему отсутствует громкоговорящая связь между руководителем боевых действий и командиром батальона или артдивизиона.

Одно дело, когда они, находясь в Союзе, проводили показные занятия или учения. У них там стояли полированные столы, дорожки были аккуратно посыпаны песком, солдаты ходили в выстиранной и тщательно выглаженной форме. В Афганистане же был совершенно другой интерьер.

В первое время, когда боевые действия только начинались, даже у некоторых офицеров 40-й армии было желание сделать все так, как нас учили. Остались и стереотипы, и привычки. Но жизнь в Афганистане очень быстро заставила нас от этого отказаться, потому что показуха приносит лишь вред. Поэтому меня нередко смущали те вопросы, которые задавали прилетавшие военачальники. Их не интересовало, каким образом организуется доставка продовольствия, горюче-смазочных материалов (ГСМ) и боеприпасов в район боевых действий, а это была одна из основных проблем для нас: треть боевых подразделений мы были вынуждены задействовать для охраны колонн. В уставах же об этом не было сказано ни слова. Написано лишь — охранять. А как это делать — приходило только с опытом.

Нигде подробно не расписывалась, скажем, степень взаимодействия командиров мотострелковых подразделений с авиацией и артиллерией. А как его организовывать в реальном бою? Нас еще фронтовики учили (я это хорошо помню, но тогда не верил), что комбат должен как с братом жить с командиром артиллерийского дивизиона. Они и питаться, и в бане мыться должны вместе. Все это еще раз проверялось и закреплялось в Афганистане.

Приобретенным нами опытом по большому счету так никто и не интересовался, его просто игнорировали и не внедрили в изучение. Считали, видимо, что о войне в Афганистане лучше помолчать. Я думаю, что причина развязывания войны не должна влиять на изучение бесценного боевого опыта.

Усовершенствование оружия

Кроме командующих войсками округов, для которых война громыхала все-таки где-то далеко, очень часто в Афганистан приезжали начальники главных и центральных управлений. Эти офицеры, как правило, всегда занимались настоящим делом. Например, часто прилетал в Афганистан начальник Главного бронетанкового управления генерал-полковник Потапов. Последний раз при мне он побывал в 40-й армии в мае 1982 года. В его группе находились ведущие конструкторы танков вместе с директорами крупнейших оборонных заводов. Они решали вопрос о том, что можно сделать для спасения экипажа танка в случае подрыва на минах. В конечном итоге у танков и бронетранспортеров было сконструировано двойное днище. Кроме того, был сооружен дополнительный фальшблок на борту, который давал возможность избежать поражения от гранатометов. На основную броню приваривали дополнительные щиты, в результате чего при попадании гранаты кумулятивная струя газа рассеивалась и концентрированный удар по основной броне терял свою мощь.

Приезжали в Афганистан офицеры и других главных управлений, которые искали возможность усовершенствовать технику и тем самым свести к минимуму потери. Например, в 40-й армии побывали офицеры ГРАУ, аппарата начальника ракетных войск и артиллерии сухопутных войск, по линии авиации. Несколько раз прилетал маршал авиации Кутахов. Появившиеся тогда самолеты-штурмовики Су-25 были его детищем. Очень хороший самолет. На аэродроме в Шинданде стояла единственная эскадрилья Су-25, и представители завода-изготовителя, рабочие, служащие и инженеры, доводили эти самолеты, как говорится, до ума, наблюдая за ними во время боевых вылетов.

Какие-то решения мы находили сами. Например, в самом начале войны, примерно в марте 1980 года, на всех транспортных вертолетах Ми-8 установили по нашей просьбе в заднюю полусферу и в люках крупнокалиберные пулеметы и гранатометы АГС-17. Эффект от этого был потрясающим.

Умельцы сделали очень много хитрых приспособлений, пользу от которых в бою переоценить было невозможно. Так, на некоторые бронетранспортеры устанавливали минометы. Сначала 120-мм, но неудачно — он оказался тяжеловат. А 82-мм ставили сверху прямо на броню, укрепляли, приваривали и использовали. Поскольку боевые действия, как правило, приходились на период

совершения марша, а времени для развертывания артиллерии не было, то достаточно остановиться БМП — и миномет готов к открытию огня.

На башнях БМП и БТР устанавливали гранатомет АГС-17. Наводчик-оператор, кроме своей пушки или крупнокалиберного пулемета, который был на башне, после небольшого обучения мог самостоятельно управляться и с гранатометом. Если учесть вращение башни, то наводчик-оператор имел почти не ограниченные пространственные возможности для ведения огня. Позже появились минометы «Василек», очень похожие на артиллерийское орудие — с лафетом и на колесах. От обычных минометов они отличались тем, что из них можно было вести огонь очередями. Их также устанавливали на «броню». Однако беда заключалась в том, что придуманных нами приспособлений не хватало надолго. Минометы и крупнокалиберные пулеметы, которые мы устанавливали на технике, не были рассчитаны на огромные нагрузки во время движения или маневра. Многие из этих видов вооружения очень скоро приходили в негодность из-за вибрации и тряски во время совершения марша. Поэтому срок использования вооружения сокращался иногда на треть.

Много всяких хитростей применяли саперы, особенно для обнаружения и уничтожения мин. Примерно до середины восьмидесятых годов душманы для изготовления мин применяли все, что попадалось им под руку. Например, обычный хозяйственный чан наполняли взрывчаткой вперемешку с камнями, чтобы при взрыве разлеталось во все стороны наибольшее количество осколков. Получалась мощнейшая мина, причем нередко управляемая. Она ставилась на узком участке дороги. Зная, что на каждом нашем бронетранспортере обязательно находится радиостанция, проводки от мины протягивались душманами сначала по земле, затем по стоявшему на обочине дороги дереву поднимались наверх, пересекали дорогу и опускались к источнику питания. Когда шла колонна, то первая же машина задевала антенной этот проводок, раздавался мощнейший взрыв, в результате чего гибли находившиеся в машине люди, не говоря уже о том, что дорога оказывалась закрытой. Одновременно начинался обстрел всей колонны, уже потерявшей возможность маневрирования. Позже во время марша при подходе к узким участкам дороги мы снимали антенны со всех машин, очень внимательно следили за этими миллиметровыми проводками. Саперы пользовались своими приспособлениями, которые спасли жизнь многих военнослужащих. Изобретательность русского солдата пригодилась и на афганской войне.

«Чистки» Герата

С середины 1980 года мы встали перед необходимостью проводить «чистки» Герата. В первую очередь это было вызвано тем, что город оказался центром оппозиционного движения не только в прилегающей «зеленой зоне», но и на всем западе страны. Хотели мы того или нет, но периодически нам приходилось проводить именно «чистки», потому что боевыми действиями это не назовешь. Проводились они следующим образом.

Планируя боевые действия, мы стремились сконцентрировать в Герате и прилегающей к нему «зеленой зоне» основные бандформирования душманов. Они боялись открытых столкновений и старались вообще избегать боев. Если душманы узнавали, что где-то нами готовится войсковая операция, то они старались немедленно уйти из опасного района. Моджахеды либо отправлялись на свои резервные базы, находившиеся далеко в горах и не представлявшие для нас какого-то интереса, либо оказывались в «зеленой зоне», например возле Герата.

Во время второго этапа боевых действий подразделениями 40-й армии проводилась непосредственная «чистка». При подготовке к операциям офицеры разведки через имевшуюся у них агентуру тщательно собирали информацию о находившихся в «зеленой зоне» и самом городе силах душманов. За полторы-две недели до начала «чистки» мы составляли полную картину и точно знали, что в окрестностях Герата появилось, кроме тех, кто там находился долгое время, еще пять или шесть банд душманов с вооружением.

Справедливости ради нужно сказать, что в первое время данным агентуры нельзя было полностью доверять. В последующем, когда у нас появился опыт широкого применения радиотехнической разведки, мы начали получать более достоверные сведения. В первые годы войны такой возможностью мы не располагали, потому что душманы не использовали радиостанции, которых у них тогда просто не было. Позже мы перехватывали почти все их переговоры и не только понимали содержание радиопередачи, но и засекали местонахождение радиостанции. Данных радиоперехвата оказывалось достаточно для того, чтобы разобраться, в каком районе находятся душманы и какие действия в скором ими будут предприняты, где находятся их главари, кто выдает распоряжения и кто их принимает.

На время «чистки» мы локализовывали непримиримую часть душманов, для того чтобы они не мешали ни нам, ни местной

государственной власти. Второй этап проходил очень трудно для нас, хотя, казалось бы, ничего сложного в чем не было.

Замысел заключался в том, что мы внезапно вводили дополнительные подразделения советских войск, которые плотным кольцом окружали весь город, Полностью заблокировать Герат было практически невозможно. Город был как бы опоясан «зеленой зоной». Поэтому нам приходилось делить всю зону на несколько участков и действовать в каждом из них отдельно.

Каждая из таких операций отнимала у нас по две-три недели, а то и по месяцу. Сначала войска 40-й армии окружали Герат по пригородам и никого не выпускали из него. Затем правительственные войска, то есть сами афганцы, «чистили» часть города. После этого мы перебрасывали свои войска в другую часть Герата, не трогая те подразделения, которые стояли на блоке вдоль проходящей через центр города дороги, после чего операция продолжалась.

Обычно вместе с нами в Герате действовала 17-я пехотная дивизия афганской армии. Значительно позже нам пришлось самим увидеть, как эта пехотная дивизия выполняла свою задачу. Интересно было наблюдать ее выход из города. Например, ей ставилась задача пройти по такой-то улице. Следовательно, нужно было проверить дома, подвалы, чердаки, другими словами, все, что находилось на этом участке. Причем афганцы нередко брали с собой даже представителей местной власти, женщин. Когда такая проверка заканчивалась и солдаты правительственных войск выходили на другом конце улицы, то они волокли на себе все, что только можно было поднять и унести: кровати, какие-то узлы и баулы. По сути дела, с их стороны это было узаконенное мародерство.

После завершения первой проверки, когда нам стало понятно, к чему это может привести, мы отказались от участия правительственных войск в подобных операциях. «Чистки», безусловно, в последующем продолжались, но уже несколько по-иному. К проведению таких операций мы стали привлекать военнослужащих МГБ Афганистана, Царандой, а также партийных руководителей. Мы их пропускали через свои блоки непосредственно в город прежде всего с таким расчетом, чтобы они друг за другом следили и, опасаясь наблюдения за собой, не пытались что-то украсть и вынести за наше оцепление. Сначала задуманный нами механизм действовал нормально, но потом все опять пошло по-старому. Чувствуя свою безнаказанность и бесконтрольность, они очень быстро забывали, кто из них партиец, а кто чекист, и продолжали тащить не меньше прежнего.

Понимая, что такую «революционную» экспроприацию

остановить невозможно, а действовать в городе самостоятельно советские войска не имели права, мы решили прекратить «чистки» и проводить операции иначе. Командование 5-й мотострелковой дивизии согласовывало с афганцами задачу таким образом, чтобы они из заблокированной части города выводили всех жителей, кроме женщин и детей. Затем мужская часть населения концентрировалась на открытом и хорошо просматриваемом участке местности. В Герате, например, для этих целей использовался стадион. Затем афганцы проверяли каждого жителя района.

На стадионе примерно в пятидесяти метрах один от другого стояли три бронетранспортера. В колонну по одному, без спешки и суеты, все мужчины проходили мимо техники. В каждой из машин, чтобы их никто не видел, сидели так называемые наводчики. Они хорошо знали своих земляков и за определенную плату указывали на тех, кто так или иначе был связан с душманами. Находившиеся рядом офицеры органов безопасности Афганистана фиксировали показания своих помощников.

Нередко сидевшие в бронетранспортерах «наводчики» показывали не только на тех, кто сотрудничал с оппозицией, но и на своих личных врагов. Таким образом они пытались свести счеты со своими соседями, которые им чем-то «насолили». Попытки оговорить невиновных были заранее обречены на неудачу, потому что для определения связанных с душманами было необходимо указать на человека трижды.

С теми, кто не выдержал проверку на лояльность режиму, продолжало самостоятельную работу МГБ Афганистана. Командование дивизии не следило за их дальнейшей судьбой. Но, как правило, через небольшой промежуток времени, когда в Герате проводилась очередная «чистка», мы вновь сталкивались с теми, кого «отфильтровали» три или четыре месяца назад. Я не знаю, как МГБ Афганистана строило свою деятельность. Очевидно, не проводя ни расследования, ни суда, афганские чекисты выпускали задержанных в результате операций на свободу. Они возвращались к себе домой, и все начиналось сначала.

В проведении таких операций для войск Ограниченного контингента особой сложности не было. Но солдатам трудновато было сутками стоять под палящим солнцем. Соблюдая бдительность, можно выдержать один день, второй… Но уже на третьи сутки приходилось принимать меры для поддержания дисциплины. Привлечение подразделений дивизии в подобной форме было для нас не очень желательным. Такие операции имели лишь одно преимущество — мы вообще не несли потери.

Если они и были, то причиной являлась только халатность. Например, после трехдневного стояния под жарким солнцем один из солдат разделся и лег позагорать на «броню», подальше от скорпионов и другой экзотики подобного рода. Он погиб от пули снайпера.

Возле черных гор

В то время когда советские войска находились в Афганистане, в стране практически не было кишлаков, городов и тем более провинций, которые можно было бы считать даже относительно спокойными и безопасными в военном отношении для наших и правительственных войск. Это непосредственно относится и к Кандагару — второму по величине городу Афганистана. В силу своего географического положения этот город для всех лидеров, в том числе и для королей Афганистана, всегда имел очень большое значение. Владея Кандагаром, можно было контролировать всю юго-западную часть страны. В прошлом здесь пересекалось несколько караванных путей, а в наши дни через окрестности Кандагара проходили основные дороги душманов. Город представлял особое стратегическое значение еще и потому, что являлся на южном направлении как бы связующим звеном между Афганистаном, Пакистаном, Ираном и другими странами, расположенными в направлении Персидского залива.

Горным этот район назвать нельзя, Кандагар находится в основном на равнинной местности. Как и везде в Афганистане, невыносимая жара стоит здесь круглый год, кроме трех зимних месяцев.

Во время ввода Ограниченного контингента советских войск в Афганистан из состава 5-й мотострелковой дивизии был выделен один полк, который затем переформировали в отдельную мотострелковую бригаду. Ей присвоили условный порядковый номер «70» и отправили в Кандагар. Стоило 70-й бригаде там оказаться, как она сразу же увязла в боевых действиях, которые, за исключением непродолжительных перерывов, не прекращались до самого вывода наших войск из страны.

Обстановка на юге Афганистана, и прежде всего в Кандагаре, была сложна не только потому, что мы совместно с подразделениями правительственных войск вели в этом районе непрерывные бои. Без перерыва здесь между собой бились и душманы — за зоны влияния, за право держать в своих руках Кандагар и, следовательно, всю округу.

На юго-восточной окраине города американцами в свое время был построен достаточно крупный аэродром, на котором теперь базировалось небольшое авиационное подразделение. Там же командованием Ограниченного контингента была «посажена» и 70-я мотострелковая бригада, контролировавшая как сам Кандагар, так и его пригороды. Особенность такого расположения

бригады состояла в том, что выехать из военного гарнизона и попасть на автомобильную трассу, связывающую Кандагар с Шиндандом, Гератом и северо-западными провинциями Афганистана, наши машины могли только но одной дороге, которая проходила через весь город. Другого пути просто не было. Этим душманы и пользовались. Не проходило дня, чтобы наши колонны не подвергались нападениям. Порой движение на дороге прекращалось на несколько суток, гибли наши солдаты и офицеры. Оппозиция стремилась полностью исключить проезд наших колонн.

Мы же делали все возможное для того, чтобы снабжение Кандагарского гарнизона проходило бесперебойно и регулярно. Определялось два или три дня в неделю, когда по дороге шли только советские машины с продовольствием, боеприпасами и горючим, то есть с тем, что было необходимо бригаде. Для сопровождения каждой колонны мы были вынуждены проводить целые войсковые операции — деблокировать дорогу, устанавливать на всей ее протяженности свои силы, уничтожать обнаруживших себя моджахедов, заставляя банды уйти как можно дальше от трассы, и таким образом обезопасить наш транспорт.

Во время проведения плановых боевых действий весной 1981 года нам удалось значительно расширить безопасную зону вдоль дороги и выставить там свои сторожевые посты и заставы. Казалось бы, основные препятствия этим были устранены и теперь можно спокойно использовать кандагарскую дорогу для перевозок. Однако мы несколько недооценили противника. Душманы по-прежнему продолжали нападения на эту трассу, хотя их интенсивность резко уменьшилась. Полностью исключить воздействие оппозиции на советские колонны нам не удалось по нескольким причинам.

Во-первых, душманы имели преимущество потому, что им приходилось воевать на хорошо знакомой местности. Они выросли в этих районах и горах, поэтому действовать им было значительно легче и проще, чем нам.

Во-вторых, отряды моджахедов были очень мобильны, постоянно находились в движении, имели возможность маневрировать и всегда видели нас. Наши заставы, наоборот, находились в статике, всегда стояли на одном и том же месте. Охранять дорогу, используя мобильные подразделения, командование бригады не могло — только для патрулирования нам нужно было иметь втрое больше сил, чем те, которыми мы располагали. А брать их было неоткуда.

Душманы отменно были осведомлены о местах расположения наших сторожевых застав, об их вооружении и режиме службы,

несмотря на то что мы постоянна его меняли и регулярно усиливали огневую мощь расположенных вдоль дороги постов. Нами минировались в большом радиусе подходы к заставам, днем и ночью в воздухе висели самолеты-разведчики, которые помогали следить за передвижениями банд в прилегающих к дороге районах. Через воздушную разведку очень быстро удавалось засечь места, с которых душманы начинали артиллерийские обстрелы застав и точки запусков реактивных снарядов. После этого обнаруженные огневые позиции нами сразу же уничтожались. Тем не менее душманам очень быстро удавалось восстанавливать их. Полевые командиры с максимальной для себя выгодой использовали расположенный недалеко Пакистан, до которого от Кандагара не больше ста километров по прямой. Они в неограниченном количестве подвозили из-за границы вооружение, боеприпасы и многое другое. Это является третьей причиной, по которой боевые действия в Кандагаре и его пригородах не прекращались на протяжении нескольких лет. Командованию 70-й отдельной мотострелковой бригады так и не удалось окончательно прекратить сопротивление душманов и освободиться от их влияния в этом районе.

Активные боевые действия в пригородах Кандагара сменялись «чистками» самого города. По-другому действовать было нельзя — если бы мы регулярно не проводили в этой провинции войсковые операции, то неизбежно вообще бы потеряли эту стратегически важную и для нас, и для оппозиции территорию.

Подразделения 5-й мотострелковой дивизии, которой я в то время командовал, редко привлекались к боевым действиям в Кандагаре. Дивизия участвовала лишь в самых сложных операциях, усиливая 70-ю бригаду. Одна из них проводилась в начале осени 1981 года в северо-западных пригородах Кандагара. «Зеленая зона», сплошным кольцом опоясывавшая город, и особенно та ее часть, которая непосредственно прилегала к автомобильной трассе, считалась одним из самых тяжелых участков в этом районе. Совместно с 70-й бригадой мы не только проводили «чистку» «зеленой зоны», но и, самое главное, должны были разгромить бандформирования душманов, которые находились северо-западнее Кандагара. Моджахеды обосновались в массиве Черных гор, который перерезал дорогу в самом неудобном для нас месте. Порой они неделями не пропускали наши колонны ни в Кандагар, ни из Кандагара, и мы были вынуждены осуществлять доставку продовольствия и всего необходимого для 70-й мотострелковой бригады только по

воздуху.

Боевые действия под Кандагаром затянулись на полтора месяца. Полк, которым командовал майор В. Мартиросян, ежедневно преодолевал неистовое сопротивление моджахедов. Дрались они настолько отчаянно, что иногда создавалось впечатление, как будто за рубежом, где душманы стояли, дороги для отступления просто не существует. Но клин, как в народе говорят, клином вышибают. Долго мы пытались оттеснить их от дороги и хоть немного расширить безопасную зону. По пригородам наносились авиационные удары. Сломить упорное сопротивление бандформирований, которое существовало здесь на протяжении всей войны, было чрезвычайно трудно, но в конце концов нам это удалось.

Именно под Кандагаром я и «подхватил» первую болезнь, которую перенес в Афганистане, — гепатит в тяжелой форме. В 40-й армии в то время ходила такая шутка: солдаты болеют желтухой, офицеры — болезнью Боткина, а генералы лечатся от гепатита. Так вот, начал я с болезни Боткина, а закончил гепатитом — в феврале 1982 года мне присвоили звание генерал-майор.

В госпитале я пролежал чуть больше полутора месяцев, В конце 1981 года эпидемия гепатита в буквальном смысле захлестнула наши части: только в 5-й мотострелковой дивизии одновременно болело около трех тысяч человек, то есть каждый четвертый солдат. Вместе со мной болели все заместители и почти все командиры полков. Держался лишь начальник штаба дивизии полковник М. Стрельников, но и его гепатит свалил, правда, чуть позже. Практически дивизия оказалась небоеспособной и воевать не могла.

У каждого человека инкубационный период гепатита протекает по-своему. Я, например, недели две проходил почти в гриппозном состоянии — высокая температура не спадала, постоянно кружилась голова и ломило все тело. Ни есть, ни пить не хотелось. Даже о сигаретах не вспоминал — в тот момент, наверное, и нужно было бросить курить.

Из Кандагара меня вызвали в Кабул, откуда вместе с другими офицерами мы улетели в Ташкент на традиционное подведение итогов за прошедший год. Обычно на такие совещания приглашались все офицеры, начиная от командира дивизии и выше. Для тех, кто служил в Афганистане, это создавало определенные неудобства. Позже, правда, подобную практику прекратили.

В штабе ТуркВО мы провели два дня. Обратно возвращались, как всегда, на двух самолетах. Один летел в Кабул, а второй, на

котором находился и я, развозил офицеров по западным гарнизонам. Но до Шинданда мы добрались не сразу. Почему-то нас посадили в Кундузе, где располагался штаб 201-й мотострелковой дивизии. Наши аэродромы, наверное, из-за плохой погоды были закрыты, впрочем, меня это тогда совсем не интересовало. В Кундуз я попал впервые. На следующий день я уже приземлился в Шинданде. Проворочавшись всю ночь, все-таки уснул. Утром, как обычно, пошел бриться, мельком глянул на себя в зеркало и вздрогнул — все лицо было неестественно желтого цвета. Успокоила лишь одна мысль — раз желтый, значит, для остальных я уже неопасен и заразить никого не могу.

Мухаммед Наби

Подразделениям 40-й армии и правительственным войскам под Кандагаром противостояли в основном вооруженные формирования «Движения исламской революции Афганистана». Лидером этой партии является Мухаммед Наби (Мухаммеди).

Он родился в 1937 году в уезде Бараки провинции Логар, пуштун из племени андар. Выходец из богатой семьи священнослужителей. Обучался в медресе. Имеет высшее теологическое образование, мусульманин ортодоксального толка. Хорошо знает Коран и законы Шариата, отличный оратор, владеет арабским языком.

До 1973 года Наби работал преподавателем в медресе. Одновременно с этим участвовал в общественно-политической жизни и читал проповеди в мечетях. Был избран депутатом парламента от провинции Логар. По решению Совета улемов мусульманских богословов был посвящен в духовный сан — моулави.

Будучи депутатом парламента в период правления короля Захир Шаха, Наби проживал в Кабуле, где регулярно встречался с ведущими религиозными и политическими деятелями. В это же время познакомился с руководителем религиозно-политической организации «Служители Корана» Ибрагимом Моджаддеди — отцом Сибхатуллы Моджаддеди. Вскоре Наби стал его мюридом (учеником) и активным членом организаций «Служители Корана» и «Братья-мусульмане».

Используя положение депутата парламента, Наби выгодно приобрел более ста гектаров орошаемых земель в провинции Гильменд.

В 1973 году, после прихода к власти Дауда Наби, недовольный свержением короля и потерей своего места в парламенте, произнес несколько проповедей против режима и реформ Дауда, написал и распространил в своем окружении антиправительственные стихи, за что и был арестован.

Учитывая известность Наби и его духовный сан, а также положение и авторитет в обществе, не стали закрывать за ним дверь тюремной камеры, а ограничились лишь продолжительной беседой в полиции. Этот факт обычно используется для подтверждения того, что Наби был завербован в качестве агента органов политического сыска.

После свершения в Афганистане народно-демократической революции и образования ДРА Наби бежал в Пакистан. Там на базе организации «Служители Корана» им было создано

«Движение исламской революции Афганистана» (ДИРА). Программа партии изложена в виде обращения к мусульманам Афганистана под названием «Чего мы хотим?».

По своим политическим убеждениям Наби является монархистом. Это привело его к вступлению в июне 1981 года в «Исламский союз борцов за веру Афганистана», лидеры которого выступали от имени бывшего короля Захир Шаха.

Летом 1981 года Наби посетил Египет и Оман, где был принят официальными властями и получил заверения в оказании его бандформированиям постоянной материальной помощи. Значительные денежные поступления обеспечивались также за счет сбора налогов и различных поборов с населения в районах, которые контролировались бандами ДИРА. Будучи ярым сторонником вооруженной борьбы с правительством Афганистана, Наби не разделял экстремизма Хекматияра. Особой критике Наби постоянно подвергал связи Хекматияра с маоистами и националистами. Испытывая друг к другу явную неприязнь, Наби и Хекматияр старательно избегали личных встреч даже на совещаниях лидеров контрреволюции.

Среди членов ДИРА очень много религиозных фанатиков. Банды этой организации всегда отличались особой жестокостью. В связи с непрекращавшимися грабежами и мародерством даже Хекматияр называл их «оскверняющими ислам».

Вторая командировка

Академия генерального штаба

Наверное, не только мне было трудно улетать из Афганистана. С одной стороны, уже стоя возле вертолета, который вместе со мной через час-полтора приземлится в Кушке, я понимал, что оставляю здесь офицеров, многие из которых стали для меня гораздо больше, чем просто товарищами. Чего только нам вместе не пришлось пережить за эти два с половиной года! Мне было как-то неуютно от засевшей в голове мысли, что для меня-то война уже почти закончилась, а им здесь еще предстоит служить не один месяц, и никто не знает, чем для каждого из стоявших тогда у вертолета закончится день следующий.

С другой стороны, мне нестерпимо хотелось поскорее добраться домой, в Майкоп. Андрей, младший сын, без меня стал уже совсем большим — ему исполнилось два с половиной года.

Домой я летел буквально на крыльях. В Кушке сразу же пересел из вертолета в машину и уехал в Ашхабад. После диких афганских гор и пустынь великолепие города впечатляло. Даже обычная для конца июля жара в этих местах не мешала радоваться красоте и буйству зелени.

Меня встречал начальник штаба армейского корпуса генерал Левченко. Он достал мне билет на рейсовый самолет в Краснодар, к отлету которого мы едва успели. Он же связался с Майкопом и попросил прислать для меня машину. Так я и добрался домой.

Весь отпуск перед началом занятий в академии Генерального штаба прошел в сборах. Мы готовились к переезду в Москву, так же как и каждая офицерская семья, — без суеты и суматохи. В заказанный контейнер складывали вещи и пытались поэкономнее втиснуть мебель, которой, в общем-то, почти и не было.

Собираясь, я не переставал про себя радоваться тому, что Афганистан для меня все-таки уже позади. Внутренне я гордился, что выдержал. Одновременно с этим не переставал удивляться, что два с половиной года службы там прошли для меня нормально: я остался живым и здоровым, не был ранен. Разве что переболел гепатитом, но по сравнению с тем, что происходило в Афганистане, это было не слишком большой бедой.

В последних числах августа мы переехали в Москву, и через несколько дней началась моя учеба в академии. Об этом нужно сказать несколько слов, поскольку каждый офицер и генерал, считающие свою службу перспективной, стремятся попасть в это заведение. Для военного человека более престижной академии в нашей стране не существует. Именно здесь всего лишь несколько

десятков слушателей на протяжении двух лет приобретают умение мыслить стратегическими и оперативными категориями. В стенах академии Генштаба заканчивают свое военное образование те офицеры и генералы, которым предстоит принимать чрезвычайно ответственные решения и в будущем непосредственно отвечать за обороноспособность страны. Другими словами, здесь готовят военных лидеров, которые способны энергично и грамотно управлять войсками в любой экстремальной ситуации, опираясь на последние достижения военной науки. Каждый выпускник академии получает все необходимые знания, позволяющие ему руководить планированием и проведением крупномасштабных стратегических операций на одном или нескольких театрах военных действий.

Все науки, изучаемые слушателями академии Генштаба, непосредственно связаны с профессиональным ростом офицеров. Учебная программа была крайне напряженной. Непривычен был масштаб изучаемых предметов. На многое мы теперь вынуждены были смотреть по-иному, хотя азы управления войсками получили давно. Больше того — за плечами каждого из нас уже имелся солидный опыт практической службы. Но опыт этот был приемлем лишь для тактического звена — полка и дивизии. В академии же нам предстояло подняться на следующую ступень и овладеть оперативно-стратегическим искусством.

Профессорско-преподавательский состав был очень высокого уровня. Академию возглавлял генерал армии Михаил Михайлович Козлов, которого, в моем понимании, вся предыдущая жизнь и служба готовили к тому, чтобы стать преподавателем. Руководителем нашей учебной группы был участник Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Борис Павлович Юрков. Чрезвычайно талантливый педагог. У него не очень удачно сложилась судьба. Во время учений вертолет, на котором он находился вместе с несколькими офицерами и генералами, потерпел катастрофу. К счастью, он остался жив, но долгое время лечился и сумел все-таки встать на ноги. Было заметно, что последствия катастрофы постоянно дают о себе знать. Сейчас он по совету врачей переехал к себе на родину, в Новгородскую область.

Учились с удовольствием. Видимо, не последнюю роль играло то, что в войсках каждый из нас отвечал за тысячи людей, а здесь — только за себя и, как мы шутили, за свой сейф, где хранилась секретная документация. Как в любом учебном заведении, нам ставили оценки, хотя все понимали, что для человека, у которого за плечами боевой опыт и достаточно

ответственные должности, это скорее выражение необходимости.

В среде своих ровесников каждый, наверное, чувствует себя молодым независимо от возраста. Это не только переполняет душу, но и проявляется в поступках.

Экзаменов и зачетов в академии было много, и нехорошо могло выглядеть, если бы боевой генерал на одном из них получил неудовлетворительную оценку. Учились мы упорно, понимая, что от решений, которые предстоит принимать, будет зависеть не только успех той или иной операции, но и жизнь многих людей. Но, наверное, нет ни одного учебного заведения, где не используются шпаргалки. Военная академия Генерального штаба тоже не является исключением. Может быть, и смешно сейчас об этом говорить, все-таки солидные люди — генералы и полковники. Но шпаргалки писали все, причем у нас была разработана и успешно действовала целая система подстраховки.

Преподаватели, безусловно, если не знали наверняка, то догадывались, что мы используем «вспомогательный» материал, но они делали вид, что не замечают этого. Наверное, не совсем было удобно контролировать в этом отношении слушателей с большими звездами на погонах. Мы же этим иногда пользовались. Конечно, уровень знаний у слушателей был очень высоким, а шпаргалки — это скорее дань традиции, существующей во всех учебных заведениях, в том числе и в академии Генерального штаба.

Два года в АГШ пролетели быстро. Мы получили объем знаний, достаточный для подготовки и проведения оперативно-стратегических операций. В свободное от занятий время удалось побывать во многих театрах, на выставках, полюбоваться настоящим большим спортом. Летом, во время отпуска между первым и вторым курсом, мы отправились на машине, которую купили после возвращения из Афганистана, — самых дешевых «Жигулях» — в Крым. Впервые я так долго находился за рулем, но, по оценке семьи, справился с этим хорошо. Недели две купались в море и вернулись опять в Москву.

Наступило время распределения. Наверное, я должен сказать о том, что наш курс был одним из немногих в академии, где почти не существовало наушничества, скандалов, анонимок и жалоб друг на друга.

Я был в числе кандидатов на золотую медаль, но пользоваться правом выбора места службы не стал. Тем не менее чувствовал себя очень спокойно. Для себя решил — поеду в то место, куда направят. Но был уверен, что в глушь не отправят, все-таки за плечами два с половиной года в Афганистане. Так и произошло. Меня назначили первым заместителем командующего

общевойсковой армией, которая дислоцировалась в Ивано-Франковске, в Прикарпатье.

По просьбе командующего войсками округа к новому месту службы я отправился без отпуска. Первое время вместе с семьей мы жили в гостинице.

Служба первого заместителя командарма проходила в основном на колесах. За пять месяцев я объездил практически все Закарпатье и Прикарпатье.

Очень часто армия выезжала на один из самых больших полигонов, под Ровно. На территории этого учебного центра было приятно заниматься всеми видами боевой подготовки. Я постоянно находился там то с одним полком, то с другим. Учения сменялись стрельбами, стрельбы — вождением.

В Ивано-Франковск я прибыл в конце июля 1984 года, сразу после выпуска из академии, а в 1985 году мне предложили избираться в местные органы власти. Я тогда впервые столкнулся с ситуацией, когда мне нужно было ездить по предприятиям, колхозам, совхозам и выступать перед гражданской аудиторией. Предвыборная кампания началась. Естественно, я был единственным кандидатом, альтернатива в то время не предусматривалась. Запомнилось, как очень хорошо меня встречали простые люди. Военных вообще тогда очень хорошо принимали, с хлебом-солью. Выступления перед избирателями длились полтора-два часа. После этого, как правило, планировалось застолье. Вот эти застолья я очень тяжело переносил — и уезжать было неудобно, и оставаться не хотелось. Отказ вызывал недоумение — вроде бы раньше гуляли до позднего вечера, а теперь хоть и не начинай. В этом отношении я, наверное, устраивал не всех.

Тем не менее все проходило нормально. 21 февраля, накануне выборов, всей семьей на машине мы поехали отдохнуть на горную турбазу. На следующий день поздно вечером вернулись в Ивано-Франковск. Я, как обычно, сразу же позвонил оперативному дежурному по армии, для того чтобы узнать обстановку.

Он доложил, что мне несколько раз звонил заместитель начальника Генерального штаба генерал армии В. И. Варенников. Для меня это было неожиданностью. Я не встречался с ним до этого, за исключением случаев, когда Варенников на несколько часов прилетал в Шинданд. Тогда он посмотрел дивизию, соседний афганский полк и улетел. Больше мы с ним ни разу не виделись. Звонок Варенникова меня удивил еще и потому, что я был первым заместителем командующего, а не начальником штаба армии.

Неожиданный звонок

Утром 23 февраля, проголосовав одним из первых, я приехал в штаб армии. К тому времени там уже находился командующий армией генерал-лейтенант Эдуард Аркадьевич Воробьев. Переговорив с ним, я начал звонить в Москву по аппарату ВЧ. Первый раз никто не ответил, видимо, еще рано было. Во второй раз, примерно в половине одиннадцатого, трубку взял Варенников. Он попросил меня прибыть на следующий день в Москву для решения, как он сказал, одного вопроса.

Меня это еще больше озадачило. Спрашивать и что-то уточнять я не стал — у военных это не принято. Но такая постановка вопроса меня удивила — зачем? Для чего? Я стал перебирать в уме различные предположения и прокручивать варианты.

Улететь из Ивано-Франковска было крайне трудно. Самолеты «Аэрофлота» уже несколько дней стояли на приколе из-за плохой погоды. Созвонившись со штабом Прикарпатского военного округа, я договорился с военными летчиками о полете до Москвы. На следующее утро я на машине выехал во Львов, а оттуда вылетел в столицу.

Примерно через три часа я находился в приемной генерала армии Варенникова. Мне сразу предложили пройти к нему в кабинет.

Варенников начал без предисловий:

— Товарищ Громов, вы служили в Афганистане. Покажите, пожалуйста, по карте, где именно вы были и какие районы знаете.

Я доложил, что знаю Кабул, его северные, западные, южные и восточные окрестности, дорогу Кабул — Саланг и далее в сторону границы. Практически весь запад и еще несколько районов.

Как я понял, Варенников остался удовлетворен. После этого он перешел к главному. Варенников сказал мне, что, согласно решению Генерального штаба, вводится новая должность: генерал для особых поручений — начальник группы представителей начальника Генштаба в Афганистане.

Такой опыт в вооруженных силах уже был — во время Великой Отечественной войны в действующей армии, начиная от общевойсковых, танковых соединений и выше, работал целый институт офицеров Генерального штаба. Как правило, это были опытные военачальники, которые наделялись широкими полномочиями. Они принимали непосредственное участие в планировании и проведении войсковых операций, а также контролировали выполнение директив Ставки Верховного

Главнокомандующего и приказов Генерального штаба. Фронтовым опытом решили воспользоваться в середине восьмидесятых годов, направив в Афганистан представителя Генштаба при 40-й армии и при вооруженных силах ДРА.

Варенников предложил мне немного подождать, после чего мы вместе с ним пошли к начальнику Генерального штаба маршалу С. Ф. Ахромееву. Сергей Федорович долгое время был начальником штаба Оперативной группы Министерства обороны в Афганистане, которую тогда возглавлял генерал армии Сергей Леонидович Соколов, будущий маршал и министр. Ахромеев уже достаточно хорошо знал меня по службе в Ограниченном контингенте, поэтому наш разговор длился всего несколько минут.

Ахромеев сказал, что они долго подбирали необходимую кандидатуру на новую должность генерала для особых поручений и остановились на мне. Мои навыки, знание страны, 40-й армии и афганских вооруженных сил полностью удовлетворяют требованиям Генштаба. Сергей Федорович Ахромеев всегда был очень деликатным человеком, вот и тогда, скорее из вежливости, он поинтересовался: как я отнесусь к тому, что на новую должность назначат меня? Что я мог сказать, если этот вопрос был уже практически решен?

— Вот и хорошо, — прозвучало в ответ.

На следующий день я улетел в Ивано-Франковск, забрал необходимые вещи и вернулся обратно в Москву. В мою группу входило еще три офицера, которых откомандировали в Афганистан Главное управление боевой подготовки, Главное оперативное и Главное разведывательное управления Генерального штаба. Подготовка к поездке заняла у нас меньше месяца. За это время мы тщательно изучили все приказы министра обороны, связанные с деятельностью наших войск в Афганистане, всевозможные решения и постановления, в том числе и постоянной Комиссии Политбюро ЦК, а также подробно ознакомились с обстановкой, сложившейся в Афганистане к весне 1985 года. 10 марта я доложил начальнику Генерального штаба, что группа готова. Через несколько дней мы вылетели в Ташкент. Там нас уже ждал самолет ВВС Туркестанского военного округа. На нем мы в тот же день добрались до Кабула, где нас встретил начальник штаба 40-й армии генерал-майор Анатолий Ипатович Сергеев.

И снова Афганистан

Служба в Афганистане во время второй командировки имела несколько особенностей. Как генерал для особых поручений, я фактически имел неограниченный доступ к советским войскам и к афганским вооруженным силам. Одна из задач, поставленных перед нашей группой начальником Генерального штаба, заключалась в координации деятельности советских и афганских войск при проведении совместных операций. Когда мы прилетели в Афганистан, мне не пришлось долго «входить» в обстановку. Несколько сложнее было прибывшим вместе со мной офицерам — полковнику Юрию Алексеевичу Котову, полковнику Геннадию Борисовичу Громову, моему однофамильцу, и полковнику Валерию Петровичу Петриченко. Из них только один до этого служил в Афганистане, остальные попали в 40-ю армию впервые. Несмотря на это, они довольно быстро освоились.

Заслушивание должностных лиц штаба армии прошло очень быстро и заняло буквально несколько дней. Афганистан и сложившуюся здесь обстановку я знал достаточно хорошо. Непосредственно в 40-й армии ничего нового для меня не было. Значительно труднее было сразу определиться в том, как построить работу с афганскими военными — выезжать ли к ним в части самому или получать всю необходимую информацию от главного военного советника. В этом состояла, как я тогда считал, основная проблема для меня.

Наша группа должна была не только знать обстановку в частях 40-й армии и вооруженных силах Афганистана, но и в силу своих возможностей влиять на нее. Однако мы не имели права принимать решения, отдавать какие-то приказы или распоряжения. На основании собственного анализа событий в том или ином районе страны мы были обязаны высказывать свои предложения и рекомендации соответствующим командирам, вплоть до командующего 40-й армией и главного военного советника при министре обороны Афганистана.

Одновременно с этим в нашу задачу входил строгий контроль за выполнением частями Ограниченного контингента, аппаратом главного военного советника, а также штабом ТуркВО приказов министра обороны СССР по Афганистану.

Сложности новой работы были связаны прежде всего с тем, что вчетвером нам было крайне трудно охватить всю деятельность войск. Поэтому, после согласования с начальником Генштаба, мы планомерно анализировали ситуацию поочередно в каждом районе. В работу группы представителей никто не имел

права вмешиваться, за исключением самого маршала Ахромеева. Безусловно, мы понимали, что такая свобода действий неизбежно накладывает на нас особую ответственность. Наши доклады начальнику Генерального штаба должны были составляться прежде всего компетентно и честно. Направляя нас в Афганистан, маршал Ахромеев рассчитывал на получение объективной информации о происходящем как в Ограниченном контингенте, так и в афганской армии, что называется, из первых рук.

Должность генерала для особых поручений была в высшей степени деликатной. С одной стороны, я располагал очень большими правами и имел фактически не ограниченные возможности в Афганистане, А с другой — я всегда помнил о том, что ситуация в этой стране меняется очень быстро. Действия любого офицера, будь он командиром батальона или начальником штаба 40-й армии, которые сегодня кажутся не совсем правильными и перспективными, в изменившейся под тяжестью обстоятельств обстановке через неделю могут оказаться единственно верными. Кроме того, офицеры группы представителей начальника Генерального штаба прослужили на разных должностях в вооруженных силах не один десяток лет и прекрасно понимали, что даже объективный доклад в Москву о погрешностях какого-нибудь офицера, тем более во время службы в Афганистане, неизбежно скажется в будущем на его карьере. А может быть, и на здоровье. Поэтому действовать нам нужно было не только деликатно, но взвешенно и дальновидно, в первую очередь опираясь на собственный опыт.

Основная же задача сформированной начальником Генерального штаба группы, на наш взгляд, состояла в оказании помощи командованию 40-й армии таким образом, чтобы при планировании и проведении боевых действий была сведена до минимума возможная гибель солдат и офицеров, проходивших службу в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

«Десант высадить в «зеленой зоне»…»

В последних числах апреля 1985 года началась подготовленная в соответствии с имевшимся планом боевых действий очередная войсковая операция в ущелье Панджшер против крупной группировки полевого командира моджахедов Ахмад Шаха Масуда. Спланирована она была в связи с тем, что банды Масуда представляли реальную опасность для наших гарнизонов, находившихся непосредственно в районе этого горного ущелья. Они угрожали нормальному и бесперебойному движению автомобильных колонн по основной дороге на Южном Саланге — как мы ее называли, «дороге жизни». Кроме того, в середине восьмидесятых годов нам удалось наладить более или менее успешный переговорный процесс и прийти с некоторыми руководителями вооруженных отрядов оппозиции к взаимным договоренностям о ненападении. Несмотря на это, несколько полевых командиров, в том числе и Масуд, не только не выполняли взятые на себя обязательства, но и, пользуясь тем, что против них не ведутся активные действия, усиливали свои формирования. Мы не могли допустить существования подобных группировок, поэтому и было принято решение о проведении в ущелье Панджшер крупномасштабной войсковой операции. Она была подготовлена и проведена под руководством недавно назначенного командующего 40-й армией генерал-лейтенанта Игоря Николаевича Родионова. В тактическом отношении панджшерская операция отличалась от предыдущих тем, что боевые действия здесь впервые были начаты высадкой большого количества десанта, который отрезал душманам пути отступления в горы, как они это обычно делали. Затем, по замыслу операции, действуя десантными и мотострелковыми подразделениями совместно с авиацией, мы должны были разгромить саму группировку моджахедов и тем самым поставить точку в разговоре о существовании в Панджшере каких бы то ни было бандформирований оппозиции.

Операция началась успешно. Десанты были высажены точно по времени в те места, куда мы и планировали. Управляемость была хорошей — на командный пункт армии постоянно поступали доклады о том, что в районе боевых действий видны банды, которые пытаются скрыться в горах, но наталкиваются на сплошную стену встречного огня десантников.

В начале июня, в самый разгар операции, мы неожиданно получили шифровку о том, что в Кабул прилетает один из крупных военачальников. Называть его имя по этическим

соображениям я не считаю целесообразным.

Во время телефонного разговора маршал Ахромеев посоветовал мне встретить его, представиться и сообщить, что в Афганистане действует наша группа представителей Генштаба. Что и было сделано — на Кабульский аэродром, где должен был приземлиться самолет, мы поехали вместе с главным военным советником в Афганистане генералом армии Григорием Ивановичем Салмановым. До этого мне ни разу не приходилось лично встречаться с человеком, который должен был прилететь. Я знал о нем лишь то, что за плечами этого генерала огромный командирский опыт — он долгое время командовал несколькими крупными группировками советских войск как на территории нашей страны, так и за границей.

Уже спускаясь по трапу, генерал приветливо улыбался. На его танковом комбинезоне была видна Звезда Героя Советского Союза. Он тепло обнялся с Салмановым и сдержанно поздоровался со мной. Я представился, но, как мне показалось, он не сразу понял, какую должность я занимаю. Мы заехали в штаб армии, после чего генерал приказал, чтобы его доставили на командный пункт армии, где боевыми действиями руководил генерал Родионов. В этот же день мы прилетели в Баграм. Генерал заслушал короткий доклад командующего армией и сразу же начал ставить уточняющие задачи по проведению операции.

Я ничего не имею против самого генерала и того, как он привык командовать войсками. В конце концов, этот военачальник принимал участие в Великой Отечественной войне, и годы, проведенные им в армии, сформировали у него свой стиль управления войсками. Тем не менее я предполагал, что он внимательно выслушает не только командование 40-й армии, но и советнический аппарат, прежде всего Салманова — человека очень опытного. Может быть, определенный смысл был бы и в разговоре со мной. Это нужно было прежде всего самому генералу, для того чтобы он разобрался и понял, что же творится в Афганистане и почему здесь возникла такая сложная ситуация.

Обстановку же в 1985 году можно было охарактеризовать одним словом — тупиковая. Активные боевые действия непрерывно велись в нескольких районах страны, тем не менее душманы, разбитые в той или иной провинции, всегда очень быстро восстанавливали свои силы и заново создавали большое количество баз и складов. Через полтора месяца после того, как наши батальоны возвращались в военные городки, мы снова были вынуждены проводить операции.

Я предполагал, что генерал вникнет во все тонкости

обстановки и, как военачальник с огромным опытом, предпримет какие-то неординарные меры для изменения ситуации в стране в нашу пользу. Многие офицеры, оказавшись в Афганистане, очень скоро понимали бесперспективность боевых действий как основы нашего пребывания здесь, потому что, за редким исключением, ничего, кроме жертв среди наших солдат и среди афганцев, они не несли. Безусловно, мы оказывались перед необходимостью проведения ответных операций, для того чтобы исключить повторные нападения на наши гарнизоны. И все же многие, в том числе и я, были сторонниками переговоров с противником, в данном случае с душманами. Больше того, офицеры и генералы самыми первыми пришли к выводу о необходимости безусловного и полного вывода 40-й армии из Афганистана.

Здесь, видимо, нужно сказать о том, что все боевые действия на территории Афганистана мы проводили исключительно по просьбе руководства, которое существовало в стране в тот период. Мы были хорошо осведомлены, и Наджибулла не делал секрета из того, что он регулярно напрямую связывается с московскими руководителями. Как правило, сначала он выходил на министра обороны СССР, затем на Генсека. Позже, насколько мне известно, на Крючкова. Просило афганское правительство слишком часто и очень много. Конечно, в определенной степени угроза для действовавшего в Афганистане режима со стороны оппозиции существовала на протяжении всех девяти лет, пока в стране находились советские войска. Но в телефонных разговорах между Кабулом и Москвой, на мой взгляд, ситуации очень часто чрезвычайно драматизировались. Стоило лишь душманам обнаружить себя, скажем, в провинции Нангархар или в Кунаре, как по каналам правительственной связи Наджибулла настаивал, едва ли не требовал провести в этих районах боевые действия, убеждая «товарищей в Москве», что над провинциальными центрами нависла серьезная опасность, что под угрозой ликвидации находятся крупные гидроэлектростанции, кстати построенные советскими специалистами, а основные дороги Афганистана через несколько дней могут быть окончательно заблокированы. Иногда такие сведения не соответствовали истинному положению дел. Однако редкое обращение, выдержанное в подобном тоне, оставалось без внимания, и, как правило, вскоре в штаб 40-й армии приходили шифровки, обязывавшие нас усилить охрану коммуникаций в том или ином районе Афганистана.

Однако на первых порах генерал не стал вникать в тонкости пребывания наших войск в Афганистане, в специфику взаимоотношений с властями и особенности боевых действий.

Соответственно, не приходится говорить и о правильной оценке обстановки. В этом, кстати, ему «помогала» и «свита», которая то и дело поддакивала невпопад. Поэтому и задачи, поставленные этим генералом частям 40-й армии в первые дни его пребывания в Афганистане, нельзя назвать необходимыми.

Войсковая операция в ущелье Панджшер для 40-й армии являлась плановой на лето 1985 года. План ее проведения был за несколько недель до начала боевых действий утвержден в Генеральном штабе и у министра обороны Маршала СССР Соколова. Однако, оказавшись на командном пункте армии в Баграме, только что прилетевший генерал с первых же дней начал изменять замысел операции. Некоторые из принятых им решений вызывали у офицеров крайнее недоумение. В частности, он приказал перебросить основные силы 201-й мотострелковой дивизии на Южный Саланг. Для этого как минимум необходимо было подготовить саму дивизию и обеспечить ее безопасность во время совершения марша. Мы отчетливо представляли, что любые действия, связанные с недостаточной подготовкой или внезапными изменениями уже имевшихся у штаба армии «заготовок» на время проведения операции, тем более в таком масштабе, неизбежно приведут к огромным жертвам, и прежде всего среди наших людей.

Очередное его распоряжение — высадить десант в «зеленую зону». Для нас, прослуживших в Афганистане уже достаточное время, было аксиомой, что это повлечет за собой гибель не только самого десанта, но и задействованных вертолетов. При составлении плана и во время непосредственной подготовки операций мы избегали подобных шагов. Перед началом десантирования мы обязаны были обработать территорию, на которую планировалась высадка подразделений. Как правило, нами наносились бомбово-штурмовые удары авиации, а если этого оказывалось недостаточно, то производились огневые налеты артиллерии. «Зеленые зоны» были плотно населены мирными жителями, и мы об этом прекрасно знали. Знали мы также и о том, что эти районы активно используются душманами. Они учитывали наши правила, в частности то, что мы никогда не нанесем удары по местам, где проживают простые дехкане. Поэтому моджахеды пользовались этим и постоянно скрывались в кишлаках. Тем не менее это не давало нам основания готовить и наносить мощнейшие удары по густонаселенным районам. И вдруг — идея большого начальника о высадке десанта именно в «зеленую зону», для того чтобы сковать душманов боевыми действиями…

Мы пытались его поправить, однако это удалось не сразу.

Командованию 40-й армии, в том числе и генералу Родионову, непосредственно руководившему проведением войсковой операции в ущелье Панджшер, изменить некоторые решения оказалось не под силу. Тогда с этим генералом встретился я и попытался убедить его в том, что отданные им отдельные приказы неверны. Наш разговор закончился тем, что я почувствовал со стороны приехавшего начальника некоторую обиду: дескать, какой-то молодой генерал пытается давать указания крупному должностному лицу, к тому же Герою Советского Союза. Конечно, его самолюбие было задето очень сильно. Но я отдавал себе отчет в том, что объективно опыта войны в Афганистане у офицеров штаба 40-й армии и у меня было больше, чем у него. И ни один подобный конфликт между нами не идет ни в какое сравнение с теми жертвами, которые могли появиться, если бы нам не удалось отстоять уже утвержденный и отработанный до мелочей план проведения операции. К чести генерала, в конце концов он согласился с приведенными доводами и отменил свои распоряжения.

Позже у нас с ним состоялся еще один, я бы сказал, мужской офицерский разговор. Конечно же, его и мое служебное положение нельзя было сравнивать, и я отдавал себе в этом отчет. Столичный генерал очень хотел, чтобы деятельность группы представителей Генштаба находилась и под его контролем. В частности, он настаивал на том, чтобы я систематически докладывал ему о результатах нашей работы. С недоброжелательностью нам приходилось сталкиваться в отношениях и со многими офицерами, служившими в Афганистане. Наша группа постоянно бывала в подразделениях Ограничейного контингента, и некоторым казалось, что, являясь глазами и ушами «Его Величества» начальника Генерального штаба, мы в конечном итоге работаем против 40-й армии, регулярно докладывая «наверх» об ошибках и просчетах.

Меня такое положение не слишком волновало, хотя, скажу откровенно, порой становилось неприятно. Осенью, примерно через полгода после завершения панджшерской операции, мы еще раз детально обсудили взаимодействие с этим генералом. Понял меня он правильно. Проблем, связанных с предвзятым отношением к деятельности представителей Генерального штаба, у нас с ним больше не возникало. Позже этот генерал неоднократно прилетал в Афганистан и сделал достаточно много как для обеспечения армии всем необходимым, так и для решения некоторых проблем.

Авиакатастрофа

1985 год стал особенно тяжелым в моей судьбе. И не только потому, что летом командование Ограниченного контингента проводило операцию в Панджшере, которая требовала напряжения сил на пределе возможностей. Этот год оказался трагическим для нашей семьи.

3 мая я находился в штабе 40-й армии и работал в своем кабинете. В одном из соседних зданий, недалеко от дворца Амина, располагалась действовавшая в Кабуле Оперативная группа Министерства обороны, которую возглавлял генерал армии Валентин Иванович Варенников. Праздничный день был в самом разгаре, хотя само понятие «праздник» для тех, кто служил в Афганистане, было весьма относительным. Настроение у нас было приподнятым уже потому, что душманы не преподнесли нам в эти дни никаких «сюрпризов». В первой половине дня мы уточняли план на предстоящую неделю и определяли части, в которых необходимо побывать нашей группе. Пообедав вместе со своими офицерами, я вспомнил, что утром забыл у себя в комнате какую-то мелочь, и решил зайти за ней. В мае в Кабуле стоит уже неимоверная жара, поэтому, оказавшись у себя, подумал, дай-ка приму душ, чтобы работу продолжить, как мы шутили, «с бодрячком». Правда, душа этого хватало минут на пятнадцать, не больше, и камуфляж снова пропитывался потом.

Ополоснувшись в ванной, я собрался было уходить, как неожиданно раздался телефонный звонок. Поднимаю трубку — звонит помощник генерала армии Варенникова по ВВС. Спрашивает:

— Борис Всеволодович, вы знаете генерала Крапивина Евгения Ивановича, командующего ВВС Прикарпатского военного округа?

Конечно, я его знал. Больше того, мы вместе с ним учились два года в одной группе в академии Генерального штаба. Прекрасный человек, истинно русский богатырь, отличный военный летчик, профессионал в своем деле. Всего у него было, как говорится, в меру — и строгости, и юмора, который то и дело переходил в балагурство. Короче, Крапивин был душой нашего курса. Собственно говоря, именно он и провожал меня в последний раз в Афганистан, когда я улетал из Львова.

— Надо держаться. У нас есть данные, что генерал Крапивин погиб, разбился.

Для меня это был страшный удар. Я не мог себе этого представить. Сразу же как-то беспорядочно нахлынули вопросы.

Что значит — «командующий разбился»? Он ведь сам уже не летал — как он мог разбиться?!

— Подробности пока неизвестны. Как нам передали, его самолет потерпел катастрофу.

Расстроился я страшно, на глаза чуть слезы не наворачиваются. Таких людей, как Крапивин, не часто встречаешь. Мужиком он был неповторимым. Сразу после этого известия стало как-то не по себе, чудовищно разболелась голова.

Зашел в штаб армии, поднялся в свой кабинет, и вдруг мелькнула мысль, которая пронзила меня всего словно током. Накануне майских праздников я разговаривал по телефону с женой. Она мне сказала, что уже купила билет на самолет и второго мая собирается лететь в Москву, где после моего перевода в центральный аппарат министерства нам предложили квартиру. В конце разговора она как-то между делом добавила, что звонил Крапивин и предлагал ей лететь вместе с ним.

Я начал лихорадочно соображать — что же делать и как узнать, кто вместе с Крапивиным был в этом самолете? Стал хвататься за телефоны. Наконец, немного успокоившись, связался по ВЧ с командным пунктом ВВС во Львове. Конечно, дежурившие офицеры уже все знали, но мне они ничего не сказали. Отделались одной фразой: «Пока выясняем».

Позвонил в Ивано-Франковск, где осталась моя семья. Там тоже ничего толком не удалось выяснить. Жены дома не было, трубку взял ее отец, который специально прилетел из Саратова, чтобы несколько дней посидеть с детьми. Подтвердил — да, Наташа улетела. Как я понял, он еще ничего не знал. Мне же стало ясно, что стряслась большая беда.

После этого я начал допрашивать, по-другому сказать не могу, летчиков из группы Варенникова. Им, безусловно, все было известно, но, видимо, они хотели меня подготовить и как-то смягчить этот удар. В конце концов они все рассказали. На борту самолета Ан-26, которым Крапивин 3 мая вылетел на совещание к главкому ВВС, вместе с ним находились два его сына, Андрей, курсант-выпускник военного училища летчиков, и Александр. Там находились еще несколько человек, в том числе и моя жена. На месте правого пилота сидел сын космонавта Валерия Быковского.

Диспетчер Львовского аэропорта перепутал воздушные эшелоны для военного и гражданского самолетов. Погибли все.

Варенников выделил самолет, на котором я следующим утром вылетел домой. Простояв несколько часов на военном аэродроме в Тбилиси, к исходу дня мы приземлились на Украине. Запаянные в цинковый гроб останки жены, которые удалось

собрать на месте катастрофы, в Ивано-Франковск привезли в этот же вечер.

Гибель жены человека приводит в состояние шока. А если ты служишь в другой стране, на войне, прилетаешь, ничего толком не зная и не умея даже организовать похороны, и все это наваливается в одночасье… И это горе, и дети жмутся к тебе… Квартира кажется совершенно не такой, как прежде, — опустевшая, темная. И отец Наташи, который прошел всю войну, сидит весь черный. Мы похоронили жену в Саратове.

10 мая я улетел в Москву и встретился с начальником Генерального штаба. В тот день разговоров об Афганистане у нас с Сергеем Федоровичем Ахромеевым не было. Он выразил соболезнование и предложил мне остаться в Союзе. Подумав, я все-таки решил вернуться — служба в Афганистане, как мне казалось, не позволит постоянно терзать себя тем, что случилось. 11 мая я снова был в Кабуле.

Сыновья остались в Саратове, где они прожили примерно четыре года. Судьба распорядилась так, что моя вторая жена, Фаина Александровна, была замужем за старшим сыном генерала Крапивина, Сашей, вместе с которым она окончила Московский институт стали и сплавов. В марте 1985 года, за два месяца до авиакатастрофы, у них родились две девочки-близняшки — Валечка и Женечка. Теперь двух сыновей и двух дочерей воспитываем мы вместе. Дети растут быстро и живут дружно.

Панджшер

Когда я вернулся в Кабул, подготовка к операции в Панджшере против банд Ахмад Шаха Масуда была в самом разгаре. Исходя из выработанных в Афганистане критериев оценки результатов войсковых операций, можно сделать вывод, что летняя кампания 1985 года в Панджшере нами в целом была завершена успешно. Боевые действия, их планирование и проведение трудны сами по себе. Операции же против Масуда были для нас наиболее сложными.

Во время подготовки к ним командованию Ограниченного контингента приходилось не только вести огромную работу по сбору и обработке разведывательных данных, но и постоянно следить за тем, чтобы утечка этих сведений была исключена. Все боевые действия мы проводили только совместно с правительственными войсками, а Ахмад Шах имел достаточно широкую сеть своих осведомителей и в руководстве афганской армии, и в правительстве страны. Это, безусловно, накладывало своеобразный отпечаток на подготовку. Непосредственное планирование операций осуществлялось очень узким кругом лиц. До начала боевых действий мы практически ничего не говорили афганцам об истинных целях, замысле операции, привлекаемых силах, а также о конкретных районах, где планируется их проведение. Командиры подразделений, так же как офицеры генерального штаба и министерства обороны Афганистана, узнавали о предстоящих боевых действиях, как правило, за сутки до их начала, а то и за несколько часов.

Подобная скрытность отрицательно сказывалась, например, на отработке взаимодействия с афганскими подразделениями. Однако, по-другому действовать мы не могли. В противном случае нам постоянно приходилось бы сталкиваться с тем, что замысел планируемой операции уже известен противнику, а это в конечном итоге неизбежно привело бы к неоправданным потерям в 40-й армии.

Боевые действия в Панджшере проходили согласно нашему замыслу. Внезапно высадив десанты, мы заблокировали большую часть ущелья, разделив его на несколько секторов. После этого мотострелковые подразделения приступили к их планомерному прочесыванию. Особый успех операции, на мой взгляд, заключался в том, что мы исключили возможность ведения продолжительных и ожесточенных боев, избежав тем самым многочисленных человеческих жертв.

Одновременно с этим нами было захвачено большое

количество оружия, боеприпасов и военного снаряжения, которое душманы во время стремительного начала операции не смогли вывезти из Панджшера. Больших складов с оружием мы там не нашли, потому что каждая банда имела в основном лишь носимый запас вооружения и он всегда находился за спиной или в руках моджахедов. Оружие собиралось и складировалось только в том случае, когда создавался резерв для большой банды. А вот боеприпасами душманы запасались впрок.

В Верхнем Панджшере, а это северо-восточная часть ущелья, на высоте двух с половиной тысяч метров наши солдаты обнаружили горную тюрьму Ахмад Шаха Масуда. Спрятанная в естественных гротах, она была укрыта настолько надежно, что ни снаряд, ни авиабомба практически не представляли для нее никакой опасности. Внутри скал были оборудованы специальные камеры для пыток, там же хранились и необходимые для этого принадлежности — пилы, всевозможные щипцы, крючья, на которые подвешивались люди. Смотреть на это было страшно.

В тюрьме находилось более шестидесяти человек. В основном мужчины — попавшие в плен военнослужащие правительственной армии, дехкане средних лет, которые чем-то не устраивали Масуда или провинились перед ним. Трагедия здесь произошла, очевидно, в тот момент, когда охрана тюрьмы увидела в воздухе наши вертолеты. Всех заключенных попросту расстреляли. Сами же душманы после этого ушли в горы теми потайными тропами, которые были известны только им.

За гранью возможного

Каждая войсковая операция в Афганистане неизменно ставила перед командованием 40-й армии большое количество проблем, от решения которых зависело не только выполнение поставленных задач, но и жизнь солдат. О них нужно сказать отдельно.

Летняя кампания 1985 года против банд Ахмад Шаха, как и подавляющая часть боевых действий в Афганистане, проходила на значительной высоте. В Панджшере, например, она достигала трех с половиной тысяч метров. Действовать приходилось не только в условиях нехватки кислорода, но и при отсутствии каких бы то ни было дорог.

Как правило, вся техника, особенно бронетанковая, оставалась у подножия гор. Наверх шли только люди, имевшие при себе лишь легкое вооружение. Нередко получалось так, что бандформирования душманов выравнивались по боеспособности и огневой мощи с нашими подразделениями. В боях на большой высоте даже оружие применялось одинаковое — у нас в основном автомат Калашникова и у них то же самое.

Кроме того, душманы имели объективное преимущество: они прекрасно знали местность, воевали налегке, были лучше подготовлены как физически, так и морально — все-таки это их родина.

Готовя наши подразделения к действиям в горах, мы не могли допустить, чтобы батальон, которому предстояло воевать в Панджшере больше месяца, имел резерв продовольствия, боеприпасов и других видов материального обеспечения только на два или три дня. Как минимум он должен был брать с собой недельный запас. Каждый солдат, сержант и офицер шел в горы, неся на своих плечах по сорок-шестьдесят килограммов. С таким огромным весом, да еще под палящим солнцем, не каждый сможет просто подняться на вершину, не говоря уже о том, чтобы после этого принять бой. Поэтому командиры иногда смотрели, как говорится, сквозь пальцы на то, что некоторые солдаты перед выходом в горы оставляли в казарме тяжелое снаряжение — бронежилеты и каски. С собой брали только самое необходимое, без чего, как подсказывал опыт, обойтись невозможно. Прежде всего — пуховый спальный мешок, побольше снаряженных патронами магазинов, воду и несколько гранат. Сухой паек клали в вещмешок в последнюю очередь.

Бесконечные переходы по горам и изматывающие подъемы отнимали у солдат последние силы. Естественно, каждый

старался освободиться от лишнего груза. Нередко, уже оказавшись наверху, офицеры обнаруживали, что подразделение осталось даже без 82-мм переносных минометов. В горах это бесценное вооружение, единственный вид артиллерии, постоянно находившийся при батальоне. Ствол миномета обычно несли на себе один или два человека, еще двое — плиту для него и треногу. Изрядно намучившись, солдаты при первом же удобном случае просто бросали ствол миномета в пропасть, чтобы не тащить эту тяжесть наверх. От ящиков с боеприпасами к нему, правда, отделаться было несколько сложнее — их приходилось нести. Из трех минометов к началу боевых действий в батальоне, как правило, оставался только один, реже — два.

Климатические условия всегда оказывают влияние на результаты операции. Не стал в этом смысле исключением и Афганистан. Резкие перепады температуры в горах, а к ним привыкнуть практически невозможно, были, наверное, не менее коварным противником, чем душманы. От ночного холода спасало только зимнее обмундирование. Утром становилось чуть теплее, а через несколько часов уже нигде нельзя было укрыться от дикой, неимоверной и иссушающей жары. Если днем приходилось подниматься в горы, солдаты были готовы остаться в одних трусах, все остальное с себя снять и бросить, лишь бы не тащить наверх, поскольку каждый килограмм веса отнимал огромное количество сил.

В горах невозможно оказать квалифицированную медицинскую помощь. Несмотря на то, что мы делали все от нас зависящее, иногда люди погибали от солнечных и тепловых ударов.

Обычно требовалось трое или четверо суток для того, чтобы рота или батальон вышли в указанный район. К этому времени уже было необходимо пополнять запасы продовольствия, боеприпасов и, самое главное, воды. Делать это было чрезвычайно трудно. Подниматься на высоту трех с половиной тысяч метров и почти вплотную подходить к подразделениям нашим вертолетам удавалось. Но для разгрузки нужно было сесть на какую-нибудь площадку или в крайнем случае хотя бы на несколько минут зависнуть. Однако разреженность воздуха на такой высоте и имевшийся на борту дополнительный груз не позволяли сделать ни того ни другого. У вертолетчиков есть специальный термин — «статический потолок». Под ним подразумевается определенная высота, на которой теоретически вертолет еще может зависнуть. Для различных типов машин она колеблется от полутора до двух километров. В Афганистане нашим вертолетчикам приходилось действовать на пределе

технических возможностей. Офицерам ВВС нужно было обладать величайшим мастерством, и такие, к счастью, служили в составе Ограниченного контингента. Показывая чудеса пилотажа, они все-таки умудрялись, каким-то образом приткнувшись, именно приткнувшись передним шасси вертолета к небольшому выступу или камню, обозначить зависание и за считанные секунды сбросить на скалы доставленный для подразделения груз. После этого вертолет уже не мог идти вверх. Он просто сваливался к подножию, уходил вниз и только за счет падения снова набирал скорость и подъемную силу.

Во время проведения операций высоко в горах мы постоянно сталкивались со значительными трудностями при эвакуации раненых. Даже при самых решительных и энергичных действиях не всегда удавалось спасти человека. Если тяжелое ранение получено на большой высоте, то остановить кровь практически невозможно. Доставка ее в горы или транспортировка раненого на вертолете исключались. Оставался только один выход — спускать солдата или офицера вниз вручную. Для этого командиром подразделения выделялись специально отобранные, очень выносливые солдаты, которые на самодельных носилках несли своего товарища, и соответствующая охрана. В зависимости от высоты и местности с одним раненым спускалось тринадцать-пятнадцать человек. Только таким образом его могли доставить к подножию, где находились медико-санитарные подразделения.

Управление огнем

При подготовке и проведении летней операции в Панджшере возникали примерно такие же проблемы, с которыми приходилось сталкиваться и в других районах Афганистана. Одна из них — управление во время боя артиллерией и авиацией.

Своевременная корректировка артиллерийского огня была для нас очень важна. Перед началом боевых действий вся техника оставалась где-нибудь внизу, а десантникам и мотострелкам при подъеме приходилось надеяться только на свои ноги. Дорогу этим подразделениям расчищала артиллерия. Солдаты должны быть уверены, что впереди прошел свой огонь и они не попадут в засаду. Но огнем необходимо управлять. Иногда возникали ситуации, когда мы планировали провести артиллерийские налеты по определенным ущельям, каньонам и высоткам, предполагая, что именно там могут находиться засады душманов. На самом же деле они оказывались в совершенно других местах. Огонь нужно было переносить немедленно.

Во время проведения панджшерской операции мы имели специальные группы во главе с офицером-корректировщиком. Вместе с ним работали вычислители, которые очень быстро готовили новые данные для переноса огня, и радисты. Постоянная и бесперебойная связь являлась непременным условием успеха. Где бы ни находился офицер, он обязательно должен был иметь возможность ежесекундно связаться с огневыми позициями, чтобы артиллеристы могли сразу же перенести огонь.

Артиллерийские корректировщики постоянно находились рядом с командиром подразделения, к которому были приданы и в чьих интересах работали. Вместе с батальоном или отдельной ротой они наступали вдоль ущелья или по гребню горы. Действуя только таким образом, корректировщики могли видеть передний край и идущих впереди солдат, а также наблюдать места разрывов снарядов.

Но артиллерия не всегда могла «достать» ту или иную цель. В таких случаях активно использовались военно-воздушные силы. На командном пункте рядом с руководителем боевых действий работала группа боевого управления авиацией. Ее обеспечивали один-дна бронетранспортера и несколько машин. Мощные радиостанции позволяли поддерживать устойчивую связь с аэродромами и теми самолетами, которые находились в воздухе.

Офицер-авианаводчик и его помощник с радиостанцией непременно находились в составе одного из подразделений и

управляли самолетами непосредственно из района ведения боя. Характерно, что авианаводчики и артиллерийские корректировщики руководили уничтожением целей только в строго определенном для них секторе. Офицерам категорически запрещалось наводить авиацию на объекты, замеченные в зоне ответственности своих соседей. Этим мы старались исключить возможные недоразумения. Большая дальность, плохая видимость и обманчивость расстояний в горах неизбежно привели бы к трагедии — имея неправильные данные, авиация, да и артиллерия тоже, могла нанести удары не по противнику, а по своим подразделениям.

Ахмад Шах Масуд

Через несколько дней после начала боевых действий в Панджшере мы обнаружили, что ущелье опустело. Ахмад Шах Масуд сумел вывести тайными горными тропами не только свои вооруженные формирования, но и мирное население.

Среди других полевых командиров Ахмад Шах выделялся прежде всего своей дальновидностью. В тех провинциях, которые были ему подчинены, а он управлял практически отдельным государством в северо-восточной части Афганистана, жизнь шла своим чередом. Создавалось впечатление, что ни существующее в Кабуле революционное правительство, ни продолжающаяся война не способны повлиять на многовековой уклад жизни в этой части страны. По-прежнему строились школы для детей, возводились мечети, оказывалась необходимая помощь во время уборки урожая, между крестьянами распределялись сельскохозяйственные удобрения. Огромным подспорьем Ахмад Шаху стали находившиеся на контролируемой им территории Северного Панджшера значительные залежи лазурита и других ценных поделочных камней. Месторождения эти разрабатывались, после чего бесчисленное количество самоцветов вывозилось за границу. Полученные от продажи деньги в первую очередь использовались для приобретения больших партий оружия.

Ахмад Шах является чрезвычайно колоритной фигурой, о которой следует рассказать подробнее. Сын Дост Мухаммеда (псевдоним Масуд в переводе означает «счастливый»), он родился в 1954 году в кишлаке Базарак уезда Панджшер, провинция Парван, в семье кадрового военного. Отец Масуда вышел в отставку в 1976 году в звании полковника и, по некоторым данным, долгое время проживал в Пакистане. По национальности — таджик, что, очевидно, значительно мешает ему окончательно занять в стране положение официального лидера.

После окончания столичного лицея в 1973 году Ахмад Шах поступил на инженерный факультет Кабульского университета. Во время учебы он сошелся с членами экстремистской организации «Братья-мусульмане» и стал принимать активное участие в антиправительственных выступлениях. Попав в «черные списки», даже не успев окончить второй курс, Масуд был вынужден покинуть университет и перебраться к себе на родину в Панджшер. Там он организовал небольшую вооруженную группу, которая осуществляла нападения на различные государственные учреждения, причиняя множество неудобств режиму Дауда. Через

несколько месяцев после того, как антиправительственное движение было окончательно разгромлено, Ахмад Шах был вынужден эмигрировать в Пакистан.

По некоторым данным, именно в Пакистане будущий полевой командир близко сошелся с Г. Хекматияром. Однако вскоре после знакомства у них произошла крупная ссора, и Ахмад Шах был вынужден выехать в Египет.

Более двух с половиной лет Масуд находился на Ближнем Востоке, где, по всей вероятности, и получил первые уроки ведения партизанской войны. Больше того, есть сведения о том, чю в это время Ахмад Шах принимал участие в боевых действиях против Израиля в составе отрядов Организации освобождения Палестины.

В 1978 году Масуд вернулся в Пакистан, где встретился с лидером «Исламского общества Афганистана» (ИОА) Б. Раббани и вскоре стал одним из его ближайших помощников. В 1979 году Раббани направил его во главе одной из банд для ведения борьбы против кабульского революционного режима.

Среди личностных качеств Ахмад Шаха можно отметить его тщеславие и самолюбие. Безусловно, умен и выделяется среди остальных лидеров моджахедов талантом военного организатора. Волевой и энергичный человек, Масуд проявляет завидную настойчивость и целеустремленность при решении стоящих перед ним задач. Во время ведения боевых действий трезво оценивал обстановку, соотношение сил и был способен самостоятельно принимать решения. Вынослив — никогда не ночевал два раза подряд в одном и том же месте. Вместе с охраной постоянно совершал многокилометровые переходы. Всегда имеет при себе автомат Калашникова, для поездок по ущелью использовал армейский УАЗ. Свободно владеет несколькими европейскими языками. Одевается скромно, стараясь не отличаться от окружающих его людей.

Жена и дети во время присутствия в Афганистане советских войск находились на территории Пакистана. Сам Масуд в повседневной жизни в основном придерживается законов ислама. Но нашей военной разведкой было отмечено, что в тесном кругу близких друзей он не откажется как следует выпить.

После ввода в Афганистан 40-й армии Масуд и его помощники уделяли огромное внимание ведению пропаганды и весьма искусно настраивали местное население против советских войск. В Панджшере умело распускались слухи о том, что «легендарный боец за ислам» является якобы посланником пророка Мухаммеда и обладает сверхъестественной силой. Такая работа среди безграмотных дехкан оказалась весьма

эффективной, она обеспечивала Масуду постоянный приток все новых бойцов. С новобранцами регулярно проводились занятия по боевой подготовке, во время которых особое внимание уделялось обучению владению стрелковым оружием, минно-подрывному делу и физической закалке.

Летом 1982 года вооруженные отряды Масуда насчитывали в общей сложности более двух с половиной тысяч человек. Они контролировали один из самых важных в стратегическом отношении районов Афганистана — ущелье Панджшер и прилегающую к нему территорию.

Умело используя рельеф местности, бандгруппы Ахмад Шаха сумели создать несколько мощных укрепрайонов. В частности, были оборудованы огневые позиции для крупнокалиберных пулеметов, заранее подготовлены укрытия для моджахедов и распределены участки обороны между группами. Масуд создал специальные отряды для минирования дорог. Основные силы сосредоточивались на обороне входа в ущелье.

Ахмад Шах искренне заботился о простых людях, и они отвечали ему признательностью — среди афганского населения авторитет этого полевого командира был огромен. Конечно же, командование Ограниченного контингента было крайне заинтересовано в том, чтобы окончательно склонить Масуда к сотрудничеству с нами и тем самым исключить кровопролитные столкновения в Панджшере и других северо-восточных провинциях Афганистана. Усилия разведывательного центра 40-й армии принесли определенные результаты. В 1982 году нам удалось главное — мы установили с Ахмад Шахом достаточно прочные контакты, которые не прекращалась до самого вывода советских войск из Афганистана.

На протяжении всего нашего военного присутствия в Афганистане работа с Масудом шла с переменным успехом. Тем не менее командование Ограниченного контингента держало под контролем деятельность его бандформирований. В частности, уже в 1982 году представителями 40-й армии и лично Ахмад Шахом были подписаны соглашения, в которых шла речь об обязательствах Масуда не допускать обстрела советских колонн на южном участке перевала Саланг, где он безраздельно господствовал.

Пойти на такой шаг Ахмад Шаха вынудили истощение сил и средств его отрядов, резкое сокращение поставок в банды оружия, боеприпасов и продовольствия в связи с блокадой ущелья Панджшер, а также активизация действий банд «Исламской партии Афганистана» против формирований ИОА в провинции Каписа, через которую проходили караваны с оружием для

панджшерцев. В значительной степени пойти на перемирие Масуда заставило и недовольство местного населения, которое понесло значительный ущерб в результате боевых действий формирований Ахмад Шаха.

В соответствии с договоренностью Масуд отдал приказ своим бандгруппам приостановить активную деятельность против правительственных сил и вести вооруженную борьбу прежде всего против банд враждебных ИОА организаций.

Со своей стороны Масуд настаивал на выводе советских войск из Панджшера, прекращении призыва в афганскую армию пополнения из этого уезда.

У советского военного командования были все основания предполагать, что на перемирие Ахмад Шах пошел прежде всего из тактических соображений. Выступая перед своими подчиненными, он однажды заявил, что заключил перемирие с правительством, чтобы выиграть время, пополнить запасы оружия, боеприпасов, продовольствия. Как только это будет сделано, он снова начнет борьбу.

Показательно, что, говоря о перемирии с правительством, Масуд категорически отказывался поддерживать контакты с кабульским режимом. Связник руководителя службы государственной безопасности Наджиба, который должен был установить и поддерживать контакты с Масудом, бездействовал. Все переговоры велись непосредственно с советским командованием.

Установившееся затишье Ахмад Шах активно использовал в своих целях. Строились новые огневые рубежи в районах Обдара, Тавах, Чимальварде, Хисарак, Гуват и Параидех. К работам по восстановлению разрушенных укреплений привлекались местные жители. Основные позиции оборудовались средствами противовоздушной обороны, в том числе и зенитными горными установками (ЗГУ). По некоторым сведениям, значительную помощь душманам оказывали советники и военные специалисты из Франции, США, Китая и, естественно, Пакистана. Вместе с тем бандгруппами накапливалось крупнокалиберное и противотанковое оружие.

Временное перемирие, заключенное Ахмед Шахом в декабре 1982 года под угрозой полного разгрома его бандформирований советскими войсками, было продлено до апреля 1984 года. И именно в этот период командованием 40-й армии была отмечена резко возросшая боевая активность отрядов Масуда за пределами Панджшера. Нападениям подвергались колонны, следовавшие по автомагистрали Кабул — Хайротан в районе Северного и Южного Саланга, а также в провинции Баглан.

В период, когда Панджшер был объявлен зоной перемирия, там нашли убежище несколько бандформирований оппозиции, которые подвергались интенсивному огневому воздействию в других провинциях и районах Афганистана. Подобные действия являлись лишь частью задуманного Масудом плана объединения и консолидации различных исламских партий. Мы отдавали себе отчет в том, что после создания «единого фронта» оппозиция получит возможность от методов партизанской войны перейти к крупномасштабным маневренным действиям.

Перемирие сохранялось несколько месяцев. Должен сказать, что взятые на себя обязательства и договоренности Масуд, за редким исключением, выполнял. Но именно эти «редкие исключения» представляли собой настолько мощные всплески активной деятельности его банд, что нам приходилось испытывать множество неудобств. В подобных случаях командованию 40-й армии приходилось немедленно предпринимать, как говорится, адекватные меры — мы не могли безучастно смотреть на гибель наших солдат. Ответный удар, как правило, состоял из серии активных боевых действий, направленных не только на расширение подконтрольной советским войскам зоны вдоль основных автомагистралей, но и на уничтожение известных нам баз, лагерей и стоянок, использовавшихся бандформированиями, которые подчинялись непосредственно Масуду.

Проводя кропотливую работу в отношении Масуда, командование Ограниченного контингента постоянно находилось под колоссальным давлением. С одной стороны, к прекращению перемирия нас подталкивал сам Масуд, то и дело устраивая провокации и испытывая наше терпение. Примеров таких действий можно привести очень много: требования вывести то или иное советское подразделение за пределы ущелья, угрозы личной расправы с офицерами, нападения на посты и заставы, обстрелы мест постоянной дислокации…

С другой стороны, к «решительным действиям» 40-ю армию очень активно подталкивали представители КГБ, находившиеся в Кабуле. Зная о категорическом отказе Масуда поддерживать какие бы то ни было контакты с правительством Афганистана, офицеры госбезопасности тем не менее формулируют и отправляют в Москву такие предложения:

«Принять в ближайшее время меры по склонению Ахмад Шаха к официальным контактам с представителями правительства ДРА. В качестве первого шага предложить Ахмад Шаху проявить инициативу в самостоятельном выходе на руководство ДРА для ведения переговоров об освобождении

находящихся в заключении его близких помощников. В работе с ним главное внимание уделить его склонению к прямому или косвенному признанию существующего в Афганистане режима».

Ничего принципиально нового в этих задачах для командования 40-й армии не было. Больше того, стратегическим направлением в деятельности военных по отношению к Ахмад Шаху Масуду являлось окончательное склонение этого полевого командира на сторону народной власти. Однако мы отчетливо понимали, что в короткий срок просто невозможно окончательно склонить Масуда к сотрудничеству с кабульским правительством и командованием Ограниченного контингента. Для этого нужны месяцы, которые мы получили, заключив с Масудом соглашение о перемирии.

О ходе нашей работы с Ахмад Шахом и ее перспективах представители КГБ были осведомлены достаточно хорошо. Знали они и о том, что мы ни в коем случае не должны были допустить возобновления боевых действий в Панджшере со стороны формирований Масуда. Тем не менее, выдвинув заранее неприемлемые ультимативные требования к Масуду, офицеры госбезопасности продолжают:

«В случае отказа Ахмад Шаха от выполнения указанных требований осуществить действия, направленные на разгром его и его группировки. Как представляется, более выгодным для нас с политической точки зрения был бы захват его живым вне территории Панджшера (до окончания перемирия). Цель этой акции состояла бы в том, чтобы добиться от него полного морально-политического и военного разоружения, о чем он мог бы лично заявить (после соответствующей работы с ним) в обращении к своим сторонникам. Учитывая престиж имени Ахмад Шаха, созданный в организациях местной контрреволюции и на Западе, указанное мероприятие имело бы значительный пропагандистский эффект и вызвало бы серьезное замешательство в стане противника.

Одновременно с этим можно было бы подумать об акции по физическому устранению Ахмад Шаха и его близкого окружения на случай, если по каким-либо причинам вариант его захвата живым окажется неосуществимым.

Осуществление спецакции поручить органам СГИ ДРА и 40-й армии.

Представляется целесообразным до истечения срока действия заключенного с Ахмад Шахом перемирия провести следующие мероприятия:

…Спланировать комплекс военно-тактических действий (операцию) по группировке Ахмад Шаха, в том числе с

использованием оружия усиленной мощности…»

Последствия подобных «мероприятий», если бы они были осуществлены, очевидны. Мы не только уничтожили бы и без того непрочные контакты, но и своими руками создали бы в стратегически важном районе страны серьезный очаг напряженности. Очевидно, не навоевавшись со своими соотечественниками, кабинетные деятели КГБ стремились во что бы то ни стало проявить доблесть в Афганистане. Вот только для того, чтобы кто-то из них продырявил лацкан своего пиджака для очередного ордена, солдаты и офицеры 40-й армии должны были рисковать жизнью.

Чекисты явно «подмочили» в Афганистане свою репутацию. На моей памяти они больше десяти раз докладывали в Москву о том, что Масуд ими ликвидирован, после чего он появлялся то в одном, то в другом районе страны. Наверное, Ахмад Шах не читал рапорта представителей КГБ относительно собственной персоны.

Возникает закономерный вопрос: если один из самых влиятельных афганских оппозиционеров был решительно настроен против революционного кабульского правительства и находившихся в стране советских войск, организовывал диверсии на дорогах и нападения на наши гарнизоны, что же в таком случае помешало окончательно разгромить формирования Ахмад Шаха и ликвидировать его самого?

Упреки в том, что мы не сумели победить Масуда, что он оказался значительно умнее и прозорливее командования 40-й армии, на мой взгляд, беспочвенны и необоснованны. Любые проводимые нами операции, в том числе и против Ахмад Шаха, нужно рассматривать в контексте всего пребывания советских войск в Афганистане и тех задач, которые стояли перед Ограниченным контингентом. Могли ли мы вообще выиграть войну в Афганистане? Здравый смысл подсказывает, что победить военным путем целый народ невозможно. Об этом нигде и никогда не было даже речи. Локальные победы нам действительно были нужны, и мы их добивались. Определенные цели перед собой командование 40-й армии ставило и в борьбе против Масуда. Но даже в периоды жесткой конфронтации с военным лидером оппозиции, а она возникала довольно часто, мы не стремились окончательно разбить его банды, а самого Ахмад Шаха уничтожить физически. Мы планировали боевые действия таким образом, чтобы нанести Ахмад Шаху лишь значительное поражение, скажем в Северном или в Центральном Панджшере, и лишить оппозицию возможности быстро восстановить свои силы. Такие задачи мы перед собой ставили и, как я уже сказал,

успешно их решали.

Наивно полагать, что мощнейшая 40-я армия не смогла бы окончательно ликвидировать группировку Ахмад Шаха. Советское военное командование в Афганистане имело все возможности для того, чтобы нанести ему сокрушительное военное поражение еще задолго до летней кампании 1985 года в Панджшере и прилегающих к ущелью районах. Если бы в этом возникла необходимость, мы бы уничтожили Масуда. Лично у меня в этом никогда не возникало сомнений, нет их и теперь. Прекрасно понимал свое положение и сам Ахмад Шах, что, естественно, влияло на его политику и отношения с советскими военными: он всегда знал, что ему разрешается делать, а за что он будет жестоко наказан. Окончательно решая судьбу Масуда и планируя против него какие-то мероприятия, мы вплотную столкнулись бы с единственной проблемой, которая для командования наших войск всегда являлась самой сложной: как сохранить жизнь людей? И советских, и афганских. Достигая своих военных целей, мы всегда думали о том, как избежать гибели наших солдат. Поэтому старались применять новые и неординарные способы воздействия. Подчас приходилось идти даже на обман, для того чтобы вытащить противника на переговоры и попытаться убедить его отказаться от вооруженной борьбы. На мой взгляд, такого мнения придерживалось большинство офицеров и генералов Ограниченного контингента. Ни одна революция, а уж тем более афганская, не стоит бесчисленных жертв, которые неизбежно появляются на крутых изломах истории. Только в том случае, если наши усилия на мирных переговорах не достигали своей цели, а угроза для жизни советских специалистов и военнослужащих становилась реальной, нам приходилось начинать боевые действия. Но даже в такой ситуации командованием 40-й армии со своей стороны привлекались минимальные силы и средства. Если мы и планировали артиллерийские налеты или авиационные удары, то они были небольшой мощи и наносились преимущественно по горным массивам, ущельям и тем местам, где не проживало мирное население.

Прикрытие границы

Перед Ограниченным контингентом советских войск в Афганистане было поставлено несколько задач. Одна из них заключалась в том, чтобы 40-я армия, находясь на территории сопредельного государства, прикрыла южную границу Советского Союза. Опасения по поводу якобы существовавшей угрозы для советско-афганской границы, на мой взгляд, являются необоснованными. Даже в то время, когда в Афганистане правили короли, этот участок нашей границы считался одним из самых спокойных. Когда власть в Кабуле оказалась в руках революционного правительства, тем более у нас не могло возникнуть поводов для беспокойства. Только после ввода войск на территорию Афганистана мы вплотную столкнулись с необходимостью обезопасить собственную границу от нападений душманов, которые были продиктованы в основном чувством мести. Лишь с начала восьмидесятых годов советско-афганская граница стала для нас настоящей «головной болью». Командование пограничных войск было вынуждено создавать своего рода «санитарный» кордон, размещая на территории Афганистана выносные посты и заставы. Кроме того, на небольшом удалении от границы постоянно действовали подвижные маневренные группы на бронетехнике, которые нередко участвовали в ожесточенных боях с душманами. Однако даже такие меры не могли полностью исключить нападения на наши приграничные поселки, которые то и дело подвергались обстрелам реактивными снарядами. Жертвами афганской войны стали не только солдаты и офицеры пограничных войск, но и мирные советские жители.

Главная цель ввода советских войск в Афганистан заключалась все-таки в другом, и мы это вскоре очень хорошо поняли. Основные усилия 40-й армии на протяжении всего пребывания в Афганистане были направлены на защиту Апрельской революции. Другими словами, советские солдаты должны были поддержать режим, установившийся в Кабуле в результате дворцового переворота. Причем для нас не было принципиальной разницы в том, кто возглавляет новое правительство — Амин, Кармаль или Наджибулла. По-настоящему важным было другое: революционная власть не имела права развалиться. Она должна была существовать и, несмотря ни на что, укрепляться. Под прикрытием 40-й армии Афганистан должен был совершить отчаянный прыжок из дремучего феодализма в светлое будущее, доказывая своим

примером возможность и приемлемость если не социалистической, то народно-демократической перспективы развития для стран Юго-Восточной Азии. Так в нескольких словах можно определить нашу стратегическую линию в Афганистане. Однако всякая власть может реально действовать лишь в том случае, если у нее под ногами не качается почва. Апрельская же революция постоянно находилась в полушаге от собственной гибели. Новая кабульская власть с самого начала была обречена действовать в условиях непрекращающейся войны. Само наличие родо-племенных отношений предполагает постоянную борьбу за территории и влияние. Другими словами — за власть. В определенной степени существование революционного правительства в Кабуле тоже можно рассматривать лишь как победу одной — наиболее удачливой — из группировок.

Вооруженная борьба против кабульского режима велась непрерывно.

Спецназ

С самого начала пребывания советских войск в Афганистане мы столкнулись с необходимостью перекрыть афгано-пакистанскую границу. Это было вызвано тем, что ведение боевых действий против 40-й армии и правительственных войск бандформирования оппозиции осуществляли исключительно за счет поддержки из-за рубежа.

После апрельских событий 1978 года Пакистан стал центром афганского оппозиционного движения. В Пешаваре, Карачи и других крупных приграничных с Афганистаном городах развернули свою деятельность штаб-квартиры фундаменталистских исламских партий. Лидеры оппозиции создавали из беженцев все новые и новые бандгруппы и засылали их на территорию Афганистана. Непрерывным потоком через границу контрабандой переправлялись оружие и боеприпасы. Причем, чем дольше наши войска находились в Афганистане, тем все большим оказывался объем поставок.

Для налаживания нормальной жизни в Афганистане, особенно в восточных провинциях страны, мы должны были перекрыть основные караванные пути, которые использовались афганской оппозицией.

Весной 1985 года мы увеличили число отдельных батальонов специального назначения и разместили их вдоль границы с Пакистаном с таким расчетом, чтобы полностью перекрыть ее. Восемь батальонов организационно были сведены в две бригады. Штаб одной из них находился в Джелалабаде и боролся с караванами душманов вдоль восточной границы Афганистана. Командование второй бригады специального назначения размещалось на юго-западе страны, в Лашкаргахе.

Более 60 % границы Афганистана с Пакистаном и Ираном, а это чуть меньше двух тысяч километров на западе, юге и юго-востоке, находилось под контролем батальонов спецназа.

На мой взгляд, отдельные батальоны специального назначения были если не самыми, то одними из самых боеспособных частей 40-й армии. В состав каждого батальона входило примерно пятьсот офицеров, солдат и сержантов. Все они были настоящими профессионалами, получившими блестящую физическую и военную подготовку.

Спецназовцы были отлично экипированы. Они имели на вооружении новейшую боевую технику, в том числе и бронированную. Каждой бригаде придавалась вертолетная эскадрилья, использовавшаяся для выброски групп специального

назначения в районе проведения операции.

Командиры батальонов регулярно получали разведывательные данные из разведцентра 40-й армии и от местных органов о готовящихся к отправке караванах оппозиции и других акциях. Однако больше всего спецназовцы надеялись на собственную информацию. Они устанавливали прочные, насколько это было возможно, отношения не только с местной властью, но и с простыми дехканами, жителями провинций и уездов. Собственная разведка позволяла командованию батальонов прекрасно знать обстановку в своих зонах ответственности.

Подготовка к действиям в засаде, на караванных тропах и направлениях длилась, как правило, не менее трех суток. Выбрасывались группы внезапно.

Каждая из групп делилась на несколько подгрупп — захвата, огневая, прикрытия. В зависимости от места проведения операции и складывающейся обстановки разрабатывался подробный план операции. Действия каждого офицера, сержанта и солдата отрабатывались до мелочей. В определенное время — будь то день или ночь, в зависимости от обстановки, — группа выбрасывалась в указанный район.

Выход в район проведения операции был, пожалуй, самым сложным боевым действием. Особенность заключалась в том, что группа специального назначения должна была выйти в свой район никем не замеченной и не рассекретить место предполагаемых боевых действий.

Первое время после создания отдельных батальонов специального назначения мы выбрасывали группы на место проведения операций вместе с техникой — бронетранспортерами и даже танками. Естественно, никакой скрытности и внезапности таким образом достичь было невозможно. Результативность действий в таких случаях была если не нулевой, то минимальной.

Когда мы убедились, что громоздкая и растянутая во времени выброска спецназа фактически срывает проведение операций, группы стали выходить в заданный район пешком. Но и это нас не устраивало. Во-первых, марш-бросок на 80 или на 100 километров с учетом сложнейших климатических условий, в которых приходилось действовать спецназу, — это адский труд. Во-вторых, для этого требовалось слишком много времени. Поэтому позже было принято решение создать для двух бригад отдельные вертолетные эскадрильи, которым предстояло действовать исключительно в интересах батальонов спецназа. В последующем высадка или выброска групп происходила с использованием вертолетов.

Вертолет с подразделением специального назначения на борту выходил примерно в том направлении, где должна была проводиться операция. Затем экипаж резко менял направление движения, делал зависание, обозначая приземление и высадку десанта. На самом деле никто не высаживался — это было ложное зависание. После этого вертолет уходил во второй район, в третий, в четвертый и везде повторял те же самые обманные маневры. Наконец, в указанном месте группа быстро высаживалась, а вертолеты уходили еще в два-три района, делая там очередные ложные зависания, после чего возвращались на свою базу.

Бронетанковая техника, обеспечивавшая действия группы специального назначения, выходила чуть позже и останавливалась в 50–60 километрах от места проведения операции. Таким образом мы старались ввести в заблуждение душманов относительно наших планов.

Мы знали о том, что оппозиция располагает великолепной разведкой. Для ее ведения и своевременного оповещения привлекалось практически все местное население провинций. На вершинах гор выставлялись специальные посты. Пуштуны-кочевники тоже следили за «неверными», то есть за советскими, и все, что удавалось увидеть, они немедленно передавали всеми доступными способами — кострами, зеркальными «зайчиками», с помощью радиостанций… Поэтому незаметно высадиться в том или ином районе спецназовцам было практически невозможно. Только благодаря тому, что в батальонах специального назначения солдаты и офицеры придумывали необычные способы высадки, новые обманные маневры и методы проведения боевых действий, нам удавалось достичь значительных результатов. Как правило, каждая операция заканчивалась полным разгромом каравана мятежников.

Командование 40-й армии не держало в тайне то, что мы начинаем активную борьбу против караванов. Руководство Афганистана сделало соответствующие заявления правительствам Ирана и Пакистана о недопустимости вмешательства во внутренние дела Афганистана и поддержки бандформирований оппозиции на его территории. Мы официально объявили, что караваны, доставляющие мятежникам оружие, будут нами уничтожаться. Тем не менее афгано-пакистанскую границу едва ли не ежедневно пересекали вьючные животные и машины, груженные боеприпасами различного вида — снарядами к реактивным системам, к гаубицам. Верблюды и ослики несли на себе большое количество мин, прежде всего итальянского производства, стрелковое оружие.

Помимо бригад специального назначения, задачу по прикрытию афгано-пакистанской границы выполняли специально подготовленные экипажи вертолетов. В основном днем, но иногда и ночью офицеры осуществляли патрулирование в своих зонах ответственности и следили за тем, чтобы караваны не смогли проникнуть в заблокированный район. На борту этих вертолетов находились группы досмотра и уничтожения из состава батальонов спецназа.

Заметив во время патрулирования движущийся караван, экипаж, сделав предварительно несколько кругов над верблюдами или машинами, сажал вертолет рядом с ними. Как правило, сразу же можно было определить, что находится в караване. Если караванщики, едва заметив наш вертолет, разбегались в разные стороны, значит, везут оружие. Как только группа досмотра убеждалась, что в караване только мирный груз, машины или верблюды продолжали свой путь.

Самым тяжелым периодом для борьбы с караванами душманов было начало лета. В это время снег сходил с гор и открывались все перевалы и тропы. Поток переправляемого через границу оружия и боеприпасов увеличивался по сравнению с зимними месяцами в несколько раз. Поэтому в дополнение к действующим подразделениям мы привлекали специально оборудованные боевые самолеты. Курсируя вдоль границы, они проводили разведку и уничтожали замеченные караваны.

Однако, несмотря на то что для прикрытия границы и борьбы с караванами мы использовали значительные силы, нам не удалось выполнить эту задачу полностью. Караваны с оружием все-таки просачивались на территорию Афганистана, где уничтожить их было значительно сложнее. В конце 1985 года мы стали привлекать для закрытия границы и линейные части — мотострелковые полки, батальоны и роты.

Каждому из восьми отдельных батальонов специального назначения были определены свои зоны ответственности. В приграничных провинциях боевая активность моджахедов была чрезвычайно высокой. Особенно трудно пришлось батальонам, которые дислоцировались в Кандагаре, Лашкаргахе, Газни и Гардезе. Напряженная ситуация сложилась в Джелалабаде и сохранялась там на протяжении всех девяти лет советского военного присутствия в Афганистане. Буквально за несколько недель до завершения окончательного вывода обстановка там резко обострилась.

Особенно тяжело пришлось подразделениям, находившимся в Асадабаде. Пик боевых действий пришелся там на завершающий этап афганской войны. Ситуация в провинции резко обострилась

буквально перед самым выводом наших войск. Практически ежедневно в этот период наши солдаты подвергались интенсивным обстрелам артиллерией, реактивными снарядами и минометами. Сделать то, что выполняли спецназовцы в Афганистане, под силу только беспредельно мужественным и решительным солдатам и офицерам. Люди, служившие в батальонах специального назначения, были профессионалами самой высокой пробы. Они блестяще знали военное ремесло и великолепно справлялись со своим делом. Всякое бывало у спецназовцев за время войны в Афганистане. Были успехи, были и поражения. Помимо захватов и ликвидации караванов с оружием и боеприпасами, что резко уменьшало количество пролитой крови как с нашей, так и с афганской стороны, были и неудачи.

Неумелая постановка задачи, неправильная подготовка, особенно неудачный выход в район боевых действий приносили нам большое горе. На моей памяти произошло три случая, когда группы специального назначения были полностью уничтожены моджахедами. Почему же это произошло?

Душманы, как я уже говорил, вели прекрасно организованную разведку. Группе, о которой им становилось заранее известно, они давали возможность высадиться в районе, где их ожидала засада. В течение примерно получаса, в то время когда вертолеты уже ушли, а бронетехника еще находилась за несколько километров, спецназовцы оказывались практически беззащитными. При них было лишь стрелковое оружие. Душманы же, кроме автоматов, были вооружены еще и минометами. Да и внезапность, с которой моджахеды нападали на наших солдат, приносила им колоссальный успех — удавалось уничтожить почти весь состав небольшой группы спецназа.

Во время проведения операций мы поддерживали с подразделениями специального назначения непрерывную связь. В небе над основными районами действия батальонов спецназа круглосуточно висели самолеты-ретрансляторы. Как только на командный пункт поступало сообщение о том, что группа вступила в бой, в воздух немедленно поднимались находившиеся в готовности вертолеты огневой поддержки. Для уничтожения группы душманам требовалось тридцать-тридцать пять минут. Вертолетчикам же этого времени хватало только для того, чтобы лишь подлететь к месту ведения боя.

В целом совместные действия подразделений специального назначения, авиации и мотострелковых частей сыграли большую роль в том, чтобы не допустить неконтролируемого и беспрепятственного наплыва оружия в бандформирования, действовавшие на территории Афганистана. Были у нас и просто

удачные недели и месяцы, когда подразделениям 40-й армии удавалось, как говорится, наглухо закрыть тот или иной участок границы.

Активные меры по прикрытию афгано-пакистанской границы и проведенные в сочетании с ними успешные боевые действия против мятежников в ущелье Панджшер, в провинциях Кандагар, Пактика, Кунар, Герат, Балх, Бадахшан, а также повышение эффективности авиационных ударов по базовым районам душманов заставили лидеров оппозиции внести коррективы в замысел своих дальнейших действий.

Находившиеся в Пакистане «духовные отцы» моджахедов пытались сделать невозможное — не допуская резкого снижения антиправительственной деятельности, они стремились вывести из-под удара главные силы, восполнить понесенный урон и создать новые опорные базы на территории Афганистана.

В связи с возросшими потерями караванов, доставлявших бандформированиям оружие, руководство оппозиции приняло решение о создании специальных отрядов обеспечения переброски грузов через границу. Основная их задача заключалась в борьбе с засадами, организуемыми советскими подразделениями.

Спецназовцы очень многое сделали для обеспечения безопасности основных гарнизонов наших войск. Они отвели угрозу методичного разрушения от многих крупных городов Афганистана, в том числе и столицы страны — Кабула. Огромная роль, которую сыграли отдельные батальоны специального назначения, отчетливо видна особенно сейчас. После вывода советских войск государственная граница Афганистана осталась без сколько-нибудь надежного прикрытия. Лишенные защиты, многие населенные пункты страны подвергаются мощнейшим обстрелам воюющих между собой формирований, которые неизбежно влекут за собой гибель сотен и тысяч мирных жителей.

Саид Ахмад Гилани

В приграничных с Пакистаном районах страны активно действовали вооруженные формирования «Национального исламского фронта Афганистана», лидером которого являлся Гилани.

Его отец — Хазрат Сахеб, известный также под именами Пир Багдад и Нагиб Сахеб, в пятнадцатилетнем возрасте был вывезен в Англию, где обучался в специальной школе. После этого он несколько лет провел в высших учебных заведениях Великобритании и Германии. Позднее с помощью сторонников-англичан приобрел известность религиозного деятеля среди афганских пуштунских племен в тогдашних северо-западных районах Индии (сегодня они являются северо-западными районами Пакистана). Сумел установить тесные отношения с семейством Надир-шаха, отцом короля Захир Шаха. Пользуясь благоприятным моментом, приобрел обширные земельные владения недалеко от Джелалабада. При активном содействии англичан был избран верховным представителем суннитского ордена «Кадирия» в Афганистане. Постоянно и активно сотрудничал с английской разведкой. Мать Гилани, Марта Рихтер, была дочерью крупного немецкого полицейского чиновника и стала первой женой Хазрата Сахеба во время его учебы в Германии.

Саид Гилани появился на свет в 1931 году. Он унаследовал от отца духовный титул «Пир» (вождь). Светское образование получил на Западе, духовное — в Ираке, с этой же целью посещал также Египет и Саудовскую Аравию. Свободно владеет английским, немецким, арабским, пушту и дари языками. Вторично женат на одной из родственниц Надир-шаха. До падения монархии в 1973 году Гилани являлся неофициальным советником короля Захир Шаха. Сохраняет тесные отношения с бывшим королевским семейством и по сей день.

До Апрельской революции в Афганистане Гилани не слишком активно занимался духовной деятельностью. Но благодаря широким и прочным связям с королевским семейством и духовенством пуштунских племен, а также личному состоянию пользовался большим авторитетом среди пуштунского населения приграничных с Пакистаном провинций.

От отца он унаследовал большие земельные наделы в окрестностях Джелалабада. Приличный доход, кроме этого, приносили торговля каракулем, столичный магазин по продаже автомобилей «Пежо» и недвижимость в Кабуле, Кундузе и других

городах страны. Перед революцией личное состояние Гилани оценивалось в семь миллионов американских долларов.

Сам Гилани и члены его семьи вели образ жизни богатой столичной аристократии. Его дочери пользовались скандальной славой женщин легкого поведения: одна — за связь с сыном Захир Шаха, другая — с сыном бывшего командующего ВВС и ПВО Эхсана. Старший брат Гилани был алкоголиком и погиб во время пьяной оргии.

В декабре 1978 года, после национализации его земель в провинции Нангархар, Гилани бежал в Пакистан.

Лидера «Национального исламского фронта Афганистана» можно охарактеризовать как религиозно-политического деятеля умеренных взглядов. Несмотря на откровенные симпатии монархии, он поддерживал идею установления «мусульманской демократии» нового типа, создание правительства и республиканского строя на принципах ислама. Резко отрицательно Гилани относился к экстремистским замашкам лидера Исламской партии Афганистана Г. Хекматияра, которого считает «выскочкой» и неучем.

В 1979 году Гилани резко осудил ввод советских войск в Афганистан и призвал всех мусульман к непримиримой борьбе с нами.

Окружение Гилани состоит из лиц, получивших образование на Западе, а также из бывших афганских офицеров и государственных служащих, которые бежали из Афганистана в период революции и долгие годы вели вооруженную борьбу против кабульского режима.

Непримиримая оппозиция

За девять лет пребывания в Афганистане советское военное командование постоянно проводило эффективную работу по привлечению на свою сторону крупных и не очень крупных формирований моджахедов. Однако значительная часть оппозиции наотрез отказывалась от подобных контактов, Со временем она получила определение «непримиримая».

Направленность деятельности непримиримой оппозиции можно определить двумя основными задачами, стоявшими перед моджахедами. Первая из них заключалась в создании обстановки политической нестабильности в Афганистане. Вторая — в уничтожении революционного режима. Для этого непримиримая оппозиция прилагала колоссальные усилия, направленные на сохранение и увеличение сил для ведения затяжной партизанской войны. Значительные поражения, которые душманы постоянно несли в борьбе с советскими и правительственными войсками, они старались компенсировать усилением идеологического воздействия на местное население и военнослужащих афганских вооруженных сил.

В противовес органам правительственной власти мятежникам удавалось более эффективно решать некоторые социальные вопросы. Например, на территории, где действовали моджахеды, открывались новые школы. В Панджшере Масуд выделил даже мечеть для организации в ней учебного процесса.

Для создания видимости законности своей власти душманы в некоторых провинциях широко объявляли о том, что ими накладываются значительные штрафы на родственников государственных служащих, офицеров армии и Царандоя. Размер таких штрафов колебался от двух до трех тысяч афгани.

Непримиримой оппозицией активно применялись диверсионно-террористические акты. Они были направлены прежде всего на запугивание местного населения и расширение таким образом социальной базы контрреволюции.

Весьма показательно, что с середины восьмидесятых годов моджахеды стали активно привлекать к осуществлению террористических актов детей и юношей в возрасте 10–16 лет. Например, в провинции Баглан, как нам удалось установить, была создана террористическая группа из двадцати подростков. Они не только постоянно следили за руководством провинции и советскими офицерами, но и привлекались для осуществления весьма рискованных диверсий.

Со временем для проведения диверсионно-террористических

акций моджахеды использовали военную форму афганской армии, Царандоя и даже советских военнослужащих. Для дискредитации 40-й армии душманы нередко переодевались в нашу военную форму и, выйдя на дорогу, имитировали несение службы сторожевой заставы или поста. В эти дни грабежу подвергалось каждое транспортное средство, которое им встречалось.

Душманы делали все возможное для того, чтобы в максимальной степени усилить трудности в снабжении жителей городов продовольствием и товарами первой необходимости. Для разжигания недовольства населения экономической политикой правительства мятежники постоянно блокировали дороги к крупным административным центрам, запрещая перевозку зерна, дров и т. д. Например, стремясь прекратить снабжение округа Хост, моджахеды блокировали дороги, ведущие не только из внутренних районов страны, но и из Пакистана.

Особое место в экономических диверсиях непримиримой оппозиции занимала деятельность, направленная на срыв нормальной работы промышленных предприятий. В провинции Парван, например, переодеваясь в форму сотрудников Царандоя, мятежники выкрадывали и запугивали рабочих. Колоссальному давлению подвергался в первую очередь инженерно-технический состав авиаремонтного завода в Баграме. В результате многочисленных акций моджахедов и несмотря на усиленную охрану советскими войсками, нам не удалось добиться того, чтобы завод работал на полную мощность. Уровень производства предприятия был снижен по сравнению с довоенными годами на 80 %. Такое же положение сохранялось на Наглунской ГЭС, Гульбахарской ткацкой фабрике и некоторых других промышленных объектах Афганистана.

Значительное место в деятельности непримиримой оппозиции занимало внедрение и расширение своей агентуры в государственных учреждениях и в вооруженных силах страны. Душманы внедрялись в основном под видом добровольцев. Пройдя полный курс военного обучения, часть из них переходила с оружием на сторону оппозиции, а некоторые оставались для ведения подрывной и диверсионной работы в армии и Царандое.

Получив определенный опыт боевых действий против частей 40-й армии, моджахеды постоянно совершенствовали способы ведения партизанской войны. В середине восьмидесятых годов они, в частности, встали перед необходимостью роспуска крупных группировок и рассредоточения основных сил по населенным пунктам. Мы отметили, что вслед за бандформированиями в кишлаки сразу же перемещаются исламские комитеты —

властные органы непримиримой оппозиции. В своих зонах влияния руководители этих комитетов устраивали показательные открытые исламские суды над соотечественниками, которые сотрудничали с правительством и уклонялись от активной помощи душманам.

Вместе с тем из года в год увеличивался поток групп и отрядов оппозиции, которые отправлялись в Пакистан и Иран для обучения, а также для получения оружия, боеприпасов и снаряжения. Обучение резерва длилось, как правило, всю зиму. В апреле и мае душманы возвращались обратно в Афганистан. Длительные боевые действия показали, что именно эта категория бандформирований проявляла наибольшую активность в борьбе с советскими и правительственными войсками.

В связи с предпринятыми мерами по перекрытию основных маршрутов доставки оружия через афгано-пакистанскую границу мятежники стремились выбрать кратчайшие из них. Кроме того, для обеспечения большей безопасности душманы начали создавать смешанные караваны. В таких случаях грузы и охранники принадлежали различным оппозиционным партиям. Это была лишь незначительная часть работы по организации взаимодействия между отрядами различной партийной принадлежности. Она включала в себя налаживание единой системы оповещения и связи, а также намерение ввести обязательный обмен информацией между главарями банд.

Существенными источниками поступления оружия и боеприпасов для мятежников являлись его сдача военнослужащими правительственных войск Афганистана, дезертирство и переход на сторону оппозиции. В результате предательства моджахеды получали не только стрелковое оружие, но и минометы, гаубичную артиллерию, а также тяжелую бронированную технику.

Сибхатулла Моджаддеди

18 июля 1986 года специальный революционный суд ДРА заочно приговорил к смертной казни нескольких видных лидеров оппозиции. Среди тех, кого по непонятной причине приговор не касался, был лидер «Национального фронта спасения Афганистана» (НФСА) Сибхатулла Моджаддеди. Любопытное совпадение — через неделю после завершения работы специального революционного суда в Кабуле обреченный на жизнь Моджаддеди решением высшего совета «альянса семи» был избран его председателем на очередной трехмесячный срок.

Моджаддеди родился в 1921 году. Он принадлежит к одному из самых влиятельных семейно-родовых кланов Афганистана — потомственных хазратов, которые считаются наследниками пророка. Клан Моджаддеди обладает прочными и разветвленными связями, в том числе и родственными, с богатейшими семействами арабского Востока, прежде всего в Саудовской Аравии, а также имеет обширные и тесные личные знакомства в политических и деловых кругах стран Западной Европы и США. За пределами Афганистана проживает более 800 членов клана, значительная часть которых принимает активное участие в политической деятельности исламских фундаменталистов.

Известными религиозными и политическими деятелями Афганистана были Мухаммед Масуд Моджаддеди — отец Сибхатуллы Моджаддеди, и его дед, Фазль Мухаммед Моджаддеди. Эти ортодоксальные исламисты проявляли жесткую непримиримость к любым попыткам приспособления своей религии к современным условиям. По традиции участвуя в политической деятельности, они опирались прежде всего на реакционное исламское духовенство и состоятельную интеллигенцию.

Трудно переоценить влияние членов этого клана на течение общественной жизни страны. Например, Мухаммед Садек Моджаддеди — еще один дед Сибхатуллы — с 1929 по 1953 год был послом Афганистана в Египте, где установил и передал своим родственникам прочные и широкие связи с рядом семей арабских шейхов, которые сегодня входят в правящую верхушку Саудовской Аравии.

После того, как Сибхатулла Моджаддеди с отличием окончил медресе в Кабуле, в 1947 году он выехал в Египет, где шесть лет обучался на факультете мусульманского права каирского университета Аль-Азхар и получил диплом с отличием магистра

теологии.

После возвращения на родину Моджаддеди занялся преподавательской деятельностью в нескольких кабульских лицеях и в столичном университете. В своих регулярных выступлениях перед верующими в мечетях и во время лекций студенчеству он то и дело призывал к изменению существовавшего в Афганистане строя, к созданию «истинно исламского государства». В это время Моджаддеди написал несколько работ, а также обращений, воззваний к мусульманам.

За антиправительственную деятельность и попытку организовать покушение на советскую делегацию, находившуюся в то время в Кабуле, в 1960 году Моджаддеди был осужден на четыре года. Однако в тюрьме он просидел лишь несколько недель и вскоре был освобожден из-под стражи. Некоторое время числился переводчиком в посольстве Саудовской Аравии в Кабуле и в этом качестве совершил шестимесячную поездку в США.

В 1964 году Моджаддеди на два года эмигрирует за границу и целиком переключается на общественно-политическую деятельность. В это же время он становится широко известен в Афганистане как ученый-теолог и великолепный оратор, владеющий к тому же пятью иностранными языками. В эмиграции Моджаддеди подготовил к публикации несколько своих трудов — «Политика в исламе», «Логика и философия», «Единство и основа веры», — в которых доказывал необходимость «возрождения ислама в истинном виде и придания ему наступательного (другим словом, воинствующего. — Б. Г.) характера».

После возвращения через два года в страну при его непосредственном участии и руководстве в Афганистане была создана реакционная исламская организация «Братья-мусульмане», а чуть позже и ее филиал — «Мусульманская молодежь», в руководство которой по рекомендации С. Моджаддеди был введен Г. Хекматияр.

Являясь ярым противником проводимых королевским правительством реформ, С. Моджаддеди резко выступал и против самого короля. В 1971 году, после убийства сотрудниками королевской службы безопасности одного из его сподвижников, Моджаддеди бежал в Пакистан, затем в США, где некоторое время преподавал исламоведение. Во время свержения королевской династии находился в Лондоне, где и начал резкую критику только что установленного режима Дауда за его «неисламский характер».

Через три года после падения королевской династии, уже находясь в Пакистане, из членов умеренного крыла «Братьев-мусульман» Моджаддеди создал «Общество мусульманских

богословов».

До Апрельской революции в Кабуле Моджаддеди проживал в Нидерландах. Нередко выезжал в Данию для решения проблем, возникавших при создании «Скандинавского мусульманского центра». Лично содействовал созданию филиалов центра и строительству мусульманских мечетей во многих Скандинавских странах. Читал лекции по истории ислама в ряде высших учебных заведений Дании и Нидерландов.

Находясь за пределами Афганистана, Моджаддеди не прекращал и политическую деятельность. В декабре 1978 года он публично призвал оппозиционные государственной власти в ДРА силы к объединению для борьбы против НДПА.

В начале 1979 года по распоряжению Х. Амина в Кабуле был расстрелян двадцать один родственник Моджаддеди. Это послужило причиной возвращения Сибхатуллы в Пакистан, где он сначала вошел в состав руководства, а потом и возглавил контрреволюционную организацию «Национальный фронт спасения Афганистана» (НФСА).

В марте 1979 года Моджаддеди опубликовал воззвание к мусульманам Афганистана, призывая их к «джихаду» — «священной войне с безбожным коммунистическим режимом». Весной того же года в качестве одного из представителей афганской контрреволюции посетил Соединенные Штаты, где был принят высокопоставленными сотрудниками американской администрации.

В кругах афганской контрреволюции Моджаддеди завоевал репутацию сторонника «западного варианта» решения афганской проблемы. В подготовленной им программе своей организации указывалось, что целью Фронта является объединение всех контрреволюционных сил для свержения режима НДПА и создание государства, основанного на учении ислама и собственных демократических принципах.

В ноябре 1981 года из-за разногласий с Хекматияром, который к этому времени уже набрал немалый политический вес, и его сторонниками во взглядах на формы, методы и конечные цели ведения борьбы с правительством Афганистана Моджаддеди создал группировку «Исламское единство моджахеддинов Афганистана» (ИЕМА), в которую вошли Гилани, Наби, Дост Мухаммед и другие. В мае 1985 года под давлением США, Пакистана и некоторых мусульманских режимов Моджаддеди распустил ИЕМА и вошел со своей организацией в «альянс семи».

С. Моджаддеди неоднократно публично отвергал возможность своего участия в коалиционном правительстве совместно с НДПА, подчеркивая, что членом нового афганского

правительства может быть только «мусульманин — спаситель своей родины и ислама».

Весьма показательным является высокое социальное положение, которое занимают члены клана Моджаддеди. Сибхатулла имеет тринадцать братьев. Причем только шесть из них являются сыновьями его матери, остальные были рождены двумя другими женами отца.

Изатулла Моджаддеди, получив образование в США, стал правительственным чиновником американской администрации и долгое время являлся посредником Сибхатуллы в его связях между США и Саудовской Аравией.

Кондратулла и Асадулла Моджаддеди получили степень доктора медицины, постоянно проживают в США и особой активности в деятельности афганской контрреволюции не проявляли.

Халильулла Моджаддеди получил техническое образование и долгое время проживал в Австралии. Затем он переехал в Саудовскую Аравию и не без помощи со стороны был назначен главой фонда помощи организации «Исламский конгресс», которая активно участвовала в антиправительственной деятельности на территории Афганистана.

Хашматулла Моджаддеди стал весьма состоятельным торговым и финансовым дельцом и установил прочные связи с банками и фирмами в Гонконге. Долгое время находился в Пакистане, где был заместителем Моджаддеди по партийной линии и вторым после своего брата человеком в НФСА. Сторонник борьбы с правительством Афганистана до полной победы, он обеспечивал связи НФСА с зарубежными исламскими кругами и другими центрами афганской контрреволюции.

Согласно старой русской поговорке, Рахматулла Моджаддеди оказался тем самым уродом, без которого не обходится ни одна семья. В 1960 году он передал в королевские органы безопасности сообщение о том, что Сибхатулла готовит покушение на советскую делегацию. За это предательство Рахматулла был проклят своим кланом. По его просьбе он позднее был вывезен в Советский Союз, где трагически погиб во время купания в реке.

Нигматулла и Забитулла Моджаддеди входили в состав руководства НФСА и отвечали, соответственно, за приобретение и распределение вооружения для Фронта, а также за деятельность партии в кабульской зоне.

Кроме того, в Саудовской Аравии проживают двоюродный брат Сибхатуллы и сестра, которая вышла замуж за одного из принцев правящей династии.

По-разному сложились отношения между Сибхатуллой

Моджаддеди и его сыновьями. С Наджибуллой, который получил степень доктора медицины и постоянно проживает в США, отец практически не поддерживает никаких связей из-за фактического отхода сына от мусульманской религии. Исматулла находится при отце на правах его личного порученца, а Азизулла был убит террористами ИПА, что явилось одной из главных причин личной неприязни и крайней враждебности Моджаддеди к лидеру ИПА Хекматияру.

Любопытно, что и Сулейман Лаек, министр по делам народностей и племен в революционном правительстве Афганистана, фактически тоже являлся членом клана Моджаддеди, поскольку Сибхатулла был женат на его старшей сестре, Мерхнегор. Таким образом, некоторые сыновья Сибхатуллы являются племянниками Сулеймана Лаека. О его родственных отношениях с Моджаддеди нам было известно, впрочем, как и то, что за неоднократные разоблачительные выступления против Сибхатуллы Лаек был объявлен врагом клана. Такова логика всякой революции, тем более если она происходит где-нибудь на Востоке — брат вынужден воевать против брата, отец — против сына.

Во время одной из бесед со мной Сулейман Лаек проговорился о том, что в национальном архиве Индии хранятся материалы английской «Интеллидженс сервис» на лиц из клана Моджаддеди, которые в разной степени привлекались к сотрудничеству с британскими спецслужбами. Лаек пожаловался, что его попыткам получить эти материалы упорно противился Бабрак Кармаль, который опасался, что при этом станут известны прежние связи с английской разведкой некоторых лиц из революционного правительства Афганистана, а также их окружения.

В целом же благодаря имеющимся политическим, деловым, финансовым связям своего клана, а также религиозному авторитету — в различные годы представители клана, в том числе и Сибхатулла, являлись учителями и духовными наставниками практически всех других лидеров моджахедов — Сибхатулла был одной из самых влиятельных фигур непримиримой оппозиции. Наиболее прочные позиции Моджаддеди смог завоевать в зоне расселения пуштунских племен на востоке и юго-востоке страны, а также в провинциях Саманган и Баглан. Вооруженная группировка НФСА насчитывала в среднем более десяти тысяч человек, которые были сведены в полсотни отрядов.

Нужно ставить точку

В 1985 году советское руководство вплотную столкнулось с необходимостью приступить к рассмотрению вопроса о возможном выводе 40-й армии из Афганистана. Этот год стал временем наибольшей интенсивности боевых действий. Противостояние советских войск и частей правительственной армии, с одной стороны, и оппозиции — с другой, достигло своего пика. Практически каждый день приносил нам новые жертвы. Однако, несмотря на постоянно увеличивавшуюся советскую помощь, сколько-нибудь заметного движения вперед не происходило.

Политическое и военное руководство Демократической Республики Афганистан не могло справиться с ситуацией в стране и выполнить поставленную перед собой задачу. Вместо конкретных решительных действий слышны были лишь красивые речи и разговоры о вере в интернационализм и светлое будущее афганской родины.

Но счастье простыми афганцами понималось вполне конкретно — им нужен был мир. Испокон веков в той или иной части Афганистана возникали локальные конфликты и даже небольшие войны между племенами. Все это было в порядке вещей и считалось чем-то неизбежным. Однако ситуация приобрела совершенно иную окраску, когда на территорию страны вступили иноземцы.

На содержание нашей армии и поддержку афганского режима тратились громадные средства. Огромная помощь предоставлялась безвозмездно, в то время когда Советский Союз испытывал колоссальную нехватку и острейший дефицит самых обычных продуктов питания.

В Афганистан мы везли практически все. Дело дошло до того, что многие области Советского Союза взяли «шефство» над афганскими провинциями. Например, Волгоградская область, опекая провинцию Газни, регулярно должна была поставлять туда сахар, хлеб, жиры, технику и оборудование. Интернациональное воспитание не позволяло игнорировать все более настойчивые просьбы афганцев помочь им в строительстве трех или пяти школ, нескольких километров дороги между кишлаками. Фактически речь шла о том, чтобы шефствующая область взяла на себя решение почти всех бытовых проблем той или иной провинции Афганистана. Насколько мне известно, подобная практика была настоящим мучением для руководства республиканского и областного уровней. Делая в Кабуле небольшие остановки перед

тем, как отправиться в свои подшефные провинции, они говорили об этом открыто.

Невозможно было закрывать глаза и на то, что многие внешнеполитические проблемы не могли быть решены в пользу СССР только из-за присутствия в Афганистане советских войск.

Командование 40-й армии и Оперативная группа Министерства обороны СССР, которая тоже находилась в Кабуле, регулярно выдвигали предложения и напоминали о том, что принимать решение о выводе войск необходимо. Другого выхода из сложнейшей афганской ситуации для нас не существовало. Силой оружия в Афганистане ничего добиться было нельзя. Главное же заключалось в том, что там гибли наши люди. Многим было непонятно — за что, во имя чего?

По всей видимости, люди, находившиеся у власти в нашей стране до прихода М. С. Горбачева, все-таки задумывались о том, что в деле предоставления «интернациональной помощи» Афганистану нужно ставить точку. Наверное, никто из советских руководителей, причастных к принятию решения о направлении войск в Афганистан, не мог себе представить, что мы увязнем в этой стране почти на десять лет. По крайней мере в конце 1979 года, как нам удавалось узнать из различных источников, считали, что максимальный срок пребывания наших войск в Афганистане ограничен двумя-тремя годами. А в 1985 году 40-я армия имела уже пятилетний боевой опыт.

Разумеется, наше руководство отдавало себе отчет в том, что в Афганистане возникла тупиковая ситуация, которую невозможно было решить только военным присутствием. Однако принять решение о выводе войск старое руководство вряд ли смогло бы. Многие члены правительства и руководители центрального аппарата партии в Москве были связаны не только идеологическими соображениями и нередко устаревшими представлениями о необходимых мерах для обеспечения безопасности государства, но и узами личной дружбы с афганскими лидерами. Практически ни одна просьба афганского революционного правительства не оставалась неудовлетворенной. Невольно складывалось впечатление, что для советского руководства высшей ценностью являлась интернациональная помощь как таковая. На второй план отходили и гибель сотен наших солдат, и колоссальный ущерб, наносимый и без того слабой экономике бесконечными поставками огромного количества материальных ценностей.

Нам, профессиональным военным, особенно отчетливо это становилось видно при планировании некоторых боевых действий.

Например, командование армии получало приказ подготовить и провести операцию по уничтожению бандформирования в определенном районе. Причем приказ этот мы получали из Москвы, хотя здравый смысл подсказывал, что нам, воевавшим в Афганистане, лучше было видно — в какой провинции и каким образом проводить боевые действия.

Мы прекрасно знали, где берут начало все эти московские распоряжения. Нередко нам приходилось идти даже на обман, но это был святой обман, для того чтобы исключить гибель наших военнослужащих. Когда руководство Афганистана настаивало на проведении боевых действий в том или ином районе страны, мы в первую очередь анализировали ситуацию — для чего нужна операция? Нужна ли она вообще? Очень часто после этого мы давали отказ. Но афганцы проявляли завидную настойчивость. Через советское посольство или представительство КГБ в Кабуле их просьбы направлялись Москву и бумерангом, но уже в виде приказа возвращались снова к нам. Под всевозможными предлогам, идя на различные ухищрения, мы делали все, что был в наших силах, только для того, чтобы лишь обозначит боевые действия и отчитаться перед Москвой: мы провели в таком-то районе то, что нам было приказано.

Я с уверенностью могу утверждать, что в первую очередь предложения командования 40-й армии, которые мы неоднократно формулировали и систематически направляли в Москву, заставили все-таки руководство страны повернуться лицом к Ограниченному контингент ту советских войск в Афганистане, для того чтобы окончательно определиться: что же делать дальше?

Принятое в итоге решение, на мой взгляд, был единственно возможным и правильным — советское военное присутствие в Афганистане должно быть завершено. В противном случае нам пришлось бы увеличить численность 40-й армии почти в два раза. Только для того, чтобы полностью перекрыть афгано-пакистанскую границу, по нашим подсчетам, требовалось около восьмидесяти тысяч человек. По сути, нам предстояло создать свои собственные пограничные войск в Афганистане. Вторая часть армии должна была бы действовать исключительно на территории страны уничтожая оставшиеся в Афганистане вооруженных формирования оппозиции.

В 1985 году началось конкретное обсуждение проблемы вывода войск. Позже этот процесс стал развиваться на более высоком уровне и приобрел международный характер. Солдаты и офицеры 40-й армии очень внимательно следили за ходом переговоров в Женеве, поскольку их результаты касались в

первую очередь нас. Никто не знал, чем закончатся женевские встречи, но важно было то, что они все-таки начались.

В штабе 40-й армии

Своевременные и четкие действия подразделений невозможны без правильной организации работы штаба. Свои особенности работы имело и командование 40-й армии в Кабуле.

С самого начала присутствия советских войск в Афганистане еще первым командующим 40-й армией, генералом Тухариновым, было заведено проведение утренних совещаний, во время которых анализировалась обстановка и уточнялись задачи частям армии на предстоящие сутки. Точнее — на предстоящий день и предстоящую ночь, поскольку с наступлением темноты начиналось самое опасное время. Руководил этой работой обычно начальник штаба армии. Впоследствии, после моего назначения на должность командарма, задачи ставились лично мной.

Если возникали чрезвычайные ситуации, то право на принятие решения, помимо командующего, имел начальник штаба армии, каждый командир дивизии в своей зоне ответственности и их начальники штабов. В случае отсутствия и этих командиров соответствующими полномочиями наделялся начальник разведки армии или дивизии.

Совещание начиналось в 7 утра с доклада начальника разведки армии о том, что удалось узнать его офицерам. Исходя из полученной информации, анализировалась обстановка и ставились конкретные задачи начальникам основных отделов и служб.

В первую очередь наши усилия были направлены на борьбу с бандгруппами и караванами, проникавшими с территории Пакистана и Ирана. Затем мы переходили к анализу ситуации в тех районах, где уже находились или только создавались склады с оружием и боеприпасами. Они нам были хорошо известны и рассматривались как зоны повышенной опасности для подразделений 40-й армии.

Непродолжительные утренние совещания требовали очень большого внимания и концентрации сил. Кроме частей 40-й армии, на всей территории Афганистана действовали подразделения правительственных войск, Царандой и служба безопасности. Принимая решения, мы должны были учитывать их местонахождение, чтобы, скажем, не перепутать правительственные войска с бандгруппами и не допустить по ним ударов советских ВВС. Или, наоборот, исключить атаки правительственной авиации на наши подразделения. Различных нюансов ежедневно возникало много, и на них необходимо было обращать внимание. Допустим, если советское командование

начало переговоры с руководителями моджахедов на севере провинции Газни, в этом районе сразу же прекращались боевые действия.

После утренних совещаний штаб 40-й армии согласовывал в определенной мере свои действия с министерством обороны Афганистана. Мы рекомендовали им либо воздержаться от нанесения ударов по некоторым районам, либо, наоборот, указывали места, по которым можно и нужно бить. В некоторых случаях мы просили нанести удары только силами афганской авиации или артиллерии. Короче говоря, задачи распределялись с таким расчетом, чтобы не пострадали ни наши войска, ни мирные жители.

Я часто возвращаюсь мысленно в Афганистан, и мне кажется, что такой принцип работы в тяжелое время очень эффективен. Это касается не только армии, он применим и к гражданским условиям. Концентрация власти, возможностей в одних руках позволяет своевременно перебрасывать силы на нужное направление и положительно решать некоторые проблемы.

Охрана Кабула и аэродромов

Одна из серьезных проблем, с которыми приходилось сталкиваться командованию 40-й армии, была связана с укреплением обороны столицы Афганистана. Кабул оказался центром устремлений бандгрупп различной партийной ориентации. Столица государства имеет особое положение, тем более если это государство восточное. Обстрелять Кабул из любого вида оружия — будь то реактивный снаряд или миномет, гаубица или просто автомат — считалось среди моджахедов делом чести и престижа, Командование 40-й армии в этой ситуации должно было свести к минимуму возможную угрозу со стороны противника. Сделать это можно было только путем расширения вокруг города зоны нашего влияния и создания нескольких оградительных колец обороны. Причем внешнее кольцо должно было находиться на таком удалении от города, чтобы в случае обстрела на любом из направлений снаряды не достигали даже окраин.

Не сразу, но надежная оборонительная система вокруг Кабула была создана. Первое, ближайшее к городу, кольцо появилось в начале 1980 года. Мы выставили несколько десятков неподвижных постов. Однако первый же обстрел Кабула во время массовых беспорядков в феврале 1980 года, то есть уже через два месяца после ввода советских войск в Афганистан, заставил нас действовать более основательно. Система охраны и обороны столицы ежегодно совершенствовалась, и в 1985 году ее создание было полностью завершено. Она состояла из двух поясов и была достаточно надежной, для того чтобы правительство Афганистана, советские представительства и командование 40-й армии могли работать в условиях относительной безопасности.

Первый пояс охраны включал в себя мощные заставы, расположенные по периметру Кабула. Они были выставлены на таком удалении одна от другой, что находившиеся на них взводы могли перекрывать все подходы к городу сплошной линией огня.

Заставы дальнего кольца обороны размещались на вершинах гор и, кроме непосредственного прикрытия Кабула, постоянно вели разведку, для того чтобы исключить незаметный подход к городу крупных банд, подвоза реактивных снарядов и установок для их запуска.

Помимо этого нами постоянно велась воздушная разведка в интересах обороны Кабула. Вылеты авиации производились регулярно, в том числе и ночью, поскольку моджахеды постоянно меняли тактику своих действий. Оппозиция тоже

приспосабливалась — если в середине восьмидесятых обстрелы и нападения на наши гарнизоны и объекты производились в любое время суток, то ближе к выводу, например, наши войска все чаще стали подвергаться только дневным обстрелам. Душманы поняли, что осуществлять обстрелы ночью им значительно сложнее: по следу работающего двигателя можно было установить место пуска ракеты.

Не менее сложной задачей оказалась и охрана аэродромов. Для обеспечения безопасности ВВС 40-й армии мы постоянно были вынуждены привлекать очень большие силы. Имевшиеся по штату в армии специальные батальоны для охраны аэродромов состояли из трех рот, в каждой из которых было лишь по восемь боевых машин. Конечно, они были не в состоянии контролировать такой большой периметр, исключить обстрелы самого аэродрома и создать зону безопасности для заходивших на посадку или взлетавших самолетов и вертолетов.

Взлет и посадка имели свою, характерную только для Афганистана, особенность. Самолет на очень большой высоте — семь с половиной или восемь тысяч метров — подходил к аэродрому и после этого начинал резкое снижение по спирали. Впечатление после такого пилотажа не из приятных: того и гляди самолет «свалится» в пике. Если в мирных условиях экипаж заблаговременно, километров за пятнадцать, выходит на посадочный курс, то в Афганистане это было исключено. Летчикам требовалось высочайшее мастерство для того, чтобы буквально на последнем витке стремительного пикирования — почти падения в охраняемом коридоре — после завершающего разворота выйти на посадочную полосу всего лишь за двести-триста метров.

Наиболее трудное положение, на мой взгляд, сложилось на Баграмской авиабазе. Особенность заключалась в том, что к аэродрому в Баграме со всех сторон почти вплотную примыкали кишлаки. Душманы, скрывавшиеся под видом мирных жителей, не упускали случая для нанесения ударов как по технике ВВС, так и по взлетно-посадочной полосе.

В Баграме мы сконцентрировали значительные силы — там в общей сложности находилось четыре батальона. Примерно столько же солдат и офицеров охраняли аэродромы в Кабуле, Кандагаре и Шинданде.

В Афганистане всякое случалось. Иногда обстрелы аэродромов, на которых базировались наши ВВС, для душманов проходили удачно. Порой в результате этих нападений мы несли потери. Последний на моей памяти такой обстрел произошел в декабре 1988 года. За несколько недель до окончательного

вывода 40-й армии из Афганистана подвергся нападению Кабульский аэродром. Сам аэродром как бы разделен на две части. С одной стороны взлетной полосы находятся все основные постройки, в том числе и здание международного аэропорта. С другой располагался наш авиационный полк, где дислоцировались транспортная авиация и вертолеты.

Я не думаю, что огонь во время того злополучного обстрела велся прицельно. Тем не менее реактивный снаряд попал в казарму одной из эскадрилий, где жили офицеры и прапорщики. Обстрел начался как раз во время обеденного перерыва. Летчики и штурманы находились в комнате отдыха и смотрели хоккей — транслировали матч с участием «Динамо». Снаряд угодил в крышу как раз над комнатой отдыха, пробил ее и разорвался. Погибло одиннадцать военных летчиков. Для нас это были черные дни. Любя и в высшей степени уважая своих дорогих летчиков, с великой скорбью в душе за то, что не смогли уберечь, мы прощались с ними.

Гульбеддин Хекматияр

На положение в центральной части Афганистана, в том числе и вокруг столицы страны, активно пытались влиять вооруженные формирования Гульбеддина Хекматияра. В общей сложности они насчитывали более тридцати с половиной тысяч человек и организационно были сведены в 855 отрядов и групп. Основной зоной их действий являлись провинции Баглан, Парван, Каписа, Кабул, Вардак, Логар, Кунар, Нангархар, Пактия, Заболь, Кандагар и Гильменд. Отряды Хекматияра воевали и в других районах Афганистана, но из-за своей малочисленности они там не оказывали определяющего влияния на обстановку.

Лидер Исламской партии Афганистана (ИПА) Гульбеддин Хекматияр родился в 1944 году. Он вырос в семье крупного кундузского землевладельца. Предки Хекматияра в свою очередь были выходцами из пуштунского племени харути, что, по всей видимости, сыграло определенную роль в становлении этого полевого командира — Хекматияр являлся одним из самых непримиримых лидеров оппозиции.

После окончания в 1971 году аристократического лицея в Кундузе Гульбеддин Хекматияр поступил на инженерный факультет Кабульского университета. Однако учился он там не очень долго.

Оказавшись в студенческой среде, Хекматияр активно включился в деятельность организации «Мусульманская молодежь». Хорошие организаторские способности, упорство в достижении цели и тесные контакты с одним из лидеров экстремистской организации «Братья-мусульмане», Сибхатуллой Моджаддеди, вскоре позволили ему войти в руководящий комитет «Мусульманской молодежи». Больше того, Хекматияр стал представителем этой организации в студенческом совете университета.

В начале семидесятых годов Кабульский университет являлся мощным центром движения за революционные преобразования в Афганистане. Здесь действовали и НДПА, и маоисты, и экстремистские мусульманские организации. Под влиянием последних и возникла «Мусульманская молодежь», которая активно выступала против королевского режима в стране и за создание в Афганистане исламской республики.

Репрессивный аппарат в это время тоже не дремал. За крайне резкие высказывания о королевской семье и афганской аристократии в 1972 году Г. Хекматияр был посажен в тюрьму. Конец его арестантским мытарствам был положен свержением

монархии в 1973 году. Он оказался на свободе.

Выдвижение Г. Хекматияра в ряды лидеров оппозиционного исламского движения произошло именно в то время, когда в Афганистане усилились репрессии против организаций, выступавших за преобразования в стране. Возглавляемые им группы соблюдали более тщательную конспирацию, что позволило им не только выжить в смутные времена, но и приобрести определенный политический вес.

С началом репрессий против целого ряда представителей духовенства, которые проводились по прямому указанию М. Дауда, Г. Хекматияр в 1976 году бежал в Пакистан. Спустя некоторое время на базе экстремистских фракций «Братьев-мусульман» и «Мусульманской молодежи» Хекматияр создает новую, Исламскую партию Афганистана и становится ее лидером.

В период образования ИПА Хекматияр установил тесные контакты с авторитетными общественными и религиозными деятелями Пакистана, которые в свою очередь оказали ему колоссальную финансовую помощь. Такое доброжелательное участие в судьбе Хекматияра в начале политической карьеры и реальная поддержка в значительной степени определили его последующую ориентацию на представителей военных кругов и специальных служб Пакистана. Одновременно с этим Хекматияр очень внимательно следил за развитием исламской революции в Иране. Пытаясь более четко определить направленность своей политической платформы, в 1979 году он посетил Тегеран и неоднократно встречался с Хомейни.

После Апрельской революции многие активисты организаций и групп исламского направления оказались в Пакистане. Не стал исключением и Хекматияр. Самостоятельность мышления, четко выраженная контрреволюционная направленность политических взглядов, смелость и жесткость в руководстве партией притягивали к нему эмиграцию. Вместе с тем такие личные качества Хекматияра, как экстремизм в отношениях с людьми, высокая амбициозность, определенная эксцентричность и властность, поставили его в изолированное положение среди других крупных лидеров афганской контрреволюции. Исламский реформатор и решительный молодой политик, Хекматияр не нашел в новых условиях контакта с Моджаддеди, что еще больше усилило его изоляцию в среде руководи гелей контрреволюции и стало значительным препятствием дальнейшему усилению его авторитета и влияния.

В начале восьмидесятых годов Хекматияр являлся относительно новой фигурой в афганской политике. Он не всегда подчинялся коллективным решениям лидеров контрреволюции и

плохо поддавался управлению со стороны. Это послужило причиной того, что соратники по движению предпочитали влиять на Хекматияра в основном через пакистанскую администрацию. Таким же образом осуществлялась финансовая и военная помощь ИПА.

Острые разногласия с руководителями почти всех контрреволюционных партий, постоянный контроль и давление со стороны пакистанских властей, вплоть до личных претензий со стороны президента страны Зия-уль-Хака, привели к тому, что Хекматияр несколько раз публично объявлял о желании переместить свою штаб-квартиру в Иран.

В начале своей политической карьеры, еще во время учебы в университете, Г. Хекматияра вряд ли можно было отнести к разряду экстремистов. В период формирования политических убеждений он не придерживался крайне правых взглядов. Его последующую позицию во многом определила полная зависимость от финансирования со стороны Запада. Тем не менее в начале восьмидесятых годов Г. Хекматияр не исключал возможности контактов с правительством Афганистана в поисках каких-либо компромиссных решений. Например, в 1983 году он пытался вступить в переписку с А. Кадыром, который занимал в то время пост министра национальной обороны Афганистана. По некоторым данным, до этого Хекматкяр неоднократно встречался и с Х. Амином. Незадолго до своей смерти последний предлагал Хекматияру войти в состав правительства страны. Однако по неизвестным причинам это предложение было отвергнуто.

По своим религиозным убеждениям Г. Хекматияр не является ортодоксальным мусульманином и глубокими знаниями в области теологии не обладает. Его популярность на протяжении долгого времени была наиболее высокой прежде всего среди экстремистской прослойки борцов за ислам. Такие черты характера Хекматияра, как честолюбие, самонадеянность и неуживчивость, явились фактически основной причиной раскола ИПА на две части — партию Юнуса Халеса и «Организацию освобождения мусульман Афганистана».

В целом же Хекматияр зарекомендовал себя самым ярым противником кабульского режима. Отряды ИПА, которые получали основную часть финансовой и военной помощи Запада, проявляли наибольшую жестокость по отношению к активистам народной власти и поддерживавшему их населению.

«Кармаль выделывает кренделя…»

Начиная с 1985 года Оперативную группу Министерства обороны СССР в Афганистане бессменно возглавлял генерал армии Валентин Иванович Варенников. Об этом человеке нужно рассказать особо, поскольку он заметно выделялся из когорты военачальников, находившихся в составе Ограниченного контингента.

Генерал Варенников достаточно жесткий человек. Вместе с тем он ясно понимал, что забота о войсках 40-й армии заключается не только, скажем, в улучшении питания и бытовых условий для солдат, а прежде всего в том, чтобы сохранить жизнь подчиненных. На это были направлены все усилия Варенникова.

Помимо военного таланта, Валентин Иванович обладал завидными способностями политика и дипломата. Поддерживая контакты с представителями практически всех слоев афганского общества, в том числе с полевыми командирами оппозиции и некоторыми руководителями «альянса семи», Варенников уверенно владел обстановкой в стране, знал истинное положение дел в 40-й армии и в правительственных вооруженных силах. Начальник Оперативной группы МО СССР постоянно вылетал в районы боевых действий, побывал практически во всех провинциях Афганистана. Наверное, никто не сделал больше, чем Варенников, для восстановления дорог в Афганистане, систем орошения, линий электропередач, жилых домов и т. д. Практически ежедневно он встречался с губернаторами, представителями духовенства, с командирами частей, с простыми афганцами.

В силу служебного положения Варенников долгое время вплотную работал с руководителями Афганистана и, насколько мне известно, не питал относительно них иллюзий. Генерал Варенников не скрывал своих оценок, некоторые из них даже опубликованы. Вот что, например, Валентин Иванович вспоминает о Бабраке Кармале.

«Он всегда внимательно выслушивал предложения, которые ему высказывались. Много записывал и часто в конце бесед говорил: «Вот вы смотрите и, должно быть, думаете: пишет, пишет этот Кармаль, а ведь все равно ничего делать не будет…» На самом деле именно так и было. Кармаль не заслуживал доверия ни со стороны своих соратников, ни со стороны народа, ни со стороны наших советников. Был он демагогом высшего класса и искуснейшим фракционером. Мастерски умел прикрываться революционной фразой. Этот «талант» помог ему

создать вокруг себя ореол лидера. Каждый раз после очередного просчета он всех убеждал: «Товарищи, вот теперь мне все ясно! Ошибок больше не будет!»

Ему всякий раз верили и ждали. А он тем временем расшатывал партию, с народом не работал, да и не умел работать или не считал нужным этого делать. Фактически он не боролся за народ — это однозначно. В государственном и партийном аппаратах создал колоссальную бюрократическую систему. Именно в ней и вязли многие хорошие решения партии и правительства. К сожалению, многие излишне надеялись на Кармаля, шли у него на поводу».

Очевидно, что Комитет госбезопасности СССР совершил ошибку, определив в конце 1979 года в качестве лидера нового правительства Афганистана Бабрака Кармаля. Не желая признавать этого, руководители КГБ надеялись, что низкий интеллектуальный уровень и отсутствие организаторских способностей Кармаля удастся компенсировать деятельностью наших партийных и военных советников. Однако со временем контролировать Кармаля становилось все труднее. Он открыто игнорировал то, что ему рекомендовали. Разложение личности Кармаля усугублялось его неприкрытым пристрастием к спиртному.

Одновременно с этим колоссального размаха достигла фракционная борьба в НДПА. Интересы фракций ставились выше государственной необходимости. Практически на всех ключевых постах в партии и в государственном аппарате со временем оказались парчамисты.

Кармаль резко отвергал идею демонополизации политической власти в стране, в необходимости которой его постоянно убеждали наши советники. Глубокую изоляцию революционного режима в середине восьмидесятых годов могло разрушить только создание коалиционного правительства. Видимо, Бабрак Кармаль понимал, что в условиях компромисса с оппозицией он неизбежно лишится многих преимуществ.

Весной 1986 года стало ясно, что Кармаль в большей степени тормозит развитие революционных процессов, нежели способствует им. В Кабуле пришли к мнению, а в Москве согласились с тем, что Кармаль должен уступить свое место более энергичному политику. Им оказался руководитель службы безопасности Афганистана Наджибулла, который в мае 1986 года был избран Генеральным секретарем НДПА.

«Следует вступить в переговоры…»

Больше полугода Наджиб находился в несколько неопределенном положении. С одной стороны, как только что избранный Генеральный секретарь ЦК НДПА, он понимал необходимость проведения коренных изменений во внутренней политике, которые были бы направлены на установление прямого диалога с оппозицией. Советское руководство против этого не возражало. Иного выбора уже не было, С другой стороны, в Кабуле по-прежнему находился Бабрак Кармаль, который к этому времени «ушел» только наполовину: за ним по-прежнему сохранялась должность Председателя Ревсовета ДРА и члена политбюро ЦК НДПА. Таким образом, Наджиб был вынужден вести государственные дела, образно говоря, лишь одной рукой. Другой рукой ему приходилось нейтрализовывать происки своего предшественника, направленные на дискредитацию нового Генсека.

Секретно
ЦК КПСС

Некоторые позитивные сдвиги в деятельности афганского руководства и НДПА, наметившиеся после избрания Наджиба Генеральным секретарем ЦК НДПА, продолжают развиваться. Стали более активно работать партийные органы, пересматриваются формы и методы пропаганды, интенсивнее ведутся поиски других путей воздействия на широкие слои населения. Есть определенные положительные изменения в состоянии афганских вооруженных сил, в уровне их боеспособности.

Тем не менее заметного улучшения военно-политической обстановки в стране не достигнуто. Тов. Наджиб объективно оценивает ситуацию, понимает сложность стоящих перед ним проблем.

Свою оценку положения в стране т. Наджиб изложил в состоявшихся в Кабуле 18–22 октября 1986 года беседах с т. Воронцовым Ю. М. (телеграммы из Кабула № 1179, 1182, 1188, 1190).

В частности, Наджибом было отмечено, что из 31–35 тысяч кишлаков в Афганистане формально под контролем правительства находится лишь 8 тысяч, а выборы в местные органы власти удалось провести в еще меньшем количестве кишлаков — только в 2700, вблизи

городов. По словам т. Наджиба, городское население активно поддерживает революцию, а в том, что такой поддержки нет в деревнях, виновата сама НДПА, которая не сумела пока разъяснить крестьянам сущность и цели революции. Тов. Наджиб считает, что в настоящее время главная задача партии состоит в том, чтобы идти из города в деревню.

Тов. Наджиб отметил, что военная активность контрреволюции не снижается. В настоящее время, говорил он, на территории ДРА действуют 5016 бандгрупп, в которые входят 183 тысячи человек, причем 80 тысяч из них составляют активную боевую силу контрреволюции. Изменяется и совершенствуется тактика контрреволюционных сил. Часть караванных путей, по которым идет снабжение бандформирований, вообще никак не прикрыта. Это требует дальнейшей активизации усилий по закрытию границы.

Тов. Наджиб подчеркнул, что если исходить из решения всех задач военным путем, то при нынешних темпах укрепления и расширения государственной власти потребуется еще 20–30 лет для нормализации обстановки. В этой связи он считает неотложной задачей активизацию действий, направленных на достижение в стране национального примирения.

По мнению т. Наджиба, следует вступить в переговоры с теми исламскими партиями и организациями внутри Афганистана и за его пределами, которые готовы к компромиссу и не в столь большой степени несут ответственность за кровопролитие. Диалог также можно было бы вести с монархистами. Тов. Наджиб полагает, что никогда не пойдуг на компромисс аристократия, феодальные крути, крупные земельные собственники, реакционные муллы-«фундаменталисты». Тем не менее с отдельными их представителями устанавливать контакты можно.

При достижении национального примирения за НДПА он считает необходимым оставить посты Председателя Госсовета, Председателя Совета министров, министров обороны, госбезопасности, внутренних дел, связи, финансов, руководство банками, верховным судом, прокуратурой, военно-правовыми органами. Представители другой стороны могли бы получить посты заместителей Председателя Госсовета и Председателя Совета министров, а также посты

министров сельского хозяйства, здравоохранения, ирригации, заместителей министров в различных министерствах, губернаторов. Бывшему королю Захир Шаху можно было бы предоставить пост председателя Национального отечественного фронта или председателя парламента. Политические организации исламских группировок могли бы стать коллективными членами Национального отечественного фронта и легализовать свою деятельность на этой основе. Тов. Наджиб высказал вполне резонное мнение о том, что не следует спешить с принятием конституции ДРА, имея в виду, что многое в ее содержании будет зависеть от того, как пойдет процесс национального примирения.

Тов. Наджиб обдумывает возможность публичного заявления по вопросам национального примирения с одновременным предложением к контрреволюции о перемирии, скажем, на шесть месяцев.

Вопросы политического урегулирования и вывода советских войск т. Наджиб рассматривает в увязке с национальным примирением. Он сказал, что считает возможным сокращение сроков вывода советских войск из ДРА до двух лет после достижения урегулирования, высказал некоторые соображения относительно количества выводимых войск в течение первого и второго годов. В связи с другими аспектами урегулирования он выразил мнение о целесообразности международного контроля в рамках урегулирования без прямого привлечения к нему ООН; предложил несколько вариантов подключения к урегулированию Ирана; положительно отнесся к возможности активизации наших прямых контактов с пакистанцами по вопросам положения вокруг Афганистана.

Тов. Наджиб понимает, что до настоящего времени практически мало что было сделано в интересах национального примирения. Видно, что он настроен на то, чтобы искать реальные подходы к этой проблеме. В этом ему потребуется наша поддержка, тем более, что далеко не все в НДПА, даже в ее руководстве, на деле принимают идею примирения. Важное значение в этой связи имела бы организация до конца текущего года официального визита т. Наджиба в СССР, в ходе которого можно было бы обсудить вопросы национального примирения и политического урегулирования вокруг Афганистана. Визит способствовал бы дальнейшему

укреплению позиций этого энергичного и деятельного афганского лидера.

Тов. Наджиб считает, что для повышения эффективности деятельности афганского руководства необходимо решить некоторые кадровые вопросы.

В беседах с т. Воронцовым Ю. М., а также в других беседах в Кабуле в самые последние дни он особо подчеркивал, что следует как можно скорее вывести Б. Кармаля из состава Политбюро ЦК НДПА и освободить от должности Председателя Ревсовета ДРА. Тов. Наджиб говорил, что Б. Кармаль самоустранился от партийной и государственной работы, занимается критиканством, выступает прочив линии на национальное примирение. Тов. Наджиб опасается, что амбициозность Б. Кармаля, усугубляющаяся болезнью и злоупотреблением спиртным, может привести его к непредсказуемым действиям. Освободить его с нынешних постов можно было бы спокойными акциями, постаравшись сперва его уговорить пойти на это.

Со стороны т. Наджиба ставились также вопросы о замене министра обороны Н. Мухаммеда на члена Политбюро М. Рафи и министра иностранных дел Ш. М. Доста на А. Вакиля (при этом Дост продолжал бы заниматься вопросами политического урегулирования, но уже в качестве министра по особым поручениям и одновременно постпреда ДРА при ООН).

Соображения т. Наджиба по кадровым вопросам представляются обоснованными. Наблюдения советских представителей в Кабуле, в частности, подтверждают, что должных выводов для себя Б. Кармаль не сделал, а его фрондерство и невыдержанность, проявляющиеся во все более резких формах, сковывают активность т. Наджиба, серьезно мешают его работе в Политбюро ЦК НДПА и в партии в целом.

13 ноября 1986 года.

«Военные методы успеха не принесли»

Совершенно секретно
Экземпляр единственный
(Рабочая запись)

Заседание Политбюро ЦК КПСС 13 ноября 1986 года

1.1. О Захир Шахе.

ГОРБАЧЕВ. Все товарищи ознакомились с запиской т.т. Чебрикова В. М., Шеварднадзе Э. А., Соколова С. Л. и Добрынина А. Ф.?

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО. Да, ознакомились.

ГОРБАЧЕВ. Тогда давайте обменяемся мнениями. У меня такая интуиция, что мы не должны терять времени. Наджиб нуждается в нашей поддержке. Он объективно оценивает ситуацию, понимает сложность стоящих проблем. Он считает неотложной задачей активизацию действий, направленных на национальное примирение, укрепление союза с крестьянством и консолидацию политического руководства партии и страны…

Кармаль выделывает кренделя.

В Афганистане мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать еще 20–30 лет. Это бросало бы тень на наши способности воздействовать на развитие событий. Надо сказать и нашим военным, что они плохо учатся на этой войне. Что, может, нет простора для того, чтобы развернуться нашему Генштабу? В общем, мы не подобрали ключей к решению этой проблемы. Мы что, будем бесконечно воевать, расписываясь в том, что наши войска не смогут справиться с ситуацией? Нам нужно завершение этого процесса в ближайшее время.

ГРОМЫКО. Надо поставить стратегическую цель. Не так давно мы говорили о том, что надо перекрыть границу Афганистана с Пакистаном и Ираном. Опыт показал, что это нам не удалось сделать в полном объеме ввиду сложного рельефа местности, существования сотен проходов в горах. Сегодня надо четко сказать, что стратегическая задача заключается в том, чтобы вести

дело к окончанию войны.

ГОРБАЧЕВ. Нужно в постановлении сказать о необходимости ее завершения в течение одного года — максимум двух лет.

ГРОМЫКО. Завершить так, чтобы Афганистан был нейтральным государством. Видимо, с нашей стороны был недоучет трудностей, когда мы дали афганскому руководству согласие на нашу военную поддержку. Социальные условия в Афганистане сделали невозможным решение проблемы в короткое время. Мы не получили там внутренней поддержки. В афганскую армию сколько набирается призывников, столько их и дезертирует.

С точки зрения оценки внутренней обстановки в Афганистане можно подписаться почти подо всем, что предлагает Наджиб. Но Кармаля не следует отрубать резко, поскольку он служит своего рода символом. Требуется разговор наших представителей с ним. Необходимо добиваться того, чтобы он был в общей колее; отсечь его — это не лучший вариант. Целесообразнее сохранить его с нами.

Наджиб предлагает довольно широкий спектр шагов. Они заслуживают внимания. Одна линия — это вовлечение крестьянских масс на путь поддержки государственной власти; другая — переговоры с исламскими партиями и организациями внутри Афганистана и за его пределами, которые готовы к компромиссу; третья линия — отношения с бывшим королем. Думаю, что их отвергать не надо. Это следует осуществить, может быть, в иной, нежели предлагает Наджиб, комбинации. Сейчас нужна более конкретная ступень обсуждения с ним этих вопросов. Необходим определенный план действий. Здесь, видимо, требуется и участие наше, в частности путем контактов с Пакистаном.

Что касается американцев, то они не заинтересованы в урегулировании обстановки в Афганистане. Наоборот, им выгодно, чтобы война затянулась.

ГОРБАЧЕВ. Правильно.

ГРОМЫКО. Следует подумать о том, как к делу урегулирования подключить Индию. Затяжка решения этих вопросов не увеличивает наших возможностей по урегулированию. Сейчас ситуация хуже, чем полгода тому назад. Одним словом, за политическое

урегулирование нужно взяться активнее. Наш народ вздохнет, если мы воспримем шаги в этом направлении…

СОЛОМЕНЦЕВ. Хорошо бы закончить политическое урегулирование к 70-летию Октября.

ГРОМЫКО. О таком сроке говорить трудно.

ЧЕБРИКОВ. По этому вопросу принято много решений. Вложено много сил. Но, к сожалению, обстановка и внутри Афганистана и вокруг него продолжает оставаться сложной. Поддерживаю предложения Михаила Сергеевича о том, что надо активизироваться и доводить дело до логического конца. Действительно, мы ставили вопрос о перекрытии границы. Андрей Андреевич отчасти прав, говоря о трудностях такого перекрытия, связанных с географическими и иными условиями. Но отчасти неудача в перекрытии границы также связана и с тем, что не было сделано все, что можно сделать. Сейчас противник меняет тактику. Он уходит в подполье. Нужно искать средства политического решения проблемы. Военный путь за истекшие шесть лет решения не дал.

Что нужно было бы сделать? Во-первых, нужно было бы принять Наджиба в Москве. Он у нас ни разу не был. Возможно, и поведение Кармаля в какой-то мере объясняется тем, что мы до сих пор не приглашали Наджиба к себе. С ним были разговоры по телефону через посредников, но это не то. Нужен прямой разговор. Он может многое прояснить. Важно такой разговор не откладывать; следует найти для этого один-два дня.

Другой важный вопрос — кадровый.

ГОРБАЧЕВ. А кто ему мешает решать кадровые вопросы?

ЧЕБРИКОВ. Да все мы понемножку. Это было по Досту, по министру обороны, по пополнению состава — Политбюро ЦК НДПА.

ГОРБАЧЕВ. Я считал, что мы дали Досту согласие на решение этих вопросов.

ЧЕБРИКОВ. Но почему тогда ничего не решается? Мы больше говорим не об Афганистане, а о том, где будет работать Дост, куда будет направлен министр обороны. Тогда нужно дать указание т. Крючкову, который сейчас находится в Кабуле, о том, чтобы он в беседе с Наджибом не уходил от этих вопросов, а прямо сказал ему о том, что он должен их решать так, как

находит нужным…

ДОБРЫНИН. Надо дать свободу Наджибу. Здесь возникают два вопроса. Первый — концепция национального примирения и второй — политическое урегулирование положения вокруг Афганистана.

Кармаля надо убирать. Но надо помнить, что по национальному примирению Наджиба не поддерживает ни один член Политбюро ЦК НДПА. Нет концепции такого примирения.

ГОРБАЧЕВ. Концепция урегулирования есть, мы ее утвердили, но на практике дело не решается. Сергей Федорович, может быть, ты решишь?

АХРОМЕЕВ (заместитель министра обороны СССР). Нет, не удастся это решить.

ДОБРЫНИН. Вопрос о концепции не стал главным для афганского руководства. Я выступаю за прием Наджиба в Москве. Сейчас можно было бы дать поручение т. Крючкову о беседе с Наджибом. Пусть он скажет Наджибу, чтобы он сам решал вопрос о Досте, о Кармале, но важно это сделать без разжигания фракционности.

АХРОМЕЕВ. Военным действиям в Афганистане скоро семь лет. В этой стране нет ни одного кусочка земли, который бы не занимал советский солдат. Тем не менее большая часть территории находится в руках у мятежников. Правительство Афганистана располагает значительной военной силой: 160 тысяч человек в армии, 115 тысяч — в Царандое и 20 тысяч — в органах госбезопасности. Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась, а результата нет. Все дело в том, что военные результаты не закрепляются политическими. В центре власть есть, а в провинциях ее нет. Мы контролируем Кабул и провинциальные центры, но на захваченной территории не можем установить власть. Мы проиграли борьбу за афганский народ. Правительство поддерживает меньшинство народа. Наша армия воевала пять лет. Она и сейчас в состоянии удерживать обстановку на том уровне, который существует. Но в этих условиях война будет продолжаться долго.

50 тысяч советских солдат стоят на перекрытии границы, но они не в состоянии перекрыть все каналы, по которым перебрасываются грузы через границу. Повторяю, что на нынешнем уровне обстановку мы

можем поддерживать, но нужно искать выход и решать вопрос так, как об этом сказал Андрей Андреевич. Надо выходить на Пакистан…

ВОРОНЦОВ (первый зам. министра иностранных дел СССР). Несколько слов в продолжение мысли, только что высказанной т. Ахромеевым С. Ф. Афганистан — страна крестьянская (80 процентов населения составляют крестьяне). Но именно им революция дала меньше всего. За восемь лет революции производство сельхозпродуктов возросло лишь на 7 процентов, жизненный уровень крестьян остается на дореволюционном уровне.

По признанию и т. Наджиба, и члена Политбюро т. Зерая в беседе со мной, партия «еще не дошла до крестьянства», земельно-водная реформа оказалась неудачной и не воплощена в жизнь (сейчас т. Наджиб уже взялся за пересмотр и в более «жизнестойкую» сторону), крестьянин не получил существенной материальной выгоды от революции. Да и в настоящее время, когда под контролем государства, по словам т. Зерая, находится из 18 млн. населения лишь 5 млн. человек (причем 3 млн. из них живут в городах и только 2 млн. — в деревне — это не более 300–400 тысяч семей), партия и государство не получили в наследство от прежнего руководства четких планов, как существенным образом и быстро поднять материальное положение этих 600–400 тысяч крестьянских дворов, находящихся в сфере действий правительства.

По заявлению члена Политбюро, отвечающего за экономику и сельское хозяйство, т. Зерая, «по разным причинам положение крестьян в правительственной зоне в некоторых отношениях хуже, чем в районах, в которых действует контрреволюция». На вопрос, как это объяснить, т. Зерай сказал мне, что «районы под контролем контрреволюции лучше снабжаются товарами первой необходимости (туда эти товары поступают контрабандным путем из Пакистана). Подобным образом дело обстоит в Хосте, Урузгане и других приграничных районах. Создается иногда и парадоксальная ситуация, когда крестьяне в контролируемых нами районах, сказал т. Зерай, получают товары не от нас, а из зоны бандформирований». Необходимы срочные меры в этом важнейшем вопросе — по улучшению положения крестьян в правительственной зоне.

Многие члены руководства НДПА безынициативны,

привыкли ждать рекомендаций от наших советников и стали какими-то безрукими. Видимо, наши советники вначале часто «ударяли им по рукам».

Не таков т. Наджиб. Он производит впечатление талантливого и решительного человека. Ему надо дать возможность решать самому, только следя за тем, чтобы он по молодости лет не увлекался крайностями. И он должен иметь возможность сам создать свою «команду».

ГОРБАЧЕВ. В октябре прошлого года мы на заседании Политбюро определили линию по урегулированию афганского вопроса. Цель, которую мы поставили, заключалась в том, чтобы ускорить вывод наших войск из Афганистана и в то же время обеспечить дружественный нам Афганистан. Осуществить это намечалось путем сочетания военных и политических мер. Но ни на одном из этих направлений продвижения нет. Усиления военных позиций афганского правительства не произошло.

Не обеспечена национальная консолидация главным образом потому, что т. Кармаль и в дальнейшем надеялся сидеть в Кабуле при нашей помощи.

Сказалось и то, что мы сковывали действия афганского руководства.

В целом пока намеченная концепция реализовалась плохо. Но дело не в самой концепции, а в ее реализации. Надо действовать активнее, при этом четко определиться по двум вопросам. Во-первых, в течение двух лет осуществить вывод наших войск из Афганистана. В 1987 году вывести 50 процентов войск, а в следующем — еще 50 процентов. Во-вторых, надо пойти на расширение социальной базы режима с учетом реальной расстановки политических сил. В связи с этим нужно встретиться с т. Наджибом, а возможно, и с другими членами Политбюро ЦК НДПЛ.

Надо начать переговоры с Пакистаном. Главное, чтобы в Афганистан не влезли американцы. Но я думаю, что в военном плане США в Афганистан не пойдут.

АХРОМЕЕВ. Вооруженными силами они не будут влезать в Афганистан.

ДОБРЫНИН. Об этом с США можно договориться».

13 ноября 1986 года.

Наджиб

Начиная с 1985 года мне пришлось напрямую встречаться и непосредственно работать с высшими руководителями правительства, армии, Царандоя и службы безопасности Афганистана. В том числе появилась возможность узнать лично и только что избранного Генерального секретаря ЦК НДПА Наджибуллу. До этого избрания он возглавлял службу безопасности (Службу государственной информации).

Первые же рабочие встречи с Наджибом укрепили мое мнение о том, что этот человек обладает живым умом. Он хорошо ориентировался в ситуации как в Афганистане, так и в соседних странах — Пакистане, Иране и Китае.

Властолюбивый и не терпящий каких-либо возражений принципиального характера от своих подчиненных, он знал, на что идет.

Наджиб имел достаточно ясное представление об афганской армии. Думаю, он не обманывался относительно потенциальных возможностей своих военных. Сочетание авторитета среди афганцев, эрудиции, силы воли, настойчивости и хитрости выгодно отличало его от предшественников. Последний президент ДРА не терял присутствия духа и оптимизма даже в самых критических ситуациях.

Вместе с тем нужно сказать и о том, что как глава государства Наджиб постоянно имел мощную поддержку советских специалистов. В его окружении работали настоящие профессионалы.

Вопросы военной политики с Наджибом решал в основном главный военный советник. Периодически с ним встречались представители Оперативной группы Министерства обороны СССР и командования 40-й армии.

С партийными советниками я практически не встречался, за исключением последнего — Виктора Петровича Поляничко. Но и по тому объему вопросов, в решении которых Поляничко принимал непосредственное участие, можно сделать вывод, что на плечах командированных в Афганистан партийных работников лежал немалый груз. Разработка основных направлений государственной политики, отношения с пуштунскими племенами, прикрытие афгано-пакистанской границы, бесперебойное снабжение провинций продовольствием и товарами первой необходимости, призыв на службу и комплектование вооруженных сил Афганистана, политика национального примирения — ни один вопрос не решался и не

мог быть решен без участия советских.

Координировал деятельность всех ведомств, которые имели своих представителей в Афганистане, советский посол. Как руководитель дипломатического представительства он был главным проводником политики СССР в Афганистане. Остальные ведомства выполняли свои частные задачи.

Я встречался с Наджибом только для решения конкретных военных проблем. Поскольку его настойчивые просьбы о проведении боевых действий, как правило, находили отклик и в МИДе, и в КГБ, и на Старой площади, то мне приходилось согласовывать лишь техническую сторону предстоящих операций. В частности, мы определяли количество афганских войск, которые будут принимать участие в боевых действиях, их задачи и уточняли район проведения той или иной операции.

Встречи проходили в здании ЦК НДПА, расположенном в самом центре Кабула. Резиденцию постоянно охранял батальон советских десантников. Достаточно жесткий режим обеспечения безопасности был установлен офицерами КГБ и в самом здании. Прибывавшие к Наджибу люди предварительно тщательно проверялись, у них изымалось оружие. Несмотря на обаяние Наджиба, разговаривать с ним было непросто. Он немного косил. Это создавало определенный дискомфорт. Я никогда не был уверен в том, что Наджиб вникает в предмет разговора, а не смотрит в сторону и не думает о чем-то другом. Однако как только он улавливал это напряжение, то очень умело снимал его двумя-тремя фразами.

Любопытная деталь. Наджиб всегда начинал беседу с того, на чем она завершилась в прошлый раз. Может быть, у него была специальная картотека или ему об этом напоминали помощники. Так или иначе, но разговор получал свое логическое продолжение.

Встречаясь с руководителями Афганистана и наблюдая за их работой со стороны, меня не покидало чувство, что это все люди временные. Сегодня один, завтра — другой. По всему было видно, что ненадолго это все. Мы хотели навязать Афганистану свой образ мыслей, свой образ действий, свой образ жизни. По горизонтали и по вертикали. Начиная с главы государства и заканчивая последним дехканином в самой дальней провинции страны. У меня и моих помощников то и дело возникали мысли — зачем вообще мы поставляем в Афганистан такое огромное количество техники, вооружений, материальных средств? Зачем это все, для чего? Ведь отчетливо было видно, что афганский народ не воспринимает это все, «новая жизнь» простым афганцам была не нужна. Руководство Афганистана было нам, конечно,

благодарно за интернациональную помощь. Но у этой благодарности была своя подоплека: они прекрасно понимали, что находятся у власти только благодаря нам, благодаря нашей помощи. Поэтому они буквально смотрели нам в рот, четко выполняя то, что мы им советовали и предлагали.

Руководство Афганистана отдавало себе отчет в том, что главные лица в стране те, кто имеет силу. Они четко проводили границу между огромным количеством наших представителей в Кабуле по очень простому принципу: у кого сила, тот и важнее. На первом месте, безусловно, находился командующий 40-й армией, хотя по рангу он не был самым старшим среди наших военных в Афганистане. Однако командующий обладал огромной реальной военной силой. На второй ступеньке находились представители КГБ, потому что у них также были свои возможности повлиять на обстановку.

В тупике

Находясь в Кабуле в качестве представителя начальника Генерального штаба и подключившись к решению вопросов на самом высоком уровне, я окончательно убедился, что все решения относительно Афганистана принимались в Москве. И не в стенах Министерства обороны СССР или Генерального штаба, а на высшем государственном и партийном уровне. Прежде всего — в Комиссии Политбюро по Афганистану. В ее основной состав входили председатель КГБ, министры обороны и иностранных дел, а также заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. Все просьбы руководства Афганистана, в том числе и личные, отправлялись в Москву. Нередко этим очень ловко пользовались и некоторые советники, пытаясь решить ту или иную возникшую у них проблему.

Прежде всего это касалось поставок вооружений, техники, грузов гражданского назначения. Сотни тысяч тонн сахара, муки, зерна… Все это, образно говоря, в Афганистан шло валом. Естественно, афганские лидеры жили тогда как у Христа за пазухой. Имея поддержку такого мощного соседа, выполнявшего все их прихоти, они в полном смысле этого слова упивались властью. Афганцы отлично понимали, что могут высказать любое желание и не услышат отказа. Не проходило и месяца, чтобы от них не поступала просьба, скажем спланировать и провести боевые действия против какого-нибудь очередного выдуманного ими врага. Командование Ограниченного контингента советских войск в Афганистане этому сопротивлялось. Я не могу сказать что-то конкретное о специалистах по экономике и дипломатии, но мы, военные, сопротивлялись решительно. Уже тогда, имея пятилетний опыт ведения боевых действий в Афганистане, командование 40-й армии четко представляло себе, что все касающееся подготовки и проведения войсковой операции ляжет на плечи советских солдат и офицеров. Никакие самостоятельные боевые действия афганская армия не вела. А если и вела, то можно было не сомневаться, что толку от них будет мало и в конечном итоге все равно придется бросать на помощь силы 40-й армии. Командование 40-й армии делало все возможное для того, чтобы не идти на поводу у афганского правительства и не ввязываться в те операции, которые нами запланированы не были.

Боевые действия в 1985 году, и это окончательно закрепилось до самого вывода войск из Афганистана, планировались, как правило, на месяц. План операций согласовывался со всеми нашими основными представительствами. Планирование

исходило от штаба 40-й армии и аппарата главного военного советника. Именно здесь решалось: где, кому и как проводить боевые действия. За подписью командующего войсками ТуркВО этот план отправляли в Москву для утверждения. Там он рассматривался на Политбюро, прежде всего в Комиссии по Афганистану. Через неделю-полторы мы в Кабуле получали шифротелеграмму за подписью начальника Генерального штаба или министра обороны СССР, в которой говорилось, что наш план боевых действий на такой-то месяц утверждается в полном объеме, и указывалось, на что следует обратить внимание.

Я отдавал себе отчет в том, что на мне как на представителе начальника Генштаба лежит большая ответственность. Никому не подчиняясь, я мог сделать некоторые ошибки, например анализируя деятельность командования и штаба 40-й армии, некоторых командиров дивизий. Начальник Генштаба, принимая мои устные и письменные доклады, мог влиять на развитие ситуации.

Надеюсь, что мои знания Афганистана, специфики правительственных войск, а также моя оценка тех или иных событий помогали начальнику Генерального штаба маршалу С. Ф. Ахромееву владеть достаточно объективной информацией о том, что происходило в стране. Думаю, что я оказал определенную помощь и командованию 40-й армии. Командующий не всегда имел возможность выйти на высшее военное руководство СССР с просьбой так или иначе решить возникающие вопросы. В крайнем случае это мог сделать генерал для особых поручений. Сейчас я с чистой совестью могу сказать: для 40-й армии делал все, что от меня зависело.

Месяцы второй афганской командировки в 1985–1986 годах остались в моей памяти сложным и тяжелым периодом. Я по-новому сумел посмотреть на события, происходившие в Афганистане, и начал понимать, что присутствие наших войск, равно как и других представительств СССР, не нужно этой стране. Невозможно такую страну, как Афганистан, с совершенно другим укладом жизни, с другой религией, низким уровнем развития, страну, которая живет в XIV веке по своему календарю, сделать похожей на Советский Союз. Это настоящий абсурд.

Несмотря на то, что в середине восьмидесятых годов боевые действия в Афганистане достигли наибольшего размаха и велись чрезвычайно интенсивно, ситуация по-прежнему оставалась тупиковой. Налицо был углублявшийся с каждым днем кризис власти. Правительство Афганистана не только не закрепляло результаты деятельности 40-й армии, но и не стремилось этого сделать. Одновременно мы все чаще сталкивались с просьбами о

проведении все новых и новых боевых действий.

Именно в это время многие стали задумываться о том, что мы напрасно таскаем раскаленные каштаны из огня. Вытащенные с огромным трудом, они никому по большому счету не были нужны.

Ограниченный контингент советских войск блестяще справился с поставленной задачей в течение нескольких месяцев после ввода в Афганистан. Наши солдаты сделали все для того, чтобы Апрельская революция не погибла. Руководство НДПА получило возможность укрепить свои позиции в стране и сделать то, что они считали необходимым. Однако, лидеры кабульского режима достаточно ловко втянули 40-ю армию в широкомасштабную партизанскую войну. Излишне драматизируя события, правительство Афганистана до последнего дня использовало все средства, лишь бы не лишиться той мощнейшей опоры, какой являлась 40-я армия.

Военные первыми поняли, что из создавшегося тупика есть только один правильный и приемлемый для нас выход — советские войска должны покинуть Афганистан. Анализируя сложившуюся ситуацию, руководство Оперативной группы МО СССР в Афганистане, командование 40-й армии и я как представитель начальника Генштаба систематически докладывали об этом. Конечно, если бы в 1979 году к мнению военных, которые до последнего момента возражали против силового решения афганского кризиса, прислушались, в 1985 году нам в Кабуле не пришлось бы ломать над этим голову. Матерям бы не пришлось хоронить своих сыновей. Тысячам молодых парней не пришлось бы возвращаться из Афганистана инвалидами.

Военные осознали необходимость радикального решения афганской проблемы в то время, когда многие из советских лидеров даже не до конца понимали, что опора на военную силу не принесет ожидаемых результатов. Больше того, они просто не хотели отдавать себе отчет в том, что мы все глубже увязаем в Афганистане.

Решение о выводе советских войск из Афганистана принять было тяжело. Любая военная кампания должна положительно закончиться для той страны, которая ее начала. До 1986 года решение о выводе войск не могло быть принято. Люди, находившиеся у власти в Советском Союзе и причастные к вводу войск, объективно не могли изменить свою позицию. Не была достигнута главная цель — Афганистан не стал той страной, которая, в случае вывода наших войск оттуда, пошла бы по стопам своего «старшего северного брата». В конце концов, нужно

было каким-то образом обосновать и огромные материальны затраты, понесенные потери. Однако никто не мог с уверенностью сказать, что Афганистан стал если не социалистическим государством, то, во всяком случае, страной, похожей на наши среднеазиатские республики в то время.

Огромные затраты на афганскую кампанию не принесли ожидаемых результатов. Мы оказались в тупике. Необходимо было передавать инициативу афганскому правительству и принимать решение о выводе советских войск. Это время совпало с приходом к власти М. С. Горбачева. Хотел он того или нет, но другого выхода у него не было. Мы не скрывали и постоянно докладывали в Москву о моральном состоянии войск, о том, что дальше так продолжаться не может. Ради чего и вместо кого гибнут и получают увечья наши солдаты и офицеры?

«Последние» дни

В марте меня пригласил к себе генерал В. И. Варенников, который находился в Афганистане в качестве начальника Оперативной группы Министерства обороны СССР. Он сказал, что мне пора завершать свою вторую и, видимо, последнюю командировку в Афганистан. К тому моменту я пробыл там в общей сложности три с половиной года, а это очень много. Валентин Иванович Варенников сообщил о моем назначении на должность командующего 28-й общевойсковой армией, которая дислоцировалась в белорусском городе Гродно. 4 апреля я улетел в Москву.

Из Афганистана я улетал рано утром, безусловно думая о том, что последний раз находился на этой земле. Я был уверен в этом. С одной стороны, я был рад тому, что улетаю домой. На этот раз я пробыл в Афганистане всего чуть больше года. Решение о преждевременной замене было принято в первую очередь потому, что в Союзе у меня остались два сына. Я мечтал о том, что наконец заберу сыновей к себе и буду нормально жить вместе с ними. С другой стороны, когда я покидал Кабул, на душе было тяжело. Приехал в последний раз на аэродром. Последний раз увидел улицы Кабула. Служить там было неимоверно трудно. Но, видимо, чем труднее приходится, тем сложнее уезжать. Я понимал, что сердцем прикипел к этой земле. Оставил здесь часть своей жизни и здоровья ради того, чтобы хоть в чем-то помочь солдатам и офицерам 40-й армии. Мне было очень приятно, что на аэродром меня приехали проводить не только офицеры группы представителей начальника Генштаба, с которыми мы вместе прослужили весь год, но и офицеры, генералы Оперативной группы Министерства обороны, командования 40-й армии, аппарата главного военного советника.

Я сел в самолет. Он круто, виток за витком, пошел на набор высоты. Через иллюминатор было видно, как провожавшие стояли на площадке и смотрели, чтобы самолет ушел нормально, без происшествий.

Поднимаясь над Кабулом, я, естественно, никак не мог предположить, что через год я снова, уже в третий раз, вернусь в Афганистан. Тогда я еще не знал, что мне выпадет тяжелая, но почетная миссия — вывести наших людей из Афганистана и тем самым завершить девятилетнее пребывание наших войск в этой стране.

Третья командировка

Гродно

Я прилетел в Москву в начале апреля 1986 года и пробыл в столице несколько дней. Доложил свои выводы и предложения начальнику Генерального штаба маршалу С. Ф. Ахромееву. Он поздравил меня с назначением командующим 28-й армией и разрешил убыть в Минск. Там находился штаб Белорусского военного округа. По существующей традиции я представился командующему войсками БВО генерал-полковнику Валерию Михайловичу Шуралеву и его заместителям, в том числе опытному начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Валерию Сергеевичу Соколову.

28-я Гродненская армия считалась одним из лучших соединений в Вооруженных Силах СССР. Она имела богатые боевые традиции. В ее состав входили две танковые и две мотострелковые дивизии, дислоцировавшиеся на границе с Польшей. Поскольку армия находилась на территории Гродненской и Брестской областей, я имел возможность побывать во многих, практически во всех приграничных районах. До сих пор в моей памяти остались самые теплые и хорошие воспоминания о людях Белоруссии.

Перед отъездом в Гродно я, естественно, побывал и в Саратове, где жили мои сыновья. Я очень хотел забрать их с собой, но не представлял, как буду справляться с обязанностями и отца и матери в Белоруссии. Командующий армией, тем более приграничной, должен прежде всего выполнять свои обязанности, а не просто занимать кресло. Работа же предстояла огромная.

Условия для жизни у командующего в Гродно были хорошие. Но о том, чтобы со мной находились Максим и Андрей, не могло быть и речи. Это же мальчишки, они не могли с утра до ночи быть одни. Кто-то должен был о них заботиться — заниматься с ними, учить, кормить, в конце концов. Со службы я приезжал поздно вечером, когда они уже должны спать. Уходил рано утром… Короче, много было всяких сложностей. Летом 1986 года они приезжали ко мне и мы вместе прожили около полутора месяцев. Но оставить сыновей в Гродно я еще не мог.

Время летело быстро. Командовать армией было легко, поскольку это был практически полностью отлаженный механизм. Какие-то проблемы решались быстро, какие-то — с перспективой на будущее. Жизнь шла своим чередом.

Я все чаще замечал, что меня тянет — хочу я того или нет, — опять тянет в Афганистан. Я хотел вернуться туда помимо своей воли. Очень часто я вспоминал 5-ю дивизию, которой

командовал, и всех, кто остался в Кабуле.

В январе 1987 года у меня состоялся разговор с маршалом Ахромеевым. Я сказал ему о том, что не возражал бы против третьей командировки в Афганистан. В любом качестве. Я предполагал, что подобные вопросы быстро не решаются, и как-то за делами стал забывать об этом телефонном разговоре с начальником Генштаба. Но уже в апреле мне неожиданно позвонил из Москвы заместитель начальника Генерального штаба генерал В. И. Варенников и сообщил, что, с учетом высказанного несколько месяцев назад пожелания, моя кандидатура рассматривается. Он добавил, что должность мне подбирается с «большим объемом работы».

Я прекрасно знал, что в Афганистане было много должностей с «большим объемом работы». С конца 1984 года 40-й армией командовал генерал В. П. Дубынин. Поскольку срок его командировки истек, я понял, что командующему подыскивается замена. Варенников не сказал об этом ни слова, лишь добавил, что вопрос о назначении будет решен в ближайшие недели.

Генерал-лейтенант Виктор Петрович Дубынин очень хорошо командовал 40-й армией. Я глубоко уважал этого человека, с которым достаточно близко познакомился еще во время учебы в академии Генерального штаба. Очень хорошо мы с ним сработались и во время моей второй командировки в Афганистан.

Честно говоря, я очень обрадовался этому разговору и воспрял духом. В то же время я начал вспоминать всю свою деятельность там, в Афганистане. И в должности командира дивизии, и по линии Генерального штаба во время второго захода. Я снова ощутил порядком забытое чувство опасности. Может быть, даже страх, поскольку нормальный человек отдает себе отчет, что едет не на прогулку. На войне может произойти всякое, тем более на такой, как афганская.

Может быть, подумал я, отказаться, пока не поздно? И так два сына растут практически без отца. Максиму тогда было четырнадцать лет, Андрею — семь. Вместе с тем я знал, что, во всяком случае, в ближайшем будущем не женюсь. Рядом не будет человека, который пойдет со мной дальше по жизни. Не будет женщины, которая возьмет на себя заботу о моих сыновьях и станет им второй матерью. Не может же постоянно продолжаться так, чтобы я служил в одном месте, а дети в это время жили в другом. Они должны быть с отцом, и я должен отвечать за их воспитание. Но в ближайшее время изменить что-то, по-моему, было невозможно. Когда я все это проанализировал и взвесил, дал согласие вернуться в Афганистан. Я еще не знал, что меня уже утвердили на должность командующего 40-й армией.

Вскоре мне предоставили отпуск. Несколько дней я пробыл в Москве и две недели провел вместе с детьми в Саратове. Задолго до окончания отпуска, перед майскими праздниками, я вернулся в Гродно. Совершенно неожиданно для меня 9 мая 1987 года мне присвоили звание генерал-лейтенант. Я сразу понял, что это сделано с перспективой, для того чтобы уже в новом звании я мог вступить в должность командующего 40-й армией. В середине мая мне сообщили, что моя кандидатура окончательно рассмотрена и министром обороны СССР я утвержден на эту должность.

Приказ ожидался со дня на день. До его получения я должен был пройти обычную процедуру при подобных назначениях. В первую очередь мне предстояло побывать на беседе у заместителя министра обороны по кадрам генерала армии Д. Т. Язова. Он недавно сменил на этой должности генерала армии Шкадова, который по возрасту и состоянию здоровья перешел в так называемую «райскую группу».

Генерал Язов сам по себе человек достаточно прямой, поэтому сразу начал с вопроса:

— Чего ты третий раз едешь в Афганистан? У тебя, как ни у кого другого, есть все возможности отказаться. Во-первых, ты уже дважды был там. Во-вторых, у тебя дети без матери.

Но я уже был настроен на поездку в Афганистан, и ничто не могло заставить меня изменить свое решение.

После беседы с генералом Язовым меня приняли начальник Генштаба маршал С. Ф. Ахромеев и министр обороны маршал С. Л. Соколов. По действовавшему в то время порядку назначения на должности, начиная с командира дивизии, производились только после утверждения в административном отделе ЦК КПСС, который курировал вооруженные силы. Впервые в комплексе зданий на Старой площади я побывал перед назначением на должность командира 5-й дивизии. На этот раз меня принял заместитель заведующего отделом Н. И. Шляга. Позже он стал начальником ГлавПУРа СА и ВМФ. С Николаем Ивановичем у меня состоялся короткий разговор, после чего я посчитал, что мои хождения по московским кабинетам закончились.

Я улетел в Саратов, чтобы продолжить отпуск. Но пробыл там недолго. Мне позвонил один из помощником Язова и сообщил, что я срочно должен прибыть в Москву для встречи с секретарем ЦК КПСС. А. И. Лукьяновым. Самолет за мной уже отправили.

Оказалось, что не доработали аппаратчики. Документы своим чередом пришли в ЦК и легли на стол Лукьянова. Узнав, что перед ним лежат бумаги на генерала, который направляется на должность командующего 40-й армией в Афганистан, он дал команду пригласить меня.

На следующий день я был в ЦК. Заведующий одним из отделов проводил меня к Лукьянову. Его кабинет находился на пятом этаже нового здания, построенного внутри комплекса на Старой площади. Небольшой кабинет секретаря ЦК, на мой взгляд, не отличался от кабинетов других начальников.

Перед Лукьяновым лежала справка с пометками о прохождении мной службы в вооруженных силах. Анатолий Иванович рассказал о том, как обстановка в Афганистане расценивается в Центральном Комитете. От него я впервые услышал, что рассматривается вопрос о выводе 40-й армии из Афганистана. Лукьянов добавил, что непосредственно заниматься этим придется мне. К этому времени уже началась предварительная работа в Женеве, в которой участвовали четыре страны — СССР, США, Афганистан и Пакистан.

Анатолий Иванович сказал о том, что я имею право, в обход существующей в армии субординации, решать вопросы, связанные с пребыванием 40-й армии в Афганистане, непосредственно с ним.

После этой беседы я снова был приглашен к Язову. Чувствовалось, что он был на подъеме оттого, что удалось так быстро организовать мой вызов из Саратова и встречу в ЦК. Он еще раз пожелал мне удачи. Оставалось дождаться постановления Политбюро, на основании которого будет подготовлен приказ министра обороны о моем назначении.

После всей этой беготни по столичным кабинетам я специально не полетел на самолете, а купил билет на поезд и поехал в свою 28-ю армию. Впервые за многие годы я проехал на поезде от Москвы до самой западной границы. Причем проделал этот путь с большим удовольствием.

В Гродно мне доложили, что одного из моих заместителей, полковника В. А. Васенина, переводят в Афганистан. Он получил назначение на должность заместителя командующего — начальника тыла 40-й армии. Поскольку я уже знал о том, что назначен командующим, то был рад, что одним из моих заместителей там будет именно Вячеслав Александрович. Мы организовали его проводы и отправили в Кабул по очень длинному маршруту — через Москву и Ташкент.

Через неделю пришел приказ и о моем назначении. Я уже был готов. Все вещи уместились в один чемодан. Я простился с коллективом 28-й армии, с руководством областей и полетел в Москву.

Мое назначение совпало со скандальным приземлением чуть ли не на Красной площади небольшого легкомоторного самолета гражданина ФРГ М. Руста. После этого инцидента в вооруженных

силах произошли некоторые изменения. В частности, министром обороны СССР вместо маршала С. Л. Соколова был назначен генерал армии Д. Т. Язов.

В то время когда новый министр осваивался в своем кабинете, со мной встретился маршал С. Ф. Ахромеев. Начальник Генерального штаба сказал, что перед командованием 40-й армии стоит несколько важнейших задач. Необходимо сделать все, чтобы сократить риск для солдат и офицеров. Жизнь молодых ребят — самое дорогое, что у нас есть в Афганистане. Кроме того, с нашей стороны все усилия должны быть направлены на вывод Ограниченного контингента советских войск. Причем, уточнил маршал, это будет организованный вывод, а не бегство. Афганским товарищам, сказал Сергей Федорович, нужно правильно объяснить нашу позицию и убедительно аргументировать причины такого решения.

В конце беседы С. Ф. Ахромеев сказал о том, что необходимо еще раз побывать у генерала Д. Т. Язова. По существовавшим правилам вновь назначенный командующий армией никогда не представлялся министру обороны. Это была не его номенклатура. Особого желания идти и вновь представляться Язову у меня не было. Во-первых, он меня уже узнал — за несколько дней мы встречались дважды. Последний раз — полторы недели назад. Во-вторых, мы с ним все обговорили. Но начальник Генштаба настоял.

На следующее утро, предварительно записавшись на прием, я зашел в кабинет министра обороны. У него сидел начальник ГлавПУРа генерал армии А. Д. Лизичев. Министр был чем-то крайне недоволен. Он принял меня в возбужденном состоянии. Еще раз очень коротко напомнил о том, что я должен делать в Афганистане — как охранять аэродромы, крупные города.

После этих напутствий я полетел в Ташкент, а оттуда — в Кабул.

24 часа

Перед отлетом в Кабул мне рассказали, что в Афганистане перешли на ночной режим полетов. Летать днем стало очень опасно — сбивали не только боевые самолеты и вертолеты, но и транспортные.

Сразу же по прибытии в штаб армии я встретился с генералом армии В. И. Варенниковым. Он возглавлял Оперативную группу Министерства обороны СССР и занимался военно-политическими проблемами, связанными с действиями наших войск в Афганистане. Валентин Иванович приложил значительные усилия для того, чтобы Женевские соглашения все-таки состоялись.

За год моего отсутствия обстановка в Афганистане практически не изменилась. Многих офицеров 40-й армии я достаточно хорошо знал по предыдущей совместной службе, видел их в боевой обстановке.

Примерно неделя потребовалась для принятия дел у командующего 40-й армией генерала В. П. Дубынина. Наблюдая за тем, как он управляет авиацией, артиллерией, дивизиями, отдельными бригадами, подразделениями спецназа и поддерживает контакты с афганским правительством, честно говоря, я засомневался в том, что смогу командовать армией так же умело, как он.

Одно дело — служить в Союзе и командовать, например, 28-й армией в Гродно. Конечно, я старался следить за событиями, которые происходили в Афганистане. Но все это было очень далеко от меня. Информация о положении в Афганистане (я знал) — это не совсем правда. Многие углы сглаживались, о многом, особенно о боевых действиях, умалчивалось. Даже тогда, в 1987 году.

Когда же я приехал в Кабул и принял на себя колоссальный груз ответственности за 40-ю армию, а она насчитывала тогда более 120 тысяч человек — это был максимальный состав Ограниченного контингента советских войск за все девять лет нашего пребывания в Афганистане, — то сразу понял, что я, лично я отвечаю за все, что делает армия. За все, что происходит в Афганистане. В первую очередь — за жизни людей.

Я многое знал о 40-й армии. Но не мог и предположить, что на командующего ежедневно обрушивается такой огромный объем информации. Исходя из полученных данных, нужно было принимать соответствующие решения. Причем решения, которые исключили бы как наши потери, так и жертвы со стороны

мирного населения. Это было главным в боевой деятельности 40-й армии.

Командующий обязан решать множество проблем: снабжение, организовывать и проводить боевые действия, осуществлять взаимодействие с афганской армией. Кроме того, Ограниченный контингент советских войск охранял наших специалистов — газовиков, нефтяников, — которые эксплуатировали и разрабатывали месторождения, советников. Все это, безусловно, наложило отпечаток на моральное состояние. Я хорошо понимал свою роль там, в Афганистане. Тем не менее некоторые сомнения в душе у меня появились.

Видимо, прочитав эти мысли и поняв мое состояние, Виктор Петрович Дубынин успокоил:

— Ничего, как только сядешь в это кресло, — он кивнул головой на рабочий стол командующего, — все встанет на свои места. В общем-то, так и произошло.

Мы очень тепло проводили генерала В. П. Дубынина в Союз, и я приступил к исполнению своих обязанностей.

Мой рабочий день, если такое выражение уместно, начинался в 7 часов утра. В это время заканчивался завтрак в штабе армии.

В первую очередь я принимал доклады от командиров дивизий и отдельных бригад, в зоне ответственности которых была наиболее сложная обстановка. Сразу же принимались совместные решения. При необходимости мы планировали оказание помощи соединениям и определяли районы, по которым ВВС и артиллерия должны нанести удары.

В 8 утра в помещении Центра боевого управления я уточнял задачи подразделениям на предстоящий день. Предварительно мы анализировали сложившуюся за сутки или за ночь обстановку. Ставились задачи дивизиям, полкам, отдельным частям, разведке, а также ударным средствам — авиации и артиллерии. Самое пристальное внимание мы уделяли обстановке вокруг столицы.

Примерно в 9 утра начинались телефонные переговоры с Москвой и Ташкентом. К этому времени к работе подключался аппарат главного военного советника, который координировал выполнение задач совместно с афганской армией.

Необходимость встречаться с руководством Афганистана возникала не каждый день. Тем не менее кто-нибудь из офицеров штаба армии присутствовал на заседаниях ставки верховного главнокомандующего вооруженными силами Демократической Республики Афганистан, которую проводил Наджибулла. Правда, название этого совещания вызывало у нас снисходительную улыбку. Афганские войска были не настолько велики, чтобы можно было называть себя «верховным». Но такие заседания все

же проводились. Это происходило по инициативе прежде всего генерала армии В. И. Варенникова. Думаю, что Валентин Иванович поступал совершенно правильно — афганцам нужно было хотя бы знать обстановку в стране. Не проводя подобных встреч, они лишали себя информации о положении дел в провинциях — в Кандагаре, в Панджшере, да и в самом Кабуле.

Такая работа являлась важным подспорьем президенту — он лучше понимал складывавшуюся и изменявшуюся каждый день ситуацию в Афганистане. Кроме того, это заставляло лучше трудиться его военных и гражданских подчиненных.

Несмотря на высокую боевую активность подразделений 40-й армии, несколько часов в день приходилось отводить для работы с поступившими документами. Различных бумаг в Афганистане было много. Они постоянно шли из Москвы, Ташкента и Баку, где находился штаб войск Южного направления. Действие директив, приказов и постановлений, которые направлялись во все внутренние военные округа бывшего Советского Союза, а также в группы войск за границей, распространялось и на Ограниченный контингент. Документы нужно было знать, доводить до сведения подчиненных и контролировать их выполнение.

Послеобеденное время отводилось для работы вместе с заместителями, начальниками служб армии и представителями других ведомств, которые имели своих представителей в Афганистане.

Примерно в десять вечера — иногда раньше, иногда позже — я выходил из своего кабинета. Рабочий день не заканчивался, потому что в отведенном для командующего домике были установлены те же средства связи, что и в штабе армии.

Перед тем как отправиться домой, я всегда заходил в Центр боевого управления. Постоянно, днем и ночью, там находились боевые расчеты офицеров управления, штаба и основных служб армии. Поддерживая непрерывную связь со всеми частями Ограниченного контингента, в том числе и с ударными средствами — авиацией и артиллерией, — офицеры дежурной смены оценивали изменявшуюся обстановку и при необходимости координировали действия войск до прибытия командующего или начальника штаба.

Я жил в одном из трех крупноблочных каменных домов, которые были построены для командующего армией и его заместителей в середине восьмидесятых. Из штаба армии я обычно возвращался пешком. Если идти не торопясь, спокойным и размеренным шагом, для этого требовалось не больше десяти минут. Можно было не только подышать свежим, почти остывшим воздухом, но и без суеты проанализировать прошедший день.

Ночь на войне, тем более такой, как в Афганистане, всегда является самым сложным и тяжелым временем суток. С наступлением темноты внезапно начинались обстрелы. Однако душманы прекрасно понимали, что ночью мы не сможем нанести массированные бомбово-штурмовые удары и дать точные целеуказания артиллерии.

Ночные обстрелы были для нас очень опасны прежде всего потому, что люди уже находились в жилых помещениях. Если снаряд попадал в казарму или разрывался где-то рядом, это могло принести значительно большие потери, чем днем.

Кроме того, темное время суток всегда использовалось моджахедами для проведения диверсий. Активность бандформирований возрастала. Нередко в течение ночи ситуация менялась несколько раз. В таких случаях установленные в моей квартире телефоны не умолкали почти до рассвета.

Слово «квартира» тоже не совсем уместно. Помещение командующего армией представляло собой две комнаты. Гостиная служила и кабинетом — там стояли стол с телефонами, два кресла, диван, телевизор и сейф. В небольшой спальне едва умещались кровать, шкаф, тумбочка и стул. Единственной роскошью по военным меркам была ванная. Примерно так же жили и заместители командующего. У начальников родов войск и служб такие квартиры были на двоих.

Если выдавался обычный день и вечер проходил более или менее нормально, без существенных обстрелов и больших потерь, то все успокаивалось как правило к двенадцати часам ночи. Мы все засыпали под рокот вертолета или самолета, который постоянно барражировал над территорией штаба армии. Имея связь с центром боевого управления (ЦБУ), летчики охраняли основные объекты и вели разведку за определяющими участками местности и теми направлениями, откуда, как правило, осуществлялся обстрел штаба армии. Днем вертолет не взлетал. Чтобы его не сбили, мы ограничивались наземной разведкой. Ночью же он обязательно висел в воздухе над штабом армии и над Кабульским аэродромом.

Главная задача — сохранить людей

В 1987 году я твердо знал, что решение о выводе наших войск будет принято. Собрав руководящий состав армии, я поставил перед командирами всех степеней основную, на мой взгляд, задачу: потери — боевые, а тем более не боевые — в войсках 40-й армии должны быть резко сокращены. В правильности своего решения я был уверен, и жизнь это подтвердила. Я потребовал от офицеров сделать все, чтобы исключить гибель солдат и сержантов. За каждого погибшего в бою, при обстреле аэродрома, гарнизона, заставы или какого-нибудь другого объекта, его командир должен нести строжайшее наказание.

Да, мы в Афганистане потеряли в четыре раза меньше, чем, скажем, американцы во Вьетнаме. Но я не думаю, что матерям, вдовам и детям погибших от этого легче.

Боевая активность подразделений 40-й армии и количество операций в интересах правительственных войск постепенно должны были свестись к минимуму. Ответные или, в зависимости от ситуации, упреждающие боевые действия командир обязан был проводить только для того, чтобы не допустить массовой гибели наших людей и даже исключить такую угрозу. Лишь в том случае, когда обстановка диктовала необходимость нанесения мощного удара по душманам, командир имел право принять такое решение.

Штабу 40-й армии, который в то время возглавлял Юрий Павлович Греков, была поставлена задача организовать жесточайший централизованный контроль за местами нахождения всех наших частей, вплоть до отдельных команд и сторожевых застав. Мы должны были знать о малейших изменениях в любом районе Афганистана.

Не менее жестко мы организовали управление боевой и транспортной авиацией, находившейся в Афганистане. 40-я армия располагала мощными военно-воздушными силами. В первые месяцы своего командования армией я стремился к тому, чтобы каждый офицер понял: независимо от возникавших задач мы должны отказаться от стереотипов прошлого. Безоглядную помощь афганцам — представителям армии, руководству уездов и правительству страны — нужно было прекращать.

Опыт показал, что достигнутые в ходе проводимых нами боевых действий результаты афганцами не используются. Через полтора-два месяца после завершения операции все возвращалось на круги своя: душманы опять занимали те районы, из которых мы их выбили. Они восстанавливали прежние базы с оружием и

боеприпасами, снова почти вплотную подходили к нашим объектам, возобновляли обстрелы и нападения. Спрашивается: зачем мы так долго воевали и клали в горах своих парней? Необходимо было остановиться.

Позиция штаба 40-й армии удовлетворяла далеко не всех. Мы сразу же ощутили мощное давление прежде всего со стороны руководства Афганистана. Когда Наджибулла и его окружение убеждались в том, что мы больше не намерены воевать вместо них, то в совершенстве использовали свои старые приемы. Любым способом, вплоть до личного обращения к Крючкову или к Горбачеву, руководители Афганистана стремились привлечь части и подразделения Ограниченного контингента к тем задачам, выполнение которых было жизненно необходимо в интересах существовавшего в Кабуле режима.

Военно-политическая обстановка в Афганистане все больше осложнялась. Чем слабее и уязвимее становились позиции государственной власти, тем давление на советское военное командование оказывалось сильнее. С каждой неделей официальный Кабул требовал от нас все больше.

Мы многое сделали своим оружием для революционного режима. Однако иждивенческие настроения в афганском руководстве, неприкрытое стремление властвовать за наш счет неизменно приводили к тому, что контролируемая правительством территория неуклонно сокращалась. Подавляющее большинство провинций находилось под властью оппозиции.

Некоторые провинции мы контролировали лишь частично. Как правило, советские войска занимали провинциальные центры, где находились наместники Наджибуллы, и небольшие участки. Например, в провинции Бамиан советский воздушно-десантный батальон держал стратегически важный участок площадью всего лишь три квадратных километра, который со всех сторон был окружен душманами. В таких случаях мы считали, что провинция только частично контролируется оппозицией. Однако на самом деле было наоборот.

Правительству Афганистана в течение десяти лет не удалось укрепить свою власть во многих провинциях. Среди них Кунар, Пактика, Бадахшан, Каписа. В 1987 году более 85 % территории страны, разделенной в административном порядке на 31 провинцию и один округ Хост, находилось под контролем моджахедов. Государственная власть теряла уезд за уездом, провинцию за провинцией.

Если русские уйдут…

Подавляющее большинство населения Афганистана в отличие от политиков не оперировало глобальными категориями политической, военной и экономической целесообразности пребывания в их стране советских войск. Простые афганцы, воспитанные в духе Корана, видели в нас, в шурави, «неверных», которые не только, по их мнению, попирали религиозные традиции, но и с оружием в руках воевали против мусульман. Против советских была объявлена «священная война», до тех пор, пока последний солдат не будет истреблен.

На мой взгляд, трагедия революционного правительства в том, что примерно такого же мнения, проявлявшегося в зависимости от того, как шла война, придерживалось и большинство офицеров афганской армии. Разница заключалась лишь в том, что афганским военным нужно было думать о карьере, а чиновникам — держаться за свои кресла.

С одной стороны, им было необходимо присутствие и участие советских солдат и специалистов в решении внутренних проблем Афганистана. С другой стороны, они осознавали, что участвуют не просто в локальном военном конфликте, а ведут гражданскую войну в родной стране. Рано или поздно, но их участие в войне против собственного народа станет предметом широкой огласки. Это, по-моему, больше всего страшило правительство Наджибуллы. На словах они благодарили нас за интернациональную помощь. Но вместе с тем люди Наджибуллы понимали, что наши войска не могут находиться в Афганистане вечно. Очень скоро придет время, когда революционные лидеры останутся один на один со своими проблемами. Один на один с оппозицией.

Только этим я могу объяснить многочисленные факты измены и предательства со стороны афганских военных, с которыми нам приходилось сталкиваться буквально на каждом шагу. Очень часто, например, речь заходила о том, что афганская армия собственными силами должна нанести удар по душманам. На словах офицеры правительственных войск выражали полнейшую готовность выполнить ту или иную задачу. На деле же они поступали наоборот. Проводимые нами проверки давали самые неожиданные результаты. Поднимаясь в воздух для бомбометания, афганские летчики приближались к району, где находилась банда, делали некоторые маневры, в том числе и боевые, а бомбили совершенно другие участки. Множество подобных случаев нами было проверено и задокументировано.

Низкий моральный дух и слабая профессиональная подготовка являлись отличительными чертами вооруженных сил Афганистана.

Афганские бригады, полки и дивизии, конечно, существовали. Военно-воздушные силы МО ДРА имели даже самолеты, естественно, советского производства. На военных аэродромах стояли неплохие для того времени машины — МиГ-21, бомбардировщики Ил-28. Несмотря на возраст — с Ил-28 была сброшена первая советская атомная бомба — и появление новых типов самолетов, эти машины и на сегодняшний день считаются одними из лучших. Они имеют прекрасные летные характеристики — скоростные, маневренные. Однако самостоятельно решить стоявшие перед ней задачи афганская армия была не способна. Мы не заблуждались на этот счет, хотя и не говорили об этом открыто.

Вывод Ограниченного контингента явился, по сути, началом окончательного поражения правительственных войск. На завершающем этапе войны афганские части, в том числе и военно-воздушные силы, вели боевые действия по защите Кабула, Джелалабада и некоторых других крупных городов без нашей помощи всего несколько недель. После того, как оставленные 40-й армией трехмесячные резервы были исчерпаны, революционное правительство в Кабуле пало под натиском оппозиции.

Разведка

Оценка происходивших в Афганистане событий в большой степени зависела от эффективной деятельности разведывательных органов. Военная разведка сделала очень много для того, чтобы командование Ограниченного контингента, принимая решения, было в максимальной степени информировано о планах оппозиции.

В состав разведки входило большое количество частей и подразделений. Я не буду называть точные цифры, поскольку существующая система действует и по сей день. На мой взгляд, нет необходимости подробно раскрывать ни структуру, ни специфические методы работы разведки. Скажу лишь, что сотни офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов, которые служили в подразделениях войсковой разведки, без преувеличения являлись глазами и ушами 40-й армии.

Если вполне стабильные в политическом отношении государства не могут контролировать ситуацию без повседневной работы тысяч наиболее подготовленных офицеров, то мы в Афганистане тем более не могли обойтись без помощи разведки. Мощную и хорошо отлаженную систему сбора и анализа информации на территории Афганистана в интересах советских войск возглавляло разведывательное управление штаба 40-й армии. Под его эгидой действовали все военные разведчики.

В подчинении разведуправления находились разведывательный центр и два разведпункта, а также разведотделы в штабах дивизий, бригад и отдельных полков. Система разведки включала в себя, кроме того, отдельные полки, а также две бригады специального назначения, расположенные вдоль афгано-пакистанской границы. В состав каждой такой бригады входило по четыре батальона численностью в среднем по пятьсот военнослужащих.

В интересах разведки действовали также разведбатальоны мотострелковых, воздушно-десантных дивизий и разведроты мотострелковых и танковых полков. Вершина пирамиды войсковой разведки находилась в штабе армии.

Данные, которые командование 40-й армии получало по каналам войсковой разведки, оказывались бесценными при подготовке локальных операций в том или ином районе страны. Они касались, например, точного местонахождения складов с оружием, базовых районов отрядов оппозиции или численного состава банды. Без подобных сведений не мог обойтись ни один командир. Но боевые действия в Афганистане нам приходилось

вести не каждый день, а информация требовалась постоянно.

Наибольший объем полезных данных о намерениях оппозиции мы получали в результате ведения радиотехнической и агентурной разведки. Командование 40-й армии имело возможность делать выводы не только на сравнительно небольшой период, но и прогнозировать развитие событий в перспективе. Нам было известно достаточно много и о настроениях руководства той или иной оппозиционной партии, державшей под своим контролем определенный район страны, и о возможных согласованных действиях душманов против советских и правительственных войск.

Командование Ограниченного контингента регулярно получало интересующие его сведения. Офицеры военной разведки разрабатывали и внедряли различные методы сбора информации. Их арсенал был разнообразен — от визуального наблюдения за объектом или участком местности до прослушивания эфира и изучения аэрофотоснимков. Во второй половине восьмидесятых годов подразделения технического контроля располагали данными в том числе и космической разведки на территории Афганистана.

Особое значение мы придавали инструментальной разведке, проводившейся силами сторожевых застав и постов в их зонах ответственности.

Почти все офицеры, начиная с командиров взводов, имели свою сеть осведомителей. Как правило, это были местные жители. Поддерживая связь с моджахедами, они в то же время информировали нас о том, чем, например, «дышит» кишлак, что ожидается на контролируемых советскими подразделениями участках дороги, о возможных диверсиях и нападениях на гарнизоны 40-й армии.

В первые же месяцы пребывания в Афганистане советское военное командование пришло к выводу, что умелая и кропотливая работа с местным населением приносит результаты, которые невозможно переоценить. Поэтому мы не только узаконили подобную практику, но и требовали от командиров всех степеней постоянно увеличивать число своих агентов и осведомителей.

Через разведывательные пункты нам удалось наладить контакты с большим числом полевых командиров оппозиции. Связь с ними поддерживали, как правило, лично командиры частей или их начальники штабов.

В гарнизонах, которые в силу своего географического положения имели исключительное значение, для этих целей были созданы специальные структуры и работа велась через

представителей нашей агентурной разведки.

За девять лет в Афганистане, по-моему, не осталось ни одного малого, среднего или крупного бандформирования моджахедов, лидеры которого хоть однажды не подписали бы соглашение о сотрудничестве с командованием 40-й армии. Отказавшись от подобной работы с душманами, и прежде всего от непосредственных встреч с полевыми командирами, мы во многом усложнили бы всю остальную деятельность советских войск в Афганистане. Нам было значительно выгоднее заключить перемирие хотя бы на короткий срок с моджахедами, чем воевать с ними и рисковать жизнью девятнадцатилетних солдат.

Командиры частей сделали, на мой взгляд, чрезвычайно много для того, чтобы наладить систему добывания информации. Не имея возможности оказывать влияние на лидеров вооруженной оппозиции, им было бы значительно труднее контролировать ситуацию в провинции или уезде.

Практически в каждом районе Афганистана мы поддерживали отношения с оппозицией. Где-то они возникали на короткий срок. Иногда становились традиционными и продолжались несколько лет. Отслужив два года, офицеры возвращались в Союз, а связи передавались преемнику как бы по наследству.

Прочные контакты нами были налажены вдоль «дороги жизни» Кабул — перевал Саланг — Термез. Особенно на участке до Южного Портала, в районе Чарикара, Джабаль-Уссараджа, непосредственно при входе в ущелье и при подъеме в горы. Несмотря на некоторые нюансы, неплохие связи мы установили в Северном Портале, в районе Доши, Пули-Хумри и дальше на север.

Устойчивое сотрудничество поддерживалось с группировками, которые действовали в северных и восточных пригородах Кабула, вдоль дороги на Джелалабад и по направлению к гидроэлектростанции Сароби. Сложнее было вытянуть на переговоры душманов, которые находились в западных и южных окрестностях столицы.

Военные разведчики непосредственно выходили на руководителей бандформирований в Джелалабаде, в некоторых районах Кандагара, в Фарахе. Постоянная работа с оппозицией значительно уменьшила опасность внезапных нападений на базу ВВС 40-й армии в Шинданде. Командир 5-й мотострелковой дивизии генерал-майор Александр Васильевич Учкин и командование 101-го мотострелкового полка умело использовали противоречия и конфликты между душманами, принадлежавшими к разным партиям, в районе Герата. Огромные

усилия потребовались для нормализации обстановки в Баграме и в «зеленой зоне» вокруг аэродрома. Но и в этой провинции в конце концов командир дивизии генерал Виктор Михайлович Барынкин сумел наладить полезные для нас контакты.

Параллельно с разведкой 40-й армии сбор информации вели представители КГБ и МВД СССР. Иногда к подобной деятельности привлекались и сотрудники советского посольства. Этих людей не интересовали такие «мелочи», как, например, спланированные душманами засады и нападения на нашу автомобильную колонну.

Офицеры внешней разведки КГБ работали по-крупному. В сфере их интересов находились, скажем, сведения о позиции руководства Пакистана или Ирана по отношению к происходящим в Афганистане событиям, боевым действиям, к командованию Ограниченного контингента советских войск и кабульскому правительству. Через своих агентов сотрудники КГБ пытались своевременно узнать о планах создания новых крупных баз оппозиции на территории Афганистана. Они стремились получить информацию о возможных, даже кратковременных, альянсах лидеров моджахедов в определенных регионах страны и спрогнозировать развитие ситуации в нескольких провинциях.

Несмотря на особое положение, которое всегда занимала внешняя разведка, военное командование в Кабуле очень осторожно относилось к информации, исходившей от сотрудников этого ведомства. Они нередко ориентировались только на свои интересы. Пытаясь защитить честь мундира, люди из внешней разведки иногда умудрялись даже объективные данные радиоперехвата и аэрофотосъемки интерпретировать таким образом, чтобы подтвердить выводы, к которым пришли их московские начальники. В таких случаях представитель КГБ СССР докладывал в Москву имевшиеся у него сведения, даже не проинформировав о них командование 40-й армии.

Порой нездоровая конкуренция разведорганов разной принадлежности и отсутствие согласованных действий приводили к тому, что о якобы готовящихся или уже начавшихся акциях душманов мы узнавали из Москвы. При этом командование 40-й армии обвиняли в том, что оно не владеет ситуацией и не знает о происходящем у него чуть ли не под боком. Как правило, позже, при более внимательном анализе и детальной проверке, выяснялось, что сведения сотрудников КГБ СССР, мягко говоря, не соответствуют действительности.

Такие ситуации возникали с удручающим постоянством и создавали определенную напряженность между военными разведчиками и их коллегами из Комитета госбезопасности.

Характерной особенностью информации ГРУ Генерального штаба являлась прежде всего ее достоверность. Каждый полученный факт офицеры военной разведки проверяли и перепроверяли по нескольку раз. Разветвленная и многоступенчатая система сбора данных и их анализа, в которой были задействованы тысячи кадровых военнослужащих, агентов и осведомителей, позволяла достаточно быстро выявлять дезинформацию. Иначе обстояли дела в других ведомствах, которые имели свои представительства в Кабуле. Нередко тот или иной сотрудник оказывался монопольным держателем информации. Имея непосредственную связь с агентурным источником и получая от него данные, разведчик не мог проверить их объективность. Я не исключаю, что некоторые доклады разведки, ложившиеся на стол большим московским начальникам, на самом деле оказывались бредом какого-нибудь обкурившегося анашой душмана.

В последующем разведчики стали кооперироваться между собой. Начиная примерно с 1985 года в штабе 40-й армии ежедневно проводились координационные совещания. На них присутствовали военные разведчики и представители аналогичных служб КГБ, МВД и советского посольства. Все полученные данные разбирались и анализировались совместно. После этого определялись, чему верить, а чему нет.

Объединение усилий разведывательно-аналитических служб в значительной степени способствовало выработке своевременных и, что немаловажно, выполнимых рекомендаций руководству.

Военно-воздушные силы

За всю историю существования Советского Союза 40-я армия оказалась единственной, которая имела в своем составе военно-воздушные силы. Причем достаточно мощные. Они насчитывали большое количество самолетов и вертолетов различного назначения. Две трети из них были ударными. Основная группировка ВВС 40-й армии базировалась в Баграме. Активно использовались аэродромы в Шинданде и в Кандагаре.

Каждой из трех мотострелковых и 103-й воздушно-десантной дивизии были приданы вертолетные эскадрильи. Вертолетные отряды из состава 50-го отдельного смешанного авиационного полка усиливали 66-ю и 70-ю отдельные мотострелковые бригады в Джелалабаде и в Кандагаре, а также батальоны специального назначения.

Укомплектованность армейской авиацией была высокой. Мы располагали необходимым количеством боевых вертолетов Ми-24 различных модификаций. Наряду с ними активно использовались транспортно-боевые и транспортные машины Ми-8Т. Примерно с 1985 года 40-я армия получила вертолет Ми-8МТ. Это очень надежные машины, с мощным вооружением. По своим характеристикам они не уступают боевым вертолетам. Усовершенствованный двигатель позволял экипажу подниматься на высоту до пяти тысяч метров, имея на борту более двух тонн груза.

Отличная подготовка позволяла летному составу выполнять поставленные задачи в тяжелейших климатических, географических и боевых условиях. Почти две трети наших застав были расположены высоко в горах. Для снабжения находившихся на них подразделений боеприпасами, продовольствием, водой, почтой и всем остальным мы могли использовать только вертолеты. В любых ситуациях — будь то обычный разведывательный вылет или обеспечение боевых действий в Панджшере — офицеры ВВС 40-й армии действовали мужественно и профессионально.

Армейская авиация мастерски осуществляла высадку десанта. Проводилась она, как правило, под шквальным встречным огнем душманов. Во время некоторых операций вертолетчики по пять-шесть раз в день поднимались в горы на высоту три — три с половиной тысячи метров. Площадок для приземления, конечно же, не было. Подразделение высаживалось в течение двадцати-тридцати секунд, пока вертолет зависал, касаясь одним шасси скалы или небольшого выступа.

В ходе боевых действий летчики выполняли огромный объем задач. Кроме высадки десанта, офицеры ВВС армии доставляли в районы проведения операций боеприпасы, медикаменты, эвакуировали больных, раненых и убитых. В частях Ограниченного контингента советских войск в Афганистане с первого дня действовал приказ о том, что ни один военнослужащий — контуженый ли, раненый или убитый — не должен оставаться на поле боя. Все, в том числе и тела погибших, должны быть найдены и вывезены. За всю свою продолжительную службу в Афганистане я не помню случая, чтобы мы хоть раз оставили на произвол судьбы офицера или солдата. Порой возникали ситуации, когда для поисков военнослужащих мы были вынуждены даже возобновлять боевые действия.

Именно так произошло в ущелье Анардара, провинция Фарах, в 1981 году. Тогда во время проведения операции мы потеряли пять человек. Никто не знал, где они находятся. Позже выяснилось, что во время боя они оказались в стороне от основного ядра роты. В горах душманы их зажали. Завязался долгий и тяжелый бой. Из пяти человек четверо были убиты, в живых остался только один.

Несколько часов мы не могли обнаружить эту группу. Поиски осложнялись тем, что солдаты не имели средств связи и не могли вызвать помощь. Они были найдены лишь благодаря вертолетчикам.

Боевые действия были продолжены только с одной целью: эвакуировать наших солдат. Пришлось высадить десант в составе нескольких подразделений, для того чтобы заблокировать район и очистить его от душманов. К сожалению, при этом мы потеряли убитыми еще двух человек. В бою от смерти никто не застрахован. Возобновляя операцию, мы понимали, что вряд ли удастся избежать новых жертв. Но вместе с тем мы не имели права оставить, бросить на поле боя даже тела наших людей.

Закономерен вопрос: стоило ли рисковать жизнью солдат и офицеров, высаживать целые подразделения ради нескольких человек? Другими словами, стоит ли овчинка выделки?

После завершения ротой или батальоном определенного этапа боевых действий — причем не всей операции, а именно одного эпизода — сразу же осуществлялась проверка людей. Как только выяснялось, что кого-то нет, нами сразу же предпринимались соответствующие меры. Если боевая обстановка не позволяла нам вернуться в район, из которого подразделения только что вышли, то операция временно приостанавливалась. Войска укреплялись на занятых рубежах, а район, где находился наш солдат или офицер, мы локализовывали огнем, не позволяя

никому уйти оттуда и унести погибших наших солдат, если они были.

Второй, третий, а если это было необходимо, то и четвертый раз мы полностью обрабатывали ущелье или склон огнем авиации и артиллерии, уничтожая противника и поддерживая своих военнослужащих. После завершения огневой подготовки в бой вступали мотострелковые или десантные подразделения.

Если бы мы хоть раз поступили иначе, то уже не смогли бы поднять моральный дух солдат и офицеров Ограниченного контингента. Идя в бой, каждый должен быть уверен в том, что, окажись он в критической ситуации, его не бросят, не предадут. Товарищи вытащат его даже ценой собственной жизни. Об этом знал каждый, в том числе и я. Отправляясь на проверку охраны участка дороги, проходившей через «зеленую зону», я был уверен, что если со мной или моим бронетранспортером что-нибудь произойдет, то сразу же будут предприняты меры, для того чтобы меня вернуть. Живым или мертвым, но я обязательно буду возвращен. Конечно же, это придавало уверенность действиям каждого солдата и офицера.

Характерен в этом отношении и еще один случай, который произошел с начальником тыла 40-й армии полковником В. А. Васениным. В силу обстоятельств мы должны были скрытно на нашем бронетранспортере доставить одного из афганских генералов в Джабаль-Уссарадж. Генерал этот находился внутри бронетранспортера сразу за спиной водителя, а Васенин сидел на люке сверху. Во время движения по чарикарской «зеленой зоне» бронетранспортер обстреляли, в том числе и из гранатомета. Одна из гранат была выпущена по левому борту машины и попала так, что осколки в буквальном смысле прошили афганского генерала насквозь. Он так и скончался на месте, даже не шелохнулся.

Завязался бой. Бронетранспортер прошел еще метров сто, сошел с дороги и на обочине подорвался на мине. Взрывной волной полковника Васенина выбросило из машины. Бортовая радиостанция вышла из строя, связь была прервана. В штабе армии об инциденте узнали примерно через десять минут по докладам с соседних застав. Сразу же в этот район были направлены дополнительные силы, в том числе и авиация. После того как бой был закончен, Васенин сказал мне: «В тот момент, когда сначала услышали рокот, а потом увидели приближающиеся вертолеты, мы поняли, что останемся живыми».

Не менее строго соблюдался и другой приказ, запрещавший нанесение бомбово-штурмовых ударов авиации по населенным пунктам.

Во-первых, офицеры ВВС знали о том, что в кишлаках находятся мирные жители, которые подчас не имеют никакого отношения к происходящим за стенами их дома событиям. Во-вторых, обстрелы населенных пунктов, даже если оттуда открывали огонь по нашим солдатам и офицерам, предусматривали уголовное наказание.

Обойтись без применения авиации в Афганистане мы не могли. Летчики регулярно совершали вылеты и проводили бомбометание. Это был один из основных и, на мой взгляд, самый эффективный, а также безопасный для нас элемент огневого воздействия на душманов.

Перед нанесением бомбово-штурмовых ударов командование 40-й армии тщательно изучало обстановку в тех районах, где должна была действовать наша авиация. Как правило, это были небольшие по площади участки местности, где скапливались значительные силы противника. С нашей стороны применение боевой авиации было вынужденной мерой. Мы упреждали таким образом нападения вооруженных отрядов оппозиции на советские и правительственные войска.

Удары по территории Пакистана

Командованием 40-й армии была разработана и неукоснительно соблюдалась система, которая полностью исключала нанесение ударов по территории Пакистана. Это было вызвано тем, что в первые месяцы советского пребывания в Афганистане появилась нота пакистанского правительства, в которой выражался протест по поводу того, что население приграничных районов страны подвергалось огневому воздействию наших войск.

Чтобы избежать даже случайностей, на бортовой карте каждого летчика ВВС 40-й армии отмечалась приграничная зона шириной до десяти километров, в которую он вообще не имел права заходить. Радиолокационное сопровождение своих самолетов распространялось у нас до самой афгано-пакистанской границы. Наземные службы внимательно следили за выполнением приказа, запрещавшего нашим летчикам приближаться к территории Пакистана еще и потому, что как только самолет ВВС 40-й армии подходил к границе, с противоположной стороны уже «висел» пакистанский истребитель. На вооружении пакистанской армии находилась американская военная техника. Например, дальность действия ракет класса «воздух-воздух» достигает нескольких десятков километров. Бортовой локатор позволяет пакистанскому летчику прекрасно видеть всю обстановку в воздухе. Кроме того, с земли постоянно поступают данные о местонахождении целей. Техника позволяет ему делать пуск ракеты, даже не наблюдая визуально самолет противника. Именно так и произошло в случае с полковником А. В. Руцким. Сначала мы думали, что его сбили «Стингером» с земли. На самом же деле оказалось, что он попал под удар истребителей пакистанских ВВС. Со своей стороны мы старались исключить всякие, даже случайные контакты с вооруженными силами Пакистана. Это касалось не только авиации. Например, артиллерийским подразделениям категорически запрещалось находиться в пятнадцати километровой приграничной зоне. Технические характеристики наших артиллерийских систем не позволяют поражать цели на таком расстоянии.

«Голубые береты»

Все подразделения несли одинаково тяжелую нагрузку в Афганистане. В зависимости от региона дивизии выполняли две основные задачи. Во-первых, несли службу по охране объектов, начиная со своего гарнизона и заканчивая дорогами. Во-вторых, принимали участие в боевых действиях. Соединения привлекались к проведению операций не в полном составе. Были задействованы лишь некоторые части — в первую очередь разведчики, артиллеристы, саперы, а также один или два мотострелковых полка. Однако практически ни одни боевые действия не проводились без участия десантников.

В составе 40-й армии с первого и до последнего дня находились 103-я (Витебская) воздушно-десантная дивизия, 345-й отдельный парашютно-десантный полк и 56-я воздушно-десантная бригада.

Объем выполняемых десантниками задач увеличивался с каждым годом. Если в начале восьмидесятых годов подразделения 103-й воздушно-десантной дивизии наравне с мотострелками охраняли военные и государственные объекты в Кабуле, то впоследствии командование Ограниченного контингента было вынуждено эту пропорцию заметно изменить. Охрана столицы была возложена в основном на части 108-й мотострелковой дивизии, а несколько десантных батальонов были переброшены в отдаленные провинции Афганистана, где на их плечи легла ответственность за существование государственной власти.

Организационно-штатная структура и подготовка воздушно-десантных подразделений наиболее полно соответствовали условиям ведения боевых действий в Афганистане. Десантники с первых же минут овладевали ситуацией и уже не выпускали инициативу из своих рук.

Во всех операциях по уничтожению больших складов боеприпасов, крупных банд оппозиции, которые постоянно угрожали гарнизонам наших и правительственных войск, деблокированию дорог, использовавшихся для снабжения гражданского населения Афганистана, самое активное участие принимали десантники. Достаточно сказать, что они первыми появились в Афганистане — 103-я воздушно-десантная дивизия была переброшена в Кабул самолетами военно-транспортной авиации в декабре 1979 года — и вернулись на родину одними из последних.

На один из полков дивизии была возложена

непосредственная охрана руководства Афганистана. Он дислоцировался на территории президентского дворца в центре столицы.

До середины восьмидесятых годов командование 40-й армии лишь в исключительных случаях использовало вертолетные десанты. Позже мы были вынуждены проводить высадку десанта значительно чаще и в более крупном масштабе. «Голубым беретам» ставились наиболее сложные задачи, они высаживались на самых дальних участках района боевых действий, глубоко в тылу противника.

Основу десанта составляли части 103-й воздушно-десантной дивизии и 345-го отдельного парашютно-десантного полка, который всегда находился в готовности к немедленным действиям. В некоторых случаях привлекались подразделения 56-й воздушно-десантной бригады, дислоцировавшейся в Гардезе.

Успехи десантников в значительной степени определялись тщательным отбором солдат в ВДВ. Прежде чем пополнить части своей дивизии, воевавшей в Афганистане, молодые десантники проходили шестимесячный курс специальной подготовки. В учебном центре под Витебском их учили стрелять, прыгать с парашютом, вести рукопашный бой и делать многое другое, без чего солдат не может обойтись на войне. Отличная подготовка позволяла молодым десантникам быстро втягиваться в боевую обстановку и блестяще выполнять самые сложные задачи.

Командиры воздушно-десантных частей выгодно отличались основательностью при подготовке операций и умелым руководством своими подчиненными во время боя. Среди них — Герои Советского Союза генералы Павел Сергеевич Грачев, Альберт Евдокимович Слюсарь, а также Валерий Александрович Востротин, Иван Федорович Рябченко и Валерий Геннадьевич Евневич. Десантники всегда действовали решительно и добивались успеха.

Медиков знали по именам

Огромный опыт на афганской войне приобрели медики 40-й армии. С момента ввода войск и до той минуты, пока последний солдат не покинул Афганистан, военные врачи вели колоссальную работу, спасая жизнь и восстанавливая здоровье тысяч наших солдат.

При 40-й армии в Афганистане действовало несколько госпиталей. Центральный военный госпиталь был развернут в Кабуле. Персонал прибыл сюда в конце февраля 1980 года из Ленинградского военного округа. Первое время медики жили в палатках на окраине города. Там же и оперировали. Через несколько недель афганцы специально освободили помещение, и госпиталь перевели в центральную часть столицы.

Кроме этого, крупные стационары находились в Кандагаре, Пули-Хумри, Кундузе при 201-й мотострелковой дивизии и в Шинданде. Позже в этих же городах и Джелалабаде командованию 40-й армии пришлось развернуть инфекционные госпитали. Достаточно большую сеть стационаров дополняли медико-санитарные батальоны и медицинские роты частей, где оказывалась первая медицинская помощь.

Наши медики буквально вытаскивали людей с того света после тяжелейших ранений, увечий и болезней.

Одним из первых серьезных испытаний для военных врачей стала захлестнувшая Ограниченный контингент эпидемия гепатита. Мы не сумели своевременно организовать строгое соблюдение всеми санитарных норм и избежать массового заражения болезнями, которые являются традиционными в Юго-Восточной Азии. Сухой климат, высокая температура, нехватка питьевой воды и походно-полевые условия размещения частей затрудняли борьбу с эпидемиями. Желтуха была для нас не менее опасным врагом, чем душманы.

Например, в октябре, ноябре и декабре 1981 года в Шиндандском гарнизоне, где дислоцировалась 5-я мотострелковая дивизия, которой я в то время командовал, гепатитом болело одновременно более трех тысяч человек. С разной степенью тяжести, в том числе и критической, вместе со мной были госпитализированы все заместители командира дивизии, кроме одного. Из командиров полков в строю остались лишь двое, четверо лежали в госпитале. Таким образом, дивизия в этот период оказалась в тяжелом положении.

В последующие годы гепатит, брюшной тиф и другие болезни давали о себе знать, правда, не в таких угрожающих размерах, как

это было вначале. И все же эти страшные заболевания перенесли многие солдаты и офицеры Ограниченного контингента. Военные медики в этих критических ситуациях показали все свое умение. Больным оказывалась квалифицированная помощь. Со временем из Союза была привезена специальная аппаратура, были созданы прекрасные стационарные лаборатории и диагностические центры.

Среди военных врачей, находившихся в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, было много ученых, в том числе кандидатов и докторов наук. Подавляющее большинство из них окончили Военно-медицинскую академию в Ленинграде.

В 40-й армии медиков берегли и любили. Многих знали в лицо. Например, легенды ходили о золотых руках военного хирурга полковника Андрея Андреевича Люфинга. Он долгое время возглавлял Центральный военный госпиталь в Кабуле. При нем полевая хирургия в Афганистане поднялась на очень высокий уровень. Многим солдатам и офицерам спас жизнь блестящий военный хирург полковник Юрий Викторович Немытин. И таких было много. Я не думаю, что их специально подбирали для службы в Афганистане. Скорее всего, нет. Сама система подготовки специалистов для вооруженных сил предполагает наличие в армии настоящих профессионалов.

За девять лет военные врачи 40-й армии приобрели неоценимый опыт. С точки зрения участия советских войск афганская война стала самой массовой за последние полвека. Советские военнослужащие и до 1979 года участвовали в локальных вооруженных конфликтах на территории Египта, Сирии и некоторых других стран «третьего мира». Но в этих войнах им, как правило, отводилась роль военных советников. Если советское руководство и принимало решение об использовании боевых подразделений, то сводило их количество к минимуму.

Развернуть же целую армию по штату военного времени и вести крупные боевые действия с привлечением авиации после окончания Великой Отечественной войны нам пришлось впервые.

Медицинский персонал, особенно войсковые медики, которые всегда вместе с подразделениями находились в районе проведения операций, проявляли большое личное мужество. Во время проведения крупных боевых действий им помогали сводные бригады и оперативные группы хирургов, сформированные из сотрудников госпиталей. Полевые операционные разворачивались всего в нескольких километрах от места, где велся бой.

За годы афганской войны более пятидесяти тысяч человек получили ранения различной степени тяжести. Военные врачи и медицинские сестры проводили рядом с ранеными практически все время, выхаживая и поднимая на ноги солдат и офицеров.

Медики принимали непосредственное участие в выполнении одной из самых сложных задач: не оставлять на поле боя раненых. Чего бы это ни стоило взводу, роте, батальону или дивизии, которые принимали участие в боевых действиях, но в горах, в «зеленке» или на обочине дороги мы не могли оставить ни одного нашего солдата или офицера. В большинстве случаев им была необходима срочная медицинская помощь. И всегда рядом оказывались военные врачи.

На войну — по контракту

Кроме военных врачей, в военно-медицинских учреждениях Ограниченного контингента трудились рабочие и служащие Советской Армии. В Афганистане в общей сложности их было более восьми тысяч человек. В основном женщины. Подавляющее большинство из них состояли на должностях медицинских сестер, нянечек и т. д.

Все они попадали в Афганистан по собственному желанию через систему военных комиссариатов. Как правило, вольнонаемные уже в Союзе знали, на какие должности они направляются. Самоотверженно трудясь, они показали себя с самой лучшей стороны. Это побуждает меня еще раз высказать им теплые слова благодарности. Они точно так же несли дежурства, дни и ночи, по несколько суток без отдыха сидели у изголовья раненых и больных. Эти люди полностью отдавали себя работе, как могли, старались помочь нашим солдатам и офицерам.

Многие из женщин, приехавшие а Афганистан по контракту, работали в штабах воинских частей машинистками, телефонистками и т. д.

Развернутые на территории Афганистана части Ограниченного контингента советских войск жили в походно-полевых условиях. Прибывшим из Союза солдатам и офицерам предстояло полтора-два года провести в палаточных городках и в фанерных домиках, далеко от своих семей. Такая жизнь даже без учета высокой боевой активности тяжела сама по себе. Разумеется, в подобных условиях многие ценили женщин не только за то, что они выполняли определенные служебные обязанности.

На войне жизнь не останавливается. Не секрет, что некоторые из женщин ехали в Афганистан не только для того, чтобы заработать чеки «Внешторга» или поднакопить деньги, как говорится, «на черный день». Кто-то надеялся встретить друга, найти себе мужа, главу семьи, и они не скрывали этого.

Холостяков в 40-й армии было очень много, особенно среди молодых офицеров. Некоторые женились в Афганистане. Браки регистрировались и в советском консульстве, и в наших воинских частях. Ничего плохого в этом, на мой взгляд, нет. Уже после завершения войны мне приходилось встречаться с офицерами, которые впервые увидели свою будущую жену в Афганистане. Очень хорошие, дружные семьи.

В меньшей степени, но были и такие любительницы острых ощущений, которые вели себя не слишком достойно. Иногда

такие ситуации завершались тем, что офицер разводился с женой, оставлял детей и женился на такой вот «чекистке», как мы их называли.

Видимо, нет смысла за подобное поведение осуждать только женщин. К этой проблеме нужно подходить и с точки зрения мужчин, которые поддерживали с ними связи. Подобные отношения возникали на основе обоюдного стремления. Полностью их отрицать, на мой взгляд, бессмысленно. Никто не имеет права вторгаться в личную жизнь офицера. Вот только обидно и тяжело было за тех, кто из-за непродолжительного и очень сомнительного увлечения разрушал собственную семью. Такое, к сожалению, тоже было.

Пленные

В феврале 1989 года мы завершили вывод советских войск из Афганистана. Солдаты и офицеры радовались тому, что война наконец-то закончилась. Но это не совсем так. Она до сих пор продолжается для 315 военнослужащих 40-й армии (данные на март 1993 года: 315 человек считались без вести пропавшими, из них: 15 человек возвратились, 3 погибли, 3 отказались вернуться на Родину), которые в разное время были исключены из списков своих воинских частей. Этих офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов наша официальная пропаганда как бы не брала в расчет, потому что они находились в плену или считались пропавшими без вести.

Сейчас трудно разделить оставшихся в Афганистане на дезертиров и военнопленных. О судьбе большинства военнослужащих, которые по сей день находятся у моджахедов, мы по-прежнему не имеем достоверных сведений. За некоторым исключением, до сих пор неизвестно, кто из них добровольно перешел на сторону противника, а кто попал в плен по стечению обстоятельств.

Думаю, что проводить такую градацию не самое главное сегодня. Во-первых, этого ни в коем случае нельзя делать с нравственной точки зрения. Не солдаты и офицеры виновны в развязывании афганской войны. 40-я армия вошла в Афганистан не по собственному желанию. Военнопленные оказались, по сути, жертвами решения, принятого бывшим советским руководством. Государство поставило своих солдат в экстремальные условия. На войне им пришлось испытать колоссальные нагрузки. Не вина, а скорее беда некоторых девятнадцатилетних солдат, что вынести это им оказалось не под силу.

Во-вторых, у каждого военнослужащего дома осталась семья. Его по-прежнему ждут родители, родственники и друзья. Большинство из них не знают, по какой причине их сын или племянник, отец или брат попал в плен. Родные уверены, что он оказался на той стороне не по своей воле, а по роковому стечению обстоятельств. К сожалению, случаи, когда военнослужащие переходили к моджахедам, предав своих товарищей, на самом деле происходили. Особенно горько от того, что в числе таких, хоть их было и немного, оказывались и офицеры. На мой взгляд, нет необходимости детализировать некоторые моменты. Не нужно травмировать и без того убитую горем семью и говорить о том, что любимый сын или отец сам сдался противнику. Все-таки ни одна мать не растит своего сына

предателем.

Случаи дезертирства или пленения военнослужащих 40-й армии рассматривались нами как чрезвычайные происшествия. В таких ситуациях спрос с командования армии и командиров частей был самым жестким, если не сказать жестоким.

Если пропадал солдат, мы проводили тщательное расследование. Кроме военных, в нем принимали участие следователи прокуратуры и офицеры военной контрразведки. Мы настаивали на том, чтобы совместно с военными обязательно работали представители советского посольства, КГБ, МВД СССР, Царандоя, СГИ и армии Афганистана. Такие комплексные группы формировались для расследования каждого случая исчезновения военнослужащих Ограниченного контингента.

Командование армии не всегда могло установить истинные причины, по которым наш военнослужащий оказался в плену у противника. Достаточно сложно сделать такой анализ и сегодня. Для этого прежде всего необходимо встретиться с каждым, кто остался в Афганистане.

Однако результаты проведенных расследований показывают, что, как правило, такие ситуации возникали во время ведения боевых действий. В большинстве случаев военнослужащие попадали к моджахедам в бессознательном состоянии, будучи ранеными или контуженными.

Довольно часто молодые солдаты оказывались в плену по собственной халатности. Кто-то, например, решил сходить в туалет, но не в то место, которое было определено командиром и находилось под охраной, а куда-нибудь подальше. Ведь всякие были солдаты — некоторые стеснялись.

Очень многим пришлось расплачиваться свободой за стремление поживиться. Скажем, удалось сержанту незаметно свинтить деталь с машины или выкрасть цинковый ящик с патронами, немного сахара, муки или лекарств, он шел продавать это в кишлак. И уже не возвращался.

Значительно меньше военнослужащих, буквально единицы, целенаправленно, продумав каждое действие, уходили к противнику. В основном эти люди стремились как можно скорее попасть в Пакистан и оказаться вне досягаемости своих бывших сослуживцев. Я не сомневаюсь, что они перешли на сторону противника потому, что не хотели, точнее, боялись воевать.

Подавляющее большинство солдат и офицеров, на мой взгляд, по-человечески побаивались плена. Во-первых, не всех захваченных или перешедших к ним советских душманы оставляли в живых. Во-вторых, нам было известно, каким пыткам подвергаются наши военнослужащие, оказавшиеся в бандах

оппозиции. Во время проведения войсковой операции в ущелье Панджшер в 1985 году мы захватили тюрьму Ахмад Шаха Масуда, где он издевался над своими пленными. Все, что мы увидели там, было заснято оператором. Этот небольшой видеофильм мы размножили и демонстрировали в подразделениях.

Кроме того, каждый случай исчезновения или пропажи военнослужащих в обязательном порядке доводился до личного состава 40-й армии приказами, шифровками и директивами. Если бы мы этого не делали, то количество пленных оказалось бы в несколько раз больше.

Мы прилагали колоссальные усилия для того, чтобы освободить из плена наших солдат и офицеров. Сделать это удавалось не сразу. Через агентурную сеть военной разведки и контрразведки, через своих помощников в Пакистане, Иране и Китае командование армии выходило напрямую и поддерживало связь с полевыми командирами оппозиции.

Борясь за освобождение военнопленных, мы не имели возможности использовать силовые методы воздействия на оппозицию. Войсковые операции или бомбово-штурмовые удары могли только усугубить положение наших военнослужащих. А рисковать их жизнью мы не имели права.

В результате усилий советского военного командования в Афганистане за девять лет в свои части было возвращено девяносто восемь человек. Нам удалось это сделать в основном за счет того, что многие из них попали в небольшие банды, которые действовали более или менее самостоятельно и не были слишком заметны на общем фоне. Полевой командир не очень высокого уровня на свой страх и риск самостоятельно мог принять решение о непродолжительном контакте с советскими.

Обычно в обмен на освобождение солдат и офицеров, которые оказались в плену, мы предлагали моджахедам значительное количество продовольствия, медикаментов, горючее или деньги. Переговоры, как правило, велись долго. Иногда на это уходило два-три месяца, иногда год. Тем не менее нам удавалось прийти к необходимому для нас соглашению. Таким образом только за последние полтора года, когда я был командующим 40-й армией, мы вызволили из плена десятки наших военнослужащих.

Плен — это тяжелейшее испытание для каждого солдата. За эпопеей их освобождения внимательно следят не только родственники. За них переживают все, кому довелось воевать в Афганистане.

Сегодня уже известно, что некоторые из бывших военнослужащих 40-й армии приняли решение вообще не

возвращаться на родину. С одной стороны, это явилось результатом мощной идеологической обработки. С другой стороны, покинув лагеря для пленных, вырвавшись из мусульманских — афганских, пакистанских и иранских — «объятий», они обосновались в Канаде, США, во Франции и других странах мира. Они прижились там, у некоторых уже появились семьи. Чтобы понять мотивы их поведения, нужно самому оказаться в шкуре солдата и хотя бы в течение нескольких месяцев прочувствовать на себе то, что пришлось пережить им. Я думаю, что за это нельзя упрекать военнослужащих. В конце концов, такой выбор — личное дело каждого человека и его родных.

О судьбе очень многих военнопленных вообще ничего не известно. Есть основания предполагать, что более ста человек из них погибли, умерли от ран или истязаний. Только сейчас, например, начинает приоткрываться тайна лагеря для военнопленных Бодайберг на территории Пакистана. Находившиеся там наши солдаты подняли восстание. Они проявили все лучшее, что всегда было у советского солдата, — мужество, героизм и стойкость. Пока не удалось установить доподлинно, но, по крупицам имеющейся информации, можно сделать вывод, что военнослужащие 40-й армии не смирились с пленом и в других районах страны.

Чем больше времени проходит после вывода советских войск из Афганистана, тем труднее становится освобождение наших солдат. К сожалению, время, когда мы могли значительно эффективнее решить проблему военнопленных, безнадежно упущено.

Командование 40-й армии и руководство Министерства обороны СССР настаивали на том, что условия освобождения советских военнопленных необходимо зафиксировать в Женевских соглашениях. Военные неоднократно докладывали руководству, в том числе и М. С. Горбачеву: как только части Ограниченного контингента покинут территорию Афганистана, вытащить наших солдат и офицеров из плена окажется в несколько раз труднее. Этим просто некому будет заниматься. Однако к нашим рекомендациям не прислушались.

Мы не имели морального права уйти из Афганистана до тех пор, пока не освободили наших солдат или в крайнем случае не выяснили их судьбу. Ведь не секрет, что и в то время, когда 40-я армия находилась в Афганистане, и сейчас нам вообще ничего не известно о более чем двухстах пятидесяти пропавших без вести военнослужащих. Мы не знаем — живы ли они и где находятся. То, что военнопленные и пропавшие без вести, согласно

действующим правилам, исключены из списков воинских частей, еще не означает, что они перестали быть гражданами своей страны и лишились защиты государства, пославшего их на войну.

Подготовленные при непосредственном участии Министерства иностранных дел СССР и подписанные в Женеве соглашения по урегулированию афганской проблемы заранее предопределили судьбу наших военнопленных. Более трехсот солдат и офицеров 40-й армии остались, по сути, за рамками внешнеполитических интересов в то время советского, а теперь российского руководства. Их освобождение оказалось отодвинутым на неопределенный срок.

С учетом стремительно меняющейся обстановки в Афганистане возвращение наших военнопленных на родину становится все более проблематичным.

Практически у каждой исламской партии, которая участвовала в борьбе с кабульским режимом, находятся в плену — у кого больше, у кого меньше — военнослужащие 40-й армии. Как правило, сегодня они используются в качестве политических заложников. Нынешние афганские лидеры уже неоднократно, угрожая расправой над нашими солдатами, выдвигали ультимативные требования российскому правительству. На сегодняшний день реальной опасности подвергаются жизни более ста сорока русских парней, шестидесяти украинцев, тридцати узбеков, десяти белорусов, а также военнослужащих других национальностей.

В афганской «мясорубке»

Отбор солдат и сержантов в 40-ю армию, так же как и во все вооруженные силы, осуществлялся через военкоматы. В начальный период среди военнослужащих, призванных почти со всей территории Советского Союза, немало было уроженцев Средней Азии. Считалось, что они должны быть лучше приспособлены для службы в тяжелых условиях Афганистана. Когда в 1981 году я принял командование 5-й мотострелковой дивизией, то больше половины личного состава соединения составляли таджики, узбеки, киргизы и туркмены.

Однако очень скоро мы убедились: такой подход к комплектованию полков, бригад и дивизий Ограниченного контингента бесперспективен. Надежды на призывников из среднеазиатских республик Советского Союза не оправдались по многим субъективным причинам.

В свою очередь моджахеды старались, и небезуспешно, создать через них разведывательную сеть. Нередко им удавалось не только вовремя узнавать о происходящем в той или иной части, но и некоторым образом воздействовать на ход событий.

Офицерам пришлось столкнуться с тем, что солдаты, призванные из Средней Азии, открыто отказывались принимать участие в боевых действиях. Кроме того, уровень подготовки призывников из среднеазиатских республик был значительно ниже, чем у солдат, прибывших, скажем, из европейской части страны или с Северного Кавказа.

Командование Ограниченного контингента было вынуждено принять срочные меры для того, чтобы изменить положение. Начиная с 1982 года примерно 80 % солдат и сержантов, пополнявших части 40-й армии, направлялись в Афганистан из европейской части Советского Союза, из Сибири и с Дальнего Востока.

После этого ситуация нормализовалась, и дела пошли значительно лучше. Молодые солдаты, которым предстояла служба в Афганистане, проходили шестимесячный курс подготовки в учебных подразделениях. В основном они располагались на территории Туркестанского военного округа. Условия в этих учебных центрах были максимально приближены к боевым. Школы подготовки специалистов существовали и в других военных округах. Обучение проводилось интенсивно. Солдат учили владеть оружием, действовать в составе подразделения, ориентироваться на местности и многому другому. Только после полугодичной подготовки они

направлялись в Афганистан.

Два раза в год — весной и осенью — мы принимали молодое пополнение. Причем, когда в 40-й армии осуществлялась замена, то старослужащие солдаты не сразу отправлялись домой. Стало традицией, что они неделю-две, а иногда и месяц передавали свой опыт только что прибывшим, тем, которые встанут вместо них в строй. Увольняемые в запас учили молодых прежде всего специфике жизни в Афганистане. Не только действиям в бою, но и в повседневной жизни.

Специальная программа, по которой офицеры занимались с пополнением в течение месяца уже в Афганистане, позволяла молодым солдатам освоить особенности проводимых боевых действий и быта Ограниченного контингента, а также получить представление о местном населении страны.

Таким образом, как минимум семь месяцев они готовились, прежде чем вставали в строй 40-й армии. Увеличивать срок не было необходимости. За это время солдаты и сержанты получали неплохие навыки. Они могли уверенно действовать в боевой обстановке и заботиться о своем здоровье. С учетом того, что солдаты служили всего два года, существовавшая система обучения была оптимальной.

Кроме того, перед началом боевых действий мы выделяли время специально для того, чтобы самым тщательным образом подготовить подразделение к предстоящей операции. Как правило, в течение десяти дней рота или батальон отрабатывали типичные ситуации, которые обычно возникают во время боя.

За девять лет в составе Ограниченного контингента прошли службу более пятисот тысяч советских солдат и офицеров. Социальный состав 40-й армии практически все время был однороден. В основном срочную службу в Афганистане проходили дети рабочих и крестьян. Они составляли подавляющее большинство 40-й армии, причем жителей сельской местности было чуть больше.

Значительно меньше в 40-й армии служило солдат и сержантов, которые выросли в семьях интеллигенции. Воевали они неплохо. Нареканий в их адрес со стороны командиров практически не было.

Командование 40-й армии никогда не проводило специального анализа, но по собственным наблюдениям я знаю, что в Афганистан очень редко попадали призывники, чьи родители занимали высокое служебное положение. Если такие случаи и происходили, то они были скорее исключением из правила. И все-таки сыновья первых секретарей обкомов и горкомов партии в Афганистане служили, правда, немногие.

Например, из Гродно и Астрахани — это только те, о которых я знаю. Может быть, был кто-то и из других регионов страны.

Почти все родители, узнав, что их сын может быть направлен на службу в состав Ограниченного контингента, конечно же, пытались изыскать какие-то возможности и сделать так, чтобы он не попал в Афганистан. Видимо, я не имею права ставить им это в вину, поскольку у каждого отца и матери в генах заложена забота о своем ребенке. Никто не хотел отправлять подчас единственного сына в афганскую «мясорубку». Кому-то это удавалось, кому-то — нет. Многие родители узнавали о том, что их сын воевал в Афганистане, лишь после того, как он оттуда уже вернулся. До этого они получали письма, в которых солдаты сообщали, что служат якобы в Германии, в Чехословакии или в Монголии.

Если говорить об офицерах, то среди них я выделил бы пусть небольшую по количеству, но особую категорию — где-то и в чем-то провинившихся. Афганистан для многих больших и не очень честных командиров стал местом, куда они в любое время могли перевести неугодных подчиненных. Конечно же, открыто в таких случаях об этом не говорили, но каждый понимал истинную причину неожиданного назначения на новую должность.

Примерно так же произошло и со мной. В свое время в Майкопе был ограблен военный медицинский склад. Украли девятьсот ампул промедола. Как начальник штаба дивизии, отвечавший за службу войск, в том числе и за охрану склада НЗ, в происшествии был виновен и я. Но только до тех пор, пока не разобрались. А когда разобрались, было поздно — я уже служил в Афганистане.

Вместе с тем нужно сказать и о другом. Часть офицерского корпуса 40-й армии составляли и дети крупных военачальников. В Афганистане служили, например, младшие сыновья Маршала Советского Союза С. Л. Соколова и генерала армии В. И. Варенникова, а также сыновья некоторых командующих войсками округов. Я не стану утверждать, что в Афганистан стремились попасть все генеральские дети, но то, что они на самом деле служили там, и служили хорошо, — это точно.

Теоретический уровень подготовки у всех офицеров, служивших в Афганистане, был достаточно высоким. Это немаловажно, но не является главным. Основным я считаю практический опыт, который имеет офицер. В этом отношении начальный период пребывания советских войск в Афганистане характеризовался тем, что офицерский корпус лишь приобретал опыт ведения боевых действий. Нарабатывался он тяжело. Войсковые операции носили ярко выраженный характер

партизанской войны против небольших групп моджахедов. Открытого противостояния между воюющими сторонами не было. Не существовал в привычном понимании тыл. Отсутствовала как таковая и линия фронта.

К концу 1982 года частями Ограниченного контингента советских войск в Афганистане уже был приобретен некоторый боевой опыт. Мы активно использовали различные виды боевых действий с учетом специфики того или иного района страны.

Со временем офицеры, прибывавшие из Союза, стали легче втягиваться в боевую обстановку. Прием-передача должности проводились в течение полутора-двух недель. За это время убывавшие по замене командиры подразделений не только передавали своим сменщикам имущество, но и вводили их в курс происходящих событий. Кроме того, в 40-й армии строго соблюдался принцип взаимозаменяемости офицеров. Мы не допускали того, чтобы, скажем, управление роты состояло из только что прибывших офицеров. Например, из трех командиров взводов двое уже участвовали в боевых действиях и имели определенный опыт, а один лишь начинал свою службу в Афганистане. Такое же положение сохранялось в батальонах, полках и выше.

По пыльным дорогам

Снабжение Ограниченного контингента советских войск продовольствием, боеприпасами, медикаментами, горючим и другими необходимыми для повседневной и боевой деятельности воинских частей материальными средствами производилось с территории Советского Союза. Основные перевалочные базы, которые были задействованы для обеспечения армии, находились в приграничных с Афганистаном городах Кушка и Термез. Перевозками непосредственно на территории Афганистана занималась армейская бригада материального обеспечения, состоявшая из нескольких автомобильных батальонов.

С баз, расположенных на территории Туркестанского военного округа, перевозки на армейские и дивизионные склады осуществлялись в основном силами 40-й армии. Ежедневно в рейс выходило пять-шесть автомобильных рот. Путь из Кабула в Термез занимал два дня. Двое-трое суток требовалось для того, чтобы загрузить машины. Еще два дня, иногда больше, занимала дорога обратно. На западном, Кандагарско-Шиндандском, направлении для совершения марша требовалось больше времени. В некоторых случаях автомобильные батальоны на западном и восточном направлениях усиливались за счет транспортных средств окружного подчинения.

Далее перевозки осуществлялись батальонами или ротами материального обеспечения полков и дивизий 40-й армии.

Значительные силы Ограниченного контингента были задействованы для обеспечения безопасности нашего транспорта. В составе каждой колонны находились радисты, а также, в зависимости от обстановки, артиллерийские корректировщики и авианаводчики. Вдоль основных автомобильных трасс постоянно находились наши сторожевые заставы, посты и блоки. Дежурная служба следила за обстановкой в районах следования транспорта.

Для нужд 40-й армии в Афганистане мы ничего не брали. Если что-то и использовали, то лишь воздух и пыль. Несмотря на огромные затраты и трудности перевозок, снабжение подразделений осуществлялось регулярно. В течение девяти лет нашего пребывания в Афганистане ни разу не было не только срывов в обеспечении, но и угрозы того, что в том или ином районе страны полк или батальон 40-й армии останется без продовольствия или боеприпасов. Уровень запасов иногда снижался, в некоторых ситуациях он оказывался значительно ниже того, что необходимо было иметь. Но критическим положение не становилось никогда.

Основные трудности со снабжением возникали при подготовке к крупным войсковым операциям и во время их проведения. В значительном количестве мы перебрасывали в район предстоящих боевых действий боеприпасы, топливо, медикаменты и продовольствие. Объем перевозок в эти недели возрастал настолько, что мы были вынуждены отправлять на территорию Союза транспорт не только армейского, но и дивизионного подчинения.

Топливом и горюче-смазочными материалами 40-я армия снабжалась через трубопроводы: от Термеза до авиационной базы в Баграме и от Кушки до Шинданда. Для нас это было значительным подспорьем, потому что перевозить топливо автомобильным транспортом в условиях Афганистана не только трудно, но и чрезвычайно опасно. Охрана трубопровода требовала значительных усилий: некоторые его участки постоянно минировались или подвергались обстрелу. Точное время перекачки топлива держалось в строжайшем секрете. Если же душманам все-таки удавалось это узнать, то они стремились сделать все для того, чтобы не только вывести из строя трубопровод, но и нанести советским войскам значительный ущерб. Иногда в результате массированных обстрелов и диверсий мы теряли более 500 тонн топлива в сутки. В некоторых случаях наши потери оказывались значительно меньшими — 20–25 тонн. Это считалось нормальным.

Обезопасить переброску топлива было очень сложно. Мы не имели возможности через каждый метр вдоль всего трубопровода поставить своего солдата. Можно было, конечно, заминировать прилегающую к ветке местность. Но и это был не выход из положения. К трубопроводу постоянно подходили жители близлежащих кишлаков, в том числе и дети. Мы не могли ставить под угрозу их жизнь.

Трубопровод охраняли специальные патрульные подразделения. На особо опасных участках мы выставляли сторожевые заставы. Привлекали для наблюдения за обстановкой вокруг трубопровода и местное население. С жителями кишлаков представители советского военного командования подписывали соответствующие договоры. Афганцы брали на себя обязательство немедленно ставить в известность командиров наших подразделений о готовящихся диверсиях. Мы со своей стороны бесплатно выдавали им топливо, а если была возможность, то продукты и медикаменты.

Бурхануддин Раббани

Прежде чем перейти к рассказу о последних операциях, в которых принимала участие 40-я армия, я бы хотел остановиться на характерных особенностях завершающего этапа пребывания советских войск в Афганистане.

В то время, когда я вступил в командование армией, еще никто не знал о точных сроках вывода советских войск. Лидеры афганской оппозиции — «альянса семи» — продолжали добиваться поставленной перед собой цели. Они стремились свергнуть существовавший в стране режим и создать в Афганистане теократическое государство. Вооруженной борьбе с революционным правительством ими придавалось основное значение.

Тактика действий оппозиции включала в себя способы борьбы с регулярными войсками, методы проведения диверсионно-террористических акций и комплекс агитационно-пропагандистских мероприятий.

Если в начале 1980 года моджахеды пытались противостоять советским войскам достаточно крупными силами, то уже через несколько месяцев, поняв, что это ведет к большим потерям, оппозиция перешла к действиям небольшими группами. Фактически это означало начало ведения партизанской войны. В центральных, северных и западных провинциях Афганистана такое положение сохранялось практически без изменения до вывода наших войск.

В приграничных с Пакистаном и Ираном районах, прежде всего в провинциях Кунар, Нангархар, Пактия, Пактика, особенно в округе Хост и в окрестностях Кандагара, ситуация была совершенно другой. На протяжении всех девяти лет советского военного присутствия здесь было характерно сосредоточение и использование оппозицией достаточно больших группировок душманов, которые насчитывали от трех до шести тысяч человек. В этих районах полевые командиры не опасались ни окружения, ни полного разгрома своих банд. В случае появления подобной угрозы душманы очень быстро уходили на территорию Пакистана.

Командиры мелких формирований душманов по партийной принадлежности подчинялись общему руководителю того района, на территории которого они находились и действовали. О более или менее заметных лидерах оппозиции командование 40-й армии знало если не все, то многое. Некоторые из них сейчас, после падения революционного правительства, по-прежнему

являются достаточно заметными фигурами в Афганистане.

За годы моего пребывания в Афганистане я убедился в том, что лидеры исламских партий, которые постоянно вели борьбу против советских войск, являются достойными противниками. Думаю, читателям будет интересно поближе познакомиться, например, с лидером партии «Исламское общество Афганистана».

Бурхануддин Раббани, сын Мухаммеда Юсуфа, родился в 1941 году в городе Файзабад, провинция Бадахшан, в семье муллы. По национальности таджик. Начальное образование получил в своем родном городе. В двадцать лет он окончил религиозный лицей, а в двадцать три года — теологический факультет Кабульского университета. Показательно, что во всех учебных заведениях он добивался высших оценок.

Два года Раббани преподавал на теологическом факультете столичного университета, после чего был направлен в Каир для получения высшего теологического образования в университете Аль-Азхар.

В двадцать восемь лет защитил докторскую диссертацию на тему «Жизнь и научно-философское мировоззрение Нуриддина Абдуррахмана Джами» (средневековый восточный писатель, ученый и философ). После возвращения в Афганистан преподавал философию на теологическом факультете Кабульского университета.

В этот период начинается его активная политическая деятельность в рамках афганской организации «Братья-мусульмане», членом которой он являлся с 1958 года.

Руководство организации поручило Раббани возглавить молодежную группу при Кабульском университете. На этом посту Раббани проявил себя как энергичный, последовательный и настойчивый руководитель. Ему удалось создать деятельную организацию студентов и преподавателей, в число которых входили Абдул Расул Саяф, Г. Хекматияр, Ахмад Шах и другие.

В 1973 году Раббани был избран руководителем афганской организации «Братья-мусульмане» и занимал этот пост до 1976 года. После начала репрессий против организации ему удалось укрыться в горных районах провинции Бадахшан, откуда Раббани продолжал руководить своими подчиненными.

Вскоре после этого Раббани выехал в Пакистан и объявил о создании партии «Исламское общество Афганистана» (ИОА), целью которой провозглашалась вооруженная борьба с «режимом Дауда и русским империализмом в Афганистане».

В 1978 году, сразу же после Апрельской революции, Раббани активно включился в развертывание вооруженной борьбы с правительством ДРА и призвал к объединению всех исламских

организаций в единый фронт. Через два месяца после ввода советских войск в Афганистан ИОА вошло в числе других партий в созданный «Исламский союз за освобождение Афганистана», а после его роспуска в 1981 году — в «Исламский союз моджахеддинов Афганистана» (ИСМА), или «альянс семи». В ИСМА Б. Раббани занял пост руководителя военного комитета.

Помогала Раббани и его широкая известность среди ученых-богословов арабских стран. Он имеет ученую степень бакалавра философии и мусульманского права. С 1971 года Раббани являлся главным редактором журнала «Шариат». Книги Раббани «Ислам и коммунизм», «События 26 июля (1972 г.) и деятельность Дауд Хана», «Политические основы ислама» изданы на арабском и английских языках.

Раббани — убежденный антимонархист. Программа ИОА выгодно отличалась от подобных документов других партий своим довольно четким изложением положений о будущем государственном устройстве Афганистана, а именно о создании исламской республики панисламистского толка с беспрекословным соблюдением законов шариата.

Бурхануддин Раббани умеет объективно оценивать обстановку. Например, несмотря на лозунг, под которым ИОА вело вооруженную борьбу («Отпор русскому империализму»), он неоднократно высказывал мысль о том, что, по его мнению, Советский Союз был заинтересован в быстрейшем решении афганской проблемы. Кроме этого, он заявлял, что «ИОА не имеет ничего против СССР, но мы ведем борьбу против русских войск, оккупировавших Афганистан».

Финансовое положение ИОА значительно поддерживали поступления от продажи изумрудов и лазурита, добываемых на территории Афганистана. Раббани имеет личные вклады в банках США и европейских стран на имя Тафиля Мухаммеда. Например, только в Пакистане он располагает капиталом в размере около двухсот миллионов рупий и является владельцем текстильной и ковроткацкой фабрик.

Отряды партии Раббани контролируют ситуацию в северных, восточных и западных провинциях — в Балхе, Джаузджане, Бадахшане, Парване, Баглане, Самангане, Кабуле, Каписе, Нангархаре и Герате. Среди пуштунских племен, позиции которых в Афганистане традиционно сильны, Раббани и его группировка особым влиянием не пользуются. Вооруженные формирования ИОА включали в себя чуть меньше 940 отрядов и групп общей численностью более тридцати тысяч человек.

Высокий авторитет Б. Раббани в мусульманском мире, его связи с научными и правящими кругами, а также исламскими

организациями арабских государств позволили ему занять одно из ведущих мест в руководстве афганской оппозиции. «Исламское общество Афганистана» долгое время являлось второй после партии Г. Хекматияра по влиянию и силе организацией афганских мятежников. Формирования Раббани отличались от других группировок сравнительно умеренным отношением к мирным жителям. Как правило, его люди избегали жестокого обращения со своими соотечественниками и отличались жесткими требованиями к соблюдению канонов ислама. В определенной степени личные качества и организаторские способности Б. Раббани повлияли на решение избрать его президентом Исламского Государства Афганистан.

Политика национального примирения

1987 год характерен еще и тем, что с избранием на пост Генерального секретаря НДПА Наджибуллы (тогда его звали Наджибом) началось очищение политической доктрины партии от наслоений догматизма и подражательства. Уже тогда в воздухе витала потребность существенного изменения внешней и внутренней политики НДПА. С помощью и при непосредственном участии советских партийных советников была выработана новая стратегия, целью которой являлось прекращение внутренних конфликтов в стране. Во всем мире она широко известна как политика национального примирения.

Мы отдавали себе отчет в том, что реализовать наши намерения будет чрезвычайно сложно. Моджахеды контролировали более 80 % территории страны и, следовательно, подавляющее большинство населения Афганистана. Симпатии значительной части афганцев были на стороне оппозиции.

Но у нас не было иного выбора: многолетняя изнурительная война подвела и без того отсталую страну к краю пропасти. В прекращении гражданской братоубийственной войны основной упор был сделан на решении проблем Афганистана политическими методами. Характерно, что политика национального примирения рассматривалась как этап развития национально-демократической революции. Это был особый вид политического компромисса, где в единое целое объединялись задачи установления демократического строя, прекращения войны и ускорения социально-экономического развития на основе — даже в Афганистане тогда употребляли это слово — многопартийности.

При этом отмечалось одно из главных условий — сохранение статуса Афганистана как нейтрального, неприсоединившегося государства.

В качестве одного из первых шагов политики национального примирения правительством Афганистана предлагалось прекратить на территории страны огонь из всех видов оружия. Для этого была определена точная дата — 15 января 1987 года.

После приостановления боевых действий предполагалось вернуть советские и правительственные войска в пункты постоянной дислокации и перейти на регламент мирного времени. Командирам соединений и частей 40-й армии было дано указание после 15 января не наносить артиллерийские и авиационные удары по противнику, если он не представляет угрозы для мирного населения, а ограничиться лишь охраной

государственной границы, гарнизонов и других военных объектов.

Правительство Афганистана в условиях перемирия предполагало начать активную работу по созданию коалиционных форм правления. Лидерам оппозиции предлагалось занять посты премьер-министра, председателя Верховного суда, председателя Народного совета, половину министерских кресел, должность заместителя министра обороны и посты губернаторов целого ряда провинций.

Руководство страны ожидало, что в результате выдвинутой им политической инициативы — а ее без преувеличения можно назвать новой и во многом неожиданной для существовавшего тогда режима — удастся прекратить обстрелы городов, воинских частей и воздушного транспорта, а также других целей и объектов. Стоял вопрос и о прекращении доставки на территорию ДРА оружия и боеприпасов, прекращении минирования дорог, террористических актов и диверсий.

При достижении перемирия и после объявления кишлака, волости или провинции зоной мира Ревсовет готов был предоставить значительные государственные льготы, которые заранее разрабатывались и были широко известны в стране.

В процессе реализации политики национального примирения особое внимание предполагалось уделить решению проблемы афганских беженцев.

К тому времени более 4,5 миллиона граждан Афганистана оказались за границами своего государства и, получив статус беженцев, проживали без достаточных средств к существованию. Бедственное положение беженцев активно использовалось афганской контрреволюцией, поддерживающими ее западными странами и несколькими мусульманскими режимами в целях политического воздействия на правительство Афганистана, а также для продолжения вооруженной борьбы с революционным режимом.

Наиболее многочисленные афганские колонии находились в Пакистане (более трех миллионов человек) и Иране (около полутора миллионов беженцев). Небольшие группы афганцев имелись в Индии, Саудовской Аравии и других странах региона.

Основная масса беженцев проживала в приграничных с Афганистаном районах: более двух миллионов человек размещалось в 240 палаточных лагерях на территории Северо-Западной пограничной провинции Пакистана, а также более полумиллиона в Белуджистане и около ста тысяч человек в Пенджабе. В Иране основные лагеря беженцев находились в районе городов Мешхед, Тейебад, Заболь, Захедан, Кашмер и

Керман.

Экономическая помощь беженцам осуществлялась по линии Организации Объединенных Наций и других международных организаций. Например, в 1983 году на их содержание было выделено около 55О млн. долларов, в 1984 году — свыше 600 млн., а в 1985 году — чуть меньше 700 млн. долларов.

Значительная часть этой суммы регулярно присваивалась лидерами контрреволюции, администрацией лагерей, вождями и старейшинами племен. В результате хищений и злоупотреблений в лагерях создалось тяжелое положение, которое ухудшалось с каждым месяцем. Произвол властей, бесчинство мятежников, бесправие беженцев и отсутствие каких-либо перспектив к лучшему, а также кропотливая работа правительства Афганистана способствовали тому, что некоторые из них принимали решение возвратиться на родину. За семь лет советского военного присутствия в Афганистан вернулось 12 тысяч человек, а в 1988 году — 120 тысяч беженцев.

Пакистанские и иранские власти создавали многочисленные препятствия на пути желающих возвратиться в Афганистан. Беженцы рассматривались ими прежде всего в качестве основного резерва живой силы для пополнения вооруженных отрядов афганской контрреволюции. Кроме того, Пакистан активно использовал поступавшую в адрес беженцев помощь для увеличения собственной казны, а для Ирана наличие афганской колонии на его территории являлось дополнительным источником живой силы для продолжения войны против Ирака.

Афганские беженцы составляли многочисленную армию безработных, что создавало серьезную конкуренцию местному населению в борьбе за рабочие места, поскольку труд афганцев оплачивался значительно ниже. Нищета, безработица и обездоленность беженцев все чаще толкали их на путь преступлений, контрабанды и наркомании.

Спекулируя на трудностях и тяжелом положении беженцев, афганской контрреволюции удалось создать из них основу для пополнения банд мятежников. Ежегодно в качестве бойцов оппозиции на территорию Афганистана из Пакистана забрасывалось более 25 тысяч, а из Ирана — более 15 тысяч человек. Для вербовки беженцев использовалась широкомасштабная идеологическая обработка и такие методы, как подкуп, шантаж и угрозы.

Правительственные органы Пакистана принимали участие в организации деятельности 34 военизированных лагерей афганских контрреволюционеров. Наиболее крупные центры подготовки вооруженных отрядов оппозиции находились под

Пешаваром, Парачинаром и возле города Кветта.

Парадоксально, но политика национального примирения, особенно решение о выводе Ограниченного контингента советских войск из Афганистана в течение ближайшего года, а затем в еще более короткий срок — в течение девяти месяцев, встретила резко негативную реакцию со стороны определенной части высшего политического и военного руководства страны. Многие чиновники начали понимать, что почва уходит у них из-под ног. Командование 40-й армии и военные советники все чаще стали сталкиваться с открытым саботажем со стороны афганских должностных лиц.

К сожалению, инициатива кабульского правительства не нашла поддержки у лидеров оппозиции, в том числе и у вождей многих племен. Контрреволюция расценила политику национального примирения прежде всего как слабость государственной власти и лишь усилила борьбу, направленную на ее свержение. Это привело к резкому повышению боевой активности бандформирований оппозиции в условиях одностороннего прекращения огня советскими и правительственными войсками.

«Магистраль»

Летом и осенью 1987 года особую озабоченность у афганского руководства и советского военного командования вызывала обстановка в провинции Пактия, а именно в округе Хост. Она была вызвана тем, что вооруженные отряды оппозиции практически завершили блокирование города. В Хосте сложилась критическая ситуация с продовольствием — население города голодало. Продукты питания доставлялись туда преимущественно самолетами, а осенью 1987 года и по воздуху перебрасывать их стало очень опасно. Транспортная авиация отправлялась в Хост, как правило, в ночное время суток.

После вывода из Хоста гарнизона советских войск сложилась реальная угроза потери города, да и всего округа. Положение осложнялось тем, что сам округ Хост находился в двойной изоляции. Первое кольцо состояло из бандформирований контрреволюции, а второе проходило по горной гряде перевала Сатыкандав, высота которого достигала трех тысяч метров.

Потеря Хоста кабульским правительством явилась бы важным приобретением для оппозиции. Поэтому к решающему удару моджахеды готовились основательно. Воспользовавшись отсутствием советских войск в том районе, к осени 1987 года душманы восстановили одну из самых крупных своих перевалочных баз, «Джавара», что в переводе означает «Волчья яма», которую наши войска разгромили еще весной 1986 года.

Контроль над Хостом был крайне необходим контрреволюции прежде всего потому, что именно в этом городе должно было начать свою работу так называемое афганское правительство.

Афганская оппозиция, руководство Пакистана и некоторые мусульманские режимы в своих усилиях по сплочению контрреволюционных партий и созданию более благоприятных политических условий для их действий придавали особое значение реализации ранее выдвинутой идеи формирования альтернативного правительства Афганистана. Расчеты строились на том, что появление такого «правительства» позволило бы легализовать оказание широкой военной помощи контрреволюционным силам, предпринять дополнительные шаги для того, чтобы вновь заострить «афганскую проблему», провести представителей оппозиционного движения в различные международные организации, включая Организацию Объединенных Наций, и осложнить женевские переговоры по нормализации обстановки вокруг Афганистана.

Идея создания такого «правительства» вынашивалась с 1980

года. Долгое время афганская контрреволюция была не готова к созданию единого органа политического управления. Практически его невозможно было сформировать и в 1987 году. Однако «альянс семи», под нажимом союзников и вопреки всем существовавшим в его рядах противоречиям, пошел на создание «афганского правительства». Эта попытка была направлена прежде всего на то, чтобы поднять свои политические акции и сохранить приток финансовой и материальной помощи от стран Запада и мусульманского мира.

Одно дело — иметь «правительство в изгнании» где-то на территории Пакистана и совсем другое — в Хосте. В таком случае гражданская война имела все шансы превратиться в освободительную.

После многократных настойчивых просьб афганского руководства командованием Ограниченного контингента было принято решение спланировать и провести крупную совместную войсковую операцию афганских и советских войск. Основной целью являлся прорыв блокады для обеспечения населения Хоста в первую очередь продовольствием, а также другими видами материальных средств — горючим, медикаментами и т. д. Предварительно нами был проведен глубокий и подробный анализ ситуации, сложившейся вокруг Хоста. Там побывали офицеры и генералы Оперативной группы Министерства обороны СССР и 40-й армии.

Группировка оппозиции в этом районе состояла в основном из военизированной части племени джадран. Это очень гордые люди, которые в своей истории не подчинялись вообще никакому правительству и действовали так, как считали нужным. Общее руководство формированиями моджахедов осуществлял Джелалуддин, выходец из этого племени.

Начать операцию было решено в ноябре. Одновременно с планированием и подготовкой боевых действий командование 40-й армии предпринимало одну попытку за другой, для того чтобы добиться деблокирования Хоста мирным путем. Переговоры пришлось вести в том числе и мне как командующему армией и руководителю предстоящих боевых действий. Несмотря на то, что вместе с несколькими офицерами я поднимался на перевал, который служил разграничительной чертой между владениями племени джадран и всей остальной территорией Афганистана, личная встреча с Джелалулдином так и не состоялась. Он не шел на прямые контакты с советскими. Наше общение с ним ограничилось несколькими письмами. Тем не менее мы не прекращали попыток добиться мирного решения проблемы.

Самым важным вопросом в ходе подготовки операции я

считал сведение к минимуму возможных потерь со стороны 40-й армии. Очень много времени было выделено для того, чтобы командиры смогли внимательно изучить местность, на которой предстояло действовать войскам. Мы провели тщательную организацию взаимодействия советских и афганских войск, артиллерии и авиации. Были определены районы и сроки сосредоточения задействованных сил.

40-я армия участвовала в операции силами 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 103-й воздушно-десантной дивизии, 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, 345-го отдельного парашютно-десантного полка, а также рядом других частей и подразделений. Со стороны вооруженных сил Афганистана были привлечены силы и средства 8-й, 11-й, 12-й, 14-й и 25-й пехотных дивизий, 15-й танковой бригады и нескольких подразделений специального назначения. Кроме того, в операции участвовало более десяти батальонов Царандоя и госбезопасности.

Даже на завершающем этапе подготовки к боевым действиям мы все-таки надеялись в результате переговоров и с Джелалулдином, и со старейшинами племени прийти к решению о беспрепятственном прохождении колонн с мирным грузом в осажденный Хост.

Замысел операции предусматривал в случае безрезультатного завершения переговоров с племенем джадран ударами авиации перекрыть караванные маршруты, по которым оппозиция осуществляла подвоз оружия и боеприпасов, и тем самым изолировать район предстоящих боевых действий от подхода резервов.

Захватом перевала Сатыкандав, который был расположен на высоте трех тысяч метров, мы планировали обеспечить беспрепятственное выдвижение своих войск и блокирование дороги Гардез — Хост.

На следующем этапе операции, удерживая под своим контролем автомобильную трассу, боевые подразделения должны были прикрывать прохождение колонн с запасом материальных средств в Хост и возвращение их обратно.

В дальнейшем после создания в гарнизоне Хоста необходимых запасов продовольствия, медикаментов и горючего войска, которые располагались вдоль дороги, предполагалось вывести из округа в район Гардеза.

К исходу 22 ноября части и подразделения были полностью готовы к проведению операции, которая получила условное название «Магистраль». В районе Гардеза и Хоста были созданы оперативные группировки советских и афганских войск. Артиллерия заняла основные огневые позиции. Я подобрал место

для командного пункта с таким расчетом, чтобы видеть все происходящее в районе боевых действий и влиять на развитие ситуации.

Поскольку договориться с оппозицией о беспрепятственном проводе колонн нам не удалось, 23 ноября, как и было запланировано, мы начали боевые действия. К сожалению для племени джадран, первыми же ударами авиации нам удалось, как мы и предполагали, блокировать район проведения операции.

Конечно же, душманы понимали, что наши действия продиктованы необходимостью ликвидировать угрозу голодной смерти нескольких тысяч жителей Хоста. Тем не менее они оказывали очень упорное сопротивление советским и правительственным войскам.

В течение первой недели войска 40-й армии методично воздействовали на мятежников, медленно, но верно продвигаясь к перевалу Сатыкандав, стремясь овладеть им. Одновременно с этим мы каждый день отправляли через специальных сотрудников службы безопасности наши предложения о мирном решении вопроса. Даже в разгар боевых действий, встретив ожесточенное сопротивление, мы не стремились нанести большие потери оппозиции. Командование армии располагало достоверными данными воздушной и агентурной разведки о местах расположения группировок противника. Тем не менее мы специально не наносили удары по душманам, стремясь не уничтожить, а вытолкнуть, оттеснить их с перевала.

К исходу 2 ноября, после шести дней боевых действий, передовые части овладели перевалом Сатыкандав. Основная заслуга в этом принадлежит личному составу 103-й воздушно-десантной дивизии, которой в то время командовал генерал-майор Павел Сергеевич Грачев. Он лично руководил действиями своих подчиненных и сумел захватить перевал, понеся при этом минимальные потери.

После этого командование 40-й армии предприняло еще одну попытку без кровопролития деблокировать Хост. 30 ноября через сотрудников госбезопасности Афганистана начались очередные переговоры с лидерами воюющего племени и с Джелалуддином. Понимая важность происходящих событий, от афганского правительства из Кабула прилетел представитель президента страны министр по делам племен и народностей Сулейман Лаек. От имени президента и проходившей в то время в Кабуле Лоя джирги он еще раз обратился к лидерам племени джадран с предложением не препятствовать проезду колонн с мирным грузом.

Примерно на две недели боевые действия нами были

прекращены. Этого времени хватило для обсуждений, встреч, разговоров, переговоров, уточнения позиций, взаимных обвинений, ультиматумов и т. д.

Командование 40-й армии в эти дни тоже не бездействовало. Отдавая себе отчет в том, что надежды на мирное решение проблемы весьма призрачны, мы провели локальную специальную операцию. Стремясь воздействовать на лидеров племени джадран, командование армии действовало по-своему.

Через агентуру военной разведки мы передали в Пакистан письмо, в котором говорилось о том, что Джелалуддин все больше склоняется к решению согласиться с предложениями советского военного командования и сложить оружие. Руководство «альянса семи» как бы случайно узнало о том, что Джелалуддин обсуждает со своими помощниками маршруты вывода подчиненных ему банд из района боевых действий. В надежде на то, что Джелалуддин будет ликвидирован своим руководством, мы даже указали точные сроки отхода отрядов оппозиции.

Через полторы недели после начала этой операции Джелалуддин исчез из района боевых действий. Он вновь появился в Хосте лишь в конце января, когда операция «Магистраль» была нами полностью завершена. Позже нам стало известно, что в Пакистане составленное нами письмо все-таки вызвало некоторые сомнения. Тем не менее Джелалуддина решили все-таки проверить. Он был отозван в Пакистан и уехал туда, оставив все войско на своего заместителя. Не изолируя и не допрашивая в привычном понимании этого слова, с Джелалуддином очень долго беседовали, проверяя и перепроверяя каждое его слово.

Операция увенчалась определенным успехом — непримиримого полевого командира в район боевых действий больше не пустили. Ожесточенное сопротивление продолжалось не больше двух недель с начала реализации плана «Магистраль». Однако мы не смогли добиться самого главного — деблокирования Хоста мирными средствами. Под усиленным давлением лидеров «альянса семи», которые находились в Пешаваре, лидеры племени джадран отказались пропустить наши колонны в Хост.

Для спасения населения города и округа Хост от голодной смерти Лоя джирга уполномочила президента Наджибуллу отдать приказ частям афганских вооруженных сил на продолжение операции.

Я специально подчеркиваю, что приказ был отдан афганским войскам, потому что именно на их плечах и на их оружии лежала

основная тяжесть этой операции. Части 40-й армии, как правило, действовали в обеспечении.

16 декабря войска были вынуждены продолжить боевые действия. К этому времени дорога от Гардеза до перевала Сатыкандав полностью находилась в наших руках. Командный пункт я переместил ближе к району проведения операции и развернул его непосредственно на перевале, который тоже находился под нашим контролем. Думаю, не многим приходилось руководить боевыми действиями с высоты три тысячи метров над уровнем моря.

В районе Хоста мы высадили десант в составе одного советского батальона и бригады афганских коммандос. Таким образом, были созданы достаточно выгодные условия, когда подразделения продвигались навстречу друг другу.

Действовавшие по направлению от Гардеза к Хосту части последовательно захватывали господствующие высоты вдоль дороги и брали автомобильную трассу под охрану.

Военизированная часть племени джадран продолжала сопротивление. Душманы вели прицельный огонь по артиллерийским позициям советских войск и по командному пункту.

В ходе боев нами был сначала блокирован, а потом и уничтожен базовый район под названием Срана, который находился чуть южнее перевала Сатыкандав, ближе к Хосту. Здесь блестяще показали себя офицеры и солдаты 345-го отдельного парашютно-десантного полка. Тогда им командовал замечательный человек и грамотный офицер Герой Советского Союза подполковник Валерий Александрович Востротин, которого солдаты почти боготворили. Он уже второй раз был в Афганистане. Получив во время первой командировки тяжелое ранение, благодаря усилиям врачей он не только вновь встал на ноги, но и вернулся в боевой строй.

Ликвидация этого крупного базового района сыграла решающую роль в окончательном разгроме сопротивлявшихся отрядов вооруженной оппозиции и взятии советскими войсками под свою охрану магистрали Гардез — Хост. После того, как полевые командиры поняли, каким окажется исход боевых действий, они изменили свои планы. Вместо концентрации и дополнительного подвоза оружия, боеприпасов и снаряжения они начали принимать активные меры для сохранения тех запасов, которые уже находились в округе Хост.

Командование 40-й армии понимало, что в ходе проведения операции «Магистраль» ключевыми задачами для нас являются овладение перевалом Сатыкандав и уничтожение базового района

Срана. Достигнув этого, мы практически преодолевали все препятствия, которые находились на нашем пути. Так на самом деле и оказалось.

30 декабря, за сутки до начала нового, 1988 года, мы, полностью очистив дорогу от мин, фугасов и завалов, пустили по ней первые машины с продовольствием. Ежедневно из Гардеза в Хост уходили две-три колонны. 19 января последняя, уже порожняя колонна вернулась из деблокированного нами города. За это время водители 40-й армии перевезли более 24 тысяч тонн различных грузов. В основном это было продовольствие и горючее.

Почти три недели советские войска стояли на «блоках» вдоль дороги. Мятежники регулярно предпринимали попытки прорвать боевое охранение, выйти к трассе и сорвать перевозки. Сделать это им не удалось.

20 января мы начали организованный вывод наших подразделений из боя. Подразделения 40-й армии захватили более ста складов с оружием и боеприпасами, большое количество различного вооружения, четыре танка и девять бронетранспортеров. Подобные трофеи оказывались у нас и раньше, но не в таком количестве. Наши потери были минимальными.

Главным итогом проведенной операции явился прорыв многомесячной военной и экономической блокады Хоста. Вместе с тем были сорваны планы лидеров «альянса семи» по отторжению округа Хост от Афганистана и созданию на его территории автономного исламского государства.

В определенной степени крупное поражение моджахедов, которое они потерпели в результате проведенной операции «Магистраль», подорвало доверие народа к лидерам вооруженной оппозиции и внесло в их ряды дух неуверенности. За успешное деблокирование Хоста звание Героя Советского Союза было присвоено генералу армии Валентину Ивановичу Варенникову, полковнику Виталию Егоровичу Павлову, младшему сержанту Юрию Вериковичу Исламову (посмертно) и рядовому Сергею Викторовичу Игольченко. Моя фамилия тоже значилась в тексте Указа.

Вывод войск

14 апреля 1988 года министры иностранных дел Афганистана, Пакистана, Советского Союза и Соединенных Штатов подписали в Женеве пять документов по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана. Согласно Женевским соглашениям, вступившим в силу через месяц, Ограниченный контингент советских войск должен был покинуть территорию Афганистана через девять месяцев.

Я уже говорил о том, что первый вывод наших войск из Афганистана состоялся в июне-июле 1980 года. Тогда на родину были возвращены несколько танковых полков, ракетные дивизионы мотострелковых дивизий, артиллерийская и зенитно-ракетная бригады и еще некоторые подразделения.

Разумеется, это никак не было связано с решениями на межгосударственном уровне. Необходимость упорядочения состава 40-й армии увязывалась прежде всего с военной целесообразностью уже начавшихся в то время боевых действий на территории Афганистана, с географическим положением страны и рельефом местности.

Первый вывод наших войск свидетельствует еще и о том, что Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР серьезно не занимался разработкой военных мероприятий на территории этой страны. Сам факт вывода войск летом 1980 года уже говорит о том, что перед 40-й армией стояла задача ограниченного масштаба — поддержать правительственные подразделения и ликвидировать очаги сопротивления вооруженных отрядов оппозиции.

В 1983 году на территорию Советского Союза было возвращено еще несколько подразделений.

Крупномасштабный, завершающий вывод Ограниченного контингента советских войск, определенный в том числе и Женевскими соглашениями, был проведен в три этапа. Первый этап относится к октябрю 1986 года, когда Министерство обороны СССР в одностороннем порядке вывело из Афганистана шесть боевых полков. Это решение было принято руководством Советского Союза, с одной стороны, в качестве шага доброй воли, а с другой — как хороший и достаточно убедительный аргумент в пользу политики национального примирения. Кроме того, мы продемонстрировали всему миру свою готовность уйти из Афганистана в любой момент. Военные не только говорили о необходимости политического решения внутренних проблем этой страны, но и постоянно предпринимали серьезные шаги в этом направлении.

7 апреля 1988 года министр обороны СССР подписал директиву, в которой были определены порядок вывода войск и обеспечение их безопасности на марше. Эта директива была полностью подготовлена на основании предложений командования 40-й армии и предусматривала начать второй этап вывода подразделений ОКСВ 15 мая 1988 года. Последнее подразделение армии должно было пересечь Государственную границу СССР 15 февраля 1989 года.

Для вывода войск использовались те же направления, по которым 40-я армия вошла в Афганистан в 1979 году. На западе: Кандагар — Шинданд — Кушка. На востоке: объединявшиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада. Далее войскам на этом направлении предстояло преодолеть перевал Саланг, выйти в район Пули-Хумри и завершить марш в Термезе.

С 15 мая по 15 августа советские войска были выведены из девяти гарнизонов. Более пятидесяти тысяч солдат и офицеров покинули Джелалабад, Газни и Гардез на востоке; на западе — Кандагар и Лашкаргах, а также Файзабад и Кундуз на северо-востоке страны. В строгом соответствии с Женевскими соглашениями на родину было возвращено 50 % личного состава 40-й армии.

Во время третьего, последнего этапа с декабря 1988 по 15 февраля 1989 года включительно была выведена вторая половина воинских частей 40-й армии.

С территории Афганистана мы уходили в боевой обстановке. Оппозиция тоже готовилась к выводу советских войск. Они предвидели: как только последний советский солдат покинет территорию страны, кабульское правительство продержится считанные недели.

Командование армии отчетливо представляло всю тяжесть и сложность вывода войск, особенно на последних этапах. Работа по подготовке была проведена огромная. Главная проблема заключалась в организации боевого охранения колонн на марше. Мы предусмотрели серьезные меры, которые исключали внезапные нападения отрядов оппозиции на наши войска. Практически были спланированы крупномасштабные боевые действия.

Оперативные мероприятия со стороны Ограниченного контингента носили преимущественно упреждающий характер. Мы активно проводили разведку, постоянно следили за передвижениями бандформирований и были в достаточной степени осведомлены об их планах в отношении войсковых колонн 40-й армии. Под контролем держались возможные районы скопления душманов и вероятные места их выхода к основным

маршрутам движения воинских частей.

Согласно принятому мною решению, была значительно усилена охрана дорог. Все использовавшиеся войсками коммуникации, помимо имевшихся сторожевых застав и сил боевого охранения, были основательно заблокированы средствами 108-й и 5-й мотострелковых, а также 103-й воздушно-десантной дивизий.

В случае необходимости 40-я армия была готова нанести упреждающий или ответный удар в любом районе Афганистана.

Мы тщательно спланировали действия авиации и артиллерии в зонах повышенной опасности. Вся прилегающая к местам ночного отдыха подразделений территория постоянно подсвечивалась авиацией. Это исключало возможность скрытного приближения душманов.

Одновременно командование Ограниченного контингента готовило к передаче афганской стороне всю сеть военных городков, которые были нами созданы за девять лет. Абсолютное большинство казарм, складов, столовых и других объектов было сделано из сборно-щитовых конструкций. Капитальное строительство в Афганистане военные не вели. Слава Богу, у наших руководителей хватило ума не возводить военные городки из бетона и кирпича.

Решение о безвозмездной передаче афганцам всей инфраструктуры 40-й армии, на мой взгляд, было правильным. После семи-восьми лет эксплуатации деревянные сооружения уже не подлежали разборке.

Руководством провинций были организованы теплые проводы выводимых на родину советских войск. Только в Кабуле, по оценкам афганской стороны, 15, 16 мая и в последующие дни, в зависимости от графика прохождения колонн через столицу, общее количество вышедших на митинги составило более ста тысяч человек. В Джелалабаде, например, с солдатами, сержантами и офицерами прощались более двенадцати тысяч афганцев. По-моему, это говорит о многом.

Большой интерес к выводу войск, и это вполне понятно, проявили известные во всем мире информационные агентства.

В восьмидесятых годах положение в Афганистане волновало очень многих. После подписания Женевских соглашений стала очевидна совершенно новая модель урегулирования конфликтов в странах «третьего мира». Естественно, в такой ситуации общественность интересовали прежде всего практические действия советского военного командования в Афганистане.

Вывод войск освещали более двухсот корреспондентов из Австралии, Италии, Испании, Великобритании, Канады, США,

Швеции, Японии, ФРГ и других стран. Вместе с ними работала небольшая, чуть больше десяти человек, группа советских журналистов Гостелерадио, АПН и ТАСС. Они сопровождали наши войска во время движения до Кабула и далее на север. Кстати, очень многие репортеры пытались оказаться в составе колонн и совершить марш вместе с солдатами. Как правило, мы отказывали в этом, потому что в любой момент полк или батальон мог подвергнуться внезапному нападению. Исключение было сделано только для нескольких наших соотечественников. Остальных мы перебрасывали на самолетах в район Хайротана и Термеза, где они освещали пересечение войсками государственной границы. Журналистам мы практически впервые, и они сами это отмечали, дали полную свободу действий. Они имели все возможности для правдивого рассказа о происходящих событиях.

14 мая 1988 года в Кабуле я впервые провел пресс-конференцию. Она вызвала, на мой взгляд, значительный интерес. Это определялось в первую очередь тем, что у журналистов наконец-то появилась возможность задать все интересующие их вопросы напрямую командованию 40-й армии. Затрагивались многие темы — начиная от количества наших потерь в Афганистане и заканчивая перспективами политического урегулирования положения в этой стране. Конечно же, были и «колючие» вопросы. Надеюсь, мои ответы удовлетворили журналистов. Ни в то время, ни сейчас нам нет необходимости скрывать то, чем советские войска занимались в Афганистане.

Накануне поражения

После вывода советских войск афганскому руководству предстояло самостоятельно решать множество серьезных проблем. Надеяться на подсказки советских специалистов, как это было в течение последних десяти лет, уже не приходилось. Задолго до 15 февраля 1989 года подавляющее большинство наших советников и специалистов должны были покинуть Афганистан. Оставлять их без прикрытия 40-й армии было бы безрассудством.

Руководство Афганистана активно готовилось к изменению военно-политической ситуации в своей стране после вывода советских войск. Не все было просто в этом отношении.

Укомплектованность и техническая оснащенность вооруженных сил Афганистана в конце восьмидесятых годов были довольно высокими. В Кабуле понимали, что, как только советские войска покинут страну, оппозиция кинется в открытый и беспощадный бой с правительственными войсками. Однако вместо принятия мер по повышению морального состояния личного состава, усилению разведывательной и контрразведывательной работы афганское правительство начало, как оно выражалось, «техническое переоснащение вооруженных сил». Другими словами, делалось все возможное для того, чтобы в оставшееся время заполучить от Советского Союза как можно больше. Афганцы настойчиво добивались передачи им, например, новых видов вооружения, которыми в то время располагала только 40-я армия.

В конце 1988 года министерство обороны Афганистана искусственно, то есть только на бумаге, в несколько раз увеличило штатную численность армии. Делая основной упор на низкий уровень оснащенности личного состава своих частей, руководство вооруженных сил постоянно обращалось к нам с просьбами произвести дополнительные поставки техники и оружия, обосновывая такую необходимость значительным увеличением численности своих подразделений. Возникла парадоксальная ситуация: количество поставляемого в Афганистан вооружения росло с каждым днем, а оснащение им армии постоянно снижалось. Наряду с этим значительное количество имевшихся в то время резервов министерства обороны Афганистана не использовалось. Причиной, по словам афганцев, являлось отсутствие квалифицированных младших специалистов.

Огромное количество получаемого вооружения, техники и боеприпасов складировалось. Несмотря на откровенный обман,

мы все-таки понимали, что в тот период нам трудно было отказать правительству Афганистана и не дать афганцам всего того, что они требовательно просили.

Силами 40-й армии интенсивно создавались трехмесячные запасы материальных средств в основных районах страны — Джелалабаде, Кандагаре, Гардезе, Кабуле, Кундузе, Герате, Файзабаде и Шинданде.

Несколько раз в конце 1988 года в Кабул прилетали члены правительства СССР. Шеварднадзе, Язов и другие пытались на месте разобраться в ситуации и решить возникшие проблемы.

Примерно в ноябре начали действовать воздушные мосты в Кабул и Кандагар. В основном они использовались для перевозки муки. Вместе с тем, естественно, перебрасывалось оружие, боеприпасы и снаряжение. В светлое время суток в Кабуле ежедневно приземлялось пятнадцать-двадцать самолетов Ил-76. Это внушительное количество. Кроме того, сотни тонн различных грузов перевозились автомобильным транспортом.

Сегодня, по прошествии нескольких лет, можно сделать вывод о том, что крупномасштабная военная и экономическая помощь, которую Советский Союз чрезвычайно активно оказывал Афганистану в последние месяцы, не принесла ожидаемых результатов. Мы лишь смогли продлить, причем на очень короткий срок, существование кабульского режима.

Это связано прежде всего с недостаточно эффективной деятельностью военно-политического руководства Афганистана. Иждивенческие настроения среди афганцев упрочились настолько, что они уже не могли действовать самостоятельно, без помощи советских.

Значительная часть наших поставок открыто расхищалась, особенно в последнее время. Показателен такой пример.

Одной из первых территорию Афганистана должна была покинуть 66-я отдельная мотострелковая бригада, которая находилась в Джелалабаде. Организацией вывода этой части занималась группа офицеров и генералов штаба 40-й армии, в том числе и я.

В Джелалабадском гарнизоне мы сконцентрировали неприкосновенные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия на три месяца. Военный городок, в котором жила бригада, — казармы, столовая, баня, госпиталь — остался в таком образцовом состоянии, что складывалось впечатление, будто солдаты лишь на минуту покинули его. Кровати были аккуратно заправлены постельными принадлежностями. На установленных местах лежали даже прикроватные коврики, а под тумбочками — тапочки. Казармы были оборудованы всем необходимым. Без

перебоя работал водопровод.

В отличном состоянии представителям афганской армии были переданы техника и вооружение. За несколько дней до начала вывода подразделений из Джелалабадского гарнизона совместно с офицерами министерства обороны Афганистана боевые машины проверялись стрельбой и пробегом. Только после этого объединенной комиссией были подписаны акты о приеме и передаче имущества.

Утром 14 мая советские подразделения полностью освободили военный городок в Джелалабаде. Больше того, перед этим бригада сутки жила в полевых условиях. Афганцы подписали соответствующие документы и выставили в гарнизоне свою охрану. Но уже во второй половине дня военный городок практически полностью был разграблен. Все более или менее ценное имущество — телевизоры, радиоаппаратура, кондиционеры, мебель и даже солдатские кровати — было продано через дуканы города. В большинстве помещений не осталось ни дверей, ни оконных рам. Последние, кстати, пользовались в Афганистане особым спросом.

Через несколько дней командир 1-го Джелалабадского корпуса доложил президенту Наджибулле о том, что в городе отсутствуют трехмесячные запасы, хотя сам лично подписал акт об их приеме.

В такой ситуации командование 40-й армии приняло решение осуществлять передачу имущества не только в присутствии руководителей города, уезда или провинции — в зависимости от места расположения военных городков, — но и снимать это на видеопленку.

В общей сложности советское военное командование передало афганской стороне 184 военных городка на сумму 699 млн. рублей, а также коммунального оборудования и различной техники на 98,3 млн. рублей.

Готовясь к выводу 40-й армии, мы провели инвентаризацию и передали афганским вооруженным силам шестьсот тринадцать минных полей с подробными описаниями и картами. В последние месяцы пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане мы помогали кабульскому правительству не только тем, что бесплатно передавали значительное количество оружия и боеприпасов. Для вооруженных сил и народного хозяйства страны было подготовлено несколько сот специалистов. Многие из них проходили курс обучения в 40-й армии. Например, если советские подразделения передавали местным властям военный городок в Кандагаре, то предварительно из числа афганцев готовились специалисты, способные содержать объекты

в приемлемом состоянии. Перед выводом 40-й армии для этих целей мы подготовили триста пятьдесят специалистов из состава афганской армии, сто десять из Царандоя и сто шестьдесят три — по линии органов государственной безопасности.

«…И сохранение режима может быть гарантировано»

В ходе уже начавшегося вывода советских войск правительством Афганистана предпринимались поистине «героические» усилия для того, чтобы любой ценой задержать 40-ю армию. Наджибулла понимал всю сложность и трагичность своего положения. Он не был уверен в том, что правительственные войска смогут выдержать натиск оппозиции.

Министерство обороны Афганистана любыми средствами пыталось втянуть советские войска в широкомасштабные боевые действия. Свои части и подразделения афганцы, видимо, берегли на будущее.

Одним из основных предлогов, под которым афганцы старались сорвать график вывода войск, явилось невыполнение Пакистаном своих обязательств согласно Женевским соглашениям, По опыту первого этапа вывода 40-й армии нам было известно, что правительство Пакистана действительно не выполнило большинство пунктов подписанных договоренностей. По-прежнему на территории этой страны действовали базы мятежников, оттуда непрерывно поступало оружие, в лагерях содержались сотни тысяч беженцев, которым всячески препятствовали возвращению на родину.

Просьбы афганского правительства о приостановке вывода войск следовали одна за другой. Например, в конце 1988 года Наджибулла предложил оставить советских добровольцев для охраны Кабульского международного аэропорта и автомобильной магистрали Кабул — Хайротан. По нашим подсчетам, для этого требовалось более двенадцати тысяч человек, фактически целая дивизия.

Совершенно секретно
Особая папка
ЦК КПСС

О мероприятиях в связи с предстоящим выводом советских войск из Афганистана

В сложной ситуации, характеризующей положение дел в Афганистане, все больше ощущается внутренняя напряженность, связанная с предстоящим выводом

оставшейся части советских войск. Внимание режима и сил оппозиции полностью сосредоточено на дате 15 февраля, когда согласно Женевским соглашениям должен окончиться срок пребывания нашего воинского контингента. При этом для Кабула данный срок сжат еще больше, так как последние советские воинские части должны покинуть афганскую столицу в начале февраля.

Практически по всей стране продолжаются боевые действия между правительственными войсками и оппозицией, в ходе которых правительству удается в основном удерживать свои позиции, но с помощью советской авиации. Противник так и не сумел овладеть Джелалабадом, Кундузом, Кандагаром. Однако все понимают, что главная борьба еще впереди. Оппозиция сейчас даже несколько снизила свою военную активность, накапливая силы для последующего периода. Тов. Наджибулла считает, что она намерена развернуть действия после вывода советских войск сразу по нескольким ключевым направлениям.

Следует подчеркнуть, что афганские товарищи серьезно озабочены тем, как будет складываться обстановка. В общем усиливается их решимость противостоять противнику, для чего они предпринимают ряд экстренных мер, стремятся наиболее рационально расставить имеющиеся силы. Определенный расчет они делают и на продолжение своих контактов с довольно значительным числом командиров вооруженных отрядов оппозиции…

Самое важное, как подчеркивают афганские друзья, выстоять хотя бы первые три-четыре месяца после ухода советских войск, а затем ситуация может постепенно начать меняться в их пользу. Такое мнение подтверждается и некоторыми высказываниями, которые делались представителями оппозиции в ходе контактов с советскими представителями в Исламабаде. Из этих высказываний вытекало, что если правительство Наджибуллы устоит, то они пересмотрят свою нынешнюю позицию о непризнании его в качестве партнера по переговорам.

В данной ситуации для нас возникает ряд непростых моментов. С одной стороны, наш отход от принятых и объявленных решений о завершении вывода войск 15 февраля может вызвать для нас крайне нежелательные осложнения в международном плане. С другой стороны,

нет уверенности в том, что вскоре после нашего ухода не возникнет весьма серьезных угроз для режима, который во всем мире ассоциируется с нами. Тем более, что оппозиция как раз на данном решающем отрезке может на какое-то время скоординировать свои действия, к чему ее настойчиво подталкивают американцы и пакистанские военные круги. Определенные опасения возникают и в связи с тем, что в НДПА так и не создано подлинное единство, сохраняются разногласия по крыльевым, клановым и другим признакам. В рассуждениях некоторых афганских руководителей сквозит импульсивность, воспоминания о прошлых «несправедливостях». Слабо, если не сказать больше, действует премьер-министр М. Х. Шарк и многие министры его кабинета.

Серьезнейшим фактором является то, что нарушения Исламабадом Женевских соглашений приобрели не просто открытый, а демонстративный характер. Пакистанские пограничники принимают непосредственное участие в боевых действиях на афганской территории. Из Пакистана производятся обстрелы близлежащих районов Афганистана, непрерывным потоком идет оружие, переправляются вооруженные банды. В Пешаваре и других городах по-прежнему беспрепятственно продолжают функционировать штаб-квартиры афганских оппозиционных партий, их учебные центры и базы. Все это делается по инерции, заданной еще при Зия-уль-Хаке. Б. Бхутто вряд ли в состоянии в ближайшем будущем изменить это положение.

С нашей и Афганской сторон постоянно, в решительной форме, с приведением конкретных фактов осуждались и осуждаются такие действия пакистанских властей. Такую линию имеется в виду проводить и впредь, в том числе в Совете Безопасности ООН, а также в контактах с самим пакистанским руководством.

1. Основной вопрос, от которого зависит дальнейшее развитие ситуации, сводится к тому, сумеет ли власть удержать Кабул и другие крупные города страны, но в первую очередь именно столицу. Положение в Кабуле сложное, причем на первый план выступают даже не военные, а экономические аспекты. Совершенно четко просматривается план оппозиции организовать экономическую блокаду Кабула, перекрыть подвоз туда

продовольствия и нефтепродуктов, вызвать недовольство и даже прямое выступление населения. Фактически такая блокада в отношении грузов, доставляющихся в столицу афганскими наземными средствами, уже ведется путем ограблений, запугивания и подкупа водителей силами оппозиции…

В настоящее время ежемесячная потребность Кабула только в муке находится в пределах 15 тыс. тонн. В последнее время несколько тысяч тонн муки было доставлено советским автомобильным и воздушным транспортом. Однако необходимо иметь прочные запасы, по крайней мере на три месяца, которыми распоряжался бы Президент и которые дали бы возможность афганским друзьям чувствовать себя в этом отношении спокойно.

Поскольку же создать такие крупные запасы можно лишь с помощью автомобильного транспорта, то речь идет о доставке муки и другого продовольствия по трассе Хайратон — Кабул. По словам т. Наджибуллы, если функционирование дороги будет обеспечено примерно до мая, то сохранение режима может быть гарантировано. Обеспечить нормальное функционирование этой дороги без нашей помощи афганские друзья, очевидно, не смогут. Надо исходить из того, что нельзя допустить прекращения функционирования магистрали Хайратон — Кабул. При этом особое внимание надо будет уделить самому уязвимому участку магистрали, каким является перевал Саланг с его более чем трехкилометровым тоннелем.

В порядке подготовки условий для оказания такой помощи необходимо в оставшееся время еще больше усилить по всем каналам осуждение действий оппозиции, которая препятствует доставке продовольствия в Кабул и другие крупные афганские города, причем упор делать не на судьбах нынешнего режима, а на положении населения этих городов, тяжело страдающего от последствий таких варварских действий.

В принципе можно было бы иметь в виду следующие варианты.

Первый вариант. Сославшись на тяжелое положение, в котором оказалось гражданское население, оставить одну дивизию, т. е. примерно 12 тыс. человек, на магистрали Хайратон — Кабул. Данный вариант вряд ли желателен, так как может привести к постановке

вопроса в ООН о том, что мы не вывели полностью свои войска. Несмотря на то, что Пакистан не выполняет свои обязательства по Женевским соглашениям, можно предположить, что большинство стран в ООН нас не поддержит, поскольку вопрос о войсках для многих находится в центре проблемы.

Второй вариант. Сославшись на угрозу голода в Кабуле и других городах, призвать ООН срочно обеспечить доставку продовольствия и нефтепродуктов в города и направить войска ООН для поддержания в действии магистрали. До подхода сил ООН оставить на этих позициях свои войсковые подразделения для осуществления сугубо гуманных функций — снабжения продовольствием и нефтепродуктами населения. Вместе с тем зафиксировать, что вывод советского войскового контингента состоялся. Заявить, что после подхода сил ООН наши подразделения немедленно вернутся в Советский Союз. Однако, этот вариант практически неосуществим, поскольку для направления сил ООН потребуется решение Совета Безопасности, рассчитывать на которое не приходится.

Третий вариант. Вывести все войска, как это и запланировано, к 15 февраля, зафиксировать это в международном плане заявлениями правительств СССР и Республики Афганистан. Затем, по просьбе афганского правительства, с которой оно обратится к странам мира, начать проводку колонн с гражданскими грузами, с выделением для их охраны советских воинских частей. Проводка таких колонн могла бы начаться примерно через две недели после вывода советских войск. К этому времени создать широкое общественное мнение с осуждением действий оппозиции, которая обрекает на гибель от голода население афганских городов. На фоне такого общественного мнения проводка колонн с нашим участием выглядела бы как естественный гуманный шаг. Вместе с тем при этом варианте ряд участков дороги пришлось бы преодолевать каждый раз с боями.

Четвертый вариант. Вывести почти все советские войска к 15 февраля. Зафиксировать официально в соответствующем заявлении вывод советского воинского контингента. Но под предлогом передачи некоторых постов на магистрали Хайратон — Кабул Афганской стороне оставить в некоторых наиболее важных пунктах, в том числе на перевале Саланг, советские

подразделения. По нашей инициативе не придавать этой акции широкого звучания, отметить лишь, что речь идет о небольшом количестве советских военнослужащих, которые несколько задержались в связи с тем, что Афганская сторона еще не приняла от них указанных постов. Спустя некоторое время, как и в третьем варианте, начать проводку колонн в Кабул с нашим военным сопровождением.

При всех этих вариантах можно было бы исходить из того, что в операциях будут участвовать наши регулярные части, но формироваться они должны на добровольной основе, прежде всего из числа военнослужащих, которые проходят воинскую службу в Афганистане или уже отслужили свой срок и находятся в Советском Союзе. При этом установить для рядовых зарплату в размере 800–1000 рублей в месяц, причем частично в афганской валюте, значительно увеличить зарплату и офицерам.

Предоставить право международным наблюдателям — и широко объявить об этом — проверять, что мы действительно сопровождаем товары для населения. В ближайшее время следует провести переговоры со Специальным координатором программ ООН по оказанию гуманитарной и экономической помощи Афганистану Ага Ханом с целью использования этих программ и механизма Спецкоординатора для противодействия планам экстремистов по удушению Кабула и других крупных афганских городов экономической блокадой. В беседах с Ага Ханом можно было бы предложить, чтобы караваны ООН с продовольствием, нефтепродуктами, медикаментами шли не только через Пакистан, но и в своей значительной части через Советский Союз.

Во всех перечисленных четырех вариантах предусматривается оставление в Афганистане хотя бы незначительного количества советских войск после 15 февраля 1989 года.

Может быть рассмотрен и еще один, **пятый вариант** — советские войска выводятся полностью к 15 февраля, а мы оказываем Афганской Стороне дополнительную помощь, в том числе финансовую, в организации охраны магистрали Хайратон — Кабул ее собственными силами, вплоть до взятия этих афганских подразделений на наше довольствие в течение определенного времени, хотя,

безусловно, это будет связано с немалыми трудностями, особенно в обеспечении надежной проводки колонн.

Что касается Кабульского аэродрома, то, учитывая его важность, целесообразно иметь там свою гражданскую диспетчерскую службу численностью до 100 человек, с заключением соответствующих контрактов с Афганской стороной.

2. Со стороны афганского руководства ставится вопрос о продолжении нанесения советской авиацией с нашей территории и после ухода советских войск бомбо-штурмовых ударов по вооруженным силам оппозиции. Афганским товарищам разъясняется вся сложность этого вопроса, рекомендуется подумать над тем, как лучше использовать в новых условиях возможности своей собственной авиации. В целом наши разъяснения воспринимаются с пониманием, но вместе с тем они говорят, что в некоторых, наиболее критических ситуациях использование советской авиации может быть просто необходимым. Представляется, что этот вопрос не может рассматриваться без учета всей совокупности внутренних и внешних факторов.

3. Серьезное значение Афганская сторона придает тому, чтобы иметь в своем распоряжении такие мощные виды оружия, как ракеты Р-300, установки залпового огня «Ураган». В этих вопросах, очевидно, нужен дифференцированный подход по тому или иному виду оружия, но общую линию выдерживать на возможно более полное удовлетворение обращений афганских друзей. Надо иметь в виду, что сам факт обладания подобными видами вооружения сильно подкрепляет наших друзей психологически, придает им уверенность в своих силах. С учетом этого в гвардии особого назначения и в армии РА уже созданы дивизионы установок «Ураган». Ракетные установки Р-300, которые сейчас находятся в советском воинском контингенте, также можно было бы передать Афганской стороне после доработки их в экспортный вариант и после подготовки афганского персонала для обслуживания и эксплуатации этих установок, которую следует провести в срочном порядке на нашей территории.

4. Было бы целесообразно в позитивном плане решить вопросы, касающиеся использования возможностей пограничных войск СССР в приграничной афганской зоне, имея, однако, в виду, что действующие

сейчас там советские пограничные мотоманевренные группы не сохранятся.

5. В последнее время мы сделали немало для оказания афганским друзьям содействия в экономической области применительно к тем особым обстоятельствам, в которых находится Афганистан. Эта помощь, несмотря на всевозможные трудности, с которыми и мы, и афганцы сталкивались при ее доставке и распределении, несомненно, предотвратила многие нежелательные повороты в развитии обстановки.

Тем не менее ввиду сложности афганской ситуации, исключительного значения, которое имеют для внутриполитического положения происходящие экономические процессы, нам необходимо еще раз очень внимательно разобраться в этих вопросах. Надо определиться, что можно дополнительно сделать для афганской экономики, которая находится в критическом состоянии, по существу на грани срыва, оказывать оперативную помощь в решении возникающих острых проблем, в частности поставками товаров первой необходимости и продовольствия в Кабул и различные провинции страны, в том числе в Бадахшан.

6. Параллельно со всеми этими мерами необходимо по-прежнему продолжать оказывать Афганской Стороне содействие в налаживании контактов с оппозицией, находящейся в Пакистане, Иране, в Западной Европе. Нам нужно внимательно следить за всеми оттенками настроений оппозиции, улавливать наиболее подходящие моменты для оказания на нее необходимого воздействия, внесения в нее раскола, отрыва «умеренных» от экстремистов. Сейчас важно, в частности, поддержать миссию представителя Генерального секретаря ООН Б. Севана, который подключился к реализации идеи о создании консультативного совета по выработке будущих государственных структур Афганистана.

7. По нашим дипломатическим каналам необходимо будет предпринять дальнейшие шаги по работе со всеми государствами, так или иначе причастными к конфликту в Афганистане.

Особое внимание следует уделить поддержанию контактов с Пакистанской стороной, для чего использовать предстоящие переговоры министра иностранных дел СССР в Исламабаде.

8. Необходимо еще предметнее вести пропагандистскую работу по Афганистану, для чего заранее проанализировать все варианты развития обстановки в связи с Афганистаном. Особенно важным будет пропагандистское обеспечение решения о введении военного положения в Афганистане, если оно будет принято Президентом Наджибуллой.

23 января 1989 г.

Э. Шеварднадзе, В. Чебриков, А. Яковлев, Д. Язов, В. Мураховский, В. Крючков.

Опасность для режима сохраняется

По нашим прогнозам, сразу же после завершения окончательного вывода советских войск в Афганистане могли резко обостриться внутрипартийные разногласия между фракциями «Хальк» и «Парчам». Это серьезно подорвало бы позиции государственной власти в борьбе с оппозицией.

На фоне общего ослабления государственной власти стремительно выросли бы масштабы взяточничества, коррупции и прямого предательства среди руководителей провинций и страны в целом.

Оставшись без мощной поддержки Ограниченного контингента, вооруженные силы Афганистана — а также Царандой и органы государственной безопасности страны — в ходе предстоящих боевых действий, а в том, что они начнутся со дня на день, никто не сомневался, любыми способами будут избегать прямого столкновения с бандформированиями. В такой ситуации территория, контролируемая государственной властью, стремительно сократится. Очаги сопротивления будут находиться преимущественно в провинциальных центрах страны.

В январе 1989 года мятежниками полностью контролировалось шесть провинций Афганистана — Бамиан, Кунар, Пактика, Каписа, Бадахшан и Пуристан. Ими была установлена власть в 207 из 290 уездов. Правительство контролировало всего 18 % территории страны.

По нашей оценке, группировки мятежников к началу 1989 года составляли около 176 тысяч человек. Из них более 85 тысяч человек оружие в руках держали постоянно, остальные воевали от случая к случаю.

На вооружении у отрядов оппозиции находилась самая современная техника. В общей сложности в арсенале моджахедов насчитывалось более 700 ПЗРК типа «Стингер» и 1000 пусковых установок реактивных снарядов, а также 30 противотанковых ракетных комплексов, около 100 горных пушек, 1500 безоткатных орудий, 3000 минометов, около 800 зенитных горных установок и более 4000 пулеметов ДШК. Стрелковое оружие, в том числе и тяжелое, например реактивные противотанковые гранатометы, исчислялось десятками тысяч.

В последние месяцы нашего пребывания в Афганистане значительно усилилась подрывная деятельность оппозиции против советских гарнизонов, административных центров и на коммуникациях. Только в декабре 1988 года на советские войска было совершено 78 нападений. Против объектов государственной

власти и правительственных войск — почти 700. В целом за последний год против частей и подразделений 40-й армии было совершено 1800 враждебных акций и диверсий, против правительственных войск Афганистана — более 12 000. Мятежниками за все время было сбито 59 воздушных целей, причем 9 самолетов и вертолетов принадлежали ВВС 40-й армии. Кроме того, в результате обстрелов аэродромов базирования мы потеряли 10 самолетов и 4 вертолета.

Резко возросло количество террористических групп, действовавших в городах Афганистана.

В 1988 году командование Ограниченного контингента отмечало стремительное падение морального духа государственного аппарата, а также личного состава частей и подразделений вооруженных сил Афганистана. Дезертирство приняло массовый характер. В течение одного года из афганской армии сбежало более 32 тысяч военнослужащих.

Руководство оппозиции приняло решение в максимальной степени активизировать подрывную работу против правительства Афганистана. Разрабатывался в том числе и план захвата столицы. Однако, определенную роль в успешной обороне крупных городов Афганистана сыграли углубившиеся после начала вывода 40-й армии значительные разногласия среди членов «альянса семи». По мере того, как советских войск на территории Афганистана оставалось все меньше, противоречия между лидерами оппозиции усиливались. Мы стали свидетелями драматических событий — ожесточенной борьбы за власть. Непреклоннее других, в частности, оказался Хекматияр. Он не шел ни на какие компромиссы со своими бывшими соратниками и отвергал даже предположение, что на вершине властной пирамиды окажется кто-то другой, а не он.

В результате боевой деятельности 40-й армии в течение 1988 года отряды оппозиции были значительно ослаблены. Совместно с подразделениями вооруженных сил Афганистана мы провели большую работу по расчистке районов вдоль магистралей. После несостоявшихся переговоров с оппозицией во время проведения войсковых операций мы нанесли моджахедам внушительный ущерб. Советскими войсками было захвачено более 1000 зенитных горных установок и пулеметов, 600 пусковых установок и более 30 000 реактивных снарядов к ним, более 700 минометов и примерно 25 000 мин, а также значительное количество стрелкового оружия и более 12 миллионов патронов, Во второй половине 1988 года силами 40-й армии было захвачено 417 караванов оппозиции, следовавших из Пакистана и Ирана. Тем не менее, моджахеды по-прежнему представляли опасность для

правительства Афганистана.

Почему нельзя останавливаться?

Стремление руководства Афганистана любой ценой сорвать вывод наших войск по-человечески можно понять. Однако если бы это произошло, то интересам Советского Союза был бы нанесен колоссальный ущерб.

Прежде всего, наша страна выступала бы уже в совершенно новом для себя качестве нарушителя международных соглашений. Ограниченный контингент потерял бы и без того зыбкую почву, которой на протяжении всего нашего пребывания в Афганистане являлся советско-афганский договор, одна из статей которого служит основанием для оказания военной помощи правительству и народу Афганистана. Следует учесть и то, что, несмотря на полную легитимность, мировое сообщество и без того не считало советско-афганский договор серьезным основанием для «военного вмешательства», «оккупации» Афганистана. Таким образом, после 15 февраля 1989 года 40-я армия лишилась бы правовой основы своей деятельности на территории Афганистана. Изменение срока вывода советских войск неизбежно привело бы к возобновлению активных боевых действий с вооруженными отрядами оппозиции. В такой ситуации мы не исключали возможного объединения полевых командиров и проведения с их стороны широкомасштабных акций.

Советское военное командование оказалось бы перед необходимостью возобновления бомбово-штурмовых ударов, воздушных и огневых налетов артиллерии по местам дислокации крупных группировок моджахедов. Это неизбежно привело бы к увеличению числа жертв афганской войны.

Учитывая тот факт, что один из крупных полевых командиров оппозиции, Ахмад Шах Масуд, действовал на севере Афганистана, нам пришлось бы активизировать боевые действия в непосредственной близости от советско-афганской границы. В очередной раз серьезная угроза нависла бы над основными автомобильными магистралями, которые проходят по территории северных провинций страны.

Задержка вывода Ограниченного контингента советских войск послужила бы причиной резкого обострения проблемы афганских беженцев, находившихся в Иране и Пакистане. У правительств этих стран появился бы убедительный повод полностью перекрыть границу и прекратить возвращение сотен тысяч людей на родину. Мы не могли этого допустить, потому что именно на проблеме беженцев концентрировалось особое внимание мировой общественности.

Несмотря на резко отрицательные последствия задержки 40-й армии в Афганистане, в ноябре 1988 года по инициативе министра иностранных дел Советского Союза Э. А. Шеварднадзе вывод войск был остановлен.

По утвержденному министром обороны СССР графику войска должны были покинуть Кабульский гарнизон в ноябре. Однако мы не смогли этого сделать по двум причинам, которые были объявлены официально. Во-первых, значительное время требовалось для пополнения запасов продовольствия в Кабуле. Во-вторых, правительственные войска не успевали подготовиться и сменить подразделения 40-й армии на постах и заставах вдоль дороги Термез — Кабул, а также взять под свою охрану столицу.

На самом же деле нам запретили оставить Кабул по просьбе Наджибуллы, Подразделения Ограниченного контингента держали в столице больше двух месяцев, до последнего момента, лишь бы дать возможность правительству Афганистана надышаться напоследок воздухом свободы и власти.

В результате этой авантюры мы смогли начать вывод войск из Кабула только 2 января 1989 года. В первую очередь гарнизон покинули военные учреждения и части боевого обеспечения 40-й армии. В течение месяца советскому военному командованию необходимо было вывести через перевал Саланг более чем тридцатитысячную группировку войск. Выполнение этой задачи осложнялось погодными условиями. Постоянный туман, низкая температура, мороз, обледенение дороги на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря, подъем по южным склонам Саланга и спуск с перевала, лавины и снежные обвалы — создавалось впечатление, что и природа действует против нас.

Многодневный марш требовал неимоверных усилий как со стороны тех, кто обеспечивал движение колонн, охраняя трассу, так и со стороны солдат и офицеров, находившихся в машинах.

«Тайфун»

Командование армии постоянно держало под контролем территорию, прилегающую к дорогам, по которым двигались войска. Оппозиция, получившая от нас предупреждение, не препятствовала выводу 40-й армии. Имея опыт вывода шести боевых полков Ограниченного контингента в 1986 году, когда попытки подойти к дороге или внезапно напасть на колонну решительно пресекались, душманы избегали конфликтов. Только в результате недальновидных действий некоторых полевых командиров нам пришлось применить оружие против отдельных бандформирований.

Локальные удары, например, были нанесены на Южном Саланге по отрядам Ахмед Шаха Масуда. Несмотря на то, что я, как командующий армией, категорически возражал против проведения этой акции, правительство Афганистана все-таки добилось своего. В лице Масуда Наджибулла видел самого злейшего врага. Он был уверен, что после вывода советских войск именно Ахмад Шах одним из первых окажется в Кабуле. Нужно признать, что президент Афганистана правильно оценивал свои перспективы. Так или иначе, но Наджибулле удалось уговорить Шеварднадзе, и вскоре я получил приказ министра обороны генерала армии Д. Т. Язова нанести удар по районам, расположенным на южных склонах Саланга.

Наджибулла смог достичь этим и еще одной цели — невольно 40-я армия вновь оказалась втянутой в боевые действия против оппозиции. Вместе с тем было нарушено шаткое перемирие, которого с огромным трудом нам удалось достичь.

Советское военное командование в Афганистане неоднократно пыталось наладить контакты с Масудом для того, чтобы решить главную проблему — избежать кровопролития, напрасных жертв.

В период вывода советских войск нам удалось достичь с Масудом взаимоприемлемых договоренностей. Со своей стороны мы готовы были оказать помощь и ему, и населению, которое проживало в северо-восточных провинциях Афганистана, в знаменитом ущелье Панджшер и в районе Саланга, где он властвовал, продовольствием, а также другими материальными средствами. При этом оговаривалось одно из основных условий: в ходе вывода подразделений 40-й армии магистраль Кабул — Саланг — Хайротан должна находиться под охраной правительственных войск. Кроме того, формированиями Масуда должны быть прекращены боевые действия на Южном Саланге и в

других прилегающих к автомобильной дороге районах. Расположения сторожевых застав, отрядов и групп не должны подвергаться обстрелам. В свою очередь мы обещали не оказывать огневого воздействия даже на тех мятежников Масуда, которые находились недалеко от дороги.

После нескольких наших ударов, которым душманы подверглись по просьбе Наджибуллы, Масуд вообще отказался поддерживать какие бы то ни было контакты с советскими представителями. Вскоре мы получили от него письмо следующего содержания:

> «Господин советник!
>
> Я уже хотел направиться к месту встречи с советскими представителями, когда получил Ваше последнее письмо. Я должен сказать, чтобы внести ясность: мы терпим войну и ваше присутствие вот уже десять лет. Даст Бог, потерпим еще несколько дней. А если вы начнете боевые действия, то мы дадим достойный отпор. Все. С этого дня мы поставим нашим отрядам и группам задачу быть в полной боевой готовности.
>
> *С уважением, Ахмад Шах Масуд 26 декабря 1988 года».*

Командование 40-й армии имело все основания предполагать, что Масуд будет препятствовать правительственным войскам выставлять свои заставы вдоль дороги. Мы сделали ему предостережение о том, что, если отряды оппозиции откроют огонь, советские войска будут вынуждены применить силу. Ответственность за возможные жертвы мы возложили на Масуда.

С обращением к жителям северных провинций выступил Наджибулла. Он подробно изложил позицию правительства Афганистана и командования советских войск, а также в свою очередь потребовал от Масуда не препятствовать движению колонн 40-й армии и замене советских сторожевых застав афганскими подразделениями.

Несмотря на предупреждения, 23 января 1989 года правительственные войска во время движения по автомобильной дороге в районе Южного Саланга подверглись интенсивному обстрелу. Это послужило причиной очень мощного ответного удара по формированиям Ахмад Шаха Масуда со стороны 40-й армии.

Последние боевые действия советских войск на территории

Афганистана проводились под условным названием «Тайфун». Целью операции являлось нанесение максимального ущерба оппозиции в центральных и северных провинциях страны, а также лишение противника возможности вести активную вооруженную борьбу на последнем этапе вывода советских войск.

В ходе операции было задействовано значительное количество сил и средств Ограниченного контингента. Военно-воздушные силы 40-й армии выполнили в общей сложности более 1000 самолето-вылетов для нанесения ударов по базовым районам моджахедов. Например, 24–25 января было совершено более 600 самолето-вылетов и нанесено 46 бомбово-штурмовых ударов авиации. Артиллерией было выполнено более 400 огневых задач.

В конце 1988 года в состав 40-й армии был включен отдельный ракетный дивизион. Это было сделано для того, чтобы сократить использование авиации и поменьше рисковать жизнью наших летчиков. В период с ноября по январь мы применили 92 ракеты с обычными боеголовками и нанесли 88 ударов по групповым целям. Практически все они были направлены на уничтожение базовых районов оппозиции, по складам, где хранились реактивные снаряды, пусковые установки, системы залпового огня, боеприпасы к стрелковому оружию и топливо. Применив отдельный ракетный дивизион, мы лишили оппозицию возможности использовать накопленные резервы.

В результате проведенных боевых действий мы добились поставленной перед собой цели. Ограниченный контингент достаточно убедительно доказал лидерам вооруженных отрядов оппозиции, что им не следует вмешиваться в планы вывода советских войск из Афганистана, а тем более силой пытаться нас заставить изменить свои намерения.

Мы уходим

25 января 1989 года в Афганистане еще находилось тридцать тысяч солдат и офицеров Ограниченного контингента советских войск. На завершающем этапе вывода 40-я армия представляла собой достаточно мощное объединение. В состав армии входили четыре дивизии, в том числе одна воздушно-десантная, отдельный парашютно-десантный полк, двадцать четыре артиллерийских дивизиона, четыре авиационных полка и четыре вертолетные эскадрильи, а также несколько батальонов специального назначения.

Обеспечивая вывод войск, подразделения 40-й армии продолжали выполнять задачи по охране коммуникаций, режимных зон и других объектов. В частности, для охраны дорог на восточном направлении было задействовано 26 батальонов. Более четырех с половиной тысяч военнослужащих несли службу на 199 сторожевых заставах и постах. Три батальона выполняли аналогичные задачи на западном направлении вывода войск.

На территории всей страны 25 батальонов общей численностью более семи тысяч солдат и офицеров несли службу по охране военных аэродромов.

По-прежнему командование 40-й армии уделяло большое внимание охране Кабула. Сто две сторожевые заставы опоясывали город в радиусе двадцати пяти километров. Помимо этого, подразделениями специального назначения и 103-й воздушно-десантной дивизии велись поисково-разведывательные действия на вероятных маршрутах движения моджахедов.

Двадцать семь сторожевых застав и постов использовались для охраны и обороны столичного аэродрома. Для обеспечения безопасности кабульской режимной зоны общей площадью более 1600 квадратных километров командованием 40-й армии ежедневно использовалось от четырех до шести артиллерийских дивизионов, которые насчитывали более ста орудий и минометов. Огневая поддержка осуществлялась, как правило, двумя вертолетными эскадрильями. В общей сложности в окрестностях Кабула действовало более четырех с половиной тысяч человек.

Войска 40-й армии даже накануне вывода продолжали активно использоваться для переброски продовольствия в труднодоступные районы Афганистана. Для пополнения правительственных резервов было задействовано 5 отдельных автомобильных батальонов. Только за последние три месяца на 850 военных автомобилях было перевезено 27 тысяч тонн различных гуманитарных грузов.

Согласно принятому мной решению, последнее подразделение 40-й армии покинуло Кабул 4 февраля. В течение трех дней, начиная с 30 января, основная часть авиации была передислоцирована с Баграмского аэродрома на территорию Советского Союза. Вслед за этим город покинули подразделения охраны аэродрома. 8 февраля завершилось последовательное снятие личного состава 40-й армии со сторожевых застав на дороге Кабул — перевал Саланг. Через два дня наши подразделения были полностью выведены с перевального участка, а сама трасса была передана под охрану правительственным войскам.

На западном направлении советские подразделения 4 февраля оставили Шинданд и 12 февраля покинули Герат.

С 11 до 14 февраля мы вывели на территорию Туркестанского военного округа все части и подразделения 40-й армии, находившиеся на участке от перевала Саланг до Хайротана.

15 февраля 1989 года вывод частей и подразделений 40-й армии с территории Афганистана был завершен. Тем самым Советский Союз полностью выполнил Женевские соглашения.

Победа или поражение?

За последние пятьдесят лет мир стал свидетелем и одновременно участником более 90 локальных войн и конфликтов. Одни из них велись достаточно долго и стали причиной значительных жертв. Другие заканчивались, практически не успев начаться.

Афганская война, очевидно, займет особое место в истории, потому что на протяжении почти целого десятилетия урегулирование положения в небольшой азиатской стране являлось одной из главных проблем мирового сообщества. Афганистан оказался яблоком раздора и вместе с тем жертвой соперничества двух сверхдержав, а также козырной картой нескольких мусульманских режимов.

До тех пор пока ситуация в Афганистане и во всем регионе окончательно не стабилизируется, вряд ли можно объективно оценить значение тех или иных решений, действий и вовлеченных в конфликт политических сил. Тем не менее некоторые выводы можно сформулировать уже сегодня.

Окончание всякой войны подразумевает определение победителя и побежденного в соответствии с теми целями, которых необходимо было добиться каждой из противоборствующих сторон. Для Ограниченного контингента советских войск афганская война завершилась 15 февраля 1989 года. Однако задолго до этого дня начались разговоры о том, что Советская Армия потерпела в Афганистане не просто поражение, а сокрушительный разгром. Находит эта тема свое продолжение и в свежей мемуаристике, не говоря уже о художественной литературе.

Я глубоко убежден: не существует оснований для утверждения о том, что 40-я армия потерпела поражение, равно как и о том, что мы одержали военную победу в Афганистане. Советские войска в конце 1979 года беспрепятственно вошли в страну, выполнили — в отличие от американцев во Вьетнаме — свои задачи и организованно вернулись на Родину. Если в качестве основного противника Ограниченного контингента рассматривать вооруженные отряды оппозиции, то различие между нами заключается в том, что 40-я армия делала то, что считала нужным, а душманы — лишь то, что могли.

Перед 40-й армией стояло несколько основных задач. В первую очередь мы должны были оказать помощь правительству Афганистана в урегулировании внутриполитической ситуации. В основном эта помощь заключалась в борьбе с вооруженными

отрядами оппозиции. Кроме того, присутствие значительного воинского контингента в Афганистане должно было предотвратить агрессию извне. Эти задачи личным составом 40-й армии были выполнены полностью.

Перед Ограниченным контингентом никто и никогда не ставил задачу одержать военную победу в Афганистане. Все боевые действия, которые 40-й армии приходилось вести с 1980 года и практически до последних дней нашего пребывания в стране, носили либо упреждающий, либо ответный характер. Совместно с правительственными войсками мы проводили войсковые операции только для того, чтобы исключить нападения на наши гарнизоны, аэродромы, автомобильные колонны и коммуникации, которые использовались для перевозки грузов.

Вместе с тем более 70 % сил и средств 40-й армии постоянно было задействовано для перевозки по территории Афганистана гуманитарных грузов. Эта напряженная работа не прекращалась вплоть до последнего дня пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Благодаря советским поставкам и деятельности наших специалистов экономика страны окрепла и, образно говоря, встала на ноги.

Одновременно нужно сказать и о том, что советская экономика в полной мере ощутила на себе бремя афганской войны. В свое время премьер-министр Н. И. Рыжков сформировал группу экономистов, которые совместно со специалистами различных министерств и ведомств, напрямую или опосредованно участвовавшие в девятилетней войне, должны были точно определить, во сколько нам обошелся Афганистан.

Экономисты подсчитывали в буквальном смысле все — обучение афганских студентов в советских вузах, стоимость командировок гражданских специалистов в Афганистан, количество гражданской и военной техники, которая была передана правительству и вооруженным силам этой страны. Были учтены даже все рейсы самолетов «Аэрофлота» в Республику Афганистан после победы Апрельской революции. Наиболее впечатляющие цифры были представлены Министерством обороны СССР. Военные специалисты не упустили ничего — начиная от питания военнослужащих Ограниченного контингента советских войск в Афганистане и заканчивая расходом боеприпасов различных видов и их реальной стоимостью.

Рыжков не успел довести начатое дело до конца. Политическая ситуация в Советском Союзе стала развиваться таким образом, что премьер оказался в отставке. Материалы, которые собрала сформированная им комиссия, оказались на столе у Шеварднадзе. Вероятно, даже неполная статистика

оказалась настолько ошеломляющей, что ее не решились обнародовать. Очевидно, в настоящее время никто не в состоянии назвать точную цифру, которая смогла бы охарактеризовать расходы Советского Союза на содержание афганской революции.

Исключение составляет лишь размер гуманитарной помощи, предоставленной нашей страной Афганистану. В период с 1978 по 1990 год расходы Советского Союза на подготовку национальных профессиональных кадров для народного хозяйства Афганистана, на помощь в приобретении и использовании ноу-хау, на льготное кредитование и отсрочки по платежам для правительства Афганистана, а также на безвозмездную помощь составили 8 миллиардов 48,6 миллиона инвалютных рублей.

Находясь в Афганистане, советское военное командование постоянно сталкивалось с тем, что влиятельные полевые командиры оппозиции постоянно занимались грабежами, разбоем, совершали диверсии и убивали мирных жителей. Причем происходило это именно в тех районах, где находились гарнизоны 40-й армии. Таким образом душманы пытались настроить местное население против советских солдат и офицеров. Стремясь оградить мирных жителей от угрозы расправы, а территориальные органы государственной власти от уничтожения, части 40-й армии были вынуждены проводить локальные боевые действия.

К сожалению, правительство Афганистана не предпринимало активных усилий для того, чтобы укрепить свои позиции на всей территории страны. Результаты войсковых операций не использовались, поэтому мы были вынуждены возвращаться в одни и те же районы по нескольку раз.

Практически ежегодно мы возобновляли боевые действия в Панджшере и прилегающих к нему районах. Неоднократно проводили операции в «зеленой зоне» Чарикара и Джабаль-Уссараджа, в провинции Каписа. Войска 40-й армии постоянно действовали в районе Махмуд-Драки, вытесняя оттуда отряды оппозиции, которые представляли реальную угрозу для Кабула. В Кандагаре, Герате, Хосте и других районах страны советские войска неизменно добивались успеха.

Сегодня по-прежнему активно муссируется вопрос о жертвах, которые понесло мирное население Афганистана за девять лет войны. Называется цифра, которая на самом деле способна поразить воображение, — один миллион погибших. Я не думаю, что существуют основательные доказательства для такого утверждения. В истории войн, особенно длительных, нет ни одного случая, когда исследователям удалось подсчитать количество жертв хотя бы с одной, своей стороны. Даже сегодня

мы не можем с полной определенностью сказать, скольким нашим военнопленным и пропавшим без вести удалось остаться в живых на территории Афганистана.

Точная статистика погибших афганцев вызывает сомнение уже потому, что в стране несколько десятилетий не проводилась перепись населения. Впрочем, если бы она и состоялась, то, в силу наличия на территории Афганистана большого количества кочевников, мы располагали бы лишь относительными данными. Соответственно, невозможно провести и сравнительный анализ уровня народонаселения на сегодняшний день с тем, который существовал десять лет назад.

Я предполагаю, что численность населения Афганистана в некоторой степени уменьшилась, по крайней мере по двум объективным причинам. Во-первых, затяжная война резко сократила уровень рождаемости. Во-вторых, значительная часть трех миллионов беженцев либо умерли от болезней, ран и издевательств на территории сопредельных с Афганистаном государств, либо отказались вернуться к себе на родину.

Кроме того, как профессионал я считаю, что для уничтожения миллиона человек необходимо вести специальные крупномасштабные боевые действия, направленные именно на ликвидацию населения. Для нас это было недопустимо.

За годы войны в Афганистане личный состав 40-й армии приобрел колоссальный боевой опыт. Проверка вооруженных сил на боеспособность не являлась основной целью во время принятия решения о вводе войск, как сейчас это утверждают некоторые исследователи. Министерство обороны имело возможность обучать войска действиям на местности с горно-пустынным рельефом и в сложных климатических условиях на полигонах Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Для этого вовсе не нужно было разворачивать 40-ю армию и вводить ее в Афганистан.

Впрочем, нельзя отрицать и того, что некоторые виды современного вооружения впервые прошли обкатку и были опробованы в боевой обстановке именно на территории Афганистана. Вместе с тем многие образцы боевой техники и оружия дорабатывались, их приспосабливали к применению в условиях Афганистана.

Более шестидесяти тысяч офицеров, прошедших горнило боев в Афганистане, и по сей день продолжают службу на различных должностях — от командиров батальонов до министра обороны России. Я глубоко уверен в том, что «афганцы» составляют сегодня костяк вооруженных сил.

К сожалению, долгие годы драматические события в

Афганистане, а также деятельность 40-й армии не находили должного отражения в отечественных средствах массовой информации. Читателям приходилось довольствоваться коротенькими заметками о проведении нашими подразделениями учебно-боевых действий или занятий. Замалчивание афганской темы привело, на мой взгляд, к тому, что у многих сформировалось неправильное отношение к ветеранам закончившейся несколько лет назад войны. А ведь армия сильна не столько имеющимся оружием, сколько любовью своего народа.

Среди нескольких сот тысяч военнослужащих встречались, конечно же, преступники. Так было во всех странах и во все времена. Не стал, к сожалению, исключением и Ограниченный контингент советских войск в Афганистане. Но истинное лицо 40-й армии определяли солдаты и офицеры, которые не на словах знают, что такое мужество, доблесть, воинский долг.

Практически во всех частях и подразделениях 40-й армии царила уникальная атмосфера братства и взаимовыручки. Показателен эпизод, который произошел осенью 1988 года, перед завершением вывода советских войск из Афганистана. Сотни солдат и сержантов, которые должны были уже увольняться в запас, выступили с предложением оставить их еще на несколько месяцев в составе 40-й армии, чтобы не подвергать риску только что прибывших. А ведь они знали, что пуля не выбирает — молодой это солдат или не очень. Погибнуть мог каждый.

Как бы ни менялась оценка деятельности Ограниченного контингента советских войск, мое отношение к тем, кто служил в 40-й армии и воевал в Афганистане, пронизано искренним и глубоким уважением.

История 40-й армии хранит в себе множество примеров мужества и героизма. Более двухсот тысяч солдат и офицеров награждены государственными орденами и медалями. Семидесяти двум военнослужащим присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Двадцать пять солдат и офицеров 40-й армии удостоены этого звания посмертно. Это люди исключительной доблести. Многих из них я знаю лично по совместной службе — ныне покойного Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева, генерала армии В. И. Варенникова, генералов Р. С. Аушева, В. А. Востротина и многих других. Их заслуги перед страной и вооруженными силами невозможно переоценить.

Самым скорбным итогом афганской войны является гибель наших солдат и офицеров. С 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года убито, умерло от ран и болезней 13 833 военнослужащих 40-й армии, в том числе 1979 офицеров и

генералов. В ходе боевых действий на территории Афганистана, кроме того, погибло 572 военнослужащих органов государственной безопасности, 28 сотрудников МВД СССР, а также 190 военных советников, в том числе 145 офицеров. Из-за ранений прекратили свою службу в вооруженных силах 172 офицера. Инвалидами стали 6669 «афганцев», в том числе инвалидами 1-й группы — 1479 человек.

В силу сложных климатических условий, которые способствовали распространению в войсках Ограниченного контингента инфекционных заболеваний, инфекционным гепатитом было поражено 115 308 человек и брюшным тифом — 31 080 солдат и офицеров. Я тоже не избежал этих болезней и на себе прочувствовал, что это такое.

Во время вывода советских войск из Афганистана я приказал эвакуировать на родину все обелиски, которые были установлены на местах гибели солдат и офицеров 40-й армии. Этим, в общем-то, и ограничивалось то, что мы могли, находясь в Афганистане, сделать для наших погибших товарищей. Сегодня наша страна обязана позаботиться о тех, кто по ее приказу до конца выполнил свой воинский и интернациональный долг. Государство в неоплатном долгу перед семьями погибших.

Что дальше?

Девять лет войны, тысячи погибших солдат и офицеров, горе матерей, неисчислимые затраты на содержание афганского населения и развитие экономики этой страны… Неужели все даром? Нет. Как бы это ни было горько, но сегодня мы вынуждены признать: Афганистан для многих, но прежде всего для нас самих оказался ярчайшим примером того, что силовые методы решения политических проблем бесперспективны.

Нынешние и будущие политики, на мой взгляд, постоянно должны помнить о том, что не должно быть разрыва между целью и средствами ее достижения. Только взаимное согласие, только переговоры, только достижение компромисса помогут выйти из тупика. Это единственно верный путь при разрешении любых, на первый взгляд сложных, проблем. В противном случае даже самые благие намерения не станут гарантией от увеличения числа жертв вооруженных конфликтов. Игнорирование афганского опыта урегулирования внутриполитических проблем, например нынешними лидерами бывших советских республик, привело к тому, что лишь в 1992 году в результате межнациональных конфликтов погибло более 150 тысяч наших соотечественников. Это в десять раз больше, чем за все девять лет афганской войны!

Развязывание афганской войны оказалось одним из самых непопулярных решений советского правительства. Военное вмешательство в афганский кризис послужило причиной для резкого осуждения внешней политики Советского Союза со стороны международных партнеров. Вместе с тем все чаще раздавались голоса протеста внутри страны. В конечном итоге советское правительство было вынуждено согласиться на вывод войск из Афганистана, что в свою очередь усилило центробежные тенденции. Стремительный распад сначала социалистического лагеря, а затем, в декабре 1991 года, и Советского Союза — это только следствие глубочайшего кризиса, в котором находилось руководство страны, да и вся система в целом. Таким образом, политический провал афганской кампании явился тем самым камнем в фундаменте, лишившись которого рухнуло все здание, строившееся семьдесят лет.

Афганистан без советских

После окончательного вывода советских войск афганская непримиримая оппозиция лишилась своего основного преимущества — консолидирующего фактора. Стычки между бандформированиями различной партийной принадлежности постоянно происходили на протяжении всех девяти лет, но в 1989 году они приобрели поистине грандиозный масштаб.

Вопреки ожиданиям революционный режим в Кабуле не свалился, словно перезрелый плод, а несколько долгих месяцев отчаянно боролся за свое существование.

Оборона Хоста и защита Джелалабада, продолжавшиеся более года, отчетливо показали, что правительственные войска, долгое время сражавшиеся бок о бок с частями 40-й армии, представляли собой реальную силу. По данным министерства иностранных дел Афганистана, потери моджахедов лишь в 1989 году составили более тридцати шести тысяч убитыми и девятнадцать тысяч человек ранеными. В том числе оппозиция потеряла убитыми около двухсот иностранных советников и пятьдесят полевых командиров. Однако даже достаточно подготовленная афганская армия и колоссальный размер помощи, которая была предоставлена Советским Союзом, не спасли правительство Наджибуллы от краха.

Мост

14 февраля я проснулся как обычно, в половине шестого. Ночной холод гор еще давал о себе знать, но чувствовалось, что днем уже можно будет ходить без теплой меховой куртки. Настроение было прекрасным. Почти всю армию мы уже переправили на нашу сторону. В Афганистане остались лишь два разведывательных батальона, которые на двух участках, возле Термеза и Кушки, должны будут завтра пересечь государственную границу.

Последний командный пункт 40-й армии с середины января находился в Ташкургане, на территории одного из мотострелковых полков. Город этот расположен примерно в часе езды от границы, на пересечении трассы Кабул — Мазари-Шариф. Для нас это было удобно прежде всего потому, что по соседству находился аэродром, который использовался ВВС армии.

Лет десять назад, до прихода советских войск, окрестности Ташкургана представляли собой голую и никем не обжитую землю. Сейчас же афганцы по-хозяйски ходили по теперь уже бывшей территории полка и, громко переговариваясь между собой, приценивались к доставшимся им опустевшим казармам.

Из всей оперативной группы штаба армии к тому времени в Афганистане осталось не больше 25 офицеров. В основном это были «первые лица» — начальники служб и родов войск. В 10 утра наша небольшая колонна двинулась в сторону Хайротана — поближе к границе и ожидавшему нас разведывательному батальону. Этот город долгое время был одной из основных наших перевалочных баз — от советского Термеза Хайротан отделял лишь небольшой мост. Войска достаточно хорошо освоили этот район, поэтому нам было где разместиться. Я часто бывал здесь раньше, в том числе и в военном городке дорожно-комендантского батальона, где мы остановились. Еще два месяца назад здесь было шумно, теперь осталось всего три сотни солдат.

Составляя точный график вывода армии, мы заранее спланировали, что, переехав с остатками штаба на новое место, почти вплотную к границе, предпоследний день посвятим анализу докладов от всех командиров, в том числе и тех, чьи части уже давно находятся на территории Советского Союза. Мы должны были еще раз проверить и окончательно убедиться, что больше в Афганистане из состава 40-й армии никого нет.

В первой половине дня позвонил генерал-полковник Иван Владимирович Фуженко. На должности командующих войсками округов — он Туркестанского, а я Киевского — мы были

назначены одновременно в середине января. Однако я с 40-й армией еще находился в Афганистане, а он уже вступил в должность. Я сказал ему, что практически вся работа по выводу войск завершена. Завтра утром последний разведывательный батальон выйдет из Афганистана. Лично я на мосту буду ровно в 10 утра по местному времени.

В тот же день у меня состоялся короткий разговор с министром обороны маршалом Д. Т. Язовым. С первых же слов я понял, что он очень взволнован. Оказалось, что в МИДе возникла небольшая паника — кто-то из сотрудников совершенно неожиданно обратил внимание на то, что Женевскими соглашениями определен срок вывода советских войск из Афганистана до 15 февраля. Другими словами, если договор выполнять буквально, уже 14-го вся 40-я армия должна находиться на территории Советского Союза. В Москве не на шутку забеспокоились. Наверное, не в одном кабинете судорожно искали решение — как вывернуться из такого достаточно щекотливого положения.

Мы же, анализируя текст соглашений в штабе армии, «споткнулись» на дате вывода еще недели полторы назад. Сразу же провели несколько консультаций, в том числе и с находившимися в Кабуле наблюдателями ООН. Руководитель контрольной группы связался со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Видимо, не желая осложнять обстановку, там решили не придавать большого значения подобной мелочи — цифра «15» позволяла нам выйти из Афганистана 15 февраля включительно.

Я подробно рассказал Язову о позиции наблюдателей ООН и добавил, что волноваться уже не из-за чего. Однако чувствовалось, что министр не совсем удовлетворен и после нашего разговора он обязательно еще раз проверит все по своим каналам.

Затем я доложил ему, что на восточном и на западном направлениях вывода войск осталось по одному батальону и по тридцать боевых машин пехоты. Язов поинтересовался, как будет осуществляться охрана оставшихся на афганской территории наших частей. По его информации, душманы решили напоследок устроить варфоломеевскую ночь и совершить несколько диверсий на складах и базах, которые недавно были переданы под охрану правительственным войскам.

Мы тоже не исключали такого варианта развития событий. Хотя разведку не прекращали вплоть до последнего момента, тем не менее подобных данных у нас не было. Все-таки решили подстраховаться. Разведывательный батальон был нами оставлен прежде всего потому, что Хайротан входил в зону

ответственности этого подразделения. Разведчики отлично знали местность и должны были не допустить в последнюю ночь как раз того, о чем говорил Язов.

В конце разговора он неожиданно спросил: «Почему вы выходите последним, а не первым, как положено командиру?» Я ответил, что решение такое принял сам как командующий армией и считаю, что пять с половиной лет моего личного пребывания в Афганистане позволяют мне несколько нарушить армейскую традицию. Язов и не одобрил, и не возразил — промолчал. Впрочем, даже если бы он и запретил, я все равно бы ушел последним.

Через несколько минут после того, как Язов положил трубку, позвонил генерал армии Николай Иванович Попов. Он долгое время командовал Туркестанским военным округом. Примерно за полгода до начала вывода армии его назначили главкомом войск Южного направления. Из Баку он прилетел потому, что отвечал за встречу 40-й армии на последнем этапе.

Почти все дела по выводу были уже завершены. Солдаты и офицеры разведывательного батальона, кроме тех, кто стоял на постах, готовились к завтрашнему маршу — проверяли технику, подшивали подворотнички. Многие ходили по пояс раздетые — выстиранная форма висела на спинках кроватей и ждала своего часа. Мне почему-то показалось, что многие разведчики, точно зная, что утром война для них закончится навсегда, наслаждались своим положением последних оставшихся в Афганистане. Будь их воля, они, наверное, согласились бы пожить вот так здесь еще пару дней.

Остаток дня проходил как-то неопределенно и долго. Даже обедать не хотелось — первое есть не стал, на второе была перловая каша и, как всегда, чай.

Хайротан в течение всего времени нашего пребывания в Афганистане был одной из крупнейших перевалочных баз. Все девять лет войны сюда без перерыва шли вагоны с военной и гражданской техникой, продовольствием и медикаментами. Мне ни разу раньше не приходилось бывать на таких базах. Напоследок захотелось посмотреть — что же и как там хранится. Мы договорились с ее начальником — местным афганцем — о небольшой экскурсии.

Склады в Хайротане занимали огромную площадь — недели не хватит на то, чтобы все осмотреть. Сама база была поделена на два сектора — гражданский и военный. Чего там только не было! Помню, нас подвели к крытому вагону. Сопровождавший нас афганец на отличном русском языке сказал, что пломбу на этом вагоне он вскрыл лишь несколько дней назад. Оказалось, что с

1979 года в нем хранились кондитерские изделия. Все это время леденцы, до которых ни у кого не дошли руки, таяли по соседству с Термезом — в нескольких километрах от полюса тепла. Рядом хранились непонятно для чего отправленные в Афганистан тракторы, садовые коляски, шифер, цемент, сахар, мука. Не десятки, а сотни тысяч тонн того, в чем наша страна сама испытывала недостаток.

Афганец был распорядительным мужичком. Он искренне сожалел, что мы уходим. Через день-другой основная дорога на Кабул окажется закрытой. Дескать, и при нас им было тяжело отсюда что-то вывезти — вон сколько осталось. Теперь же все будет растащено: охрана базы передается правительственным войскам Афганистана. А как они «охраняют» — он прекрасно знал. И мы тоже.

После возвращения в расположение батальона я приказал построить всех свободных от службы солдат и офицеров. Мне хотелось посмотреть, как они готовы к завтрашнему дню. Батальон должен был начать движение по моей команде в половине десятого утра. От нашего последнего места расположения до границы не больше километра. Они должны были пройти этот участок, пересечь мост, выйти на большой плац в Термезе, построиться там и ждать меня.

Я на бронетранспортере, а это была командно-штабная машина, оборудованная специальными средствами связи, должен был переходить границу самым последним. Позже, когда закончилось построение, я попросил тщательнейшим образом проверить этот бронетранспортер, чтобы, не дай Бог, он неожиданно не заглох на мосту.

Подоспел ужин. Под треск небольшого транзистора посидели перед тарелками с жареным хеком, подумали-погоревали. На душе стало как-то пусто. Во всяком случае, у меня. Схлынула приподнятость последних дней. Впереди была полная неизвестность, а позади — пустота, какой-то провал.

На территории полка стояло несколько сборно-щитовых домиков, обычных казарм. В одном из них, отведенном для командующего, я и провел свою последнюю ночь в Афганистане. Не спалось. Я не хотел думать о том, что пришлось здесь увидеть и пережить. Но независимо от желания одно за другим в памяти всплывали лица. Много лиц. И выживших, и тех, кто погиб в этой стране.

В последние недели я все чаще размышлял о своем будущем. И чем ближе было окончание войны, тем более отчетливо возникала необходимость как-то налаживать свою теперь уже мирную жизнь. Бесконечно долго жить без сыновей я не мог —

парни должны иметь рядом отца. Но я прекрасно знал, что командующий войсками округа постоянно находится на службе. Младший же, Андрей, должен был пойти тогда во второй класс.

Моя мирная жизнь могла стать полной лишь в том случае, если бы рядом находился близкий и любимый человек. Я счастлив, что в лице Фаины обрел такого человека. Она очень красивая и умная женщина, с доброй душой и чувством любви и заботы о детях, родных и друзьях. Могу сказать и о том, что однажды, уже после войны, Фаина спасла мне жизнь.

Примерно в четыре утра я все-таки задремал, хотя сном это назвать было нельзя. Я всегда вожу с собой будильник, но на этот раз проснулся раньше, чем он зазвенел. Не проснуться в этот день было нельзя. В батальоне, видимо, спали так же, как и я. Около пяти утра уже начали прогревать двигатели, ходить, шуметь, смеяться. Кто-то затянул песню.

Последние посты охранения сняли еще до завтрака. Кто-то тогда пошутил: «Что ж, теперь придется обходиться без защиты с южной стороны».

В начале девятого я позвал адъютанта, чтобы он со всех сторон осмотрел меня в форме. Он долго смотрел оценивающим взглядом и в конце концов кивнул головой — нормально.

В это время батальон уже был готов к движению. БМП стояли ровно друг за другом, находившимся рядом солдатам оставалось только запрыгнуть на них. Я приказал построить батальон. Зная о том, что нам уже не придется встретиться, я поблагодарил их за все и сказал, что в этот особенный день разведбат 201-й дивизии войдет в историю как последнее подразделение советских войск, покинувшее территорию Афганистана. Тогда я еще не предполагал, что через четыре года этой дивизии снова придется выдерживать колоссальную нагрузку, но на этот раз уже на территории Таджикистана.

Мы еще раз уточнили порядок и скорость движения, особенно по мосту. На советском берегу, в Термезе, нас встречало очень много людей, среди которых были и родственники погибших солдат и офицеров. Некоторые из них, получив извещения и даже похоронив своих близких, все равно надеялись: вдруг он живой, вдруг сейчас выйдет? Чтобы никто случайно не пострадал, я приказал двигаться по мосту с минимальной скоростью.

Батальон занял свои места на технике, а я прошел пешком вдоль всего строя. Мой бронетранспортер стоял в начале колонны. Я смотрел на него с еле сдерживаемой радостью. Огромный груз с плеч был уже свален. Мне никому не нужно было звонить. Даже если бы захотел — все равно нет связи. Ни ЗАСа, ни ВЧ — ничего. В моем распоряжении здесь, в

Афганистане, вместо множества телефонных аппаратов осталась лишь одна трубка радиосвязи на БТР. И батальон всего один…

Поднявшись на БТР и наблюдая за последними приготовлениями к маршу, я подумал, что такой армии, как 40-я, уже никогда не будет. Такой уникальной. Не только с точки зрения специфики выполняемых задач. Таких людей уже не собрать. И я оказался прав.

По мере вывода части 40-й армии разъезжались по всей территории Советского Союза. Они уезжали туда, откуда пришли в Афганистан. С одной стороны, это был закономерный итог. С другой — мы постоянно, особенно в последнее время, когда о нас говорили чрезвычайно много, обращались с просьбой сохранить название армии. Почему не принято решение о награждении армии? В душе еще надеялся, что, может быть, именно в этот день, 15 февраля, будет объявлено о том, что, скажем, в связи с завершением вывода армия награждается орденом. Ближе к завершению войны мы несколько раз в телефонных разговорах подсказывали руководству, что не наградить 40-ю армию, например, орденом Красного Знамени было бы несправедливо. Чувствуя, что дело не движется, подготовили несколько писем на имя министра обороны и Президента СССР. Как оказалось, напрасно.

40-я армия была необычной. В нее входили четыре дивизии — три мотострелковые и одна воздушно-десантная — и несколько отдельных частей. За всю историю наших Вооруженных Сил не было такой армии, которая располагала бы собственными военно-воздушными силами. Особую мощь придавало большое количество батальонов специального назначения — их было восемь. И это наряду с десантниками и разведчиками — самыми подготовленными подразделениями.

Кроме того, армия была внушительной и по количеству личного состава — максимальное число доходило до 120 тысяч солдат и офицеров. В начале 1988 года мы уже начали выводить некоторые подразделения, и на момент подписания Женевских соглашений в Афганистане находилось около 100 тысяч человек.

В последние минуты перед началом движения я пытался представить себе картину встречи последних батальонов. Как она будет организована? То, что произойдет в Термезе через час-другой, я примерно знал. Руководители района все время были на высоте — они несли на себе основную тяжесть организации встречи выводимых частей на протяжении нескольких месяцев. Почти год через границу ежедневно проходили колонны. Солдатам нужно было не только улыбаться, а размещать и кормить их.

Хорошо, в Термезе все закончится. А дальше? Я не мог даже предположить, что после девятилетнего пребывания 40-й армии в Афганистане нас так никто из руководства страны и Министерства обороны и не встретит. Если ни у кого из руководителей не нашлось времени (а скорее всего, желания), чтобы приехать в Термез, ничто не мешало через полторы-две недели пригласить в Москву тех, кто хотя бы командовал частями 40-й армии в течение девяти лет, на какой-нибудь скромный прием. Причем устроить его должно было не Министерство обороны, поскольку решение о вводе войск принимали не военные.

С одной стороны, я до сих пор помню, как нас обнимали и бросали под гусеницы машин цветы, поздравляли и целовали. С другой — ни один начальник в Москве даже не задумался о том, чтобы как следует организовать встречу 40-й армии. Ведь не мы же должны были себя поздравлять. Попытка не заметить выхода 40-й армии из Афганистана стала очередной бестактностью тех, кто работал в Кремле. Мне кажется, что ошибки своих предшественников сподвижники М. С. Горбачева походя, как бы между прочим пытались свалить и на нас. Дескать, не стоит встречать тех, кто выжил в Афганистане, — это не та война, о которой нужно помнить. А ведь Москва напрямую держала связь с 40-й армией и руководила ее деятельностью. Наверное, из огромного аппарата правительства страны или Министерства обороны можно было хоть кого-то отправить встречать нас в Термез, Все-таки не каждый день мы завершаем вывод войск из Афганистана.

Мне доложили о том, что к маршу готовы все. Я мельком взглянул на часы и дал команду: «Заводи!» Ребята постарались: с места разведчики тронулись все как один, что бывает крайне редко. Вся колонна прошла мимо меня. Уже тогда у многих на глазах были слезы. Не от ветра, естественно.

Я уже говорил о том, что вывод войск проходил по двум направлениям и большинство моих заместителей были вместе с подразделениями. Кто-то уехал раньше, кто-то — в последний день. На основном направлении находился член военного совета армии — начальник политуправления генерал Александр Захаров. Он ехал на первой машине последней колонны.

Я немного подождал, и ровно в 9:45 колеса моего бэтээра начали отсчитывать последние сотни метров по афганской земле. Подъехал к мосту. На небольшом повороте в окопчике сидели наши пограничники. На ходу я им махнул рукой и крикнул: «Счастливо! Будьте побдительнее, потому что нас в Афганистане больше нет».

На мосту не было ни души — он был совершенно пуст. Только впереди видно множество людей. Когда мы проехали середину моста и пересекли линию, обозначавшую государственную границу, увидел стоявших, по-моему, самыми первыми Михаила Лещинского и Бориса Романенко, оператора Центрального телевидения. Не доезжая до них метров семьдесят, я остановил бронетранспортер, спрыгнул с него и пошел пешком.

Примерно за неделю до этого на моем ЮТ в Ташкургане побывала группа, которую возглавлял в то время первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Мироненко. Прилетели главный редактор «Комсомольской правды» Александр Фронин с журналистами, Саша Розенбаум, Иосиф Кобзон. Это был последний «культурный набег» из Союза.

Кстати, последний приезд Иосифа Кобзона в Афганистан был девятым по счету. Впервые в частях Ограниченного контингента он побывал в апреле 1980 года. Я бесконечно люблю этого человека. Не перестаю удивляться его искренней заботе о друзьях и просто знакомых людях. Иосиф — удивительный, совершенно уникальный во многих отношениях человек. В тяжелые минуты я всегда чувствую его поддержку. Вместе с ним в 40-ю армию прилетали многие эстрадные исполнители. У нас побывали Валерий Леонтьев, Владимир Винокур, Лев Лещенко, Эдита Пьеха. Я благодарен этим людям за настоящее искусство, которое они дарили солдатам и офицерам Ограниченного контингента.

Я где-то неосторожно обмолвился, что после перехода границы повернусь в сторону Афганистана, посмотрю на этот мост и скажу все. Но только не вслух, а молча, про себя, чтобы никто об этом не знал. И вот теперь Фронин допытывался: «Ну хоть примерно… Я не сейчас, потом об этом напишу… Но что вы скажете?» Я же не мог ему ответить, что я по-русски емко помяну тех, кто отправил в Афганистан армию. Это во-первых. А во-вторых, я просто хотел вспомнить тех, кто не дожил и не дошел до этого дня, извиниться перед их матерями.

До того как мы поравнялись с Михаилом Лещинским, я приостановился и, сдержав свое слово, негромко, но ясно сказал несколько фраз. На бумагу они не ложатся.

Потом с Лещинским. Первый вопрос: «Что вы испытываете?» Конечно, радость и облегчение от того, что все завершено. И еще я ему сказал, что всем нашим солдатам и офицерам, которые прошли этот ад, нужно ставить памятники. И что за моей спиной не осталось ни одного военнослужащего 40-й армии.

Я далеко не сентиментальный человек, но говорить было трудно. Перехватило горло, еще немного — и навернулись бы слезы.

Когда мы с ним закончили разговор, я повернулся и пошел в сторону встречавших, увидел выбежавшего Максима. Он повис на мне, и я действительно не выдержал. Боря Романенко позже заметил, что я очень долго держал сына за плечи. Я просто ждал, чтобы нахлынувшая волна чувств прошла.

После этого я снова поднялся на бронетранспортер и метров восемьсот проехал до того места, где уже построился только что выведенный батальон. Людей было очень много. Я доложил генералу армии Попову, что вывод войск из Афганистана полностью завершен. Все присутствующие были рады и особенно хорошо восприняли именно эту фразу. Мы поднялись на трибуну. Примерно полчаса продолжался митинг. Обычно в такие моменты не запоминаешь, кто о чем говорил, но все говорили о хорошем.

После митинга я спустился вместе с офицерами с трибуны и еще раз оказался в окружении корреспондентов. В основном зарубежных. Наших почти не было — они или не прорвались туда, или им уже все было ясно.

Вместе с Поповым мы сели в ожидавшую «Волгу», и нас повезли в какое-то кафе. Там уже были накрыты столы. Меня до сих пор не покидает ощущение, что все происходило как-то скомканно. Местные власти отнеслись к нам очень хорошо, все было сделано на высочайшем уровне. Но, честно говоря, хотелось, чтобы праздник в полной мере ощутили и солдаты разведывательного батальона. Я надеялся, что их встретят так же, как и первые колонны в мае 1988-го. Тогда прямо на плацу, где только что закончился митинг, были расставлены огромные столы, которые, как мне рассказывали, ломились от угощений. Не было только спиртного — в то время все выполняли указ.

Насколько я понял, нас привезли в столовую обкома партии — там был телефон ВЧ. По этому аппарату я позвонил Язову и доложил, что задача выполнена, все вышли и потерь нет. Он без особой радости и теплоты поздравил, поблагодарил и повесил трубку.

После этого на душе стало пусто.

Небольшой прием прошел очень сдержанно. Не хотелось вообще ничего. Первый тост был за 40-ю армию. Второй — за командующего. И третий тост — святой афганский — за тех, кто там погиб. Как-то очень скоро начали расходиться. Я со всеми попрощался. Не хотел, чтобы со мной кто-то ехал.

Следующий день начался с того, что я проспал. Хотя за все время службы в Афганистане просыпался в одно и то же время — ровно в половине шестого. На меня сразу навалилось немое спокойствие мирной жизни. Схватил было трубку городского телефона — кому звонить? По каким номерам? Короче говоря, мы

с сыном быстренько умылись, собрали вещи — чемодан, спортивную сумку и две коробки, в одной лежала видеокамера, которую я купил незадолго до вывода, в другой подаренная афганцами дыня, а зимой в Киеве это просто роскошь, — и поехали из домика, где мы с ним ночевали, в гостиницу.

Я по-прежнему оставался командующим армией. Теперь, правда, уже выведенной из Афганистана. У нас было заведено: каждый день, независимо от происходящих событий, мы оценивали боевую обстановку и уточняли задачи подразделениям. Так и пошло. После завтрака вместе с офицерами управления армии мы уточнили график отправки частей. Кто-то должен был ехать железной дорогой, кто-то уже находился в пути, одни грузились, другие только готовились…

Пришлось активно отбиваться от репортеров. В день выхода из Афганистана я им, конечно же, ни в чем не мог отказать. Теперь же нужно было более детально заниматься армией. После короткого совещания я вышел из военной гостиницы и увидел журналистов возле КПП. Они меня тоже заметили. Мне не хотелось отвлекаться от дел и повторять то, что уже было сказано на пресс-конференции в Кабуле и вчера на мосту. Я попросил одного из офицеров передать журналистам, что до прилета в Киев мне не хотелось бы устраивать какие-то встречи.

18 февраля я, уже как командующий войсками Киевского военного округа, после небольшой остановки в Ташкенте, улетел к новому месту службы. Тогда я еще не мог предположить, что жизнь в своей родной стране, которая нам снилась короткими и тревожными ночами, будет ничуть не легче, чем в Афганистане, на войне…

Москва, 1993 год.